

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XIV (VI)

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 160-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XIV (VI)

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Севастополь
2014

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XIV(VI). Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией С.Ю. Сапрыкина. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2014. – 228 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных 2-4 октября 2013 г. на заседаниях XI Международной научной конференции «Лазаревские чтения».

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории, политологии и краеведения.

Редакционная коллегия:

Иванов В.А.	доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Сапрыкин С.Ю.	доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ (главный редактор).
Буйских А.В.	доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
Петрова Э.Б.	доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ имени В.И. Вернадского.
Усов С.А.	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ имени В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Юрченко С.В.	доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений ТНУ имени В.И. Вернадского, профессор кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Цимбаев Н.И.	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
Бойцова Е.Е.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
Мартынкин А.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ставицкий А.В.	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины.
Хапаев В.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Книга в журнале</i>	
Крестьянников В.В. Суда, мобилизованные на Черноморский флот в годы I Мировой войны	6
<i>Новая история</i>	
Вдовиченко Є.В. Херсонське адміралтейство як провідний осередок будівництва кораблів російського Чорноморського флоту на початку XIX століття	72
Горелов В.Н. О дипломатических сношениях Московского государства и Крымского ханства в последней четверти XVII века	77
Крестьянников В.В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – начале XX веков	90
Малиновская О.И. Поляки Севастополя. История и судьбы	97
Пастушенко Г.Г., Новиков А.А. Полевые поисковые исследования, проведенные научно-исследовательской экспедицией Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя в 2013 году	111
Петрова Э.Б. Рисунок из альбома П.И. Голландского («Дом, где жила мадам де ла Мотт» и воспоминания баронессы М.А. Боде)	115
Ставицкий А.В. «Исследования» Т.Г. Таировой-Яковлевой: как Мазепа будет завоевывать Россию	125
Ставицкий А.В. Деловая переписка Петра I по событиям в Батурине как исторический источник	136
Ставицкий А.В. «Батуринская резня»: поиски утраченного смысла	145
Терецук Н.М. Крымские архивные источники по изучению истории греческих церквей Балаклавы и Севастополя. Конец XVIII – XIX вв. (по документам государственных архивов Автономной Республики Крым и города Севастополя)	151
<i>Новейшая история</i>	
Абдулхаиров Э.Г. Из истории и этнографии деревни Моллалар Перекопского уезда	159
Баранов А.В. Особенности новой экономической политики 1920-х гг. на Черноморском побережье России	164
Кузьмина А.В. История производственного музея (по материалам Музея рыбной промышленности Юга Украины)	170
Ткаченко Н.С. Природно-климатические условия полетов авиации по снабжению партизан Крыма (1942-1944 годы)	174
<i>Научное творчество студентов</i>	
Лукасян Л.Р., Ковалев А.П. Александр II в истории Севастополя	184
Дьяченко А.С. История возрождения Свято-Митрофановского храма в Севастополе	187
Иванов Н.Д. Судьба участника обороны Севастополя 1941-1942 гг.: реальная жизнь и архивные документы	189
Катамадзе Н.Ш. Оценка законов земельного реформирования в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века в современной историографии	191
Малиновская Е.С. Иностранцы на русской службе в XIX веке на примере семьи инженеров Уптонов	194
Миленко А.А. Опышковское движение на Украине в первой половине XVIII века	202
Оленченко С.А. Военно-полевая медицина английских вооруженных сил периода Первой обороны Севастополя	208
Шамсутдинова В.Ш. Херсонесский музей в годы фашистской оккупации	212
Юрченко В.С. Детские дома Севастополя в 20-е годы XX века	219
Сведения об авторах	227

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск сборника статей по материалам конференции «Лазаревские чтения» совпал по времени с пятью важными историческими событиями в жизни нашего народа:

- 360-летием проведения Переяславской рады и принятия Мартовских статей, в соответствии с которыми Войско Запорожское во главе с гетманом Б. Хмельницким и всеми подчинёнными ему землями вошло в состав Московского государства;
- 160-летием начала Первой героической обороны Севастополя;
- 100-летием начала Первой мировой войны;
- 70-летием освобождения Кавказа и Севастополя от немецко-фашистских захватчиков;
- 60-летием передачи Крыма и Севастополя в состав Украинской ССР.

Эти знаменательные и порой роковые события в контексте происходящего сегодня, когда после 60-летнего пребывания Крыма в составе Украины и 23 лет «третьей обороны» Севастополя от насильственной украинизации, Крым и Севастополь вернулись в состав России, оказали влияние на тематику сборника, придав заявленным и рассмотренным на конференции темам дополнительную актуальность.

* * *

В четырех разделах шестого выпуска серии Б «Новая и новейшая история» сборника представлены статьи, подготовленные участниками конференции «Лазаревские чтения» 2013 года. Разделы отражают основные направления научной дискуссии в двух хронологических периодах: новой и новейшей истории. По традиции статьи, написанные студентами, выделены в особый раздел.

В первом разделе **«Книга в журнале»** предлагается публикация многолетнего руководителя государственного архива Севастополя В.В. Крестьянникова, посвященная истории Черноморского флота в период I мировой войны, и содержащая обширный справочный материал о гражданских судах, мобилизованных на Черноморский флот, а также списки плавсредств Транспортной флотилии, тральщиков и владельцев судов.

В разделе «Новая история» публикуются исследования по истории стран Причерноморья XVIII – начала XX веков.

В статье Е.В. Вдовиченко излагается история Херсонского адмиралтейства в начале XIX в. и раскрывается его роль в создании Российского Черноморского флота.

Публикация В.Н. Горелова посвящена изучению дипломатических отношений между Московским государством и Крымским ханством в последней четверти XVII в. на основе имеющихся в распоряжении историков архивных данных.

В статье В.В. Крестьянникова систематизируется архивный материал об органах политического сыска в Севастополе в конце XIX – начале XX веков и рассматриваются наиболее важные проблемы, с которыми они сталкивались.

О.И. Малиновская исследовала историю проживавших в разное время в Севастополе поляков и, на основе архивных данных, проследила судьбы некоторых из них.

Г.Г. Пастушенко и А.А. Новиков представили результаты полевых поисковых исследований, проведенных научно-исследовательской экспедицией Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя в 2013 году на выявленном при строительных работах французском воинском захоронении периода Крымской войны.

Статья профессора Э.Б. Петровой раскрыла неизвестные страницы истории мадам де ла Мотт (прототипа литературного персонажа Миледи из романа А. Дюма «Три мушкетера») на основе воспоминаний баронессы М.А. Бодэ в контексте сохранившегося рисунка из альбома П.И. Голландского.

А.В. Ставицкий представил три статьи, посвященные:

- мифологически оформленным фальсификациям истории гетмана Мазепы петербургской исследовательницы Т.Г. Таировой-Яковлевой;

- деловой переписке Петра I по событиям в Батурине;
- анализу смысла и назначения мифологической концепции т.н. «батуринской резни», господствующей в украинской историографии.

Н.М. Терещук представила анализ крымских архивных источников по истории греческих церквей Балаклавы и Севастополя конца XVIII – XIX вв.

В разделе «Новейшая история» публикуются четыре статьи, посвящённые различным периодам этой эпохи в истории Причерноморья и Крыма.

Э.Г. Абдулхаиров на основе архивных данных представил исследование истории и этнографии деревни Моллалар Перекопского уезда.

Профессор А.В. Баранов анализирует основные особенности новой экономической политики 20-х гг. XX в. на Черноморском побережье России.

А.В. Кузьмина раскрывает основные вехи истории производственного музея (по материалам Музея рыбной промышленности Юга Украины).

Н.С. Ткаченко представил яркое и необычное междисциплинарное исследование влияния природно-климатических условий на полеты авиации по снабжению партизан Крыма в 1942-1944 годах.

Традиционно разнообразна тематика исследований, представленных в заключительном разделе **«Научное творчество студентов»**.

Л.Р. Гукасян и А.П. Ковалев публикуют небольшое исследование роли Александра II в истории Севастополя.

А.С. Дьяченко изучил историю возрождения Свято-Митрофановского храма в Севастополе.

Н.Д. Иванов представил заметку о биографии незаслуженно забытого при жизни героя Великой Отечественной войны А.Т. Андрущенко.

Н.Ш. Катамадзе проанализировала изучение хода земельной реформы конца 80-х – начала 90-х гг. XX века в современной историографии.

Е.С. Малиновская продолжила изучение роли иностранцев на русской службе в отечественной истории XIX века. На сей раз – на примере семьи инженеров Уптонов.

А.А. Миленко представила исследование роли движения опрышков в освободительном движении на Украине в первой половине XVIII века.

С.А. Оленченко представила итоги проведенного ею исследования военно-полевой медицины английских вооруженных сил периода Первой обороны Севастополя.

В.Ш. Шамсутдинова публикует статью о драматическом переплетении судеб спасителей херсонесской археологической коллекции в период Великой Отечественной войны С.Ф. Стржелецкого и А.К. Тахтая.

В.С. Юрченко представила результаты своего исследования истории детских домов Севастополя в 20-е годы XX века.

* * *

Оргкомитет Международной научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

СУДА, МОБИЛИЗОВАННЫЕ НА ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

КРЕСТЬЯННИКОВ В.В.

Исследователь (г. Севастополь)

Накануне I мировой войны Черноморский флот обладал небольшим количеством транспортов, непосредственно обслуживавших флот в мирное время. Судостроительными программами начала XX века предусматривалось строительство боевых кораблей различных классов, транспортное обслуживание флота и операций на побережье предусматривалось за счет мобилизации транспортов и мелких судов частных судовладельцев. Накануне войны, 28 июля 1914 г., Николай II подписал закон, одобренный Государственным Советом, «О военно-судовой повинности», где расписывался порядок и ответственность сторон при мобилизации судов компаний и частных владельцев [1].

Мобилизационные суда переоборудовались в авианесущие суда, минные и сетевые заградители, тральщики¹, транспорты для перевозки воинских чинов и военных грузов. В начале войны в портах Черного моря были интернированы суда государств Тройственного союза – Германии, Австро-Венгрии и Турции. В связи с тем, что Босфорский пролив был закрыт Турцией, союзные России государства – Великобритания, Франция, Италия, Бельгия и Греция, передали ей в пользование суда, находящиеся в Черном море.

16 февраля 1915 г. англичане начали Дарданелльскую операцию. Понимая значение операции по захвату проливов, Верховный Главнокомандующий российской армии издал директиву о формировании на юге десантного корпуса для захвата Босфора [2]. Однако сразу выяснилась полная неподготовленность флота к операции. Транспортная флотилия, как организация для перевозки войск, не существовала, пароходы не были переоборудованы, многие из них были неисправны. Но выводы были сделаны, и к весне 1916 г. была сформирована Транспортная флотилия под командованием контр-адмирала А.А. Хоменко, развернута ремонтная база в Одессе, в Николаеве было заказано 30 мелкосидящих судов типа «Эльпидшерор» и большое количество десантных ботов. В Одессе сосредотачивались запасы и формировался личный состав флотилии. К этому времени флотилия (свыше 100 судов) могла посадить одновременно на суда несколько дивизий с артиллерией и обозами. Эти возможности были реализованы при переброске 5 Кавказского корпуса в Трапезунд в 1916 г.

¹ Подробно о тральщиках см. статью С.Д.Климовского «Тральщики Черноморского флота, переоборудованные из торговых судов (Судостроение. 1989. № 9. С.64-69).

28 августа 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии и Болгарии. Для обеспечения боевых действий на Дунае была создана Экспедиция особого назначения под командованием контр-адмирала Веселкина, в основном из судов Русско-Дунайского пароходства. Румыния передала крупные суда в Черноморский флот, а небольшие – в Экспедицию особого назначения, переформированную в начале 1917 г. в Дунайскую Транспортную флотилию. Вскоре она стала именоваться Баржевым отрядом Транспортной флотилии.

В зависимости от задач, стоявших перед флотилией, и с гибелью судов, состав отрядов менялся. В середине 1917 г. в состав Транспортной флотилии были переданы суда Севастопольского порта (т.н. Плавающая база).

В основу алфавитного указателя мобилизованных судов Черноморского флота положены: секретный приказ Командующего Черноморским флотом № 40 от 10.01.1917 г. «Состав флота, сухопутных войсковых частей, приморских крепостей, прибрежных батарей, баз флота, тыловых учреждений и их плавающих средств, подчиненных командующему флотом Черного моря» [3], «Полное боевое расписание военного флота на 1.01.1918 г.» [4], Приказания по управлению грузовыми перевозками по Черному и Азовскому морям, Приказания Командующего Транспортной флотилией, приказы командира Николаевского порта за 1917 г. и справочники – Русский торговый флот [5], Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота (1917-1927 гг.) [6], Корабельная летопись. Севастопольский морской завод [7].

Во второй и четвертой колонках даны названия судов и соединений, в которых они были по состоянию на 1.01.1917 г. по приказу № 40. Со значком* указаны суда, названия которых имеются только в справочнике, с цифрой⁴ – в боевом расписании на 1.01.1918 г.

В третьей, пятой, шестой и седьмой колонках даны сведения, взятые из разных источников (если судно к 1.01.1918 г. не переведено в другое соединение, то в седьмой колонке данные о нем не даются).

По отдельным судам по разным источникам встречаются противоречия, и даже взаимоисключающая информация. В список включены погибшие российские суда, принадлежность которых к флоту не выяснена, и суда, купленные для нужд Черноморского флота до 1914 г.

Источники и литература.

1. Приказ по Военному ведомству № 421 от 15.07.1914.
2. Крестьянников В.В. Подготовка десантной операции на Босфор в конце XIX – начале XX вв. // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С. 133.
3. Приказ Командующего Черноморским флотом № 40 (секретный) от 10.01.1917. ГАГС, ф. Р-567, оп. 6, д. 168 (далее Приказ Ком. Ч.ф.).
4. Полное боевое расписание военного флота на 1.01.1918. НМГООС, А-1131.
5. Русский торговый флот. Список судов к 1.01.1915 г. Пг., 1915.
6. Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота (1917-1927) .М., 1981.
7. Корабельная летопись. Севастопольский морской завод. Севастополь, 2003.
8. Приказание по управлению грузовыми перевозками по Черному и Азовскому морям № 241 от 5.10.1917 (далее Приказание по УГПЧАМ).
9. Приказ командира Николаевского порта № 853 от 19.07.1917.
10. Приказание по УГПЧАМ № 55 от 3.03.1917; № 241 от 5.10.1917.
11. Гражданская война в России: Черноморский флот // Сост. В. Доценко.М., 2002.С. 231.
12. Корабельная летопись. С. 227.
13. Приказ Командующего Транспортной флотилией № 604 от 12.05.1917 (далее приказ Ком. Тран. фл.).
14. Приказание по УГПЧАМ № 238 от 3.10.1917.
15. Приказ командира Николаевского порта № 552 от 9.06.1917.
16. Русская военная эмиграция 20^х-40^х годов XX века. Документы и материалы. М., 1998. Т.1. Кн.2. С. 204.
17. Приказом Ком. С.ф. № 222 (секретный) от 15.09.1917 была изменена нумерация тральщиков, которым были присвоены номера от 300 до 500.
18. Корабельная летопись. С. 155.
19. Гражданская война в России. С. 243.
20. Приказание по УГПЧАМ № 216 от 6.08.1917.
21. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 524 от 7(20).06.1919; № 1187 от 28.07(10.08).1919.
22. Приказание по УГПЧАМ № 10 от 11.01.1917.

23. Приказание по УГПЧАМ № 145 от 10.06.1917.
24. Приказание по УГПЧАМ № 217 от 9.08.1917.
25. Корабельная летопись. С. 225.
26. Приказ Ком. Ч.ф. № 193 (секретный) от 12.08.1917.
27. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 321 от 17(30).05.1919; № 600 от 12(25).06.1919.
28. Приказ командира Николаевского порта № 1091 от 8.12.1917.
29. Приказ командира Николаевского порта № 630 от 7.07.1917.
30. Русская военная эмиграция. С. 205.
31. Приказ командира Николаевского порта № 558 от 9.06.1917.
32. Приказ Ком. Ч.ф. № 218 (секретный) от 2.09.1917.
33. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1519 от 14.08.1919.
34. Русская военная эмиграция. С. 307.
35. Корабельная летопись. С. 233.
36. Корабельная летопись. С. 151.
37. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1179 от 29.07.(11.08).1919; № 1519 от 14(27).08.1919.
38. Корабельная летопись. С. 223.
39. Шерешков О.С. Неизвестная война на Черном море. 1914-1917 гг. Львов, 1999. С. 3.
40. Усенко П.Г. 3 історії великої війни 1914-1917 рр. на Чорному морі // Український історичний журнал. 2005. № 6. С. 77.
41. Приказ Ком. Ч. ф. № 57 (секретный) от 10.02.1917.
42. Приказ Командира Николаевского порта № 1037 от 22.11.1917.
43. Приказ Командира Николаевского порта № 847 от 17.09.1917.
44. ГАГС, ф. Р-18, оп.2, д. 14, л. 122 об.
45. Приказ Командира Николаевского порта № 1066 от 30.11.1917.
46. Усенко П.Г. Указ. соч. С. 78.
47. Усенко П.Г. Указ. соч. С. 79.
48. Гражданская война в России. С. 230.
49. ГАГС, ф. Р-18, оп.2, д. 14, л. 117об, 119.
50. Приказ командира Николаевского порта № 721 от 5.08.1917.
51. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 284 от 11.05.1919.
52. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 95 от 22.04(5.05).1919.
53. ГАГС, ф. Р-266, оп.1, д. 25, л. 118об.
54. Невинский А. Из боевого прошлого Черноморского флота // Морской сборник 1999. № 21-22. С. 92-98.
55. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 118об.
56. Приказ Ком. Тран. фл. № 669 от 26.05.1917.
57. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 27, 117об.
58. Гражданская война в России. С. 246.
59. Приказ Ком. Ч. ф. № 4714 от 14.11.1917.
60. Русская военная эмиграция. С. 284.
61. Приказ Ком. Ч. ф. № 152 (секретный) от 25.05.1917.
62. Приказ Ком. Тран. фл. № 676 от 29.05.1917.
63. ГАГС, ф. Р-253, оп.2, д. 2, л. 122.
64. Сансеев С.А. Обстрел Новороссийска германо-турецкими крейсерами в 1914 г. // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 40-43.
65. Приказ командира Николаевского порта № 551 от 9.06.1917.
66. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 275 от 30.04.1919; № 568 от 11.06.1919; № 1108 от 24.07(6.08).1919.
67. Корабельная летопись. С. 137.
68. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1858 от 23.08.1919.
69. Приказание по УГПЧАМ № 241 от 5.10.1917.
70. Приказ командира Николаевского порта № 1037 от 22.11.1917.
71. Приказ командира Николаевского порта № 882 от 29.09.1917.
72. Спасатели Военно-морского флота. М., 1996. С. 55.
73. Приказ командира Николаевского порта № 636 от 8.07.1917.
74. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 291 от 13.05.1919.
75. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1187 от 28.07(10.08).1919.
76. Приказ Ком. Тран. фл. № 973 от 11.08.1917.
77. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 524 от 7(20).06.1919.
78. Корабельная летопись. С. 222.
79. Приказание по УГПЧАМ № 261 от 2.08.1917.
80. ГАГС, ф. Р-18, оп.2, д. 4, л. 27, 118.
81. Приказ командира Николаевского порта № 765 от 17.08.1917; № 628 от 7.07.1917.
82. Корабельная летопись. С. 158.

83. Приказ Командира Николаевского порта № 626 от 7.07.1917; № 1108 от 14.12.1917.
84. ГАГС, ф. Р-18, оп.2, д.4, л. 117об.
85. Усенко П.Г. Указ. соч. С. 75.
86. ГАГС, ф. Р-18, оп.2, д.4, л. 123.
87. Басевич В. Сказание о пароходах России. М., 2002.С. 309.
88. Русская военная эмиграция 20^х-40^х годов XX века. Документы и материалы. М., 2007. Т.4.С. 433.
89. Приказ Ком. Ч.ф. № 225 (секретный) от 18.09.1917.
90. ГАГС, ф. Р-253, оп.2, д. 2, л. 126.
91. Басевич В. Указ. соч. С. 310.
92. Корабельная летопись. С. 152.
93. Приказ Ком. Ч. ф. № 143 (секретный) от 14.05.1917.
94. Приказ Ком. Ч. ф. № 221 (секретный) от 15.09.1917.
95. Русская военная эмиграция... Т. 1. Кн. 2. С. 204, 284, 307.
96. Корабельная летопись. С. 154.
97. Русская военная эмиграция... - Т. 4. С. 432.
98. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 73 от 19.04(2.05).1919.
99. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского № 139 от 27.04(10.05).1919.
100. Приказ Врид начальника Морских сил Черного и Азовского морей № 41/пох от 6.12.1920.
101. Усенко П.Г. Указ соч. С. 80.
102. Приказ Ком. Ч.ф. № 118 (секретный) от 12.04.1917.
103. Приказание Ком. Тран. фл. № 3740 от 2.12.1917.
104. Корабельная летопись. С. 157.
105. Корабельная летопись. С. 234.
106. Приказ Ком. Ч.ф. № 206 (секретный) от 21.08.1917.
107. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 27об, 118об, 123.
108. Корабельная летопись. С. 221.
109. Приказ Ком. Ч. ф. № 145 от 22.06.1917.
110. Русская военная эмиграция... Т. 4. С. 433.
111. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 118.
112. Приказ Ком. Ч. ф. № 155 (секретный) от 26.09.1917.
113. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 524 от 7(23).06.1919; №1187 от 28.07(10.08).1919; № 1887 от 27.08(9.09).1919.
114. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 95 от 22.04.(5.05).1919; №1928 от 27.08(9.09).1919.
115. Гражданская война в России... С. 252.
116. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 246 от 8.05.1919; № 1179 от 29.07(11.08).1919.
117. Приказ Ком. Ч.ф. № 8 (секретный) от 1.01.1917.
118. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 485 от 3(16).06.1919.
119. Гражданская война в России... С. 219.
120. Приказ командира Николаевского порта № 691 от 30.07.1917.
121. Корабельная летопись. С. 226.
122. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 524 от 7(20).06.1919; № 1187 от 28.07(10.08).1919; № 1917 от 27.08.1919.
123. Приказание Ком. Тран. фл. № 71 от 7.01.1917.
124. Приказ Ком. ч.ф. № 207 (секретный) от 21.08.1917.
125. Приказ начальника Действующего отряда судов и морской обороны Крыма № 16/пох от 16.11.1920.
126. Корабельная летопись. – С. 224.
127. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 95 от 22.04(5.05).1919; № 568 от 11.06.1919; № 675 от 18.06.1919.
128. Гражданская война в России... С. 256.
129. Корабельная летопись. С. 159.
130. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 246 от 8(21).05.1919; № 1187 от 28.07.1919.
131. Гражданская война в России... С. 256.
132. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 95 от 22.04(5.05).1919; № 1108 от 24.07.1919.
133. Приказ Ком. Ч.ф. № 305 (секретный) от 2.11.1916.
134. Русская военная эмиграция... Т. 1. Кн. 2. С. 283.
135. Приказ Ком. Ч.ф. № 16 (секретный) от 11.01.1917.
136. Русская военная эмиграция... Т. 1. Кн. 2. С. 282.
137. Гражданская война в России... С. 217.
138. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 105 от 24.04(7.05).1919.
139. Приказ Ком. Ч.ф. № 232 (секретный) от 25.09.1917; Приказ Ком. Тран. фл. № 1173 от 2.10.1917.
140. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 174 от 29.04(12.05).1919.

141. Приказ Ком. Ч. ф. № 194 (секретный) от 5.08.1917.
142. Приказ командира Николаевского порта № 736 от 9.08.1917; № 1042 от 22.11.1917.
143. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1519 от 14.08.1919; 1917 от 27.08.1919.
144. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 27, 119.
145. Басевич В. Указ. соч. С. 313.
146. Гражданская война в России... С. 254.
147. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 373 от 22.05.1917.
148. Гражданская война в России... С. 218.
149. Приказание по УГПЧАМ № 114 от 9.05.1917; № 241 от 5.10.1917.
150. Спасатели Военно-морского флота. С. 54.
151. Приказание Ком. Ч. ф. № 3462 от 16.08.1917.
152. Усенко П.Г. Указ. соч. С. 75, 78.
153. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 117об., 119.
154. Корабельная летопись. С. 148.
155. Приказание Ком. Ч.ф. № 1649 от 15.06.1917.
156. Басевич В. Указ соч. С. 307.
157. Приказание Ком. Тран. фл. № 557 от 8.03.1917.
158. Басевич В. Указ. соч. С. 179.
159. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 121.
160. Басевич В. Указ. соч. С. 127-143.
161. Басевич В. Указ. соч. С. 177-185.
162. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 94 от 22.04 (5.05).1919; № 1519 от 14.08.1919.
163. Гражданская война в России... С. 229.
164. Приказание Ком. Ч.ф. № 4911 от 29.11.1917.
165. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 220 от 7(20).05.1917.
166. Гражданская война в России... С. 250.
167. Гражданская война в России... С. 224.
168. Приказ Ком. Ч. ф. № 23 (секретный) от 16.01.1917.
169. Корабельная летопись. С. 117.
170. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 223 от 8(21).05.1917.
171. Приказ Ком. Ч. ф. № 207 (секретный) от 21.08.1917.
172. Усенко П.Г. Указ. соч. С. 81.
173. Приказ командира Николаевского порта № 732 от 9.08.1917.
174. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 117об., 122об.
175. ГАГС, ф. Р-253, оп. 2, д. 2, л. 126об.
176. Приказ командира Николаевского порта № 745 от 12.08.1917; № 1108 от 14.12.1917.
177. Речные канонерские лодки приказом Ком. Ч. ф. № 97 (секретный) от 20.03.1917 были сведены в три отделения: 1^е – «К-1»-«К-6»; 2^е – «К-7»-«К-12»; 3^е – «К-13»-«К-15». Позже, приказом Ком. Ч. ф. № 228 (секретный) от 22.09.1917 было сформировано 4^е отделение из несамоходных барж с №№ «К-16»-«К19».
178. Приказ Ком. Ч. ф. № 96 (секретный) от 20.03.1917.
179. Приказ Ком. Ч. ф. № 133 (секретный) от 30.04.1917.
180. Гражданская война в России... С. 242.
181. Приказ Ком. Ч. ф. № 171 (секретный) от 25.06.1917.
182. Приказ Ком. Ч. ф. № 148 (секретный) от 23.05.1917.
183. Приказ Ком. Ч. ф. № 180 (секретный) от 7.07.1917.
184. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 246 от 8(21).05.1919; № 848 от 30.06.1917; № 1187 от 28.07.1919.
185. Корабельная летопись. С. 160.
186. Гражданская война в России... С. 220.
187. Приказ Ком. Ч. ф. № 201 от 16.01.1917.
188. Корабельная летопись. С. 143.
189. ГАГС, ф. Р-266, оп. 1, д. 28, л. 142.
190. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 76 от 19.04.(2.05).1919; № 1519 от 14.08.1919.
191. ГАГС, ф. Р-253, оп. 2, д. 2, л. 126об.
192. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 194 от 2(15).05.1919.
193. Гражданская война в России... С. 218.
194. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 96 от 22.04.(5.05).1919; № 1519 от 14.08.1919.
195. Приказ командира Николаевского порта № 1067 от 30.11.1917.
196. Корабельная летопись. С. 147.
197. ГАГС, ф. Р-238, оп. 1, д. 3, л. 26.
198. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 122, 123.

199. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 139 от 27.04.(10.05).1919.
200. ГАГС, ф. Р-253, оп. 2, д. 2, л. 122, 126об.
201. Упоминается в приказах Командира Николаевского порта № 850 от 17.09.1917 и № 865 от 22.09.1917.
202. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 105 от 24.04.(7.05).1919.
203. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 246 от 8(21).05.1919; № 981 от 17.07.1919.
204. Приказание Ком. Тран. фл. № 431 от 22.02.1917; № 2418 от 8.08.1917.
205. Приказом по флоту и Морскому ведомству № 267 от 15.11.1916 подлежало сформировать в Черном море 1 и 2 дивизионы посыльных судов в составе Минной бригады, на правах дивизионов миноносцев 3 ранга. В состав 1 дивизиона входили посыльные суда №№ 1-4, во 2^й №№ 5-8 (приказ Ком. Ч.ф. № 8 (секретный) от 5.08.1917).
206. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 411 от 22.05(4.06).1919; № 656 от 18.06.1919; № 1375 от 7.08.1919.
207. Приказ Ком. Ч. ф. № 189 (секретный) от 29.07.1917; № 192 (секретный) от 5.08.1917.
208. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1423 от 9.08.1919.
209. ГАГС, ф. Р-253, оп. 2, д. 1, л. 6 об.
210. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 393 от 22.05(9.06).1919.
211. Кооп Г. На линейном крейсере «Гебен».СПб, 2002.С. 68.
212. Приказание Ком. Ч.ф. № 240 от 18.01.1917.
213. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 14, л. 122 об.
214. Корабельная летопись. С. 223.
215. Корабельная летопись. С. 153.
216. Приказ Ком. Ч. ф. № 144 (секретный) от 22.05.1917.
217. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 194 от 2(15).05.1919.
218. Усенко Г.П. Указ соч. С. 83.
219. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 471 от 2(15).06.1919; № 1179 от 29.07.1919.
220. Козлов Д.Ю. «Такого случая... за все время войны до сих пор не представилось» // Военно-исторический журнал.2004. № 1. С. 46.
221. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 27об, 118.
222. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 27, 117об, 123.
223. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 27, 118, 121, 123.
224. Приказ ком. Тран. фл. № 754 от 15.06.1917.
225. Приказ Командира Николаевского порта № 650 от 14.07.1917.
226. Корабельная летопись. С. 144.
227. Корабельная летопись. С. 136.
228. Приказ Ком. Ч. ф. № 221 (секретный) от 25.09.1917.
229. Приказ Ком. Тран. фл. № 1174 от 2.10.1917.
230. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 478 от 2.06.1919.
231. Приказ Ком. Ч. ф. № 49 (секретный) от 4.02.1917.
232. Приказание Ком. Тран. фл. № 2224 от 25.07.1917.
233. Приказ Ком. Ч. ф. № 208 (секретный) от 21.08.1917.
234. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 51 от 17-30.04.1919; № 172 от 29.04(12.05).1919.
235. Гречанюк Н.М., Ляхович А.А., Шлюмин В.С. Действия русского флота на Черном море //Флот в первой мировой войне. М., 1976. Т. 1. С. 368.
236. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1858 от 23.08.1919.
237. Корабельная летопись. С. 142.
238. Приказ Командира Николаевского порта № 629 от 7.07.1917.
239. Приказ Командира Николаевского порта № 909 от 10.10.1917.
240. Приказ Ком. Ч. ф. № 304 (секретный) от 2.11.1916.
241. Русская военная эмиграция... Т. 1. Кн. 2. С. 205.
242. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 601 от 12.06.1919.
243. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 318 от 17(30).05.1919.
244. Приказ Ком. Тран. фл. № 1231 от 19.10.1917.
245. Приказ Командира Николаевского порта № 635 от 8.07.1917.
246. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 471 от 2(15).06.1919.
247. Приказ Командира Николаевского порта № 639 от 30.07.1917.
248. Под № 80 в составе Транспортной флотилии находился «Днестр».
249. Приказ Главного командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1340 от 6.08.1919.
250. Гражданская война в России... С. 231.
261. Приказ Главного Командира судов и портов Черного и Азовского морей № 105 от 24.04(7.05).1919.
262. Приказ Главного Командира судов и портов Черного и Азовского морей № 320 от 17(30).05.1919.
263. ГАГС, ф. Р-18, оп. 2, д. 4, л. 27.
264. Приказ Главного Командира судов и портов Черного и Азовского морей № 321 от 17(30).05.1919.

265. Приказ Главного Командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1108 от 24.07.1919.
266. Приказ Главного Командира судов и портов Черного и Азовского морей № 246 от 8(21).05.1919.
267. ГАГС, ф. Р-253, оп. 2, д. 2, л. 136.
268. Приказ Главного Командира судов и портов Черного и Азовского морей № 1798 от 23.08.1919.
269. Приказание Ком. Тран. фл. № 2728 от 4.09.1917.
270. Приказ Главного Командира судов и портов Черного и Азовского морей № 246 от 8(22).05.1919; № 981 от 17.07.1917.
271. Приказ Ком. Ч. ф. № 29 (секретный) от 19.01.1917.
272. Приказ Главного Командира судов и портов Черного и Азовского морей № 393 от 22.05(4.06).1919.
273. Приказ Командира Николаевского порта № 854 от 17.09.1917.
274. Циркуляр Штаба Действующего отряда судов и морской обороны Крымского полуострова № 4 от 20.11.1920.
275. Гражданская война в России... С. 249.
276. Гражданская война в России... С. 259.
277. Морской сборник. 1916. №7. С. 175.
278. Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 411.
279. Боевая летопись... С. 413.
280. Боевая летопись... С. 408.
281. Боевая летопись... С. 401.
282. Боевая летопись... С. 411.
283. Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914-1918 гг. М., 1934. С. 233.
284. Боевая летопись... С. 413; Лорей Г. Операции германо-турецких...С. 229.
285. Лорей Г. Операции германо-турецких...С. 297.

Сокращения.

Ас. –	Авиационное судно
Б. –	бот
Бл. –	блокшив
Б.о. –	Баржевый отряд
б.п. –	буксирный пароход
брт –	брутто тонн (полная вместимость)
Бр. тр. –	Бригада траления
было –	на указанную дату судно находилось в пределах РСФСР
в Бизерту –	уведено в Бизерту
в.п. –	вооруженный пароход
всп.к. –	вспомогательный катер
взор. –	взорвано
вод. –	водоналивное
возвращ. –	возвращено владельцу
всп. кр. –	вспомогательный крейсер
вс. с. –	вспомогательное судно
ВСЮР –	Вооруженные силы Юга России
ГАГС –	Государственный архив города Севастополя
г.с. –	гидрографическое судно
гос. с. –	госпитальное судно
див. –	дивизион
Дун.фл. –	Дунайская флотилия
за гран. –	уведено за границу
к.Д.-Ц.д. –	катер Днестровско-Цареградской дистанции
к.о.л. –	катер охраны лиманов
к.о.о.р. –	катер охраны Одесского района
кр. –	крейсер
Кр.б. –	крейсерная бригада
л. –	ледокол
М. бр. –	Минная бригада
м.к. –	моторный катер
м.м.з. –	минно-моторный заградитель
м.м.к. –	минно-моторный катер
м.т. –	минный транспорт
на Каспий –	переведен на Каспийское море
нал. тр. –	наливной транспорт
ОКА –	Отряд корабельной Авиации
Отр. с. в. –	Отряд средств высадки
от. –	отряд

отд. –	отделение
п. –	пароход
пар. –	парусное
п.б. –	плавучая база
п.к. –	паровой катер
п.м. –	плавучая мастерская
п.-м.ш. –	парусно-моторная шхуна
Подв.бр. –	Подводная бригада
порт.с. –	портовое судно
п.с. –	посыльное судно
п.ш. –	паровая шхуна
р.з. –	речной заградитель
разоб. –	разобрано
р.к.л. –	речная канонерская лодка
сет. –	сетевой
с.с. –	спасательное судно
т –	тонн, полное водоизмещение
т. –	танкер
т. р. –	тральщик, транспорт.
Тр.ф. –	Транспортная флотилия
уг. тр. –	угольный транспорт
у.с. –	учебное судно
ч.в. –	частный владелец
Ч.ф. –	Черноморский флот
ЭОН –	Экспедиция особого назначения
уч. ВОВ –	участвовало в Великой Отечественной войне
ях. –	яхта
18.08.1918 затопл. – затоплено 18.08.1918 в Цемесской бухте	

Список судов

№ п/п	Название судна	Водоизмещение**	Соединение	Мобилизован в состав ЧФ	Судьба судна	Примечание
1	2	3	4	5	6	7
1.	А		м.м.к. 7 див. (Бр.тр.)			
2.	Аграфена № БО 21 [8]	190,47 [5] 84,90	Б.О. (Тр. фл.)	02.1915 Ч.В. Акрус-пара А.О. Рус.-Дунайское п-во [9] А.О. «Рус. Черном.-Днепровское п-во» [5]		Полуморской колесный буксир, находился в составе ЭОН, в 03.1917 вошел в состав Б.О. Тран.фл. [10]. Вторично мобилизован 15.06.1920, использовался как тральщик и заградитель. 18.02.1924 передан Мортрану [11].
3.	Ададжена (Адажена) [8]		Б.О. (Тр. фл.)	20.06.1917 Румыния		Буксирный катер 120 л.с., зачислен в Баржевой отряд Тран. Флотилии [12] и под № Р08 [13].
4.	Адмирал де-Рюйтер (№1)		тр. 6 от. (Тр. фл.)	12.03.1915 Голландия	12.1918 возвращен	товарный пароход,* на 1.10.1917 в 6 отряде.[14]
5.	Адмирал Кошери-нинов [15]	1000 т[16]	Э. О. Н.	А.О. Рус.-Дунайское п-во[9]	1920 за гран.	пароход, на 03.1922 находился в Константинополе.[16]
6.	Адмиралтеец Апраксин*	23,61[5] 1,22	порт.с	1914/1916 С.Б. Фальц-Фейн [5]	11.1918 возвращен	буксирный пароход. В 05.1919 зачислен как паровой катер в состав судов Новороссийского военного порта [52].
7.	Адольф (Т-260)	594,36 [5] 342,74	тр. 6 див. (Бр. тр.)	15.10.1916 Бр. А.и Г. Обершмуклер [5]	1920 погиб	паровая шхуна*, товарный пароход [5], с 15.09.1917 Т-360. [3] На 1919 «Салпир».
8.	Аз		тр. 7 от. (Тр. фл.)		07.1919 возвращен	в 07.1917 как непригодная для самостоятельного плавания, парусная шхуна исключена из флотилии и передана в плав. средства порта-убежища Сухум [20]. 7(20).06.1919 временно зачислен в состав судов обороны Азовского моря в разряд вооруженных шлюпок, приказом от 12.07.1919 передан владельцу [21].
9.	Ай-Петри (№3)	1047,61 [5] 532,08	тр. 1 от. (Тр.фл.)	12.03.1915 РОПит	на 1922 было	товарный пароход, на 1.01.1917 в составе Тран. Флотилии [22], был передан для обслуживания ЧФ, возвращен в Тран.фл. для проведения «угольной операции» [23] и с 27.08. зачислен в 8 отряд [24], на 1.10.1917[14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде, с 1921 «Черноморец».[25]

** ВОДОИЗМЕЩЕНИЕ: вместимость полная
чистая

1	2	3	4	5	6	7
10.	Ай-Тодор (№4)	<u>1015,02</u> [5] 570,21	тр. 1 от. (Тр. фл.)	<u>21.03.1916</u> РОПиТ	05.1919 воз- вращ.[21], 1920 за гран.	товарный пароход, на 1.01.1917 в составе Тран. Флотилии [3], был передан для обслуживания ЧФ, возвращен в Тран. фл. для проведения «угольной операции» [23] и с 27.08 зачислен в 8 отряд [24], на 1.10.1917[7] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
11.	Академик Бэр		к.о.о.р. отряд су- дов СЗ части			пароход.
12.	Александр Кам- буров	6300 т	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ	1919 за гран.	на 1.10.1917 в 3 отряде [14], на 1.01.1918 во 2 отряде [4].
13.	Александр Нев- ский (№177)		тр. (Тр. фл.)	30.07.1914	19.06.1944 погибла	парусно-моторная шхуна, входила в отдельную группу П-М. Ш [3,14], на 1.01.1918 в От.с.в. [4].
14.	Александра (№ 89)	<u>2068,20</u> [5] 1099,31	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> П.о. Шпо- лянский	1919 за гран.	Товарный[5], товаро- пассажирский пароход*, на 1.10.1917 в 6 отря- де[14], на 1.01.1918 не значится.
15.	Александра	360 т	порт.с	1914 – 1916	11.1918 возвращ.	парусно-моторная шхуна, в 08.1917 зачислена в Уч.отряд.[26]
16.	Алкивиадис № БО22	<u>307,87</u> 187,01	Э.О.Н.	<u>18.11.1916</u> [28] Яхно, Кипер и Столпни- ков [29] И.Варваров, А.Яхно, Н.Кипор, Ф.Приймак [5]	1920 за гран.[38]	товарный пароход, при- командирован в 03.1917 в б.о. Тран. фл. под № БО22. [1,10]
17.	Аллианс		Э.О.Н	<u>Т. дом Л. Дрейфус[31]</u>		пароход
18.	Алмаз	3285 т	А.с. (ОКА)	1903	1920 в Би- зерту	в 09.1917 зачислен пос. судном в Тран. фл. [32], в 04.1919 увенден союзниками и возвращен 8.09.1919 в Севастополь [33]. На 08.1922 в Бизерте [34].
19.	Алушта*	<u>132,06[5]</u> 57,49	порт.с	<u>1914 – 1916</u> М.И. Гавалло[5]	11. 1918 возвращ.	товаро-пассажирский па- роход «Лаура», в 1923- 1927 проходил ремонт в Севастополе [35].
20.	Альбатрос	106 т [36]	Тр. 7 див. (Бр. тр.)	1910	1920 в Би- зерту	до 07.1915 порт. с.*, с 15.09.1917 Т-370 [17], 08.1919 включен в состав партии траления Дейст- вующего флота [37].
21.	Альма (№5)	<u>10500т</u> 41816рт [39]	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>2.10.1914</u> Германия	05.1918 возвращ.	интернированный грузо- вой пароход «Асгард»* (Asgard) на 1.10. 1917 в 3 отряде [14], на 1.01.1918 в 3 отряде [4].

1	2	3	4	5	6	7
22.	Амалия (№ 112)	430 т	тр. 1 от. (Тр. фл.)	<u>28.12.1916</u> Турция	1920 за гран.	каботажный грузовой па- роход, в 04.1915 захвачен крейсером «Кагул» и при- веден в Севастополь [40], на 1.01.1918 транспорт Сев. Порта [4], с 1919 «Почин» ушел из Ч.м. [37].
23.	Амалия (Т-263)	<u>374,41</u> [5] 262,85	тр. 6 див. (Бр. тр.)	<u>2.03.1917</u> Рус. об-во вывозной торговли [5].	1921 был	Товарный [5], буксирный пароход*. В 02.1917 за- числен в класс тральщи- ков и в 3 ранг судов с при- своением № 263 [18]. С 15.09.1917 Т-320 [8], в 1921-1923 под названием «Альма» проходил ремонт в Севастополе [19].
24.	Амалия[42]		ЭОН	<u>А.О. Рус.- Дунайское п- во</u>		паровая шхуна
25.	Амвросий	<u>292,05</u> [5] 171,51	ЭОН	<u>18.11.1916</u> [43] В.И. Сифнео		товарный пароход, при- командирован в 03.1917 в Б.о. Гран.фл. под № БО 23 [10].
26.	Анапа	<u>49,50</u> [5] 41,08	п.-м. ш. (отряд с. В части)	1914 – 1916 С. Опак- Огалы и Г. Железнячен- ко [5]	11.1918 возвращ.	товарное моторное судно [5].
27.	Анапа*		порт. с	1914 – 1916	11.1918 возвращ.	буксирный пароход.
28.	Анатра (Т-281)	<u>117,2</u> [5] 0 39,51	тр. 8 див. (Бр. тр.)	12.06.1916 А.О.»Русское -Днепр. п-во» [5].	на 1921 был	колесный буксирный па- роход*, с 15.09.1917 Т- 381 [17]. 11.1918 в резерве белого Черноморского флота. 31.01.1920 захвачен в Ни- колаеве частями Красной армии. 4.06.1920 мобили- зован и переоборудован в тральщик. 11.11.1922 пе- редан Мортрану [48].
29.	Анна Д. (Т-220)	<u>936,57</u> [5] 470,52	тр. 2 див. (БР. тр.)	<u>1915 – 1916</u> Сифнео [44], Пар. Т-во Диуман и Я.И. Криво- боков [5]		товарный пароход, с 15.09.1917 Т-32 [3] 0, на 1924 ходил под греческим флагом под названием «Венивелос», владельцы братья Сифнео [20].
30.	Анна (Т-280)		тр. 8 див. (Бр. тр.)			с 15.09.1917 Т-380 [17].
31.	Анна [45]	<u>130,61</u> [5] 77,74	от. судов. С-3 части	<u>18.06.1916</u> А. и Е. Анд- рущенко и А.М. Хрисо- скули		буксирный колесный па- роход.
32.	Антон (№113)		тр. 7 от. (Тр. фл.)	1917	1920 за гран.	на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 4 отряде. На 08.1919 в составе белого Черноморского флота [33].

1	2	3	4	5	6	7
33.	Антонис			Греция		1 (14).06.1915 б. греческое судно захвачено э/м «Пронзительный» и «Беспокойный» [46], на 05.1919 в составе белого Черноморского флота [51].
34.	Апостол Филипп (№181)	<u>105,49[5]</u> 101,42	тр. (Тр. фл.)	Г.Ф. Будяков и Е. Рябчик [5]		Гафель-шхуна [5], на 1.01.1917 [4] входила в отдельную группу П.-М. Ш., на 1.10.1917 в списках флотилии нет.
35.	Апшерон					танкер, 24.09.(7.10.)1915 потоплен п/л «УВ-14» у берегов Крыма.[47]
36.	Арарат (№ 92)	<u>907,83⁵</u> 503,82	тр. 9 от. (Тр. фл.)	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ	1920 за гран.	товарный пароход, на 1.10. 1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде, с 1921 во Франции [49].
37.	Аргонафт [50]		ЭОН			пароход.
38.	Аржертина*	<u>382,16[5]</u> 276,10	порт. с.	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ[53] Х.А. Феофани и М. Сусанис [5]	06.1918 возвращ.	товарный пароход [5], паровая грузовая шхуна*, на 1924 указано, что б. владелец тов. парохода Феофани и Сусанио, ходит под греческим флагом - владелец Феофани [44].
39.	Артемиссия (№ 52)	<u>1589,40</u> [5] 842,28	тр. 2 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> М.И. Скарамонт [5]	12.1918 за гран.	товарный пароход, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде.
40.	Аскольд	<u>655,96[5]</u> 352,44	транспорт	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ	1920 за гран.	товарный пароход [5].
41.	Аспазия (Т-224)	<u>565,27[5]</u> 409,34	тр. 2 див. (Бр. тр.)	Ф.К. Звороно и Э.С. ди Полоне [5]		товарный пароход [5] с 15.02.1917 Т-324 [17], в 08.1919 включен в партию траления [37].
42.	Астрей*	<u>400,00 [5]</u> 178,94	транспорт	<u>1914 – 1916</u> Сифнео [44] Х.А. Феофани [5]	1920 за гран.	товарный пароход [5], на 1924 ходил под бельгийским флагом под названием «Бельжика», владельцы братья Сифнео [44].
43.	Атос	1743 брт	транспорт	<u>08.1914</u> Германия		Интернированное судно «Atos» [39]. 11(24).12.1914 расстреляно крейсером «Бреслау» в районе Зунгулдака [54].
44.	Атене (№ 111)	8100 т	тр. 9 от. (Тр. фл.)	<u>1916</u> Италия	1919 возвращ.	товарный пароход, зафрахтован русским правительством*. 10.06.1916 освящено как госпитальное судно [277]. В 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [5] в 3 отряде.
45.	Афанасий Феофани (Т-237)	<u>482,00 [5]</u> 336,65	тр. 3 див. (Бр. тр.)	<u>1914 – 1916</u> Х.А. Феофани[55]	1920 за гран.	товарный пароход, 15.09.1917 Т-337[17], в 05.1917 временно прикомандировывался к Тран. флотилии.[56]
46.	Афон (№ 6)	<u>5111,67</u> [5] 3117 брт	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ	1919 возвращ.	товаро-пассажирский пароход, на 1.10.1917[14] и 1.01.1918 [4] в 1 отряде, с 1921 во Франции [55].

1	2	3	4	5	6	7
47.	Аю-Даг	<u>987,61</u> [5] 527,54	1 отд. (Див.сет.з агр.)	<u>1914</u> РОПиТ[53]	1920 в Би- зерту	товарный пароход, с 04.1919 в составе белого Черномор- ского флота [58].
48.	Б.		М.М.К. 7 див. (Бр. тр)			
49.	Баклан	106 т	тр. 7 див. (Бр. тр.)	1910	1920 в Би- зерту	до 07.1915 порт. с.*, с 15.09.1917 Т-371 [17]. С 08.1919 в составе партии траления белого Черно- морского флота [37].
50.	Баку		нал. тр.		1920 за гран.	теплоход, на 11.1917 зна- чится мобилизованным [59]. На 05.1922 в Бизерте [60].
51.	Балджи (№179)		тр. (Тр. фл.)			парусно-моторная шхуна, на 01.1917 [3] и 1.10.1917 [14] входила в отдельную группу П.-М. Ш. Тр. ф., на 1.01.1918 в отр. с.в. [4].
52.	Барон Эдмунд Вай (№ 7)	2885 брт	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Австро- Венгрия	05.1918 возвращ.	товарный пароход*, ин- тернирован 1.08.1914 «Barone Edmundo Vay» [39]. На 1.10.1917 в 6 от- ряде [7].
53.	Батум	2700 т	транспорт Сев. порта	<u>26.08.1905</u> Ч. ф.	8.10.1920 погиб	Бывший греческий пароход «Елена», с 1905 транспорт Черноморского флота. В 05.1917 зачислен в состав р. ф. [60] с присвоением № 161. [62] На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде. С 1919 в составе белого Чер- номорского флота. Подор- вался на mine в районе Ма- риуполя [58].
54.	Батум	<u>1354,46</u> [5] 805,92	тр. 1 див. (Бр. тр.)	<u>20.12.1914</u> О-во Азовско- го п-ва, на 01.1915 в аренде РОПиТ [5]	1918 воз- вращ. Уча- ствовал в ВОВ	товаро-пассажирский па- роход, в 1918-1919 зато- нул в Балаклавской бухте, поднят Мариинской спас. Партией [63]. После 1920 «Игнатий Сергеев», с 1938 база п.л. «Очаков», после 1945 разобран [64].
55.	Белград [65]	<u>272,90</u> [5] 97,32	ЭОН	Рус.- Дунайск. пар-во [5]		буксиро-пассажирский колесный пароход [5].
56.	Белороссия (№ 10)	<u>3658,25</u> [5] 2202,35	тр. 2 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Рус. Об-во Коммерче- ского п-ва [5]	1919 воз- вращ.	товарный пароход, на 1.01.1917 [3] и 1.01.1918 [4] в 5 отряде.
57.	Бельбек*	445 т	порт. с	1914 – 1916	1920 за гран.	б. лоцманское судно «Гене- рал-майор Клокачев». С 04.1919 в составе белого Черноморского флота, с 06.1919 в составе плав- средств Николаевского, с 08.1919 - Севастопольского порта [66].

1	2	3	4	5	6	7
58.	Бельгузар (№178)		тр. (Тр. ф.)			парусно-моторная шхуна, на 01.01.1917 [3] и 1.10.1917 [14] входила в отдельную группу П.-М. Ш. Тр. фл., на 1.01.1918 в отр. с.в. [4].
59.	Березань	5177 т	п.с. (Минная школа)	<u>1893</u> Ч.ф.	1921 разобр.?	транспорт*, до 1893 «Петербург», на 08.1919 блокшив, база радиотехнической школы белого Черноморского флота [33]. В 1926 проходил ремонт в Севастополе [34].
60.	Березань (Т-256)		тр. 5 див. (Бр. тр.)		1920 за гран.[16]	с 19.09.1917 Т-356 [17], с 09.1919 зачислен тральщик «Березань 2» [68] в партию траления.
61.	Бессарабец [15]	<u>286,38 [5]</u> 125,00	ЭОН	<u>А.О. Рус.-</u> <u>Дунайское п-во</u>		буксирно-пассажирский колесный пароход.
62.	Бештау (Беш-тау) (№148)	<u>1122,77 [5]</u> 664,36	тр. 9 от. (Тр. ф.)	<u>3.09.1914</u> РОПиТ [53]	1920 за гран.	товарный пароход, до 3.08.1916 мин. заградитель*. На 1.10.1917 в 8 отряде [14]. На 03.1922 в Константинополе [16].
63.	Биказ			<u>12.05.1917</u> Румыния		буксирный катер 44 л.с., вошел в 05.1917 в состав Тран. фл. под № РО1[13], зачислен в Б.о. [69].
64.	Блокшив №7	3920 т	Арт. школа	1913	1925 разобр.	до 1913 «Опыт».*
65.	Блокшив №8	8433 т	Минная школа	1914	1931 разобр.	до 08.1914 линкор «12 Апостолов».*
66.	Блокшив №9	3043 т	База Мин. бр.	1914	1932 разобр.	б. пароход «Меркурий».*
67.	Блокшив №10		База див. стор. с.			б. пароход «Рюрик».
68.	Бойкий		пароход (отр. с. С-З. части)			на 1.01.1918 к.о.л. (отр. судов С-З части) [8].
69.	Болгария [70]	<u>617,77 [5]</u> 358,39	ЭОН	<u>А.О. Рус.-</u> <u>Дунайское п-во</u>		товаро-пассажирский колесный пароход
70.	Борец					катер, привлечен 08.1917 по военно-судовой повинности и зачислен в плав.средства портов В. части.
71.	Боржом (№158)	<u>2941,21[5]</u> 1 1867,04	транспорт Сев. порта	<u>5.09.1914</u> Нефтепр. и Торг. о-во «А.И. Манташев и К ^о » [5]	1919 за гран.	товаро-наливной пароход*. Передан в состав Тран.фл. после 01.1917, на 1.10.1917 в 6 отряде[14] и на 1.01.1918 также.[4]
72.	Борис (№130)		тр. (Тр. фл.)	<u>Болгария</u>		на 1.01.1917 в списках Тран. фл. [23], на 1.10.1917 отсутствует. Затоплен, поднят ЭПРО-Ном в 1936 [72].
73.	Борисфен (Т-255)	200 т	тр. 5 див. (Бр. тр.)	15.10.1916	1918 погиб	буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т-355 [17].

1	2	3	4	5	6	7
74.	Боярин*	<u>58,88 [5]</u> 28,13	г.с. (от. судов С-3 части) [73]	<u>С.Т. Балков</u>		буксиро-пассажирский пароход [5].
75.	Буг	1380 т	транспорт (Мин. опыты Сев. порта)	<u>1892</u> Ч.ф.	1924 разобр.	с 05.1919 пос. с. [74].
76.	Буки		тр. 8 от. (Тр. фл.)		08.1919 возвращен [75]	парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд [75]. В 06.1919 зачислена в состав судов отряда обороны Азовского моря в разряд вооруженных шлюпок [77].
77.	Буксир (№ 104)		Буксир 3 от. (Тр. фл.)			буксирный пароход, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 3 отряде.
78.	Буксир (№ 116)	160 т	Буксир 10 от. (Тр. фл.)	29.11.1915	1920 разобр.*?	буксирный пароход «Харламиос» куплен Мор. Ведомством и до 1.04.1916 числился порт. с.* В 1921-1924 проходил ремонт в Севастополе, с 1924 – «Строитель» [41].
79.	Булганак (№ 8)	<u>9989 т</u> 3886 брт[39]	тр. 7 от. (Тр. фл.)	<u>2.10.1914</u> Австро-Венгрия	1918 возвращ.	интернированный австрийский пароход «Барон Феервари»* (Baron Fejervary). На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] во 2 отряде.
80.	Бурдейль (№ 9)	10435 т	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Великобритания	12.1918 возвращ.	зафрахтован Рос. правительством*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 1 отряде.
81.	Буревестник (№ 171)	<u>77,08 [5]</u> 62,82	тр. (Тр. фл.)	<u>В. и А. Жолобовы</u>		парусный трембак [5], на 01.1917 [14] входил в отдельную группу П.-М. III. Тран.фл., в 06.1917 освобожден от военно-судовой повинности и исключен. из списков Тран. фл. [79].
82.	Бучачи (№ 150)	4330 т	тр. 9 от. (Тр. фл.)	<u>29.10.1916</u> Румыния	08.1918 возвращ.	товарный пароход передан Румынским правительством*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918[4] в 4 отряде.
83.	В.		м.м.к. 7 див. (Бр. тр.)			
84.	Вадон [81]		ЭОН	<u>10.02.1916 [8]</u> Т-во Алешковского пароходства		пароход.
85.	Вампоа (№ 11)	<u>1734,22⁵</u> 1109,40	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Ространс [80] Рос. Транспорт и Страх. о-во	1919 возвращ., 1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход [5], на 1.10.1917 в 3 отряде [14].
86.	Ваня [4]	<u>20,34[5]</u> 15,40	к.о.о.р. (Отр. судов С-3 части)	<u>Южно-Рус. Об-во плав. элеват.[5]</u>		моторный буксир [5].

1	2	3	4	5	6	7
87.	Варна (№ 12)	<u>7400 т.</u> 3662 брт	транспорт Сев. порта	<u>9.11.1916</u> Германия	05.1918 возвращ.	грузовой пароход, интерни- рованный 08.1914 (Varna) [39]. 05.1917 зачислен в со- став Тран. фл. [61], куда вошел с.1.06. под № 12 [62]. На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
88.	Василий Великий		к.			В 08.1917 привлечен по военно-судовой повинно- сти и зачислен в плав. средства портов В. части [26].
89.	Васильев*	<u>302,84 [5]</u> 133,96	порт. с.	<u>1915</u> В.В. Василь- ев [5]	11.1918 возвращ.	товаро-пассажирский ко- лесный пароход* «Прин- ципесса Иоланта». ²⁶
90.	Васильев ⁵		к.о.л. (отр. судов С-3 части)			в 01.1917 в отряде катеров охраны лиманов, в прика- зах по Николаевскому порту значится как паро- ход [83].
91.	Веди		п.-м. ш. (Тр. фл.)		10.08.1919 возвращен [75]	на 1.10.1917 в 7 отряде [7], на 1.01. 1918 в отряде судов В. части [4]. В 06.1918 зачислен в состав судов отряда оборо- ны Азовского моря в разряд вооруженных шлюпок [17].
92.	Великая княгиня Ксения	<u>2005,89</u> [5] 1155,14	загради- тель	<u>30.07.1914</u> РОПиТ [53]	1920 в Би- зерту	товаро-пассажирский паро- ход, до 07.1914 «Муравьев- Апостол» [53], с 05.1917 «Ксения»*. На нач. 1924 под названием «Муравьев- Апостол» работал между Францией и ее колониями в Китае и Африке [88].
93.	Великий князь Александр Ми- хайлович		пароход		16(29).10.19 14	погиб от арт. огня турец- кого э/м «Нимофер» [85]
94.	Великий князь Александр Ми- хайлович	<u>1481,94</u> [5] 566,23	пароход (Отр. с.в.)	<u>1914</u> Рус. Дунайск. п-во	1920 в Би- зерту	пассажирский пароход, на 1.01. 1918 пос. с. в Отр. судов В. части [4], на 1924 плавал под турецким фла- гом. Владелец (?) Садик- Заде [86].
95.	Великий князь Алексей	<u>1849,70</u> [5] 1079,00	загради- тель	<u>30.07.1914</u> РОПиТ [53]	19.06.1944 потоплен	товаро-пассажирский па- роход, до 1914 «Пестель» [53], с 05.1917 «Алек- сей»*, с 1921 в составе Мортрана [87].
96.	Великий князь Константин	<u>1914,68</u> [5] 1122,41	загради- тель	<u>30.07.1914</u> РОПиТ [53]	1920 в Би- зерту	товаро-пассажирский па- роход, до 07.1914 «Бесту- жев» [53], с 05.1917 «Кон- статин»*, в 08.1917 прико- мандирован к Бр. тр. с за- числением в 1 дивизион трал [89]. В 09.1919 снят с Тендровской мели Мари- инской спас. Партией [30]. С 1924 базировался на Марсель под названием «Бестужев», в 1928 сдан на слом [91].

1	2	3	4	5	6	7
97.	Великороссия (№ 13)	<u>3840,40</u> ⁵ 2358,83	тр. 2 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Рос. о-во Коммерческ. п-ва ⁵		товарный пароход, на 1.10.1917 в 2 отряде ¹⁴ .
98.	Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич	<u>858,94</u> [5] 507,05	транспорт, база 2 див. Подв. бригады	<u>Азово-Черн.</u> пар. о-во	на 1921 было	товаро-пассажирский пароход, пр-зом по Мор. ведомству № 238 от 12.09.1917 возвращено прежнее наименование «Возрождение» [92].
99.	Вера (№ 21)	2300 т	тр. 5 от. (Тр. фл.)	1915	на 1921 было	на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде. 27.05(8.06).1916 торпедирова-но германской подводной лодкой UB-38 [278].
100.	Вера-Надежда	<u>72,04</u> [5] 53,57	транспорт (Отр. судов В части)	<u>1914 – 1916</u> В. и И. Лановские [5]	08.1918 вовращ.	парусно-моторная шхуна.
101.	Веста	<u>1786,75</u> [5] 1065,41	тр. 1 див. (Бр. тр.)	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ [53]	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход, в 05.1917 назначено в Службу Связи [93], на 1.01.1918 кабельное судно Службы Связи [5], на 1924 плавал под турецким флагом, владелец Садик-Саде [86].
102.	Веха	473 т	транспорт, база 6 див. (Бр. тр.)	<u>1894</u> Ч.ф.	1920 за гран.	портовое судно, в 09.1917 передано в распоряжение Дирекции маяков и лоции [94], на 1.01.1918 гидрографическое судно [5]. На кон. 08.1919 в составе белого Черноморского флота [33].
103.	Виктория					на 01.10.1917 тральщик Т-350 [17] див. Бр. тр. [14], в 1921 проходил ремонт в Севастополе [55].
104.	Виктория (Т-251)		тр. 5 див. (Бр. тр.)			с 15.09.1917 Т-351 [17].
105.	Вилково [70]	<u>171,55</u> [5] 5,89	ЭОН	<u>А.О. Рус.-</u> Дунайское п-во		буксирный пароход.
106.	Виолетта (№ 107)	6000 т [95]	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Греция	1920 за гран.	грузовой пароход получен от греческого правительства*, на 1.10. 1917 в 8 отряде [14], на 1919 «Ялта» [96] . С 05.1919 значится транспортом Морского ведомства [33]. На нач. 1924 стоял в Марсе-ле [97].
107.	Витязь		тр. 1 див. (Бр. тр.) [8]			<u>Возможно, одно и то же судно с последующим.</u>
108.	Витязь* (№ 14)	<u>1677,53</u> [5] 988,35	тр. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Ространс [80] Рос. Трансп. и Страх. о-во [5]	12.1918 за гран. 1920 за гран.	Товаро-пассажирский пароход, на 1.01.1917 в составе Тр. фл. [3], на 1.10.1917 и 1.01.1918 в списках флотилии нет. В 1922 проходил ремонт в Севастополе.

1	2	3	4	5	6	7
109.	Владимир (№ 15)	<u>5620,75</u> [5] 3197,20	тр. 7 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Доброфлот	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] во 2 отряде. На нач. 05.1919 в составе Черноморского флота [98].
110.	Водолей-1	665 т	в.с.с. (М. бр.)			с 1921 «Красный водолей», с 1924 «Производственный», в 1923-1933 проходило ремонт в Севастополе [35]. На 03.1922 в Константинополе [16].
111.	Волга [4] (Т-231)	<u>528,68</u> [5] 353,63	Тр. 3 див. (Бр. тр.)	<u>2.03.1917</u> РОПиТ [53]	на 1921 была	товарный пароход [5], паровая шхуна*. В 02.1917 зачислена в класс тральщиков и в 3 ранг судов с присвоением № 231 (3 дивизион) [41]. В 06.1917 временно прикомандирована к Тран. фл. [56], с 15.09.1917 Т-331 [17]. С 04.1919 в составе белого Черноморского флота, в 05.1919 зачислена в состав партии траления [99]. Оставлена в Крыму и с 12.1920 входила во 2 ^й дивизион тральщиков РККФ [100].
112.	Володя*	<u>173,36</u> [5] 110,15	порт. с.	1914 – 1916 Торг. дом «Диамантиди и С-вья»	07.1918 возвращ.	товарный пароход [5]/
113.	Вольвертон (№ 16)	2444 брт	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Великобритания	12.1918 возвращ.	зафрахтован Российским правительством*. На 1.10.1917 в 8 отряде [14].
114.	Восточная звезда	<u>943,62</u> [5] 540,59	транспорт	Ф.А. Грагеров и Н. Розенфельд [5]	02.1915	товарный пароход, потоплен крейсерами «Гебен» и «Бреслау» [101].
115.	Восточная звезда (№ 126)	<u>60,20</u> [5] 50,80	тр. (Тр. фл.)	В. Щербина [5]		Парусный трембак [5], Водоналивное парусное судно (водонал. бот). На 1.01.1917 в составе Тран. фл. [3], на 1.10.1917 в составе Отр. с.в. ран.фл. [14].
116.	Вперед (№ 120)	353 т	гос. с.	Великобритания		на 1911 гос. с. 25.06.(8.07.)1916 торпедировано подводной лодкой «U-38» между Батуми и Ризе [101].
117.	Гайдамак	700 т[104]	л. Николаевский порт		1920 за гран.	В 04.1917 передан в Тран. фл. [102], на 12.1917 значится там же [103]. см. «Ледокол № 2»
118.	Гальванер*	~ 250 т	г.с.	<u>1874</u> Ч.ф.	1920 за гран.	пароход.
119.	Гельвеция (Т-222)	<u>485,93</u> [5] 276,93	тр. 2 див. (Бр. тр.)	<u>1915 – 1916</u> М.Варваров и Торг. дом «Луи Дрейфус и К ^о » [5]	1920 за гран.	товарный пароход, в 06.1917 прикомандирован временно к Тран. фл. [56], с 15.09.1917 Т-322 [17].

1	2	3	4	5	6	7
120.	Генерал А.А. Брусилов	<u>394,89 [5]</u> 181,53	сет. заградитель (2 отд. див. сет. заградителей)	<u>22.08.1916</u> Азово-Черн. Пар. о-во [5]	на 1924 было	товаро-пассажирский колесный пароход [5], до 08.1916 «Петергоф»*, после 1931 «Красный командир» [105].
121.	Генерал И.В. Рузский	<u>394,89 [5]</u> 181,53	сет. заградитель (2 отд. див. сет. заградителей)	<u>22.08.1916</u> Азово-Черн. Пар. о-во	1920 за гран.	товаро-пассажирский колесный пароход [5], в 08.1917 исключен из состава див. сет. Заградителей [106], на 1924 ходил под турецким флагом под названием «Истикай», владелец Аздемет [107].
122.	Георгий (Т-261)	453 т	тр. 6 див. (Бр. тр.)	<u>15.10.1916</u> А.К. Звороно	на 1946 было	паровая шхуна*, с 15.09.1917 Т-361 [17].
123.	Георгий*	<u>412,08 [5]</u> 241,69	тр. (Дун. тр. фл.)	<u>26.04.1915</u> Г.Я. Кумани и А.И. Волохин [15].	на 1922 было	товаро-пассажирский пароход, с 1922 «Перекоп» [108].
124.	Геркулес*	~ 420 т	порт. с.	1914-1916	на 1921 было	буксирный пароход.
125.	Герой (№ 124)		тр. (Тр. фл.)	<u>Ф.И. Звороно</u> [5]		буксирный пароход, на 1.01.1917 в составе Тран. фл. [3], 1.10.1917 и 1.01.1918 в списках фл. отсутствует.
126.	Гидра	300 т	сет. заградитель (2 отд. див. сет. заградителей)	<u>15.12.1916</u> Д. Месаксуди	1920 за гран.	пассажирский пароход [5], до 12.1916 «Эрроу»*. С 1.05.1919 зачислен в 4 ^й ранг судов и отряд обороны Азовского моря, с 08.1919 в отряде особого назначения. С 30.08.1919 освобожден от службы в Морском ведомстве и исключен из списков судов флота [113].
127.	Глаголь		тр. 8 от. (Тр. фл.)		07.1919 возвращ.	парусная шхуна, в 08.1917 передана в 7 отряд в распоряжение начальника Отр. с. В. части [76], на 1.10.1917 там же [14]. В 06.1919 зачислена в состав судов отряда обороны Азовского моря в разряд вооруженных шлюпок, в нач. 07. 1919 возвращена владельцу [113].
128.	Голланд* (№ 19) Голландский буксир [25]	550 т	буксир 1 от. (Тр. фл.)	1914 - 1916	1920 за гран.	05.1917 зачислен в состав плав. средств Сев. Порты [109]. В 05.1919 зачислен буксир в состав судов Новороссийского порта, с 15.08 переведен в Севастопольский порт [114]. На нач. 1924 находился в Марселе [110].
129.	Гонец	745 т	Блокшив (база водо-дол.-спасат. партии)	1878		порт. с.*, на 1.01.1918 блокшив Сев. порта [4].

1	2	3	4	5	6	7
130.	Горгипия*	126 т		1914 – 1916	1920 за гран.	буксирно-ледорезный пароход, с 05.1919 в составе белого Черноморского флота [115].
131.	Граф Игнатъев	22 т [111]	вс. с. (Дун. тр. фл.)	<u>25.02.1916</u> Рус.-Дун. п-во [111]	на 1921 было	<u>буксиро-пассажирский пароход [5], транспорт*, в 05.1917 зачислено в 10 див. Бр. тр. [112], на 1.01.1918 там же [4]. В нач. 05.1919 зачислен в 3^й ранг судов и включен в партию траления [116].</u>
132.	Граф Платов	684 т	транспорт (база див. Бр. тр. в Одессе)	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ[53]		товаро-пассажирский пароход,[5] колесный почтово-пассажирский пароход*, на 1.01.1918 база 5 и 8 див. Бр. тр.[4]
133.	Грегор (№ 20)	3969 брт	тр. 7 от. (Тран. фл.)	<u>12.03.1915</u> Германия	1918 погиб*	интернированный грузовой пароход* «Greger» [39], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 в 1 отряде [4]. В 1918 посажен на Тендровскую мель, снят в конце 1919 Мариинской партией [90].
134.	Греза ⁴	<u>48,10 [5]</u> 41,88	п.-м. ш. (Отр. с. В части)	К.Ф. Галкина		парусный трембак [5].
135.	Григорий Гапонов (№ 91)	<u>1180,33 [5]</u> 645,95	тр. 1 от. (Тран. фл.)	<u>10.05.1915</u> Ш.Н. Безпалов	08.1918 за гран.* 05.1919 возвращ. [17]	товарный пароход*. В 1917 временно находился в распоряжении флота, в 06.1917 возвращен в состав флотилии для выполнения угольной операции [23] и зачислен в 8 отряд [24]. На 1.10.1917 [3] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
136.	Грозный*		в.п. (Д.-Цд.-Отр.об. С-3 части)			на 1.01.1918 там же [4].
137.	Грозный*		порт.с.	1914 – 1916	1920 за гран.	буксирный пароход.
138.	Гурзуф*	<u>80,30 [5]</u> 6,88	порт. с.	<u>1914 – 1916</u> М.И. Гавало [5]	на 1921 было	товаро-пассажирский пароход «Поркала» [35].
139.	Дакия (Дачия)	4515 т	всп.кр. (Кр. бр.)	<u>16.11.1916</u> Румыния	1918 возвращ.	пос. с.*, приказом по Мор. Ведомству № 289 от 30.11.1916 пос. судно «Дачия» зачислено во 2 ранг судов [117].
140.	Далланд (№ 146)	<u>2343 т</u> 4300 т [97]	тр. 2 от. (Тр. фл.)	6.10.1916	1920 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [8] в 10 отряде. На 06.1919 транспорт Морского ведомства [118], на 05.1922 находился в Бизерте, на нач. 1924 стоял в порту Сэтт (Франция) [97].
141.	Данай (Т-246)	215 т	тр. 4 див. (Бр. тр.)	15.10.1916	на 1921 было	буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т-346 [17]. В 01.-04.1920 мобилизован в красный Черноморский флот, в 02.1921 передан Мортрану [119].

1	2	3	4	5	6	7
142.	Данилевский Н.		ЭОН			в приказах по Николаевскому порту значится как катер и как пароход [65, 120].
143.	Дельфин (Т-291)	<u>150,59 [5]</u> 45,89	тр. 9 див. (Бр. тр.)	<u>13.11.1916</u> М.С. Абра- мович	на 1921 было	буксирно-товарный пароход [5], грузовой пароход* «Д-р Гизе» [121], с 15.09.1917 Т-391 [17]. В 06.1919 назначен в состав отряда судов обороны Азовского моря и зачислен в 4 ранг судов на Дону [122]. В 02.1920 захвачен в Херсоне и включен в состав красного Черноморского флота. Летом 1921 передан Мортрану [11].
144.	Дервиш (№ 180)		тр. (Тр. фл.)			парусно-моторная шхуна, на 1.01.1917 ³ и 1.10.1917 ¹⁴ входила в отдельную группу П.-М. Ш. Тран. фл., на 1.01.1918 в Отр. ср. в. ⁴
145.	Джигит		транспорт			см. «Ледокол № 3».
146.	Джиоконда (№22)	3701 брт	тр. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Австро- Венгрия		интернированный пароход «Giokonda» [39], торпедирован германской подводной лодкой UB-45 20.08 (2.09).1916 на Трапезундском рейде и выброшен на мелкое место [279]. В 01.1917 упоминается как погибший [123].
147.	Джузеппе П. (Т-223)	<u>494,14 [5]</u> 279,97	тр. 2 див. (Бр. тр.)	<u>Д. Петруци</u> [5]		товарный пароход, с 15.09.1917 Т-323 [17].
148.	Диамантиди (Т.-229)		тр. 2 див. (Бр. тр.)	<u>1916</u> А.О. Рус.- Дунайское п- во [70]		паровая шхуна, на 1.01.1918 Т-328 [4].
149.	Диана		к			08.1917 привлечен по военно-судовой повинности и зачислен в плав. средства портов В. части [124].
150.	Дмитрий (№ 23)	1018 т	тр. 5 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ [126]	05.1918 возвращ.	на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде, с 16.11 зачислен в списки судов Действующего отряда судов и морской обороны Крыма [125]. С 1922 «Керчь» [68].
151.	Дмитрий [70]	<u>44,94 [5]</u> 12,01	ЭОН	<u>П.С. Логофети</u>		буксирный пароход.
152.	Дмитрий Герой (Т-293)	<u>209,04 [5]</u> 115,93	тр. 9 див. (Бр. тр.)	<u>М. Махлин</u>	28.09.1920	товарно-пром. Траулер [5], буксирный катер. С 15.09.1917 Т-393 [17], с 05.1919 зачислен в состав Новороссийского порта, с 06.1919 катер Службы связи, с 1.07.1919 зачислен в класс посыльных судов [127]. Погиб при тралении фарватера Мариупольского порта [128].

1	2	3	4	5	6	7
153.	Днепр	9029 т	уг. тр. (Сев. порт)	1.05.1909	1920 за гран.	б. пароход «Матильда» [129], на 1.01.1918 вс. с. Мин. бр. [4]. На 08.1919 транспорт Морского ведомства нахо- дился на ремонте в Констан- тинополе [33].
154.	Днепровец	525 т	порт. с. – база 4 подв. див.	1914 – 1916	1920 за гран.	б. портовое судно «Днеп- ровский канал», на 1.01.1918 база 4 подв. Див [4]. В 05.1919 зачислен в.п. в 3 ранг судов флота, в 08.1919 зачислен в отряд особого назначения [132].
155.	Днепровско- Цареградская дис- танция [4]		К.Д.-Ц.д. (Отр. судов С-3 части)			
156.	Днестр (№ 80)	4725 т [131]	тр. (Тр. фл.)			на 1.01.1917 транспорт в составе Тран. фл. [3], на 1.10.1917 и 1.01.1918 в спи- сках флотилии нет.
157.	Добро		тр. 8 от. (Тр. фл.)		07.1919 возвращ. [130]	парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в рас- поряжение начальника Отр. с. В. части [76], на 1.10.1917 в том же отряде [7].
158.	Доброволец (Т- 273)	<u>122,94 [5]</u> 1,83	тр. 7 див. (Бр. тр.)	<u>28.10.1916</u> Доброфлот	1920 за гран.	буксирно-спасательный пароход [5], буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т- 373 [17]. В 05.1919 б.п. зачислен в плавсредства Новороссийского порта, в 08.1919 переведен в Сева- стопольский порт [132].
159.	Добруджа (№ 154)		тр. 9 див. (Бр. тр.)	<u>29.10.1916</u> Румыния	08.1918 возвращ.	грузовой пароход получен от румынского правитель- ства*, в 11.1916 зачислен в 9 отряд с присвоением № 154 [133], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 6 отряде.
160.	Добыча (№ 137)	921 брт	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>2.07.1916</u> Турция	1920 за гран.	грузовой пароход «Итти- хад», интернированный в 08.1914*, на 1.01. и 1.10. 1917 в 6 отряде [14]. На 05.1922 в Бизерте [134].
161.	Дозорный		ЭОН	<u>упр. Херсонско- го торг. порта</u>		катер, под № БО14 вошел с 03.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
162.	Дон	5432 брт	тр. (Сев. порт)	<u>11.1914</u> Доброфлот	1920 за гран.	до 08.1914 «Петербург»*, в 01.1917 зачислен в Тран. фл. под № 157 [135], на 1.01.1918 п.б. Мин. бр. [5]. На 05.1922 значится проданным [136].
163.	Донские гирла (Ледокол Донских гирл)	<u>269,26[5]</u> 127,33	л. (Сев. порт)	<u>Комитет Донских гирл</u> [5]		в 04.1917 передан в состав Тр. ф. [102], на 1.10.1917 [7] и 1.01. 1918 [4] в 8 отряде. В 1919 входил в состав Азов- ской флотилии Донской об- ласти и ВСЮР, оставлен при отступлении. 13.04.1920 мо- билизован в красный Черно- морский флот под названием «Сталин». 23.11.1921 пере- дан Мортрану [137].

1	2	3	4	5	6	7
164.	Дооб ⁸	<u>630,96⁵</u> 348,69	тр. (Керченский порт)	<u>1914 – 1915</u> Андрейс Т-во «Ново- российское п-во» ⁵	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход, ⁵ транспорт «Тригон». ¹⁰⁴ В 05.1919 передан в ведение управления торговли и промышленности ВСЮР. ¹³⁸ На 01.1923 значится возвращ. в Сов. Россию. ⁵⁵
165.	Дочь (№ 93)	<u>3370,79</u> [5] 2163,94	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> П. Шполян- ский	10.1918 за гран.	товаро-пассажирский пароход [5], грузовой пароход*, на 1.10.1917[7] и 1.01.1918 [4] в 7 отряде. В нач. 1924 находился в Греции или Александрии [110].
166.	Друг*	<u>238,64 [5]</u> 123,17	порт. с.	<u>1914 – 1916</u> А.О. «Рус. Черн.- Днепров.п- во» [5]	на 1921 было	буксирно-пассажирский пароход
167.	Друг жизни (№ 122)	<u>81,33⁵</u> 73,50	тр. (Тр. фл.)	Р. и В. Сапко и И. Бендер		парусный трембак, на 1.01.1917 в составе Тран. фл. [3], на 1.10.1917 и 1.01.1918 в списках флотилии нет.
168.	Дружба (№ 24)	<u>3810,18</u> [5] 2358,18	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Ф.К. Звороне и Э.С. ди Полоне [111]	1919 за гран.	товарный пароход [5], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [8] в 7 отряде.
169.	Дунай (Т-211)	682 т	тр. 1 див. (Бр. тр.)	<u>15.10.1916</u>	1920 за гран.	в 06.1917 временно прикомандирован к Тран. фл. [56], с 15.09.1917 Т-311 [17].
170.	Дунай	1380 т	заградитель (Отр. с. С- 3 части)	<u>1892</u> Ч.ф.	14.11.1941 погиб	в 09.1917 зачислен в Тран.фл. [39], с 05.1919 база подв. Лодок [140], с 1922 «1 Мая», с 1932 «Гидрограф» [108].
171.	Дунай [42]		ЭОН	<u>1916</u> А.О. Рус.- Дунайское п- во		паровая шхуна.
172.	Дыхтау (Дых-тау) (№ 87)	<u>1111,77</u> [5] 664,26	тр. 5 от. (Тр. фл.)	<u>7.09.1914</u> РОПиТ [24]	1920 за гран.	товарный пароход*, до 03.1916 заградитель, на 1.10.1917 в 8 отряде [14].
173.	Евангелистрия	<u>117,18 [5]</u> 98,27	див. сет. заградителей	Ф.И. Фабиано [5]		парусная шхуна, в 1917 судно-ловушка для подводных лодок, в 08.1917 зачислена в Отр. с. В. части [141].
174.	Евгений		ЭОН	упр. Херсонского торг. порта		катер, под № БО12 вошел с 03.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [10]. В приказах по Николаевскому порту значится как пароход [142].
175.	Евгения		л.			в 04.1917 передан в Тран.фл. [102].
176.	Евгения	<u>34,81 [5]</u> 9,53	ЭОН	В.И. Мясо- едов и И. Егоров [5]		буксирный пароход.

1	2	3	4	5	6	7
177.	Евфрат (№ 25)	<u>3217,49</u> [5] 2035,89	тр. 2 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ [24]	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 5 отряде. После 1920 во Франции [144], в 1932 сдан на лом [145].
178.	Екатерина*	<u>34,88</u> [5] 6,65	порт. с.	1914 – 1916 О-во Арма- вир.-Туапс. ж/д [5]	11.1918 возвращ.	буксирный пароход.
179.	Екатерина Вели- кая*	80 т	порт с.	1914 – 1916	11.1918 возвращ.	буксирный пароход. На 08.1919 в составе отряда судов особого назначения, с 09.1919 в отряде на Дону [143].
180.	Екатеринослав*	<u>6581,14</u> [5] 4174,70	тр.	<u>1914 – 1916</u> Доброфлот	1920 за гран.	товаро-пассажирский па- роход.
181.	Елена*	~ 96 т	порт. с.	<u>1914 – 1916</u> Греция	на 1922 было	буксирный пароход «Ак- руспар», полученный от греческого правительства.
182.	Елена (№ 45)		тр. 9. от. (Тр. фл.)	<u>6.10.1916</u> Греция	12.1918 возвращ.	на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 ^{4[4]} в 10 отряде.
183.	Елена Д.*	<u>82 т</u> 282 т [14]	порт.с	1914 – 1916	1920 за гран, оставлен в Крыму [146]	буксирный пароход. На 05.1919 в составе белого Черноморского флота [147].
184.	Елена Купа (Т- 265)	<u>398,85</u> [5] 210,44	тр. 6 див. (Бр. тр.)	<u>15.10.1916</u> Х.А. Бычи- хин и О.В. Куппа	на 1921 было	товарный пароход [5], паровая шхуна*, с 15.09.1917 Т-365 [17]. В 1919 в составе белого Черноморского флота. В 02.1920 захвачена совет- скими войсками и пере- оборудована в канонер- скую лодку под названием «Червоный казак I». 20.08.1920 затоплена при отходе из Темрюка, под- нята в 06.1921.
185.	Елизавета- Волонта-ди-Дио	<u>126,30</u> [5] 70,77	див. сет. заградите- лей	<u>Р.И. Патроне</u> и П. Фабиано [5]		парусно-моторное судно. Судно-ловушка для подвод- ных лодок, в 08.1917 зачис- лена в Отр. с. В. части [141].
186.	Елизавета Фрич			<u>07.04.1917</u> Румыния		Буксирный катер 80 л.с., зачислен в 04.1917 в Бар- жевой отряд Тран. фл. [149] под № РО6 [13].
187.	Есть		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в рас- поряжение начальника Отр. с. В. части [76], на 1.10.1917 в том же отряде [14].
188.	Жанетта (Т-238)	<u>519,84</u> [5] 272,06	тр. 3 див. (Бр. тр.)	<u>15.10.1916</u> В.И. Сифнео	1920 за гран.	товарный пароход, в 06.1917 временно прикомандирован к Тран. фл. [56], с 15.09.1917 Т-338 [17], на 1924 ходил под греческим флотом под на- званием «Джанетта» - вла- дельцы брата Сифнео [114].

1	2	3	4	5	6	7
189.	Жанетта [70]		ЭОН	<u>1916</u> А.О. Рус.- Дунайское п-во		паровая шхуна.
190.	Женерозо (№ 26)	<u>3775 т</u> <u>5500 т</u> [150]	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Италия	18.06.1918 затопл.	получен от правительства Италии*, 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 5 отряде. Поднят ЭПРОНом в 1934 [150].
191.	Женя Ревенский [8] (Т-377)		тр. 7 див. (Бр. тр.)			
192.	Живете		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в распоряжение начальника Отр. с. В. Части [76], на 1.10.1917 в том же отряде [14].
193.	Жоржик		к.			катер, в 08.1917 привлечен по военно-судовой повин- ности и зачислен в плав. средства портов В. Части [61].
194.	Забава		Мор. Кад. корпус			яхта, в 08.1917 прикоман- дирована к Учебному от- ряду [151].
195.	Земля		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в распоряжение начальника Отр. с. В. Части [76], на 1.10.1917 в том же отряде [14].
196.	Иван Бурхард (№ 175)	181 брт	тр. (Тр. фл.)	1914 – 1916	на 1921 было	парусно-моторная шхуна, на 1.01.1917 входила в отдель- ную группу П.-М. Ш. Тран. фл. [3]. В 06.1917 освобожде- на от военно-судовой повин- ности и исключена из спи- сков флотилии [79].
197.	Игнатий Прохо- ров (№ 27)	<u>1368,64</u> [5] 773,06	тр. 6 от. (Тр. фл.)	12.0.1915 Адм. по делу п-ва Ш. и Э. Карпатниц- ких	1919/1920 взорвался в Сев. бухте	товарный пароход, на 1.10.1917 в 6 отряде [14].
198.	Ида	<u>1707,75</u> [5] 938,08	тр.	<u>А.М. Камба- ни</u>		товарный пароход, 16 (29).10.1914 захвачен крейсером «Гебен», 30.06.(13.07.)1915 уничто- жен рос. э/м под новым названием «Игнеида» в районе Шиле [152].
199.	Иерусалим (№ 34)	<u>5103,75</u> [5] 3127,38	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ	1920 за гран.	товаро-пассажирский па- роход* «Ломбардия» [154], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] во 2 отряде. На нач. 1924 г. работал между Францией и ее ко- лониями в Китае и Афри- ке [110].
200.	Иже		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в рас- поряжение начальника Отр. с. В. Части [76], на 1.10. 1917 в том же отряде [14].

1	2	3	4	5	6	7
201.	Измаил (№ 118)	<u>384,08 [5]</u> 217,07	тр. (Тр. фл.)	<u>1914 – 1916</u> С.Б. Фальц-Фейн [5]		товаро-пассажирский пароход, на 1.01.1917 в составе Тран. фл., [3] на 06.1917 упоминается как погибший [155].
202.	Илья Морозов	<u>349,84 [5]</u> 209,59	ЭОН	<u>Х.А. Феофани</u>		товарный пароход [5], катер, под № БО28 вошел с 03.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [10]. Однако на 5.10.1917 под этим номером значится катер «Элси» [69].
203.	Император Александр I		А.с. (ОКА)	<u>1914 – 1915</u> РОПиТ [53]	1919 за гран.	приказом по флоту и Мор. ведомству № 288 от 30.11.1916 пос.с. зачислено в 2 ранг [117], 6.04.1917 переименовано в «Республиканец». * В 1919-1920 во фрахте у франц. правительства. В 1921 продано фран. компании «Мессажери маритим» и переименовано в «Ламартин», с 1940 «Кай Дини», позже авиабаза ВВС США [156].
204.	Император Александр I (№ 170)		тр. (Тр. фл.)			парусно-моторная шхуна, на 1.01.1917 [3] 1.10.1917 [14] входила в отдельную группу П.-М. Ш. Тран. фл., на 1.01.1918 в Отр. ср. в. [4].
205.	Император Александр II (№ 28)	<u>1132,98 [5]</u> 588,36	тр. (Тр. фл.)	<u>РОПиТ [5]</u>		товаро-пассажирский пароход, на 1.01.1917 в списках Тран. фл. отсутствует, в 03.1917 упоминается как погибший [157].
206.	Император Николай I	<u>5611,95 [5]</u> 3387,76	А.с. (ОКА)	<u>1914 – 1915</u> РОПиТ [53]	1919 за гран.	товаро-пассажирский пароход, приказом по флоту и Мор. ведомству № 288 от 30.11.1916 пос. с. зачислено во 2 ранг [117], 04.1917 переименовано в «Авиатор»*. В 1919-1920 находился во фрахте у фран. правительства, в 1921 продан фран. компании «Мессажери маритим» и переименован в «Пьер Лоти». 12.12.1942 потерпел аварию на банке Лаваль на переходе Лагос-Либерия и выведен из строя [158].
207.	Император Николай II (№ 29)	<u>4466,99 [5]</u> 2407,29	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>10.03.1915</u> РОПиТ	на 1921 было	товаро-пассажирский пароход, в 09.1917 переименован в «Вече»*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 1 отряде. В 01.1920 в Одессе затоплен подпольщиками, поднят в 1921 и ходил под именем «Ильич». В 01.1944 в Портланде в результате диверсии затонул. Разобран на металл [160].

1	2	3	4	5	6	7
208.	Император Петр Великий	<u>5619,16</u> [5] 3373,12	гос. с. (Сев. порт)	<u>1914</u> РОПиТ [53]	1987 разо- бран	товаро-пассажирский паро- ход*, в конце 1919 сдан во фрагт фран. компании «Мес- сажери маритим», в районе Варны подорвался на mine и затонул в 02.1920. Поднят в 10.1938 [72], в 09.1941 затоплен у входа в Одесский порт. Под- нят немцами и передан Румы- нии. Возвращен в СССР и вступил в строй под названием «Якутия». В 1987 переимено- ван в «Морской-2», продан на слом Южной Кореи [161].
209.	Император Траян	4505 т	всп. кр. (Кр. бр.)	<u>16.11.1916</u> Румыния	1918 воз- вращ.	приказом по флоту и Мор. ведомству № 289 от 30.11.1916 пос.с. зачисле- но в 2 ранг [117].
210.	Императрица Ма- рия (№ 30)	<u>1408,82</u> [5] 803,77	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ	03.1918 погибло	товаро-пассажирский па- роход, в сер. 1917 пере- именовано в «Жар- Птица», на 1.10.1917 [14] в 7 отряде.
211.	Имрико (№ 31)	<u>1508,40</u> [5] 910,21	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> И.И. Робино- вич и К ^о	10.1918 возвращ.	товарный пароход, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 7 отряде. В 01.1928 сообща- лось, что транспорт заходил в Зунгулдакский порт под на- званием «Еспусер» [159].
212.	Ингул (№ 63)	<u>5700 т</u> 2808 брт	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>08.1914</u> Австро- Венгрия	05.1918 возвращ.	интернированный авст- рийский грузовой пароход «Стела» (Stella)*. на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 6 отряде. В 05.1919 зачислен базой 1 отряда для действия на реках, на 08.1919 значится транс- портом Морского ведомст- ва [162]. В 1921 и 1923 проходил ремонт в Сева- стополе.
213.	Инженер*	<u>36,98 [5]</u> 0,72	порт. с.	<u>1914 – 1916</u> В.А. Ефанов [5]	1920 за гран.*	буксирный паровой катер, с 1919 «Сотник»*. Моби- лизован в 04.1920 посыль- ным судном, впоследст- вии гидрографическое судно и тральщик. В 1923 сдан на слом [163].
214.	Инженер Авдаков (№ 32)	<u>1822,86</u> [5] 1045,12	тр. 2 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> ч.в. Петр Ре- гир [111] Пар-ды «Петр Регир и сын» [5]	12.1918 возвращ. 1920 за гран.	товарный пароход, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 7 отряде.
215.	Ипполай (Т-272)	82 т	тр. 7 див. (Бр. тр.)	4.12.1916	1920 за гран.	буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т-372 [17].
216.	Ирена Мюлон			<u>27.04.1917</u> Румыния		буксирный катер 40 л.с., зачислен в 04.1917 в Бар- жевой отряд Тран. фл. [149] по № РО4 [13].

1	2	3	4	5	6	7
217.	Исток	2891 брт	тр.	<u>1.08.1914</u> Австро-Венгрия	12.1914 затоплен	интернированный австрийский пароход «Istok» [39], 11(24). 12.1914 затоплен с камнями в районе Зунгулдака [85].
218.	Истриан*		порт.с.	1914 – 1916	1920 за гран.	паровая землечерпательная шаланда.*
219.	Кавказ (№17)	1500 брт	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> ч.в. «Пар-ды Шполянско- го» [111]	1920 за гран.	на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 7 отряде.
220.	Кавказ					в 11.1917 упоминается мобилизованный пароход «Кавказ» [164].
221.	Казак (№ 35)	<u>776,56 [5]</u> 424,55	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Юж.-Рус. пар. о-во [159] Адм. по де- лам п-ва Ш. и Э. Карапатни- ских [5]	12.1918 за гран.	товарный пароход*, на 1.10.1917 [14] в 8 отряде. На 1924 ходил под турецким флагом под названием «Гюзель-Мерсина», «Мерсина» - владелец Мулузск из Адана [159].
222.	Казарский	411 т	пос. с. (Охр. Сев. рейдов)	<u>1890</u> Чф	на 1921 было	В 1919 в составе белого флота, в 11.1920 оставлен при эвакуации. 15.12.1920 зачислен в состав Морских сил Черного моря как минный заградитель [58].
223.	Казбек				кон. 10.1914 погиб	судно подорвалось у Новороссийска на mine, поставленной крейсером «Бреслау» [85].
224.	Казбек	700 т	г. с.	<u>1854</u> Чф	1920 за гран.	б. шхуна «Эльбрус»*. С 05.1919 в Управлении маяков и лоции Черного моря [165].
225.	Како		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в распоряжение начальника Отр. с. В. части [76], на 1.10.1917 в том же отряде [14].
226.	Карпаты (№ 151)	7500 т	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>29.10.1916</u> Румыния	10.1918 возвращ.	грузовой пароход, передан румынским правительством*. На 1.10.1917 в 8 отряде [14].
227.	Катя	<u>473,86 [5]</u> 285,05		<u>Ф.К. Звороно</u> [5]		товарный пароход, потоплен 24.09.(7.10.)1915 п.л. «UB-14» у берегов Крыма [47].
228.	Кафа (Т-274)	82 т	тр. 7 див. (Бр. тр.)	<u>1912</u> Министерст- ва тор-говли и промыш- ленности	на 1922 было	буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т-374 [17]. В 1922 передан Мортрану [166].
229.	Кача		тр. (база див. Бр. тр. в Сев.)		1920 за гран. [30]	на 1.01.1918 база 1-4, 6 и 7 див. Бр. тр. [4].

1	2	3	4	5	6	7
230.	Кача (№ 84)	<u>10000 т</u> 4101 брт [39]	тр. (Тр. фл.)	<u>17.08.1914</u> Германия	05.1918 возвращ.	интернированный грузо- вой пароход «Эти Рик- мерс» (Etha Rickmers). На 1.10.1917 и 1.01.1918 в списках флотилии нет.
231.	Кербедз*	500 т	с. с.	16.08.1914	на 1922 было	б. землесосный снаряд.*
232.	Керчь	141 т.	тр. 7 див. (Бр. тр.)	1914 – 1916	на 1922 за гран.	до 1917 порт. с.*, на 1.01.1918 Т-372 [4].
233.	Кефалония (Т- 221)	<u>66,64 [5]</u> 14,46	тр. 2 див. (Бр. тр.)	<u>П.С. Лого- фети</u>		колесный товарный паро- ход, с 15.09.1917 Т-321 [17], в 06.1917 временно прикоман- дировывался к Тран.фл. [56]. С 1920 «Красный Таганрог» [167].
234.	Киев	<u>580,46 [5]</u> 376,69	2 от. (Див. сет. загр.)	<u>9.01.1917</u> Аз.-Чер. пар. о-во [55]	1920 за гран. в Ру- мынии	товаро-пассажирский па- роход [5], в кампании с 15.12.1916 [168].
235.	Киев ⁵	45 т	м.к.			В 08.1919 включен в пар- тию траления [37], в 1920 оставлен в Севастополе, в 1922 разобран [169].
236.	Кинжал		пос. с. (Отр. обор. устьев Дуная)	1915	1919 на Каспий	на 1.01.1918 тр. 10. див. Бр. тр. [4].
237.	Клавдия (№ 183)		тр. (Тр. фл.)			парусный галиот, на 1.01.1917 [3] и 1.10.1917 [14] входил в отдельную группу П.-М. III. Тран. фл., на 1.01.1918 в Отр. ср. в. [4].
238.	<u>Клара Сепарис</u> (№132) (Калерой Сепари)	2570 т	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>1916</u> Румыния	1920 за гран.	товарный пароход передан румынским правительст- вом*. На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде. Приказом начальника Мор- ского управления при Глав- нокомандующем ВСЮР № 104 от 3.05.1919 переимено- вана в «Екатеринодар» [170]. На 1922 находился за грани- цей [95].
239.	Клоп		к			катер привлечен в 08.1917 по военно-судовой повин- ности и зачислен в плав. средства В. части [171].
240.	Князь Оболенский	<u>249,18 [5]</u> 126,76	тр.	<u>Ф. Феофани</u> [64] А.А. Феофа- ни [5]		товаро-пассажирский ко- лесный пароход [5], рас- стрелян 21.06.(4.07.) 1916 крейсером «Гебен» в районе Туапсе [172].
241.	Колхида	990 т	п.с. (Охр. Сев. рей- дов)	1913	02.1920 погибло	б. яхта «Гамара».*
242.	Константин	<u>145,27 [5]</u> 66,98	ЭОН	<u>Ф.К. Звороно</u>		товаро-пассажирский колес- ный пароход [5], полумор- ской буксир, под № БО5 вошел с 03.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [10].

1	2	3	4	5	6	7
243.	Константин Зво- ронос	<u>449,12 [5]</u> 312,31	ЭОН	<u>18.11.1916</u> [173] А.К. Звороно		товарный пароход [5], паро- вая шхуна, под № БО24 вошла с 03.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
244.	Констанца (№ 152)	5500 брт	тр. 5 от. (Тр. фл.)	<u>29.10.1916</u> Румыния	08.1918 возвращ.	грузовой пароход передан румынским правительст- вом*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 4 отряде.
245.	Контакт [4]		тр. 10 див. (Бр. тр.)			
246.	Корнилов (№ 36)	<u>2230,28</u> [5] 1321,83	тр. 7 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ	1920 за гран.	товаро-пассажирский па- роход, ⁵ на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в Отр. с.в. Тран. фл.
247.	Королевич Алек- сандр (№ 140)	<u>266,66 [5]</u> 125,24	тр. 9 от. (Тр. фл.)	<u>1916</u> Азово-Черн. пар. о-во [5]	12.1941 погиб	товаро-пассажирский ко- лесный пароход [5], грузо- вой пароход*, в 01.01.1917 в составе Тран. фл. [3], в 04.1919 возвращен вла- дельцу [99].
248.	Король Альберт 1 ^й (№ 139)	<u>470,62 [5]</u> 305,80	тр. 9 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Азово-Черн. пар. о-во	1920 за гран.	товаро-пассажирский колес- ный пароход [5], 18(31).03.1916 преследуемый германской подводной лод- кой U-33 у Сухума, выбро- сился на берег [280.] На 1.01.1917 в составе Тран. фл., в 06.1917 освобожден от военно-судовой повинности и исключен из списков Тран. фл. [79]. На 01.1923 ходил под итальянским флагом и названием «Ида» [174].
249.	Король Карл	4200 т	Всп. кр. (Кр. Бр.)	<u>16.11.1916</u> Румыния	1918 воз- вращ.	приказом по флоту и Мор. ведомству № 289 от 30.11.1916 пос. судно за- числено во 2 ранг [117].
250.	Коршун	100 т[104]	пос.с. (Охр. Сев. рейдов)		на 1921 было	б. крейсер пограничной стражи, в 08.1919 включен в партию траления [37]. С 1924 – «Красный Аджарец» [34].
251.	Крепыш		к			катер привлечен в 08.1917 по военно-судовой повин- ности и зачислен в плав. средства портов СЗ части. Затоплен в 1919 в Гениче- ске, поднят [175].
252.	Креста (№ 134)		тр. 10 от. (Тр. фл.)	1914 – 1916	09.1918 за гран.	яхта, на 1.10.1917 [14] в 10 отряде, на 1.01.1918 в списках флотилии не зна- чится. В приказах по Ни- колаевскому порту в 08- 12.1917 числится в 5 ди- визионе тральщиков отря- де судов С-З части Ч.м.
253.	Кронштадт	16400 т	п.м. (Сев. порт)	<u>3.05.1907</u> Чф	1920 в Би- зерту	б. товаро-пассажирский пароход «Франция». На 03.1922 плавал под фран- цузским флагом и с фран- цузской командой [30].
254.	Кречет [4]		м.к.			В 08.1919 зачислен в пар- тию траления [37].

1	2	3	4	5	6	7
255.	К-1	255 т [19]	р.к.л. [177] (Дун. фл.)	8.02.1917	11.1920 затон.	баржа № 432*, самоходная баржа приказом по флоту и Морскому ведомству №25 от 31.03. 1917 занесена в списки судов флота с 8.02. с.г. и зачислена IV ранг [178]. В 1919 в составе белого Черноморского флота, в 11.1920 затоплена в Евпатории [19].
256.	К-2		р.к.л. (Дун. фл.)	8.02.1917	02.1918 возвращ.	самоходная баржа №435.* [179].
257.	К-3		р.к.л. (Дун. фл.)	8.02.1917	На 1921 была	самоходная баржа №437 *, [179] в 1919-1920 Б-3.*
258.	К-4		р.к.л (Дун. фл.)	8.02.1917		самоходная баржа №447 [179]*. В 05.1919 зачислена в 3 ранг судов флота [116].
259.	К-5		р.к.л. (Дун. фл.)	22.02.1917		самоходная баржа приказом по флоту и Морскому ведомству №28 от 31.03.1917 занесена в списки судов флота 8.02. с.г. и зачислена в IV ранг [179].
260.	К-6		р.к.л. (Дун. фл.)	02.1917		самоходная баржа [179].
261.	К-7		р.к.л. (Дун. фл.)	<u>02.1917</u> Румыния	02.1918 возвращ.	рум. баржа приказом по флоту и Морскому ведомству № 28 от 31.03.1917 занесена в списки судов флота 8.02. с.г. и зачислена в 4 ранг [179].
262.	К-8		р.к.л. (Дун. фл.)	<u>22.02.1917</u> Румыния	На 1924 была	самоходная баржа [179]. С 1919 в составе белого Черноморского флота «Б-1». В 1920 зачислена в состав Морских сил Черного моря. 25.01.1921 затонула во время шторма, впоследствии поднята. После 1925 разоружена и зачислена в вспомогательные суда флота [180].
263.	К-9		р.к.л. (Дун. фл.)	<u>02.1917</u> Румыния	02.1918 возвращ.	самоходная баржа [179].
264.	К-10		р.к.л. (Дун. фл.)	<u>02.1917</u> Румыния	02.1918 возвращ.	самоходная баржа [179.]
265.	К-11		р.к.л. (Дун. фл.)	<u>02.1917</u> Румыния	02.1918 возвращ.	самоходная баржа [179].
266.	К-12		р.к.л. (Дун. фл.)	<u>02.1917</u> Румыния	02.1918 возвращ.	самоходная баржа [179].
267.	К-13		р.к.л. (Дун. фл.)	<u>02.1917</u> Румыния	02.1918 возвращ.	самоходная баржа [179], начала компанию с 24.06.1917 [181].
268.	К-14		р.к.л. (Дун. фл.)	<u>02.1917</u> Румыния	02.1918 возвращена	рум. Баржа [179], самоходная баржа*, начала компанию с 16.05.1917 [182].

1	2	3	4	5	6	7
269.	К-15		р.к.л. (Дун. фл.)	8.02.1917	1920 в Бизерту	паровая шаланда «Казатин» зачислена в 3 ранг судов под № К-15 [182]. Начала кампанию с 30.06. 1917. [183]. В 05.1919 зачислена в 3 ^{ий} ранг судов под названием «Кавказ», в 07.1919 разоружена и сдана в портовые средства Новороссийского порта. Позже г.г. судно [184].
270.	К-16		р.к.л. (Дун. фл.)	4.07.1917		самоходная баржа,* несамоходная баржа, отделение сформировано в 09.1917 [177].
271.	К-17		р.к.л. (Дун. фл.)	4.07.1917	11.1920 погибла	несамоходная баржа, отделение сформировано в 09.1917 [177]. В 1919-1920гг. «Б-4». 14.11.1920 при эвакуации белой армии затоплена у Евпатории [19].
272.	К-18		р.к.л. (Дун. фл.)	22.09.1917		самоходная баржа,* несамоходная баржа, отделение сформировано в 09.1917 [177].
273.	К-19		р.к.л. (Дун. фл.)	22.09.1917		несамоходная баржа, отделение сформировано в 09.1917 [177].
274.	Лазарев (№37)	<u>1780.03[5]</u> 1 1033,25	тр. 2 от.(Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиг[24]	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход [5], почтово-пассажирский пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] во 2 отряде.
275.	Лазарь Кириако [17] (№ 133) (Кирияко)	370 т	тр.3 от.(Тр. фл.)	<u>1915</u> Румыния	1920 за гран.	буксирный пароход «Маврета» передан румынским правительством,* на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [5] в 3 отряде.
276.	Леванцо (№ 109)	2282 брт	тр. 9 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Италия	1919 воз- вращ.	грузовой пароход передан итальянским правительством*, в 01.1917 за спасение транспорта 29 человек из 5 и 8 дивизионов Бр. тр. награждены медалями «За усердие». На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [5] в 9 отряде.
277.	Леватос (№ 174)	<u>251.42[5]</u> 117,80	тр. (Тр. фл.)	<u>06.09.1916</u> А.С. Караманов	10.1919 возвращ.	грузовой пароход*, моторное судно [5], на 1.01.1917 [3] и 1.10.1917 [14] входила в отдельную группу П.-М.Ш. Тран. фл., на 1.01.1918 в Отр. ср.в. [4].
278.	Ледокол № 1	700 т	л. (Сев. порт)	1914 – 1916	1920 за гран. [95]	портовый ледокол, в 04.1917 передан в Тран. фл. [102], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918[5] в 1 отряде, с 1919 «Всадник».
279.	Ледокол № 2	1250 т	л.	1914 – 1916	1920 за гран.	портовый ледокол, с 1919 канонерская лодка «Гайдамак».*

1	2	3	4	5	6	7
280.	Ледокол № 3	<u>115,51 [5]</u> 63,18	л.	1914 – 1916 Ф.И. Звороно	1920 за гран.	пассажирско-буксирный пароход [5], портовый ле- докол, в 04.1917 передан в Тран. фл. [102], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] во 2 отряде, с 1919 «Джигит». * На 05.1922 в Бизерте [134].
281.	Ледокол № 4		л. (Сев. порт)		1919 затоп- лен в Гени- ческе [31]	в 04.1917 передан в Тран. фл. [102], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 5, затем в 4 отрядах.
282.	Ледокольник	<u>60,58 [5]</u> 12,79	220т [130]	л. (охр. лиманов) О-во Николаев- ский лоцманов	1920 за гран.	буксирный пароход [5], в 04.1917 передан в Тран. фл. [102], на 1.01. 1918 к.о.л. отр. судов СЗ части [4]. В 01.1920 увенден белыми из Мариуполя, переименован в «Азовец» [186].
283.	Ледорез	<u>103,05 [5]</u> 47,31	л. (7 див. Бр. тр. – вспом. катер)	Т-во Одес- ских лоцма- нов		ледокольный буксир [5], в 04.1917 передан в Тран. фл. [102], на 1.01. 1918[4] в 6 отряде.
284.	Лея (Т-225)	<u>571,15 [5]</u> 392,87	тр. 2 див. (Бр. тр.)	<u>15.10.1916</u> Г.П. Суворов	на 1922 было	товарный пароход, с 15.09.1917 Т-325 [17]. В 09.1920 мобилизован в красный Черноморский флот с 20.06.1920 кано- нерская лодка «III Интер- национал», в 04.1922 пе- редан Мортрану [148].
285.	Лидия	<u>49,80 [5]</u> 13,98	к. (7 див. Бр. тр. вспом. катер)	С.Б. Фальц- Фейн		буксирный пароход, пере- веден с 13.01.1917 в плав. средства Сев. порта [187].
286.	Ливафос [43]		ЭОН	<u>18.11.1916</u> Рус. Об-во вывозной торговли		пароход, с сер. 1917 в Б.о. Дунайской тран. флоти- лии.
287.	Лоцман	<u>42,84 [5]</u> 11,27	к. (Кер- ченский порт)	Об-во Керчь- Еникальских лоцманов		буксирный пароход
288.	Лоцман	<u>103,76[5]</u> 33,43	п. (охр. лиманов)	<u>1917</u> О-во Никола- евских лоц- манов	на 1926 было	буксирный пароход [5], г.с.*, на 1.01.1918 к.о.л. (Отр. судов СЗ части) [4].
289.	Лоцмейстерский*	104 т	г.с.	11.02.1914	1956 разо- бран	
290.	Лукулл	<u>553 т</u> 580 т [188]	п.с. (охр. Сев. рей- дов)	1890	1920 за гран.	пароход, до 4.04.1913 «Колхида». Погиб в 1921 в проливе Босфор.
291.	Лукоморье		к. (Бр. тр.)			буксир, в 01.1917 перевенден из плав. средств Сев.порта в Бр. тр. [187]. 8.06.1920 моби- лизован в Морские силы Черного моря, 25.05.1921 передан Мортрану [186].

1	2	3	4	5	6	7
292.	Луч (№ 159)	<u>1624,28⁵</u> 923,27	тр. нефте- наливной (Сев. порт)	<u>5.09.1914</u> Ак. о-во «Океан» [84]	на 1921 было	на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 6 отряде Тран. фл.
293.	Люди		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в распоряжение начальника Отр. с. В. части [76], на 1.10.1917 в том же отряде [14].
294.	Людмила (№ 38)	<u>588,17 [5]</u> 312,13	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Рус. о-во ЮРНО [159] Адм. по де- лам пар-ва Ш. и Э. Карапат- нических [5]	11.1918 возвращ.	товарный пароход, на 01.1928 ходил по Чер. мо- рю под названием «Лад- диль» [159].
295.	Людмила		м.к.			в 08.1919 зачислен в пар- тию траления, 09.1919 назначен в отряд судов на Дону [87].
296.	Ля-Фортуна (№ 185)					парусно-моторная шхуна. В списках флотилии на 1.01.1917 не значится, в 06.1917 освобождена от военно-судовой повинно- сти и исключена из спи- сков Тран. фл. [42].
297.	Маккавей	<u>1726,81</u> [5] 905,40	тр. (Тр. фл.)	Торг. дом «Братья М. и Я. Розен- штейн» [5]		товаро-наливной пароход [5], 16(29). 03.1915 подор- вался на mine на подходе к Севастополю [281]. На 2.10.1917 значится по- гибшим [189].
298.	Малороссия (№ 39)	<u>893,34 [5]</u> 421,50	тр. 5 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Пар. «Петр Регир и сын» [5]	1919 за гран.	товарный пароход, 27.05(8.06). 1916 пресле- дуемый германской под- водной лодкой UB-38 вы- бросился на берег и унич- тожен арт огнем [282]. На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде.
299.	Маргарита (№ 131)	7500 т	тр. 4 от. (Тр. фл.)	1914 – 1916	1920 за гран.	грузовой пароход, на 1.10.1917 в 4 отряде [14]. В 1919 транспорт Морско- го ведомства «Сарыч» [190].
300.	Мариетта (Т-253)	<u>431,99 [5]</u> 308,66	тр. 5 див. (Бр. тр.)	П.Ф. Чагано		товарный пароход, в 06.1917 временно отко- мандировывался в Тран. фл. [56], с 15.09.1917 Т- 353 [17].
301.	Мария (Т-240)		тр. 4 див. (Бр. тр.)			с 15.09.1917 Т-343[17], с 1919 «Сарыч»*.
302.	Мария (№ 40)	<u>1339,63</u> [5] 822,45	тр. 2 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Ространс [109] Рос. Транс. и Страх. о-во [5]	08.1918 возвращ.	товаро-пассажирский паро- ход, на 1.10.1917 [7] и 1.01.1918 [4] в 5 отряде.

1	2	3	4	5	6	7
303.	Мария-Аннета (№103)	<u>960,83 [5]</u> 535,45	тр. (Тр. фл.)	<u>1915</u> И.М. Гринштейн [5]	11.1918 возвращ.	товарный пароход*. Видимо, это транспорт «Мария-Антуанетта», торпедированный недалеко от Сочи крейсером «Бреслау» 21.06. (4.07.)1916[172]. В списках флотилии на 1.01.1917 и 1.01.1918 транспорт не значится. В приказах Ком. Тран.фл. встречается под № 103 транспорт «Русь-2 ^я », но в списках флотилии его нет.
304.	Меотида					в 10.1917 в приказах упоминается мобилизованный пароход [187].
305.	Мери (Т-259)	<u>115,8 [5]</u> 444,30	тр. 5 див. (Бр. тр.)	<u>15.10.1916</u> Д. Ратнер [5]	1922 погиб	буксирный колесный пароход*, с 15.09.1917 Т-359 [17], на 1.01.1918 Т-353 [4]. В 11.1920 оставлен в Севастополе и передан Мортрану. Погиб по невыясненной причине [166].
306.	Меркурий	<u>761,76 [5]</u> 473,59	тр.	Г. Кумани, А. Волохин и К ^о		товаро-пассажирский пароход, 2.(15.)06.1916 подорвался на mine, поставленной подв. лодкой «УС-15» [101].
307.	Мечта	<u>2177,69</u> 1325,47	тр. 1 див. (Бр. тр.)	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ [53]	1920 за гран.	товарный пароход, до 1914 – 1916 «Марта»*. С 05.1919 на тран. поднят торговый флаг[192].
308.	Милковул (№ 144)	2408 брт	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>6.10.1916</u> Румыния	1919 воз- вращ.	грузовой пароход передан румынским правительством*, на 1.10.1917[140 и 1.01.1918 ^{4[4]} в 4 отряде.
309.	Мина	180 т	м.м.з. (див. за- град.)	25.05.1916	на 1939 было	самоходная баржа. В 04.1917 отчислена из див. заградителей и зачислена в состав судов при минных опытах Сев. порта [84]. В 05.1919 зачислена в состав плавучих средств Новороссийского порта. В 11.1920 оставлена в Севастополе и включена в состав Морских сил Черного моря. В 1939 исключена из боевого состава и передана техническому управлению флота [193].
310.	Михаил	<u>677,43 [5]</u> 421,82	тр.	А.К. Шавал- да [5]		товаро-пассажирский пароход, 21.06. (4.07.) 1916 расстрелян крейсером «Гебен» в районе Туапсе [172].
311.	Михаил (№127)		тр.			водонал.бот, на 1.01.1917 в составе Тр. фл. [3], на 1.10.1917 в Отр. с.в. [14].

1	2	3	4	5	6	7
312.	Михаил		к.			грузовой пароход*, катер в 08.1917 привлечен по военно-судовой повинности и зачислен в плав. средства портов В. части [171].
313.	Михаил Архангел (№41)	<u>1410,60</u> [5] 959,21	тр. 5 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Ф. Кроче [5]	на 1922 было	товарный пароход, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде.
314.	Морж	<u>100,86</u> [5] 58,33	п. (Д.-Ц. д.)	<u>1914 – 1915</u> Г.С. Секачев [5]	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход [5], г.с.* на 1.01.1918 к.о.л. (Отр. с С 3 части) [4]. В 05.1919 зачислен в распоряжение начальника Управления маяков и лоции [194].
315.	Моряк	<u>1216,32</u> [5] 719,84	ЭОН	<u>Рус.-Дун. п-во</u>		товарный пароход, под № БО1 вошел с 03.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [10]. С 05.1919 в белом Черноморском флоте.
316.	Мунтения (№ 99)	1509 т	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Румыния	05.1918 возвращ.	грузовой пароход, получен от румынского правительства*. На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 4 отряде.
317.	Муша	346 т	порт. с.	1914 – 1916	уч. ВОВ	буксирный пароход.*
318.	Мыслете		тр. (Тр. фл.)			парусная шхуна, на 1.10.1917 в 7 отряде [14].
319.	Мэри ¹⁹⁵		от. судов С-3 части			пароход.
320.	Нагенмор* (Нагемор [4])	~250 т	п.с. (Дун.фл.)	<u>14.07.1917</u> Австро-Венгрия	02.1918 возвращ.	б. проход «Фрателли Мендль», захваченный на р. Дунай.*
321.	Надежда*	~660 т	порт. с.	<u>20.09.1917</u> Болгария	на 1921 было	б. каботажный грузовой пароход «Козлу», захваченный в качестве трофея.
322.	Надежда-Елизавета	<u>73,6</u> [5] 4 61,69	порт. с. (Отр. с. В. части)	<u>1914 – 1916</u> Н.С. Скочмаро	11. 1918 возвращ.	парусная шхуна [5].
323.	Наш		тр. (Тр. фл.)			парусная шхуна, на 1.10.1917 в 7 отряде [14].
324.	Негоу			<u>24.02.1917</u> Румыния		буксирный пароход 72 л.с., зачислен в 04.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [149] под № РО1 [13].
325.	Негропонт Д. (№ 173)	<u>359,57</u> 248,85	тр. (Тр. фл.)	<u>Х.А. Феофани</u>	1920 за гран. [196].	товарный пароход, на 1.01.1917 [3] и 1.01.1918 [4] в списках флотилии нет.
326.	Нико*	67 т	порт. с.	1914 – 1916	на 1921 было	буксирный пароход
327.	Николай (№ 119)	1085 брт	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>1916</u>	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход, с 1919 «Крым»*. В нач. 1924 стоял в порту Сэтт (Франция) [97].
328.	Николаос[120]		ЭОН	<u>А.О. Рус.-Дунайское п-во</u>		паровая шхуна.
329.	Нина		ЭОН	<u>Багпизманский</u>		речной буксир, под № БО11 вошел с 03.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [10].

1	2	3	4	5	6	7
330.	Ногайск*	108 т	тр., портовое судно	<u>1912</u> Министерст- во торговли и промыш- ленности	1920 за гран.	с 03.1920 в составе белого флота. 10.04.1919 угнан матросами в занятый крас- ными войсками Геническ. В 04.1920 вновь захвачен бе- лыми [166].
331.	Одесса*	<u>202,30</u> ⁵ 37,44	р.з. (Дун. фл.)	<u>8.10.1917</u> Рус.-Дун. пар. о-во [84] А.О. «Рус. Черн.-Днепр. п-во» [5]	02.1918 в Рум.	колесный буксирно- пассажирский пароход.
332.	Оксюс (№ 43)	5582 т	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Франция	18.06.1918 затоплен	получен от французского правительства*. На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 1 отряде.
333.	Олег		тр.			11(24). 12.1914 затоплен с камнями в районе Зунгул- дака [85].
334.	Олег		тр.			на 05.1917 упоминается погибший транспорт «Олег» [197].
335.	Олимпиада (Т- 239)		тр. 3 див. (Бр. тр.)	<u>А.О. Рус.- Дунайское п- во</u>		на 1.01.1918 Т-333 [8], па- ровая шхуна.
336.	Ольга (Т-252)	<u>327,31</u> [5] 228,87	тр. 5 див. (Бр. тр.)	<u>1914 – 1916</u> Игнатов, Си- лаев, Поляков и Сифнео [198], С. и В. Тваниоти, П. Камбы, К. Монополи, Н. Поляков и П. Степанов [5]	1919 воз- вращ.	товарный пароход, в 06.1917 временно прико- мандировывался к Тран. фл. [56]. В списках на 1.01. 1918 нет, в 05.1919 зачис- лен в партию траления [199]. На 1924 ходил под греческим флагом «Арго- нафтис», затем под турец- ким флагом «Юрла» или «Зиурла», затем «Мемор- кет» - владелец Сейри- Сефайне [198].
337.	Ольга Мефенити*	<u>123,17</u> [5] 24,46	порт. с.	<u>1914 – 1916</u> О. Мефенити	08.1919 возвращ. [113]	буксирно-спасательный пароход, в 06.1919 зачис- лен в отряд обороны Азовского моря и в 4 ^й ранг судов [113].
338.	Ольтения (№ 96)	3400 т	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Румыния	11.1918 за гран.	грузовой пароход передан правительством Румы- нии*. На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 7 отряде.
339.	Ольтул (№ 143)	6600 т	тр. 9 от. (Тр. фл.)	<u>6.10.1916</u> Румыния	1919 воз- вращ.	передан правительством Румынии*. На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
340.	Он		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в рас- поряжение начальника Отр. с. В. части [76], на 1.10.1917 в том же отряде [14].
341.	Орлик		к. (Кер- ченский порт)			

1	2	3	4	5	6	7
342.	Оскар (№ 44)	<u>645,14 [5]</u> 303,66	тр. 5 от. (Тр. фл.)	12.03.1915 Л.А. Карантинский	1919 за гран.	грузовой пароход*. На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде.
343.	Осторожный		порт.с.	1914 – 1916	1920 за гран.	буксирный пароход, п.с.*, на 08.1919 в составе транспортов Морского ведомства [143].
344.	Паванна (№ 45)	<u>1524,43 [5]</u> 820,51	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> «П-ды Шполянского» [111] А.Н. Вургафт и Т.М. Мозель[5]	09.1918 возвращ. 1920 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 4 отряде. В 05.1919 передан в ведение Управления торговли и промышленности ВСЮР [202].
345.	Павел*	<u>275,34 [5]</u> 177,66	порт. с.	<u>1914 – 1916</u> Н.П. Грипари [55]	08.1918 возвращ.	товарный пароход [5], моторная грузовая шхуна.*
346.	Павел		к. (Керченский порт)			
347.	Память Азова (№172)	<u>87,76³</u> 71,63	тр. (Тр. фл.)	<u>С.В. Турянский и М.И. Рыбчевская</u>		парусный галиот [5], на 1.01.1917 и 1.10.1917 [14] входила в отдельную группу П.-М. Ш. – Тран.фл., на 1.01.1918 в Отр. с.в. [4]
348.	Пандия С. (Т-283)	<u>381,17 [5]</u> 202,41	тр. 8 див. (Бр. тр.)	<u>13.11.1916</u> П.С. Логофети	1920 за гран.	товарный пароход [5], паровая шхуна*, с 15.09.1917 Т-383 [17].
349.	Пантикапей		всп. к. 7 див. (Бр. тр.)			на 1.01.1918 Т-375 [4].
350.	Патагония	6000 т	тр.	<u>1914</u> Великобритания		2 (15).09.1915 потоплен германской подводной лодкой UB-7 в районе Одессы [47].
351.	Патриот ¹²⁰		ЭОН			пароход.
352.	Паша	<u>88,93 [5]</u> 47,93	(Отр. с. В. части)	<u>1914 – 1916</u> Я. и А. Перголо и С. Скаринджи	11.1918 возвращ.	товарный пароход [5], п.с.*, парусно-моторная шхуна.
353.	Пенай	<u>595,80 [5]</u> 349,19	м.з. (Пристрел. стан. Сев. порта)	<u>12.11.1914</u> Т-во Новорос. пар-во	1919 за гран.	товаро-пассажирский пароход*. В 05.1919 передан в ведение Управления торговли и промышленности ВСЮР [202].
354.	Пендераклия	1005 т	б.л.	<u>15.07.1911</u> Турция	на 1921 было	б. турецкий пароход «Мерсина», захваченный в 1878 в бою.
355.	Первенец	<u>324,61 [5]</u> 215,26	ЭОН	18.11.1916 [173] Х.А. Феофани		паровая шхуна под № БО25 вошла в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
356.	Перикл	<u>379,88 [5]</u> 272,71	ЭОН	<u>18.11.1916</u> Адамсон и Франгопуло [173] А., П., А. и М. Франгопуло [5]		товарный пароход [5], паровая шхуна под № БО27 вошла в Баржевой отряд Тран. фл. [10]. Затоплена в Геническе, поднята в 1919 Мариинской партией [200].
357.	Петр	<u>338,36 [5]</u> 213,69	ЭОН	<u>18.11.1916 [173]</u> К.К. Маврокордато		товарный пароход, [5] паровая шхуна, под № БО26 вошла в Баржевой отряд Тран. фл. [10].

1	2	3	4	5	6	7
358.	Петр Берг (№ 47)	<u>3401,68</u> [5] 2172,80	тр. 7 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Северное па- рох. о-во	1920 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 01.1918 [4] в 9 отряде.
359.	Петр Дарси[201]	<u>731,25</u> [5] 351,89	тр. ЭОН	1916 Торг. дом «Л. Феттер и С-вья» и Ф. Реджис		товаро-наливной пароход [5]. 3.09.1916 торпедиро- ван германской подводной лодкой UB-42 севернее о. Фидониси [283].
360.	Петр Карпов (№ 49)	<u>2783,93</u> [5] 1629,59	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Шполянский [110] Ш.Н. Безпалов [5]	11.1918 возвращ.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 3 отряде. К нач. 1924 погиб у Гиблартара [110].
361.	Петр Регир (№ 50)	<u>1461,37</u> [5] 817,98	тр. 5 от. (Тр. фл.)	1915 Юж.-Рус. пар. о-во Адм. по де- лам пар-ва Ш. и Э. Карпат- нических [5]	1920 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде. В 05.1919 передан в Управление тор- говли и промышленности ВСЮР [202]. На 1928 хо- дил по Черному морю под названием «Сесилия» [121].
362.	Подпоручик		к.			катер привлечен в 08.1917 по военно-судовой повин- ности и зачислен в плав- средства портов В. части [124]. С 05.1919 в составе белого Черноморского флота. В 11.1920 зачислен в состав Морских сил Чер- ного моря и на 6.12.1920 входил в состав 2 дивизио- на тральщиков [100].
363.	Покой		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в распо- ряжение начальника Отр. с. В. части [76], на 1.10.1917 в том же отряде [14].
364.	Полезный (Т-242)	<u>362,51</u> [5] 21,13	тр. 4 див. (Бр. тр.)	<u>15.10.1916</u> РОПиТ [24]	на 1922 был	ледокольный буксир*, с 15.09.1917 Т-344 [3] Т-342*, с 05.1919 в.п., в 07.1919 разору- жен и переведен буксиром в Новороссийский порт [203].
365.	Полимитис (№156) [5]		тр. (Тр. фл.)	1917 Румыния		грузовой пароход получен в начале 1917 от Румынского правительства, в приказах Ком. Тран. фл. встречается название транспорта № 156 – «Дельта» [123]. На 1.10.1917 в 6 отряде [14].
366.	Полтава	45 т	м.к.		на 1921 было	В 08.1919 включен в со- став партии траления [51], на 6.12.1920 в составе 2 дивизиона тральщиков [100]. В 1922 передан в Мортран.
367.	Помощник [4]	<u>51,28</u> [5] 15,14	вс.с. (М. бр.)	<u>1914 – 1916</u> Рус. Об-во Вы- воз. Торговли	на 1921 было	буксирный пароход [5], порт. с.*
368.	Португаль		гос. с.			17 (30).03.1916 торпеди- ровано подв. лодкой «У- 33» в районе Трапезунда [101].

1	2	3	4	5	6	7
369.	Пос. судно № 1	96 т	1 див. пос.с. [205] (М. бр).	1891	на 1924 было	
370.	Пос. судно № 2	100 т	1 див. пос. с. (М. бр).	1890	1925 разобран	
371.	Пос. судно № 3	96 т	1 див. пос. с. (М. бр).	1892	1924 разобран	
372.	Пос. судно № 4	164 т	1 див. пос. с. (М. бр).	1891	1924 разобран	
373.	Пос. судно № 5		2 див. пос. с. (М. бр).	1896	1919 взорван	
374.	Пос. судно № 6		2 див. пос. с. (М. бр).	1896	1924 разобран	
375.	Пос. судно № 7	120 т	2 див. пос. с. (М. бр).	1897	1923 разобран	С 06.1919 «Разведчик», зачислен в 3 ^й ранг судов, с 08.1919 в отряде охраны Кавказского побережья [206].
376.	Пос. судно № 8	104 т	2 див. пос. с. (М. бр).	1890	1919 взорван	
377.	Пос. судно № 9	70 т	пос. с. (Охр. Сев. рейдов).	1884	1919 взорван	
378.	Пос. судно № 10	63 т	пос. с. (Пристрел. станция Сев. порта)	1883	на 1923 было	с 06.1919 «Охотник», зачислен в 3 ^й ранг судов, с 08.1919 в отряде охраны Кавказского побережья [206].
379.	Пос. судно № 11 [4]	86 т	пос. с. (Охр. Сев. рейдов)	1895	1918 затоплен	б. миноносец № 226 переведен в состав пос. судов в 08.1917 с зачислением в 3 ранг судов под № 11 и в Охр. Сев. рейдов. Кампанию начал 1.08.1917 [207].
380.	Поти (№160 [4])	3400 т	уг. тр. (Сев. порта)	<u>26.08.1905</u> Ч.ф.	1920 за гран.	грузовой пароход «Ирина», купленный Мор. вед. В 05.1917 зачислен в Тран. фл. под № 160 [23,61]. На 1.10.1917 [14] в 8 отряде. В 08.1919 зачислен в отряд транспортов Морского ведомства [208.] На 05.1922 и нач. 1924 стоял в Марселе [97].
381.	Превеза (№ 102)	5350 т	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Греция	1919 возвращ.	грузовой пароход, переданный греческим правительством. На 1.10. 1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
382.	Преподобный Сергей (№ 128)	<u>37,86 [5]</u> 30,88	тр. (Тр. фл.)	<u>Д. Рогонос и М. Мерошниченко</u>		парусный трембак, на 1.01.1917 состоит в списках флотилии [3], на 1.10.1917 отсутствует в списках.
383.	Пригодный*	101 т	порт. с.	1914 – 1916	1924 разобран	буксирный паровой катер, на 11.1919 буксирный пароход в Сев. порту.[209]

1	2	3	4	5	6	7
384.	Принцесса Евгения Ольденбургская (№ 138)	<u>1852,33</u> [5] 1085,12	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>15.07.1916</u> РОПиТ	16.06.1941 затоплен	товаро-пассажирский пароход*, на 1.10.1917 [14] в 3 отряде. Потоплен в 1917 (?), поднят в 1922 и переименован в «Чичерин». Затоплен у входа в Одесский порт.
385.	Принцесса Мария (Принчипесса Мария)	3000 т	всп. кр. (Кр. Бр.)	<u>16.11.1916</u> Румыния	1918 возвращ.	Приказом по флоту и Мор. вед. № 288 от 30.11.1916 пос. с. зачислено во 2 ранг судов [123].
386.	Принцесса Христиана (№ 53)	<u>6400 т</u> 2854 брт [16]	тр. 7 от. (Тр. фл.)	<u>08.1914</u> Австро-Венгрия	1918 возвращ.	интернированный австрийский грузовой пароход «Prin. Cristiana». На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 3 отряде.
387.	Принцип (№ 88)	<u>687,25</u> [5] 445,43	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>21.03.1916</u> Торг. Пром. Т-во «Е.Т. Парамоновы и с-вья»	06.1919 возвращ [210], 1920 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
388.	Пробуждение (№ 176)	<u>90,13</u> [5] 81,41	тр. (Тр. фл.)	_____		парусная шхуна [5], на 1.01.1917 [3] и 1.10.1917 [14] входила в отдельную группу П.-М. Ш.
389.	Провидент (Провиданс)	<u>747,68</u> [5] 437,97	тр.	_____		товарный пароход, в 02.1915 [101] – 3.04.1915 [211] потоплен крейсером «Бреслау».
390.	Проворный*	<u>517,83</u> [5] 259,17	ЭОН	<u>20.05.1917</u> РОПиТ [212]	2.10.1918 возвращ.	товаро-пассажирский колесный пароход [5].
391.	Прогресс (№ 90)	1173 брт	тр. 9 от. (Тр. фл.)	<u>1914 – 1916</u> С. и А. Вахин и Н. Островский	11.1918 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
392.	Продуголь (№ 54)	<u>2640,58</u> [5] 1537,08	тр. 5 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Вельено, Ф.К. Звароне и Э.С. ди Полонэ [111]	02.1919 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
393.	Пророк Иона (Т-235)	<u>472,46</u> [5] 314,39	тр. 3 див. (Бр. тр.)	<u>15.10.1916</u> А.Л. Черников	в 1918 возвращ. 26.03.1943 погиб	товарный пароход [5], паровая шхуна, * с 15.09.1917 Т-335 [17], с 1920 кан. лодка «Червонный казак», в 1921 разоружен [64].
394.	Протектор*	<u>132,67</u> [5] 48,23	порт. с.	<u>1914 – 1916</u> ч.в. Звороне и ди Полонэ [213] П.П. Регир	11.1918 возвращ.	спасательно-буксирный пароход, на 01.1924 ходил под греческим флагом - владельцы Звароне и ди Полонэ [213].
395.	Прут [15]	<u>48,54</u> ⁵ 18,23	ЭОН	_____		буксирный пароход [5].
396.	Псезуапе*	164,3 брт	тр.	<u>1914 – 1916</u> Ространс [144]	1920 за гран.	с 08.1919 в белом флоте.
397.	Пушкарь	~100 т	л. (Сев. креп. арт.)		1922 было	буксирный пароход*, в 01.1917 передан обратно из Мор. ведомства в Сев. креп. арт. Управление [212], в 1921-1925 проходил три раза ремонт в Севастополе [214].

1	2	3	4	5	6	7
398.	Работник (Т-292)		тр. 9 див. (Бр. тр.)	1914	1920 за гран.	с 15.09.1917 Т-392 [17].
399.	Работник*	47 т	п.с.	20.09.1914	1922 было	б. буксирный пароход «Франц».
400.	Рапира [5]		тр. 10 див. (Бр. тр.)	1915		п.с. в 1919 на Каспий.*
401.	Резвый					парусник, расстрелян 21.06 (4.07).1916 крейсе- ром «Гебен» недалеко от Сочи [172].
402.	Резвый [8]		к.о.л. (Отр. с. СЗ части)			
403.	Ризе (№ 136)		тр. 2 от. (Тр. фл.)	1916	1920 за гран.	на 1.10.1917 во 2 отряде [14], с 1919 «Инкерман»*, в 1927 возвращен, с 1947 блокирован.
404.	Рион (№ 147)	<u>14614 т</u> 12050 т [215]	тр. 1 от. (Тр. фл.)	<u>20.07.1913</u> Доброфлот	1920 за гран.	б. товаро-пассажирский пароход «Смоленск», в 05.1917 зачислен в состав Учебного отряда Ч.ф. [216]. С 05.1919 в белом Черноморском флоте [217].
405.	Родосто (№ 149)	6400 т	тр. 10 от. (Тр. фл.)	<u>8.10.1916</u> Турция	1920 за гран.	вооруженный пароход захвачен 29.09 (11.10).1916 в бою подв. лодкой «Тюлень» [135]. На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 5 отряде.
406.	Роза (Т-234)	510 т	тр. 3 див. (Бр. тр.)	<u>15.10.1916</u> РОПит	11.07.1921 погиб	с 15.09.1917 Т-334 [7], паровая шхуна*. В 11.1918 приведен на бук- сире из Николаева в Сева- стополь, в 08.1919 вклю- чен в состав партии тра- лени [219] Весной 1919 переоборудована в кано- нерскую лодку под назва- нием «Алтай», в 11.1920 захвачена войсками Крас- ной армии [19]. На 6.12.1920 в составе 2 ^{го} дивизиона тральщиков Морских сил Черного мо- ря [100]. 11.07. 1921 по- дорвался на mine и погиб.
407.	Роза	<u>160.94 [5]</u> 56,45	ЭОН	<u>Н.Г. Саран- динаки</u>		полуморской колесный буксир, под № БО6 вошел с 03.1917 в Баржевой от- ряд Тран. фл. [10].
408.	Роклиф (№ 55)	3073 брт	тр. (Тр. фл.)			торпедирован 2.07.1916 подв. лодкой «U-38», вы- бросился на мель, но был добит огнем крейсера «Бреслау» [220].
409.	Роксана		м.к.			В 08.1919 включен в со- став партии траления [37].
410.	Рома (№114)		тр. 9 от. (Тр. фл.)	1916	1920 за гран.	б. «Стефанос», на 1.10.1917 в 9 отряде [7]. В 1919 в составе белого Черноморского флота.

1	2	3	4	5	6	7
411.	Рона*		п.с.		1920 за гран.	
412.	Россия		тр. 1 див. (Бр. тр.)			
413.	Россия (№ 56)	<u>1185 брт</u> 1321,6 брт [57] <u>460431</u> [5] 2940,58	тр. 5 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Парох. «Петр Регир и с-н»	10.1918 за гран.	товарный пароход [5], б. товаро-пассажирский па- роход* «Кангал» [36], на 1.10.1917 [14] и 1.01. 1918 [4] в 7 отряде.
414.	Россия [5]		Бл.	<u>1914 – 1916</u> РОПит [53]		
415.	Ростов (№ 57)	<u>1280,25</u> [5] 727,77	тр. 5 от. (Тр. фл.)	<u>21.03.1915</u> РОПит	04.1918 погиб	товаро-пассажирский па- роход [5], почтово- пассажирский пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде.
416.	Руа Альберт (№ 105)	2854 т	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Бельгия	1919 воз- вращ.	грузовой пароход передан Бельгийским правительст- вом*, на 1.10. 1917 [14] и 1.01.1918 [4] во 2 отряде.
417.	Румын		к.			Привлечен катер в 08.1917 по военно-судовой повинно- сти и зачислен в плавсредст- ва портов В. части [124].
418.	Румыния	<u>180,24 [5]</u> 55,33 <u>505 т</u> 224,6 брт [221]	вс.с. (Дун. тр. фл.)	<u>Рус.-Дун.</u> пар. о-во	1920 за гран.	буксиро-пассажирский ко- лесный пароход [5], в 05.1917 зачислен в 10 ди- визион Бр. тр. [112].
419.	Румянцев*	<u>778,3[5]</u> <u>10</u> 398,52	порт.с.	<u>1914 – 1916</u> РОПит [222]	05.1919 возвращ [27], 1920 за гран.	товаро-пассажирский ко- лесный пароход [5], почто- во-пассажирский паро- ход*, на 1924 ходил под турецким флагом – владе- лец Сулейман Серри [222].
420.	Руслан (№ 95)	<u>2800 т</u> 1672 брт	флагман Тр. фл.	<u>1914</u> Ространс Рос. Тран. и страх. О-во [5]	09.1918 за гран.	Товаро-пассажирский па- роход[5], почтово- пассажирский пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 10 отряде. На нач.1924 продан [110].
421.	Руслан		м.к.			В 08.1919 зачислен в пар- тию траления, с 09.1919 в отряде судов на Дону.[37]
422.	Русь (№58)	<u>1178,05[5]</u> 1 618,82	тр. 5 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Рус.- Дун.пар.о-во [223]	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход [5], почтово-пассажирский паро- ход*, на 1.10.1917[14] и 1.01.1918[4] в 9 отряде. На 1924 и 1928 ходил под турецким фла- гом и названием «Арабат», вла- делец Мулусск из Адана [223].
423.	Русь		Дун. фл.	<u>А.О. Рус.-</u> Дун. пар- во [15]		пароход на 06.1917 назна- чен совершать рейсы 2 раза в неделю на линии Одесса-Измаил [224].
424.	Рцы		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в рас- поряжение начальника Отр. с. В. части [16], на 1.10.1917 в том же отряде [14].

1	2	3	4	5	6	7
425.	Рыбак		к.			привлечен катер в 08.1917 по военно-судовой повинности и зачислен в состав плав. средств портов В. части [124].
426.	Сабля		п.с. (Отр. обор. Дун. Гирл)	1915		п.с., на 1.01.1918 тр. 10 див. Бр. тр. [8], в 1919 на Каспий.*
427.	Садко (№ 59)	<u>10100 т</u> 5118 брт [159] <u>5018,50</u> [5] 3050,23	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ	1919 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 1 отряде, после 1920 во Франции [159].
428.	Салгир	276,5 брт [126]	п.с. (Отр. с. СЗ час-ти)			в 1921 проходил ремонт в Севастополе [126]. В приказах по Николаевскому порту значится «Салгир», бывший «Поспешный» [225]. 1.10.1920 мобилизован в Морские силы Черного моря и переоборудован в тральщик. 2.08.1921 передан Мортрану [11].
429.	Самородок	<u>36,65 [5]</u> 8,47	п. (Охр. лиманов)	<u>Б. Габер</u>		буксирный пароход, на 1.01.1918 в списках нет.
430.	Сара	<u>49,24 [5]</u> 46,78	тр.	<u>Б.Кефели [5]</u>		парусный трембак [5], в 08.1919 зачислена в отряд транспортов Морского ведомства [208].
431.	Саратов (№60)	<u>5426,66</u> [5] 2067,82	тр. 7 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Доброфлот	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход*, на 1.10.1917[14] и 1.01.1918[4] в 3 отряде.
432.	Свет (№ 162)	<u>1814,78</u> [5] 964,71	нал. тр. (Сев. порт)	<u>1914</u> Ак.О-во «Океан» [84]	1918 за гран.	наливной пароход*, в 09.1917 зачислен в Тран. фл. [228] под № 162 [229]. На 1.10.1917 в 6 отряде [14], на 1.01.1918 в 8 отряде [4]. На 06.1919 в белом Черноморском флоте [230].
433.	Святогор (№ 61)	<u>1423,36</u> [5] 854,79	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>Рос. Тран. и</u> <u>Страх. О-во</u> [5]		товаро-пассажирский пароход, 2.02.1917 э/м «Быстрый» столкнулся с транспортом «Святогор», в результате чего транспорт затонул [231]. [В 1921 в Севастополе проходил ремонт ледокол «Святогор», водоизм. 8730 т, с 1922 «Красин»] [12].
434.	Святослав*		порт. с.	1914 – 1916	1920 за гран.	моторное судно.
435.	Св. Георгий (№ 182)		тр. (Тр. фл.)			парусно-моторная шхуна, на 1.01.1917[4] входила в отдельную группу П.-М. III. В 06.1917 освобождена от военно-судовой повинности и исключена из списков Тран. фл.[19]

1	2	3	4	5	6	7
436.	Св. Георгий ⁴²		ЭОН	А.О. Рус.- Дун. пар-во		пароход.
437.	Св. Николай					парусник, утоплен в конце 10.1914 крейсером «Гамидие» под Феодосией. [85]
438.	Св. Николай (№ 62)	<u>1931,36</u> [5] 1170,73	тр. (Тр. фл.)	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ	1919 воз- вращ.	товаро-пассажирский па- роход [5], почтово- пассажирский пароход*. На 1.10.1917 и 1.01.1918 в списках флотилии нет. [На 1924 пароход ходил под турецким флагом и назва- нием «Рачдаль» - Владе- лец Фелкан [223].
439.	Св. Николай (№ 123)		тр. (Тр. фл.)			водоналивной бот, на 1.10.1917 в Отр. с.в. Тран. фл. [14].
440.	Св. Николай (№ 125)		тр. (Тр. фл.)			имеется в списках флоти- лии на 1.01.1917 [3].
441.	Св. Николай (№ 129)		тр. (Тр. фл.)			парусное водоналивное суд- но [232], в списках флотилии на 1.10.1917 нет.
442.	Св. Николай	<u>2783 т</u> 2400 т [227]	загради- тель	<u>1914</u> РОПиТ	1920 в Би- зерту	почтово-пассажирский па- роход [227], в 08.1917 при- командирован к Бр. тр. и зачислен в 1 див. тральщи- ков [233]. На нач. 05.1919 значится вспомогательным крейсером, 12.05.1919 пе- редан в управление про- мышленности и торговли ВСЮР [234].
443.	Севастополь*	<u>1338,91</u> [5] 788,97	п.с.	О-во Азов- ского пар-ва [5]	1920 за гран.	товаро-пассажирский па- роход
444.	Селла			<u>15.04.1917</u> Румыния		буксирный катер 48 л.с. зачислен в Баржевой от- ряд Тран. фл. под № РО7 [149].
445.	Сербия (№ 110)	<u>4500 т</u> 6000 т [150]	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>1916</u> Италия	18.06.1918 затоплен	грузовой пароход получен от итальянского прави- тельства*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 5 отряде. Поднят ЭПРОНом в 1940 [150].
446.	Сербия [65]	<u>142,42</u> [5] 42,54	ЭОН	Рус. Дунай- ское пар-во		буксиро-пассажирский пароход.
447.	Сергей Вигте (№ 184)	<u>348,23</u> [5] 225,12	тр. (Тр. фл.)	М. Варваров и Торг. дом «Луи Дрей- фус и К ^о »		товарный пароход [5], парус- но-мо-торная шхуна, на 1.01.1917 [3] входила в от- дельную группу П.-М.Ш. На 1.01.1918 в списках флотилии нет. В 09.1920 переоборудо- ванная в канонерскую лодку под названием «Труд» вошла в состав Морских сил Черно- го моря. В 02.1921 передана Мортрану [119].

1	2	3	4	5	6	7
448.	Сергий		(Отр. В части)			парусно-моторная шхуна, на 1.01.1918 в списках нет.
449.	Силач		ЭОН	ч.в. Синицын		речной буксир, под № Б9 вошел в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
450.	Силач*	~140 т	порт. с.	1915	06.1923 погиб	буксирный пароход*. В 02.1920 переоборудован в тральщик и зачислен в состав Морских сил Черного моря. Подорвался 26.06.1923 на mine и погиб [11].
451.	Сиракузы (№ 98)	619 т	тр. 9 от. (Тр. фл.)	1915 Италия	11.1917 погиб	грузовой пароход получен от итальянского правительства *. На 1.10.1917 в списках флотилии отсутствует. 9(22).11.1917 уничтожен подв. лодкой «UB-42» перед Новым Афоном и Гадаутой [235].
452.	Сиретул (№ 142)	6770 т	тр. 6 от. (Тр. фл.)	1916 Румыния	08.1918 возвращ.	грузовой пароход получен от румынского правительства*, на 1.10. 1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
453.	Сирий [15]		ЭОН	ч.в. А. Тео- филактос		пароход.
454.	Скиф (Т-257)	100 т	тр. 5 див. (Бр. тр.)	15.10.1916	1920 за гран.*	буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т-357 [17], в 09.1919 тр. «Скиф-1» [35] зачислен в партию траления [236].
455.	Скиф (№ 135)		тр. (Тр. фл.)	1914 – 1916	11.1918 за гран.	в списках флотилии на 1.01.1917 значится как буксирный пароход [3], в списках на 1.10.1917 под № 135 значится яхта «Креста» (№ 134), а судна под № 134 нет.
456.	Скобелев		ЭОН	ч.в. Айнгорн		речной буксир, под № БО10 вошел в Баржевой отряд Тран. фл.[10]
457.	Скорый*	408,18 [5] 243,22	порт. с.	1914 – 1916 РОПиТ [15]	1920 за гран.	колесный товаро- пассажирский пароход.*
458.	Слово		тр. 8 от. (Тр. фл.)			парусная шхуна, в 08.1917 переведена в 7 отряд в распоряжение начальника Отр. с. В. части[76], на 1.10.1917 в том же отряде. [14]
459.	Смелый (Т-290)	248,63 [5] 65,64	тр. 9 див. (Бр. тр.)	13.11.1916 РОПиТ	1920 за гран.	лед.буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т-390[17], на 1924 ходил под б. русским флагом между греческими портами.
460.	Сосиетэ (Т-232)	578,56 [5] 282,98	тр. 3 див. (Бр. тр.)	15.10.1916 Торг.-Комис. Т-во и др.	1920 за гран.	товарный пароход [5], буксирный пароход*, в 06.1917 временно откомандировывался в Тран. фл. [56], с 15.09.1917 Т-332 [17].С весны 1920 канонерская лодка «Урал» [241].

1	2	3	4	5	6	7
461.	София (№ 65)	~ 1500т	тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>2.12.1915</u> Греция	12.1918 возвращ.	грузовой пароход получен от правительства Греции*, в 10.1917 в 6 отряде. ¹⁴
462.	София		ЭОН	<u>ч.в. Шаганский [238]</u>		полуморской буксир, под № БО20 вошел в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
463.	София [239]	<u>90,30⁵</u> 84,54	ЭОН	<u>21.12.1916</u> С.Б. Фальц-Фейн	24.04.1917 возвращ.	паро-электромотор, буксир
464.	София (Т-295, Т-249)*	<u>455,91</u> 328,52	тр. 9 див. (Бр. тр.)	<u>9.09.1916</u> М. Варваров и Торг. дом «Луи Дрейфус и К ^о » [5]	на 1945 было	товарный пароход [5], паровая шхуна*, с 15.09.1917 Т-395 [17]. 25.06.1919 возвращена владельцу [242]. В 01.1920 захвачена советскими войсками, вооружена и в 06.1920 как канонерская лодка «Советская Россия» вошла в состав Морских сил Черного моря. В 1922 передана Мортрану. Мобилизована 29.06.1941 как тральщик Т-486. Возвращена Министерству морского флота 16.02.1945 [148].
465.	София*		порт. с.	28.04.1917	на 1921 было	
466.	София Купа (Т-264)	<u>375,18</u> [5, 20] 236,61	тр. 6 див. (Бр. тр.)	<u>1915 – 1916</u> К.А. Бычихин и О.В. Куппа [213]	1920 за гран.	товарный пароход, с 15.09.1917 Т-364 [17], на 1924 плавал под греческим флагом - владелец Куппа [213].
467.	София Пустовойтова (Т-502)	<u>400,98</u> 276,53	тр. (Бр. тр.)	<u>Г. Пустовойтов</u>	26.02.1916 погиб [240]	товарный пароход.
468.	Сочи (№ 33)	<u>13832 т</u> 6821 брт[39]	уг. тр. (Сев. порт)	<u>10.09.1914</u> Австро-Венгрия	1918 воз- вращ.	интернированный австрийский грузовой пароход* «Iris». В 05.1917 зачислен в Тран. фл. [61] под № 33 [62], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
469.	Старляйт (№ 97)	2944 т	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Великобритания	12.1918 возвращ.	грузовой пароход получен от правительства Великобритании*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 в 6 отряде [5].
470.	Страж		м. т.			В 05.1919 зачислен в состав флота ВСЮР [243].
471.	Стриж		м. к.			В 08.1919 включен в состав партии траления [37].
472.	Сулин [8]		тр. 10 див. (Бр. тр.)			
473.	Сухум (№ 64)	<u>10020 т</u> 3990 брт [39]	уг. тр. (Сев. порт)	<u>10.09.1944</u> Германия	05.1918 возвращ. 1920 за гран.	интернированный германский пароход* «Olga». В 05.1917 зачислен в Тран. фл. [61] под № 64 [62], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.

1	2	3	4	5	6	7
474.	Таганрог*	<u>58,22 [5]</u> 15,22	порт. с.	1914 – 1916 П.С. Логофети [5]	1918 затоплено*	буксирный пароход [5], самоходная баржа*. Паровая грузовая шхуна мобилизована 6.08.1920 под названием «Красноармеец». 1.02.1921 передана Мортрану [119].
475.	Тайфун*	<u>180 брт [26]</u> 63,76	порт. с.	1914 – 1916 Бат.-Туапс. ж/д [55] А.О. «Армав.-Туапс. ж/д» [5]	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход [5], буксирный пароход.
476.	Тамань		ЭОН	Упр. Херсон. торг. порта		катер, под № БО13 вошел в 03.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [2]. В приказах по Николаевскому порту значится как пароход [170].
477.	Таня*	<u>112,64 [5]</u> 0,00	порт. с.	1914 – 1916 А.О. «Рус. Черн.-Днепр. пар-во» [5]	09.1919 возвращ.	буксирный паровой катер
478.	Тевере (Тревере) (№ 108)		тр. (Тр. фл.)			18(31)/08/1916 потоплен германской подводной лодкой UB-45 или UB-7 в районе Поти [284]. На 03.1917 значится погибшим [150].
479.	Тендра	426 т	г. с. (отр. судов С-3 части)	1904	1920 за гран.	транспорт.
480.	Тесть (Т-282)	<u>178,25 [5]</u> 0,00	тр. 8 див. (Бр. тр.)	2.07.1916 А.О. «Рус. Черн.-Днепр. пар-во» [5]	на 1926 было	колесный буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т-382 [17].
481.	Тигр (№ 66)	3240 брт	тр. 2 от. (Тр. фл.)	12.03.1915 РОПит[24]	10.1918 за гран.	товаро-пассажирский пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 5 отряде. В нач. 1924 работал между Францией и ее колониями в Китае и Африке [110].
482.	Тигр	<u>35,17 [5]</u> 6,61	порт. с.	1914 – 1916 С.Б. Скадовский	на 1922 было	буксирный пароход.
483.	Тигрис (№ 106)	1737 брт	тр. 8 от. (Тр. фл.)	1916 Бельгия	1919 возвращ.	грузовой пароход получен от Бельгийского правительства*, на 1.10. 1917 [14] в 8 отряде.
484.	Тимза (№ 163)	<u>328,09[5]</u> 135,09	тр. 6 от. (Тр. фл.)	1916 Л.Л. Андрейс	12.1918 возвращ.	наливной пароход привлечен по военно-судовой повинности, зачислен в 10.1917 в Тран. фл. с присвоением № 163 [244].
485.	Тирас [245]		ЭОН			пароход.
486.	Тирасполь [31]		ЭОН			пароход.
487.	Тислетор (№ 67)	10885 т	тр. 8 от. (Тр. фл.)	12.03.1915 Великобритания	1919 за гран.	грузовой пароход, зафрахтованный Рос. правительством.* На 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 3 отряде. В кон. 1918 выведен из Одессы с ценным грузом на борту вспом. крейсером «Цесаревич Георгий» [246].

1	2	3	4	5	6	7
488.	Титания	<u>184.96</u> [5] 102,25	2 от. (див. сет. загра- дителей)	<u>М.И. Гавалло</u>		пассажирский пароход.
489.	Тмутаракань [247]		ЭОН			паровая шхуна.
490.	Трапани		ЭОН	<u>ч.в. Розен- фельд</u>		морской буксир, под № Б2 вошел в 03.1917 в Барже- вой отряд Тран. фл.[10]
491.	Трапезунд (№ 80*) [248]	4725 брт. [39]	база 1 и 2 див. Подв. бр.	<u>21.09.1916</u> Австро- Венгрия	1920 за гран.	интернированный авст- рийский пароход «Edoardo Musil», на 1.01.1918 база 1 див. Подв. бр. [4]. На 08.1919 находился вне Черного моря [33].
492.	Тревориан (№ 68)	7585 т	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Великобри- тания	18.06.1918 затоплен	грузовой пароход зафрах- тованный Российским правительством*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
493.	Тресиволос (№ 69)	5170 т	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Греция	1919 за гран.	грузовой пароход получен от греческого правитель- ства*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 4 отряде.
494.	Трувор (№ 70)	<u>1850,15</u> [5] 1098,95	тр. (Тр. фл.)	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ	1919 за гран.	товаро-пассажирский па- роход*, на 1.01.1917 в со- ставе Тран. фл. [3], на 1.10.1917 в списках флоти- лии нет.
495.	Трувор	2629 т	Тр. 1 див. (Бр. тр.)	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ	1920 за гран.	товаро-пассажирский па- роход.*
496.	Труд (Т-249, Т- 226*)	<u>613.07</u> [5] 326,39	тр. 4 див. (Бр. тр.)	<u>28.10.1916</u> А.А. Феофа- ни	1918 за гран.	грузовой пароход, с 15.09.1917 Т-236*, на 1.01.1918 Т-342. [4] 11.04.1918 захвачен после боя германской подводной лодкой UC-23 [285].
497.	Туапсе (№ 18)	<u>12667 т</u> 2920 брт [16]	тр. (Сев. порт)	<u>10.10.1914</u> Австро- Венгрия	1918 воз- вращ.	австрийский грузовой паро- ход «Gerania» захваченный в Черном море 23.10.1914 [39]. В 05.1917 зачислен в Тран. фл. [61] под № 18 [62], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 8 отряде.
498.	Туз		м. к.			В 08.1919 зачислен в пар- тию траления.
499.	Тургенев [120]	<u>343,46</u> [5] 71,32	ЭОН	<u>М. Мильштейн и А.И. Воло- хин</u> [5]		пассажирский колесный пароход.
500.	Туркестан (№ 141)	500 т	тр.	<u>22.09.1916</u> Турция	1920 за гран.	захваченный 8(21).08.1916 пароход «Кескул», на 1.10.1917 в 10 отряде. [14]
501.	Турн Северин (№ 153)		тр. 6 от. (Тр. фл.)	<u>29.10.1916</u> Румыния	09.1918 возвращ.	грузовой пароход получен от румынского правитель- ства*, на 1.10.1917[14] и 1.01.1918[4] в 8 отряде.
502.	Удалец*	120 т	порт. с.	1914 – 1916	уч. ВОВ	на 11. 1919 буксирный пароход в Сев. порту.[209]

1	2	3	4	5	6	7
503.	Удалой*		порт. с.	1914 – 1916 Таганрогская таможня [31]	01.1919 возвращ.	буксирный пароход*. 1.10.1920 мобилизован в Морские силы Черного моря и переоборудован в тральщики. В 08.1921 передан Мортрану [260].
504.	Удалый [8]	<u>135,69</u> [5] 19,12	к.о.л. (Отр. с. С-3 части)	И.А. Баптизм-манский [5]		буксирный пароход.
505.	Удачный	<u>95,75</u> [5] 19,63	ЭОН	И.А. Баптизм-манский		полуморской колесный буксир, под № Б4 вошел в 03.1917 в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
506.	Украина		транспорт			цементовоз, потоплен 2(15).11.1915 подв. лодкой «УС-13».[47]
507.	Урания (№ 117)	<u>1465,12</u> [5] 856,74	тр. 9 от. (Тр. фл.)	1916 М.Г. Барбати	08.1918 за гран.	грузовой пароход, на 1.10.1917 в 9 отряде [14].
508.	Успех (Т-247)	<u>169,41</u> [196] 61,14	тр. 4 див. (Бр. тр.)	15.10.1916 Рус.-Дун. пар. о-во [86]	1920 за гран.	товарный пароход,[5] колесный буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т-347 [17], на 1.01.1918 Т-345 [4]. На 1924 плавал под турецким флагом [86].
509.	Фани (Фрония) Купа (Т-263)	<u>450 брт</u> [213] 273,89 [5]	тр. 6 див. (Бр. тр.)	К.А. Бычихин и О.В. Куппа [213]	1920 за гран.	с 15.09.1917 Т-336 [4], на 1.01.1918 в списках нет. На 1924 ходил под греческим флагом – владелец Куппа [213].
510.	Федор Феофани (Т-236)	<u>587,19</u> [5] 293,88	тр. 3 див. (Бр. тр.)	М. и Х. Феофани		товарный пароход [5], паровая шхуна, 16.10.1914 затонула в Новороссийске [64], с 15.09.1917 Т-336 [10].
511.	Феникс*	<u>364,55</u> [5] 261,69	порт. с.	1914 – 1916 Окунь и Шейцов [55] М. и Х. Феофани	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход.
512.	Фл.-Адъютант Веселкин		ЭОН	Чиркович		полуморской буксир, под № Б7 вошел в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
513.	Флора (№ 71)	<u>709,89</u> 379,89	тр. 8 от. (Тр. фл.)	1915 Юж.-Рус. пар. о-во [159] Адм. по делам парох. III и Э. Каранатнических [5]	10.1918 за гран.	грузовой пароход, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде. В 05. 1919 передан в ведение Управления торговли и промышленности ВСЮР [261]. На 1924 и 1928 ходил под турецким флагом и названием «Гюзель-Адан» - Владелец Мулусск из Адана [159].
514.	Флорида (№ 72)	3238 брт	тр. 3 от. (Тр. фл.)	1.08.1914 Австро-Венгрия[39]	Погиб в 07.1916	австрийский интернированный пароход 1.08.1914 «Florida», в нач. 07.1916 торпедирован подводной лодкой «U-38» [220].

1	2	3	4	5	6	7
515.	Фредерика (№ 101) (Фредерикс*)	<u>6244 т</u> 5000 т [150]	тр. 8 от. (Тр. фл.)	<u>1915</u> Великобри- тания	18.06.1918 затоплен	грузовой пароход передан правительством Велико-британии*. На 1.10.1917 в 6 отряде [14], на 1.01.1918 в списках флотилии не значится. Поднят ЭПРО-Ном в 01.1936 [150].
516.	Харакс	<u>10296рт</u> [34] 555,89	тр. 1 див. (Бр. тр.)	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ [53]	1920 за гран.[24]	товарный пароход, в кон. 05.1919 пароходу прика-зано спустить военный флаг [262].
517.	Херсон (№ 73)	<u>6707,14</u> [5] 2860,79	тр. 4 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> Доброфлот	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход*, 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 1 отряде.
518.	Херсонес	<u>1012,94</u> 555,24	тр. 1 див. (Бр. тр.)	<u>1914 – 1916</u> РОПиТ [53]	05.1919 возвращ. 1920 за гран.*	товарный пароход. В 05.1919 передан в ведение Управления торговли и промышленности ВСЮР [264]. На нач. 1924 зна-чится проданным [110].
519.	Хиос (№ 100)	8000 т	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>1916</u> Греция	1919 воз- вращ.	грузовой пароход получен от греческого правитель-ства*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 4 отряде.
520.	Хорлынец (Т-266)	<u>136,96</u> [5] 41,19	тр. 6 див. (Бр. тр.)	С.Б. Фальц- Фейн[5]		ледокол [5], с 15.09.1917 Т-366 [17]. В 08.1919 буксир-ный катер зачислен в плав-средства Севастопольского порта [265].
521.	Христиан Небе (№ 74)	<u>3192,34</u> [5] 2019,06	тр. 7 от. (Бр. тр.)	<u>12.03.1915</u> Север. Парох. Об-во [5]	1919 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 в 7 отряде [7].
522.	Христофор	<u>727,28</u> [5] 502,50	транспорт (Боновое дело)	<u>1914 – 1916</u> Х., В. и М. Феофани, П. Михали, Циано [5]	11.1918 возвращ.	грузовой пароход*. На 1924 ходил под греческим флагом и названием «Марго» - владелец Фео-фани [44].
523.	Царевна	<u>208,26</u> [5] 100,99	ЭОН	ч.в. Голяниц- кий и Шпо- лянский [142], М.И. Гавалло [5]		полуморской буксир, под № Б8 вошел в Баржевой отряд Тран. фл. [10]/
524.	Царь Константин (№ 121)		тр. (Тр. фл.)			на 1.01.1917 в списках Тран. фл [3]., на 1.10.1917 в списках флотилии от-сутствует.
525.	Царь Михаил Фе- дорович (№ 76)	<u>2893,0</u> [5] 1739,99	тр. 2 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ	1920 за гран.	товаро-пассажирский парох-од*, после 05.1917 «Анато-лий Молчанов [4], на 1.10.1917 во 2 отряде. [24]В 05.1919 передан в ведение Управления торговли и про-мышленности ВСЮР [261]. В нач. 1924 работал между Францией и ее колониями в Китае и Африке [110].
526.	Цесаревич Алек- сей Николаевич (№ 78)	<u>2892,99</u> [5] 1 1719,90	тр. (Тр. фл.)	РО- ПиТ	04.1916 погиб	товаро-пассажирский па-роход, в 04.1916 погиб у м. Тар-ханкут

1	2	3	4	5	6	7
527.	Цесаревич Георгий	<u>1960,0</u> [5] 1130,69	заградитель	<u>30.07.1914</u> РОПиТ	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход [5], до 1914 «Рылев», с 05.1917 «Георгий», в 08.1917 прикомандирован к Бр. тр. с зачислением в 1 дивизион [89]. В 05.1919 вспомогательный крейсер зачислен во 2 ранг судов [266].
528.	Чайка	25 т	тр. 7 див. (Бр. тр.)	1914 – 1916	на 1925 было	порт. с. *, на 1.01.1918 Т-376 [10].
529.	Чатыр-Даг	<u>900,64</u> [5] 518,19	Дун. фл.	— РОПиТ		товарный пароход на 06.1917 назначен совершать рейсы 1 раз в неделю на линии Одесса – Сулин – Килия – Измаил [224]. В 1919 снят с Тендровской мели Мариинской спас. партией [267].
530.	Чахлоу (Чехлоу)			<u>15.04.1917</u> Румыния		буксирный катер 75 л.с. зачислен в Баржевой отряд Тран. фл. под № РО2 [149].
531.	Черномор	1100 т	с.с. (база водол. – спас. партии)	7.06.1912	на 1920 за гран.	На 05.08.1920 в белом Черноморском флоте. На 05.1922 в Бизерте [160].
532.	Черномор (№ 79)	<u>1423,36</u> [5] 854,79	тр. 2 от. (Тр. фл.)	<u>21.03.1916</u> Ространс [111] Рос. Тран. и Страх. О-во [5]	1920 за гран.	товаро-пассажирский пароход*, на 1.10. 1917 в 3 отряде [14], на 1.01. 1918 в 9 отряде [4]. В 05.1919 назначен в ведение Министерства торговли и промышленности ВСЮР [261]. На нач. 1924 значится проданным [110].
533.	Чиатура (№ 42)	<u>1257,78</u> [5] 717,99	тр. 3 от. (Тр. фл.)	<u>21.03.1915</u> Тор. дом «Братья Оганезовы»	на 1922 было	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 7 отряде, с 1922 «Освобождение» в Черномортрансе [64].
534.	Чорох [5]		1 отд. (див. сг. заградителей)	15.10.1916	1920 за гран.	
535.	Чорох (№ 104)*	~ 145 т	транспорт	<u>1915</u> Греция	нач. 1919 возвращ.	каботажный грузовой пароход передан греческим правительством. * [под № 104 на 1.01.1917 [4], 1.10.1917 [14] значится буксир].
536.	Чурубаш (Т-254)	100 т	тр. 5 див. (Бр. тр.)	15.10.1916	1920 за гран.* (?)	с 15.09.1917 Т-354 [17], в 09.1919 зачислен в отряд судов особого назначения [268].
537.	Шалун	<u>113,47</u> [5] 13,84	к. (Керчен. порт)	— О-во Керчь-Еникальских лоцманов		ледокольный буксир
538.	Шамиль*	~ 4500 т	транспорт	<u>1914</u> Турция	1921 возвращ.	интернированный турецкий пароход «Шахин».

1	2	3	4	5	6	7
539.	Шат-Эль-Араб	<u>113,51</u> [5] 58,49	л.	<u>Я.Я. Красношапка</u> [5]		буксирно-пассажирский пароход [5], в 04.1917 передан в состав Тран. фл. [102], на 1.01.1918 в 6 отряде. В 1919 посажен на Тендровскую мель, в конце года снят Мариинской партией [191].
540.	Шевченко [15]	<u>144,56</u> [5] 17,05	ЭОН	<u>А.О. Рус. Дунайское п-во</u>		буксирный пароход.
541.	Штык	23,5 т	п.с. (Отр. обор. Дун. гирл)	1915		на 1.01.1918 тр. 10 див. Бр. тр.[4], с 1919 на Каспии.*
542.	Шура	<u>1113,30</u> [5] 668,79		<u>Ф.К. Звороно и Э.С. ди Полоне</u> [5]		товарный пароход, уничтожен в конце 10.1914 крейсером «Гамидие» под Феодосией.
543.	Шхуна № 2					упоминается в 1917 в приказах Ком. Тран. фл.[269]
544.	Эдинька*	<u>80,90</u> [5] 68,80	порт. с.	<u>1914 – 1916 С.Н. Чаев</u> [5]	11. 1918 возвращ.	буксирный пароход.
545.	Эдуард (Т-262)	<u>432,46</u> [5] 314,38	тр. 6 див. (Бр. тр.)	<u>1915 – 1916 Криази</u> [44] <u>Н.П. Грипари</u> [5]	07.1919 возвращ.	товарный пароход, с 15.09.1917 Т-362 [17, с 05.1919 в.п. [108]/ В 05.1919 в.п. зачислен в 3 ранг судов, в 09.1919 возвращен владельцу.[270] На 1924 ходил под греческим флагом и названием «Ирини» - владелец Криази [44].
546.	Экватор (№ 81)	6315 т	тр. 2 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915 Франция</u>	12.1918 за гран.	товаро-пассажирский пароход получен от французского правительства*, госпитальное судно, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 5 отряде.
547.	Экспресс*	36 брт	порт. с.	1914 – 1916	1920 за гран.	каботажный грузовой теплоход.
548.	Элеватор № 18		ЭОН	<u>ю.р.о.п.э.</u>		катер, под № БО16 вошел в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
549.	Элеватор № 19		ЭОН	<u>ю.р.о.п.э.</u>		катер, под № БО17 вошел в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
550.	Элеватор № 20		ЭОН	<u>ю.р.о.п.э.</u>		катер, под № БО15 вошел в Баржевой отряд Тран. фл. [10].
551.	Элейрон [10]		тр. 10 див. (Бр. тр.)			
552.	Эльси (Элси*)	<u>30,10</u> [5] 5,12	п.с.	<u>4.05.1916 И.А. Коваленко</u> [5]	на 1921 был	буксирный катер, на 1.10.1917 в составе Баржевого отряда Тран. фл.[8]
553.	Эльборус	<u>970,12</u> [5] 545,77	1 отд. (див. сет. заградителей)	<u>РОПиТ</u> [5]		товарный пароход, затоплен в Геническе в 1919 [62].

1	2	3	4	5	6	7
554.	Эльборус (Эль-брус)	9400	нал. тр.	1914 Бельгия	18.06.1918 затоплен	наливной пароход получен от Бельгийского правительства*. В 01.1917 зачислен в состав судов Сев. порта [271], в 1925 – 1929 проходил ремонт в Севастополе.
555.	Эльпидифор (Т-230)	672 брт [55]	тр. 3 див. (Бр. тр.)	1915 – 1916 Т-во Е.Т. Парамонова [55]	1920 за гран.	с 15.09.1917 Т-330 [17], 27.05.1919 возвращен владельцу [272].
556.	Эмеранс (№ 82)	1416 брт	тр. 5 от. (Тр. фл.)	12.03.1915 С. и А. Ванин и И. Островский	09.1918 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 6 отряде. Нач. 05.1919 передан в ведение Министерства торговли и промышленности ВСЮР [261].
557.	Эмма*	<u>35,99</u> [5] 12,18	порт. с. (Николаевский порт)	1914 – 1916 А.О. «Рус. Черн. – Днепр. пар-во» [5]	на 1921 было	буксирный пароход.
558.	Эммануил (№ 94)	<u>1002,0</u> [5] 595,97	тр. 6 от. (Тр. фл.)	1915 Ф.К.. Звороне и Э.С. ди Полоне	08.1918 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде.
559.	Энергия (№ 83)	<u>664,34</u> [5] 390,78	тр. 1 от. (Тр. фл.)	В.С. Феофани [5]	07.1918 за гран.	грузовой пароход*, на 1.10.1917 и 1.01.1918 в списках флотилии нет.
560.	Энергия (Т-288)		тр. 2 див. (Бр. тр.)			на 1.01.1918 Т-328 [4].
561.	Эрна	1599 брт		1.08.1914 Австро-Венгрия		интернированное австрийское судно «Егна» [39], 11(24).12.1914 затоплено с камнями в районе Зунгулдака [85].
562.	Эрнести					
563.	Эстела-Мария	<u>601,96</u> [5] 359, 82	вс. с. (М. бр.)	1914 – 1916 П. Грабовский и А. Эмерин [5]	07.1918 возвращ.	товарный пароход [5], грузовая паровая шхуна, порт. с.*
564.	Этор	<u>50,10</u> [5] 16,91	п.с. (Отр. охр. лиманов)	Южно-Рус. об-во плав. элеват. [5]	28.03.1944 погибло	ледокольный буксир [5], на 1.01. 1918 к.о.л. Отр. с. СЗ части. 3.07. 1920 зачислено в боевой состав Морских сил Черного моря, 19.06. 1922 передано Мортрану. Мобилизовано 22.06.1941, погибло в Керченском проливе во время шторма [163].
565.	Юлия (№ 85)	<u>1296,91</u> [5] 725,15	тр. 8 от. (Тр. фл.)	12.03.1915 Н.М. Дмитриева [5]	11.1918 за гран.	грузовой пароход* «З.М. Хрисовелони» [154], на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [4] в 9 отряде.
566.	Юлия 2* (№ 115)		тр. 8 от. (Тр. фл.)	1916 Персия	1920 за гран.	грузовой пароход передан персидским правительством*, на 1.10.1917 в 7 отряде, на 1.01.1918 в списках флотилии нет.

1	2	3	4	5	6	7
567.	Юлия (Т-294)	<u>427,81</u> [5] 295,50	тр. 9 див. (Бр. тр.)	13.11.1916 Ю. и К. Саксен и Н. Зизо [5]	1918 воз- вращ.	товарный пароход [5], паровая шхуна, Т-233*. С 15.09.1917 Т-394 [3].
568.	Юпитер (№ 86)	<u>3975,96</u> [5] 2438,09	тр. 7 от. (Тр. фл.)	<u>12.03.1915</u> РОПиТ [53]	1919 за гран.	товарный пароход, на 1.10.1917 [14] и 1.01.1918 [5] в 3 отряде, после 1920 во Франции [159].
569.	Юрий*	186 т	порт. с. (Никола- евский порт)	<u>1914 – 1916</u> ч.в. Сысоев [273]	11.1918 возвращ.	товаро-пассажирский па- роход.
570.	Юрий					
571.	Язон (Т-258)	100 т	тр. 5 див. (Бр. тр.)	15.10.1916	1.07.1942 взорван в Севастопо- ле	буксирный пароход*, с 15.09.1917 Т-358 [17]. В 09.1919 зачислен в партию траления [236]. В 11.1920 во время эвакуации белых войск из Севастополя ко- манда захватила судно и отвела его в Евпаторию. 20.11.1920 команда зачис- лена в состав Действую- щего отряда судов Черно- го моря. На нач. 12.1920 входил в состав 2 диви- зиона тральщиков. 18.06.1924 подорвался на мине, но был отремонти- рован. В 12.1928 передан Мортрану [275].
572.	Яков (Т-238*, Т- 241)	<u>375,0</u> [196] 262,85 [5]	тр. 4 див. (Бр. тр.)	<u>1914 – 1916</u> Рус. о-во вы- воз. торг. [44]	1920 за гран.	в 06.1917 временно при- командировывался к Тран. фл. [56], на 1.01.1918 Т- 341 [4]. На 1924 ходил под б. русским флагом между греческими портами [44].
573.	Якут	1300 т	п. с.	1914 – 1916	1920 за гран.	товаро-пассажирский па- роход.
574.	Ялта					в кон. 10.1914 судно по- дорвалось в районе Ново- российска на минах, по- ставленных крейсером «Мидили» и э/м «Берк-и- Сатвет» [85].
575.	Яссы № 155	1530 брт	тр. 9 от. (Тр. фл.)	<u>29.10.1916</u> Румыния	08.1918 возвращ.	грузовой пароход получен от румынского правитель- ства, в 03.1917 зачислен в состав Тран. фл. под № 155 [183], на 1.10.1917 в 8 отряде [14].
576.	Ястреб [5]		к.о.о.р. (Отр. с. СЗ части)			
577.	Ястреб	390 т	п.с. (Ни- колаев. порт.)	1914	02.1920 затоплен	б. крейсер Отд. корпуса пограничной стражи.*

СПИСОК ТРАНСПОРТОВ ТРАНСПОРТНОЙ ФЛОТИЛИИ

№	Название	Дата мобилизации	Примечание
1	2	3	4
1.	Адмирал де Рюйтер	12.03.1915	
2.	Александр Камбуров	12.03.1915	
3.	Ай-Петри	12.03.1915	
4.	Ай-Тодор	21.03.1916	
5.	Альма	2.10.1914	
6.	Афон	12.03.1915	
7.	Барон Эдмунд Вай	12.03.1915	
8.	Белороссия	12.03.1915	
9.	Булганак	2.10.1914	
10.	Бурдейль	12.03.1915	
11.	Вампоа	12.03.1915	
12.	Варна	9.11.1916	
13.	Великороссия	12.03.1915	
14.	Витязь	12.03.1915	
15.	Владимир	12.03.1915	
16.	Вольвертон	12.03.1915	
17.	Кавказ	1915	
18.	Туапсе	10.10.1914	
19.	Буксир (Голланд)	1914/1916	
20.	Грегор	12.03.1915	
21.	Вера	1915	торпедирована UB-38
22.	Джиоконда	1915	торпедирована UB-45
23.	Дмитрий	12.03.1915	
24.	Дружба	12.03.1915	
25.	Ефрат	12.03.1915	
26.	Женерозо	1915	
27.	Игнатий Прохоров	12.03.1915	
28.	Император Александр II		на 03.1917 значится погибшим
29.	Император Николай II	10.03.1915	с 04.1917 – Вече
30.	Императрица Мария	12.03.1915	на 08.1917 Жар-Птица
31.	Имрико	12.03.1915	
32.	Инженер Авдаков	12.03.1915	
33.	Сочи	10.09.1914	
34.	Иерусалим	12.03.1915	
35.	Казак	12.03.1915	
36.	Корнилов	12.03.1915	
37.	Лазарев	12.03.1915	
38.	Людмила	12.03.1915	
39.	Малороссия	12.03.1915	преследуемый UB-38, выбросился на берег
40.	Мария	12.03.1915	
41.	Михаил Архангел	12.03.1915	
42.	Чиатура	1915	
43.	Оксюс	12.03.1915	
44.	Оскар	12.03.1915	
45.	Паванна	12.03.1915	
46.	Патагония		Потоплен пл UB-7
47.	Петр Берг	12.03.1915	
48.			
49.	Петр Карпов	12.03.1915	
50.	Петр Регир	1915	
51.			
52.	Артемиссия	1915	
53.	Принцесса Христиана	08.1914	
54.	Продуголь	12.03.1915	
55.	Роклиф		на 01.1917 значится погибшим.

1	2	3	4
56.	Россия	12.03.1915	
57.	Ростов	21.03.1915	
58.	Русь	12.03.1915	
59.	Садко	12.03.1915	
60.	Саратов	12.03.1915	
61.	Святогор		2.02.1917 столкнулся с э/м «Быстрый», затонул
62.	Св. Николай.*	1914/1916	
63.	Ингул	08.1914	
64.	Сухум	10.09.1914	
65.	София	2.12.1915	
66.	Тигр	12.03.1915	
67.	Тислетор	12.03.1915	
68.	Тревориан	12.03.1915	
69.	Тресиволос	1915	
70.	Трувор	1914/1916	
71.	Флора	1915	
72.	Флорида	1.08.1914	
73.	Херсон	12.03.1915	
74.	Христиан Небе	12.03.1915	
75.			
76.	Царь Михаил Федорович	12.03.1915	с 05.1917 Анатолий Молчанов
77.			
78.	Цесаревич Алексей		погиб в 04.1916
79.	Черномор	21.03.1916	
80.	Трапезунд	21.09.1916	
81.	Экватор	12.03.1915	
82.	Эмеранс	12.03.1915	
83.	Энергия		
84.	Кача	17.08.1914	
85.	Юлия	12.03.1915	
86.	Юпитер	12.03.1915	
87.	Дыхтау	7.09.1914	
88.	Принцип	21.03.1916	
89.	Александра	1915	
90.	Прогресс	1914/1916	
91.	Григорий Гапонов	10.05.1915	
92.	Арарат	1914/1916	
93.	Дочь	1915	
94.	Эммануил	1915	
95.	Руслан	1914	
96.	Ольтения	1915	
97.	Старляйт	1915	
98.	Сиракузы	1915	
99.	Мунтения	1915	
100.	Хиос	1916	
101.	Фредерика (Фредерикс*)	1915	
102.	Превеза	1915	
103.	Мария-Аннета	1915	Русь-II
104.	Буксир	29.11. 1915	
105.	Руа Альберт	1915	
106.	Тигрис	1916	
107.	Виолетта	1915	
108.	Тревере		потоплен UB-45.
109.	Леванцо	1915	
110.	Сербия	1916	
111.	Атене	1916	
112.	Амалия	28.12. 1916	
113.	Антон	1917	
114.	Рома	1916	

1	2	3	4
115.	Юлия-II	1916	
116.	Буксир		
117.	Урания	1916	
118.	Измаил	1914/1916	
119.	Николай	1916	
120.	Вперед		на 01.1917 значится погибшим.
121.	Царь Константин		
122.	Друг жизни		
123.	Св. Николай		
124.	Герой		
125.	Св. Николай		
126.	Восточная звезда		
127.	Михаил		
128.	Преподобный Сергей		
129.	Св. Николай		
130.	Борис		
131.	Маргарита	1914/1916	
132.	Клара Сепарис	1916	
133.	Лазарь Кириако (Кирияко) (буксир)	1915	
134.	Креста	1914/1916	
135.	Скиф (буксир)	1914/1916	
136.	Ризе	1916	
137.	Добыча	2.07.1916	
138.	Принцесса Евгения Ольденбургская	15.07. 1916	
139.	Король Альберт	1915	преследуемый пл U-33, выбросился на берег
140.	Королевич Александр	1916	
141.	Туркестан	22.09.1916	
142.	Сиретул	6.10.1916	
143.	Ольтул	6.10.1916	
144.	Милковул	6.10.1916	
145.	Елена	6.10.1916	
146.	Далланд	6.10.1916	
147.	Рион	20.07.1913	
148.	Бештау	3.09.1914	
149.	Родосто	8.10.1916	
150.	Бучачи	29.10.1916	
151.	Карпаты	29.10.1916	
152.	Констанца	29.10.1916	
153.	Турн Северин	29.10.1916	
154.	Добруджа	29.10.1916	
155.	Яссы	29.10.1916	
156.	Полимитис (Дельта)	1917	
157.			
158.	Боржом	5.09.1914	
159.	Луч	5.09.1914	
160.	Поти	26.08.1905	
161.	Батум	26.08.1905	
162.	Свет	1914	
163.	Тимза	1916	
164.			
165.			
166.			
167.			
168.			
169.			
170.	Император Александр I		п-м. ш.
171.	Буревестник		п-м. ш.
172.	Память Азова		п-м. ш.
173.	Негропонте		п-м. ш.

1	2	3	4
174.	Леватос	6.09.1916	п-м. ш.
175.	Иван Бурхард	1914/1916	п-м. ш.
176.	Пробуждение		п-м. ш.
177.	Александр Невский	30.07.1914	п-м. ш.
178.	Бельгузар		п-м. ш.
179.	Балджи		п-м. ш.
180.	Дервиш		п-м. ш.
181.	Апостол Филипп		п-м. ш.
182.	Св. Георгий		п-м. ш.
183.	Клавдия		п-м. ш.
184.	Сергей Витте		п-м. ш.

В состав 8 отряда (затем 7) входили парусные шхуны: Аз, Буки, Глаголь, Добро, Есть, Живете, Земля, Иже, Како, Он, Покой, Рцы и Слово.

В апреле 1917 года переданы в Транспортную флотилию ледоколы: ледоколы №1², №3, №4, Ледокольчик, Ледорез, Шат-Эль-Араб, Донская Гирла и Евгения.

В апреле 1917 года в Баржевой отряд Транспортной флотилии были переданы румынские буксирные катера «Биказ», «Чахлоу», «Негойу», «Ирена Мюлон», «Эрнести», «Елизавета Фрич», «Ададжена» и «Селли».

СПИСОК ТРАЛЬЩИКОВ (БРИГАДА ТРАЛЕНИЯ)

		1914	1915	1916	1.01.1917	1.01.1918
1	2	3	4	5	6	7
1 дивизион						
Батум		20.12.1914			+	+
Витязь					+	+
Мечта		1914/1916			+	+
Россия					+	+
Харакс		1914/1916			+	+
Херсонес		1914/1916			+	+
Трувор		1914/1916			+	+
Веста		1914/1916			до 05	
2 дивизион						
Анна Д.		1915/1916			T-220	T-320
Кефалония					T-221	T-321
Гельвеция		1915/1916			T-222	T-322
Джузеппе					T-223	T-323
Аспазия					T-224	T-324
Леля				15.10.1916	T-225 T-211*	T-325
Ваня					T-227	T-327
Энергия					T-228	T-328
Диамантиди				1916	T-229	T-329
3 дивизион						
Эльпидифор				1915/1916	T-230	T-330
Волга	2.03.1917				T-231	T-331
Сосиетэ				15.10.1916	T-232	T-332
Олимпиада					T-239	T-339
Роза				15.10.1916	T-234	T-334
Пророк Иона				15.10.1916	T-235	T-335
Федор Феофани					T-236	T-336
Афранасий Феофани		1914/1916			T-237	T-337
Жанета				15.10.1916	T-238	T-338
4 дивизион						
Дунай				15.10.1916	T-211	T-340
					T-248	T-341
		1914	1915	1916	1.01.1917	1.01.1918
Труд				28.10.1916	T-226, 249	T-326*, 342
Мария					T-240	T-343
Полезный				15.10.1916	T-242	T-342*, 344
Успех				15.10.1916	T-247	T-347*, 345
Данай				15.10.1916	T-246	T-346
5 дивизион						
Виктория						T-350
Виктория					T-251	T-351
Мариетта					T-253	T-352
Мери				15.10.1916	T-259	T-359, 353
Чурубаш				15.10.1916	T-254	T-354
Борисфен				15.10.1916	T-255	T-355
Березань					T-256	T-356
Скиф				15.10.1916	T-257	T-357
Язон				15.10.1916	T-258	T-357
Ольга			1914/1916		T-252	-

1	2	3	4	5	6	7
6 дивизион						
Адольф				15.10.1916	T-260	T-360
Георгий				15.10.1916	T-261	T-361
Эдуард			1915/1916		T-262	T-362
Амалия	2.03.1917		1915/1916		T-263	T-363
Фани Купа					T-263	-
София Куна (Купа)			1915/1916		T-264	T-364
Елена Куна (Купа)				15.10.1916	T-265	T-365
Хорлынец					T-266	T-366
7 дивизион						
Альбатрос	1910				T-270	T-370
Баклан	1910				+	T-371
Ипполай				4.12.1916	T-272	T-373
Керчь		1914/1916			+	T-372
		1914	1915	1916	1.01. 1917	1.01. 1918
Доброволец				28.10.1916	T-273	T-373
Кафа				24.06.1916	T-274	T-374
Пантикапей					+	T-375
Чайка		1914/1916			+	T-376
Женя Ревенский					-	T-377
8 дивизион						
Анна					T-280	T-380
Анатра				12.06.1916	T-281	T-381
Тесть				12.07.1916	T-282	T-382
Пандия				13.11.1916	T-283	T-383
9 дивизион						
Смелый				13.11.1916	T-290	T-390
Дельфин				13.11.1916	T-291	T-391
Работник		1914/1916			T-292	T-392
Дмитрий Герой					T-293	T-393
Юлия				13.11.1916	T-233*, 294	T-394
София				09.09.1916	T-249*, 295	T-395
10 дивизион						
Граф Игнатъев				25.02.1916	с 05 +	+
Кинжал			1915		-	+
Контакт					-	+
Рапира			1915		-	+
Сабля			1915		-	+
Сулин					-	+
Штык			1915		-	+
Элейрон					-	+
Софья Пустовойтова Т-502 (погиб 26.02.1916)					-	-
Боновое дело						
Христофор					+	+

На 1911 были причислены к Партии траления и мин заграждения Сев. порта миноносцы №8 и №9, пароходы «Альбатрос» и «Баклан»[160].

В годы первой мировой войны погибли тральщики: Т-250 (10.03.1916), Т-63 (3.04.1916), ТЩ-252 (28.06.1916)[276] и Т-502 «Софья Пустовойтова» (26.02.1916).

СПИСОК ВЛАДЕЛЬЦЕВ СУДОВ

Наименование	№№ п/п
1	2
Администрация по делам пароходства Ш. и Э. Карпатнических	197, 221, 234, 361, 513
Азово-Черноморское пароходное общество	98, 120, 121, 234, 247, 248
АО «Океан»	292, 432
АО «Русско-Днепровское пароходство»	28
АО «Русско-Дунайское пароходство»	2, 5, 24, 55, 61, 69, 94, 105, 131, 148, 171, 189, 205, 206, 207, 208, 315, 328, 331, 335, 395, 418, 422, 423, 436, 441, 508, 540
АО «Русское Черноморско-Днепровское пароходство»	2, 166, 331, 477, 480, 587
Батум-Туапсинская железная дорога	475
Доброфлот	109, 158, 162, 180, 404, 431, 517
Комитет Донских гирл	163
Нефтепер. и Торговое общество «А.И. Манташев и К ^о »	71
Общество Азовского пароходства	54, 443
Общество Армави́ро-Туапсинской железной дороги	178, 475
Общество «Кернес»	
Общество Керчь-Еникальских лоцманов	287, 537
Общество Николаевских лоцманов	282, 288
Общество Одесских лоцманов	283
Пароходное товарищество «Диуман и Я.И. Кривобоков»	29
РОПиТ	9, 10, 12, 36, 38, 40, 46, 47, 62, 92, 95, 96, 101, 111, 132, 150, 172, 177, 199, 203, 210, 246, 274, 307, 364, 384, 390, 406, 414, 415, 419, 427, 438, 442, 457, 459, 481, 494, 495, 516, 518, 525, 526, 527, 529, 553, 568
Российское Транспортное и Страховое общество	85, 108, 302, 421, 433, 532
Ространс	85, 102, 396, 421, 532
Русское общество ЮРНО (?)	294
Русское общество коммерческого пароходства	56, 97
Русское общество Вывозной Торговли	23, 286, 367, 572
Северное пароходное общество	358, 521
Таганрогская таможня	503
Товарищество Алешковского пароходства	24
Товарищество «Новороссийское пароходство»	164, 353
Торгово-комиссионное товарищество «Сосиете»	460
Торгово-промышленное товарищество «Е.Т. Парамоновы и сыновья»	387, 555
Торговый дом «Братья Оганезовы»	533
Торговый дом «Братья М. и Я. Розенштейн»	297
Торговый дом «Диамантиды и сыновья»	112
Торговый дом Л. Дрейфуса	17
Торговый дом «Л. Феттер и сыновья» и Ф. Реджис	359
Управление Херсонского порта	161, 174, 476
Южно-Русское пароходное общество	221, 361, 513
Южно-Русское общество плавучих элеваторов (ЮРОПЭ)	86, 548, 549, 550, 564
Абрамович М.С.	143
Адамсон и Франгопуло	356
Айгорн	456
Акруспара	2
Андрейс Л.Л.	164, 484
Андрущенко Е. и А. и Хрисоскули А.М.	31
Балков С.Т.	74
Баптизманский	329, 504, 505
Барбати М.Г.	507
Безпалов Ш.Н.	135, 360
Братья Обершмуклеры А. и Г.	7

1	2
Будяков Г.Ф. и Рябчик Е.	34
Бычихин Х.А. и Куппа О.В.	184, 466, 509
Ванин С. и А. и Островский Н.	391, 556
Варваров М. и Торговый дом «Леди Дрейфус и К ^о »	119, 447, 464
Варваров И., Яхно А., Кипор Н., Приймак Ф.	16
Васильев В.В.	89
Вургафт А.Н. и Мозель Т.М.	344
Габер Б.	429
Гавало М.И.	19, 138, 488, 523
Галкина К.Ф.	134
Голаницкий и Шполянский	523
Грабовский П. и Эмерин А.	563
Грагеров Ф.А. и Розенфельд И.	114
Гринштейн Н.М.	303
Грипарь Н.П.	345, 545
Дмитриева Н.М.	505
Ефанов В.А.	213
Жолобовы В. и А.	81
Звороно А.К.	122, 243
Звороно Ф.И.	125, 227, 242, 280
Звороно Ф.К. и ди Полоне Э.С.	41, 168, 389, 394, 542, 558
Игнатов, Силаев, Поляков, Сифнео	336
Камбани А.М.	198
Караманов А.С.	277
Каранатицкий Л.А.	342
Кефели Б.	430
Коваленко И.А.	552
Красношапка Я.Я.	534
Криази	545
Кроче Ф.	313
Кумани Г.Я., Волохин А.И. и К ^о	123, 306
Лагофети П.С.	151, 233, 348, 474
Лановские В. и И.	100
Маврокордато К.К.	357
Махлин М.	152
Месаксуди Д.	126
Мефенити О.	337
Мильштейн М. и Волохин А.И.	499
Мясоедов В.И. и Егоров И.	176
Окунь и Шейцов	511
Опак-оглы С. и Железняченко Г.	26
Патроне Р.И. и Фабиано П.	185
Пароходы Шполянского П.О.	14, 165, 219, 347, 360
Пароходы «Петр Регир и сын»	214, 298, 394, 413
Пергало Я. и А. и Скаранджи С.	352
Петруци Д.	147
Пустовойтов Г.	467
Ратнер Д.	305
Регир П.П.	214
Робинович И.М. и К ^о	211
Розенфельд	490
Ротонос Д. и Меровиченко М.	382
Саксен Ю. и К. и Зизо Н.	567
Сапко Р. и В. и Бендер Н.	167
Сарандинаки Н.Г.	407
Секачев Г.С.	314
Синицын	449
Сифнео В.И.	25, 29, 42, 188
Скадовский С.Б.	482
Скараманта М.И.	39

1	2
Скочимаро Н.С.	322
Суворов Г.П.	284
Сысоев	569
Таваниоти С. и В., Камба П., Монополи К., Поляков Н. и Степанов П.	336
Теофилактос	453
Турянский С.В. и Рыбчевская М.И.	347
Фабиано Ф.И.	173
Фальц-Фейн С.Б.	6, 201, 285, 463, 520
Феофани А.А.	240, 496
Феофани А. и Х.	511
Феофани В.С.	559
Феофани М. и Х.	510
Феофани Ф.Ф.	240
Феофани Х.А.	42, 45, 202, 325, 355
Феофани Х., В. и М., Михали П. и Циано	522
Феофани Х.А. и Сусанис М.	38
Франгопуло А., П., А. и М.	356
Чагано П.Ф.	300
Чаев С.Н.	544
Чиркович	512
Шавалда А.К.	310
Шаганский	462
Шейко К.И.	388
Щербина В.	115
Яхно, Кипер и Столпников	16

II

НОВАЯ ИСТОРИЯ

ХЕРСОНСЬКЕ АДМІРАЛТЕЙСТВО ЯК ПРОВІДНИЙ ОСЕРЕДОК БУДІВНИЦТВА КОРАБЛІВ РОСІЙСЬКОГО ЧОРНОМОРСЬКОГО ФЛОТУ НА ПОЧАТКУ ХІХ ст.

ВДОВИЧЕНКО Є. В.

Херсонський державний аграрний університет

Створення сильного військово-морського флоту на Півдні України¹ вважалося стратегічним завданням, що обумовлювалося комплексом політичних, економічних і міжнародних інтересів Російської імперії. У контексті розбудови суднобудування та Чорноморського флоту головні пріоритети широкого спектру завдань на Півдні були сформульовані державними управлінськими структурами в ХVІІІ ст. В Україні початок становлення центрів суднобудування та флоту відбувається у 1775 – 1798 рр. Верфі та порти споруджувалися раніше від міст – Херсона, Миколаєва, Севастополя. Останні засновувалися для організації процесів суднобудування, судноремонту та обслуговування флоту.

Розбудова на Півдні України осередків суднобудування та формування Російського Чорноморського флоту відбувалися у взаємозв'язку з зовнішньополітичними пріоритетами: визначенням потенційного противника на морі – Туреччини; вступом Російської імперії у боротьбу за сфери впливу й торгового затвердження на Сході.

У період, що розглядається, відбулася зміна режиму проток – Босфор і Дарданелли стали відкритими для російських торгових кораблів, їм дозволялося заходити в усі без винятку турецькі порти та гавані. Підданим Російської імперії дозволялося, не сплачуючи мита, вільно відвідувати Єрусалим і Святі місця. Військове судноплавство, хоча і не було прямо заборонено, але за аналогією з англійським і французьким судноплавством, кораблі Російської імперії могли доходити з Середземного моря тільки до Константинополя без права проходу через Босфор [12].

Основним центром суднобудування Півдня на початку ХІХ ст. вважався Херсон. Адміралтейство міста вважалося головною базою постачання всіх верфей України. Тому в місті, окрім звичайних адміралтейських будівель, знаходилися кам'яні магазини для зберігання артилерійських запасів, провіанту, парусини, мундирних тканин; дерев'яні магазини для складування дорогих сортів деревини, вугілля та ін. [18]. Херсонське адмірал-

¹ Полагаем, что поскольку в начале ХІХ в. з'ємлі недавно присоединенной к Российской империи территории бывшего «Дикого поля» заселялись представителями разных национальностей: русскими, украинцами, греками, сербами, французами, немцами, шведами и др. и с Украиной как топонимом не ассоциировались, применительно к Северному Причерноморью корректнее было бы использовать термин Новороссия, тем более, что именно он употреблялся в то время, которое избрано автором для изучения (прим. ред.).

тейство мало у той час три елінги, які були спроектовані й споруджені в 1793-1794 рр. корабельним майстром О.С. Катасановим (1734-1804 рр.) [4].

Наведемо дані, що підтверджують інтенсивність роботи Херсонського адміралтейства зі створення лінійних кораблів. У 1798 р. на верфі закладено три 74-х та один 68-ми гарматний корабель. У грудні 1799 р. починає споруджуватися 100 гарматний корабель «Ягудиил» (у 1800 р. корабель перероблено на 110-ти гарматний). У березні 1801 р. у Херсоні закладається перший 110-ти гарматний корабель «Ратный» (проект корабля виконано у Петербурзі). Всього міським адміралтейством із періоду розбудови Чорноморського флоту до початку XIX ст. (1800 р.) споруджено 19 лінійних кораблів, у тому числі один 110-ти гарматний, один 86-ти гарматний, сім 74-х гарматних, один 86-гарматний, один 80-ти гарматний, сім 74-х гарматних, один 68-ми гарматний, сім 66-ти гарматних [15].

На початку XIX ст. стан суднобудування в Херсонському адміралтействі слід сприймати в контексті загальних науково-технічних змін, що відбувалися у цей період у світі. Внаслідок промислового перевороту в західноєвропейських країнах відбувається становлення машинного виробництва. Револуція у промисловості сприяла якісним змінам у технології побудови водного транспорту. Основним економічним стимулом для цього був значний розвиток внутрішньої та зовнішньої торгівлі. Зростання торгового обороту вимагало поліпшення засобів водного сполучення.

Суднобудування у російській імперії не могло не сприймати прогресивні світові технічні новації, які відповідно впливали на загальне удосконалення виробництва. На судах вводиться обов'язкове залізне болтове кріплення частин корпусу. У листопаді 1799 р. в Херсонському адміралтействі спускається на воду 74-х гарматний корабель «Св. Прасковья» (закладено 1798 р.), підводна частина якого вперше в історії чорноморського суднобудування обшита мідними листами [15]. На необхідність упровадження такого заходу в кораблебудуванні Півдня звернув увагу Ф. Ф. Ушаков (1745-1817 рр.). У серпні 1798 р. він мав можливість оглянути будівництво турецьких кораблів у Константинополі та порівняти їх якість зі споруджуваними суднами у чорноморських адміралтействах. *«Усі вони, – констатував Ф. Ф. Ушаков, – створені з гарного витриманого лісу, усі обшиті міддю. У той же час наші тяжко сиділи на воді, їх підводна частина – обшита сосновими дошками, товщиною у цілий дюйм, покрита мушлями та водяними наростами»* [6].

У лютому 1800 р. з'являється імператорська постанова з вимогою обов'язково обшивати мідними листами підводну частину *«кораблів та 50- і 44-х гарматних фрегатів»*, що споруджуються в Південних адміралтействах [11]. Мідна обшивка підводної частини була більш радикальним засобом захисту кораблів від обростання й проточування хробаками (у розглянутий період зовнішня обшивка у підводній частині випалювалася або обмазувалася різними сумішами). Практична реалізація цієї ухвали ускладнювалася повільним розвитком важкої промисловості та обмеженими можливостями приватного капіталу у Російській імперії. Наслідком такого стану стає висока вартість і дефіцит листової міді, що перешкоджала її широкому використанню у суднобудуванні.

Гіпертрофована роль державних інститутів у Російській імперії накладала свої особливості на процеси модернізації суднобудування. Держава не поступалася контролем за ходом економічного вдосконалення перед більш розвиненими приватними соціально-економічними структурами цивільного суспільства. Прагнення за будь-яку ціну зберегти контроль над процесами економічних змін супроводжувалося реформуванням центральних інститутів управління. На початку XIX ст. державно-адміністративні реформи і відповідно перетворення у суднобудуванні пов'язані з діяльністю Олександра I (1777-1825 рр.) (вступив на престол у 1801 р.). 8 вересня 1802 р. вийшов «Маніфест про створення міністерств» за яким створюється «Міністерство Морських сил» (перейменоване у 1815 р. на «Морське міністерство» [14]. У подальшому з'являється низка указів стосовно суднобудування та військово-морського флоту [14].

Олександр I відводив флоту другорядну роль, вважаючи армію основою в реалізації державної зовнішньої політики. Російський флот, порівняно з армією, вимагав значних коштів на створення нових кораблів, верфей і портових споруд. Думку Олександра I підтвердив і Комітет: *«Росії бути не можна в числі головних морських країн, та у тому ні потреби, ні користі не вбачається»* [1].

Загальні уявлення, щодо морської політики в імперії безпосередньо відбилися на чорноморському суднобудуванні, що переживало стан стагнації. Весь обсяг суднобудівних робіт зосередився у Херсонському адміралтействі, де у 1802 р. спустили на воду тільки один 110-ти гарматний корабель «Ратный» [5].

Концентрація суднобудування у Херсоні негативно впливала на бази Миколаївського та Севастопольського адміралтейств. Верфі втрачали виробничу дієздатність, що супроводжувалося і зменшенням кількості робітників.

У 1802 р. головним командиром Російського Чорноморського флоту й портів призначено адмірала маркіза Івана Івановича де Траверсе (Жан-Батист де Траверсе, француз-емігрант, що походив зі старовинного дворянського роду, (1753-1831 рр.). У 1805 р. він став першим військовим губернатором Миколаєва і Севастополя [10]. Діяльність І. де Траверсе на посту головного командира Чорноморського флоту й портів (1802-1811 рр.), а потім на посаді Морського міністерства Російської імперії (більше 16 років), оцінюється в історичній літературі XIX-XX ст. неоднозначно. «На Чорному морі, – пише радянський контр-адмірал Б. Зубов, – маркіз прослужив дев'ять із половиною років, при ньому погіршилися флотські й адміралтейські справи [8]». Такий вердикт щодо діяльності І. де Траверсе, задекларований радянською історичною школою, не відповідає об'єктивним історичним фактам. Дотримуючись основної політики імперського уряду, що, як уже зазначалося вище, відводив, флоту другорядну роль, маркіз І. де Траверсе зумів організувати роботу Миколаївського й Севастопольського адміралтейства, а також інтенсифікувати суднобудування в Херсоні [21].

У 1804 р. Херсонське адміралтейство спускає на воду 76-ти гарматний корабель «Правый». Авторитетним знавцем Чорноморського вітрильного дерев'яного флоту З. Аркасом, саме «Правый» названо першим кораблем «*обшитим мідними листами*» [2]. Крім цього судно характеризувалося й іншими конструкційно-технічними новаціями, наприклад його проект не передбачав традиційного диференту на корму, а дозволяв плавання судна на рівному кілі. Здобуті кораблем конструкційні особливості викликали дискусії серед флагманських офіцерів, чорноморських суднобудівників та були враховані ними у майбутньому [9].

Проаналізовані документи свідчать, що увага уряду Російської імперії до адміралтейств Півдня України підсилювалася виключно під час загострення зовнішньополітичної ситуації в регіоні [17]. У досліджуваній період з початком російсько-турецької війни 1806-1812 рр. відбуваються загальні зміни у організації суднобудування. Воєнні дії імперії в Чорноморському регіоні змусили уряд вжити заходи щодо зміцнення флоту й, відповідно, активізації кораблебудування [3].

1806 р. доцільно вважати значним у роботі адміралтейств Півдня України. У Херсоні закладається первісток нової серії кораблів – 74-х гарматного рангу «Анапа» і 110-ти гарматного «Полтава». У Миколаєві після восьмирічної перерви (в 1797 р. було закладено останнє транспортне судно) розпочинається будівництво двох бригантин і однієї яхти. Севастопольське адміралтейство у вересні 1806 р. отримує постанову про бажаність «*спорудження на перший випадок хоча б одного корвета*» з використанням місцевої кримської деревини [5].

У 1807-1808 рр. суднобудівні роботи адміралтейств Півдня України поступово активізуються. У Херсоні починають створювати такі кораблі: три 74-х гарматні (1807 р.) і один 110-ти гарматний (1808 р.). У Миколаєві в листопаді 1808 р. закладається 12-ти гарматний корвет «Або» [22]. Відновлення суднобудівних робіт у Севастопольському адміралтействі проходило паралельно з інтенсивними судноремонтними роботами на кораблях Чорноморського флоту (нагадаємо, севастопольці більше 10 років не займалися суднобудуванням). Проте виробнича база цього осередку не була на рівні потреб Нового часу [16].

Наприкінці 1808 р., Чорноморський флот мав усього шість лінійних кораблів, що перебували в строю (за штатами цього часу передбачалося – 21). Таку чисельність флоту І. де Траверсе вважав недостатньою. В умовах постійного дефіциту державного фінансування, що поглиналося безперервними війнами Російської імперії, головний командир Чорноморського флоту й портів запроваджує в суднобудування України стандарти західно-

європейського комерційного підприємства. В організацію чорноморського суднобудування він вводить нетрадиційний для Російської імперії економічний прийом, який у той період отримав назву «підряд», – створення суден за рахунок залучення приватної підприємницької ініціативи й капіталу. Відповідно до плану головного командира Російського Чорноморського флоту й портів передбачалися такі спорудження з підряду: у Херсоні – фрегата й транспорту; у Миколаєві – корвета й двох транспортних суден. У Херсоні у зв'язку з відсутністю вільних площ в адміралтействі для підрядного суднобудування планувалося створити спеціальну верф [29]. Першим підрядником у Херсоні стає один із найбільших адміралтейських постачальників лісу радник комерції Абрам Ізраїльович Перетц (1770-1833 рр., син рабина, народився в місті Любартове, що в Галичині) [18]. Підприємницька діяльність А. Перетца на цей період була багатоплановою, а її висока результативність у соляних промислах Криму позитивно відзначилася відомим істориком XIX ст. – А. Скальковським (1808-1898 рр.) [20].

Відповідно до укладеного у квітні 1809 р. контракту (довіреною особою А. Перетца стає купець Л. Львов) підрядник зобов'язувався за допомогою найнятих майстрових звести два стапелі та з власних матеріалів побудувати корпуси двох суден. Відповідальність за правильність їх спорудження й спуск покладали на адміралтейство, яке для управління роботами виділяло корабельного майстра. Столярні, малярські й конопатні роботи виконувалися адміралтейськими службовцями з державних матеріалів. Місцем розташування верфі стає карантинний острів «*при річці Кошовій*». Наприкінці жовтня 1809 р. на відведеній території відбулася закладка 32-х гарматного фрегата «Африка» й транспорту «Рион». Спорудженням керував корабельний майстер М. Суровцев [5].

У середині 1809 р. в організаційній структурі управління адміралтействами й суднобудуванням Півдня України відбуваються зміни. І. де Траверсе призначається керівником Морського міністерства і переїжджає до Петербурга, хоча юридично залишається на своїй посаді. Функції головного командира Російського Чорноморського флоту й портів виконує віце-адмірал М. Язиков (?-1832). У 1811 р. І. де Траверсе затверджено на посаді Морського міністра. Новим головним командиром Чорноморського флоту й портів обирається віце-адмірал Р. Галл (англієць за походженням), але його толерантність щодо прийняття обов'язків призводить до нових змін. У листопаді 1811 р. на посаді головного командира Чорноморського флоту і портів військового губернатора Миколаєва й Севастополя затверджується М. Язиков [3].

Саме з його діяльністю пов'язується подальша організація підрядного суднобудування в адміралтействах Півдня України. У розглянутий період Херсонське адміралтейство мало п'ять елінгів [20]. Такі потужності не гарантували швидкого спорудження лінійних кораблів та фрегатів, не всі елінги були в належному виробничому стані. Тому вже в серпні 1809 р. М. Язиков запропонував Морському міністерству започаткувати на Півдні України будівництво з підряду не лише малих і середніх суден, але й лінійних кораблів. Можливості практичного впровадження нових форм організації суднобудування (підряд) обговорювалися на «Височайшому» рівні. Проте у жорстких умовах феодально-кріпосницької системи приватна ініціатива і можливості вільного капіталу оперативно реагувати на потреби виробництва не могли реалізуватися у повному обсязі. Порушення термінів доставки лісу, відсутність в адміралтействі заліза й традиційні для кріпосницької Російської імперії кадрові проблеми часто призводили до зриву контрактних зобов'язань. Однак, вище названий підприємець А. Перетц побудував у Херсоні з підряду три 32-х гарматних фрегати й великий транспорт. Таким чином, очевидно, що вже перший експеримент із впровадженням в суднобудування підприємницької ініціативи засвідчив явну перевагу приватнокапіталістичного способу організації праці порівняно з казенним, заснованим на феодально-кріпосницьких відносинах.

У середині XIX ст. темпи роботи всіх адміралтейств Півдня України швидко спадають, що свідчило про над серйозну кризу в усій системі суднобудування. В умовах безупинних воєн, що велися Російською імперією [10], основні матеріально-виробничі потужності адміралтейств Півдня поглиналися ремонтом кораблів. Коштів на спорудження суден відпускалося мало. Нововведення не встигали давати реальних результатів. Кораблі

будувалися за старими кресленнями, які самі фахівці-суднобудівники вважали невдалими [7]. Кораблі були хиткими, з низькою остійністю, поганою мореплавністю й незадовільною швидкістю. Міцність їх була недостатньою, у результаті чого за штормової погоди, особливо, восени, кораблі зазнавали аварій через утворення течій. Під час зимових стоянок вони підпадали під несприятливі природні впливи; виробничі інструменти, інвентар, залишаючись на кораблях незахищеними, псувалися. Отже, на початку XIX ст. адміралтейства України переживали кризу, а загальний стан суднобудування характеризувався стагнацією. Хоча Херсонське адміралтейство залишалося одним із найбільших і передових за технікою суднобудування центром Російської імперії.

Джерела та література.

1. Аренс Е.И. История русского флота. Царствование императора Александра I. СПб. Литография. 1899. С. 18.
2. Аркас З. Действия Черноморского флота с 1798 по 1806 гг. (Продолжение) // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1863. Т. V. С. 899.
3. Аркас З. Продолжение действий Черноморского флота с 1806 по 1856 гг. (Окончание) // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1867. Т. VI. С. 401-425.
4. Афанасьев Д. К истории Черноморского флота (1768-1816 гг.). Вып. 2. С. 234-235.
5. Веселаго Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб. 1872. С. 454-457.
6. Головачев В.Ф. История Севастополя, как русского порта. СПб.: Печатано в типографии департамента уделов. 1872. С. 205.
7. Державний архів Миколаївської області: Ф. Р. 5858. Оп. 1. Спр. 143. Арк. 45.
8. Зубов Н.Б. Развитие кораблестроения на юге России. Калининград. Кн. изд-во. 1990. С. 114.
9. История отечественного судостроения IX-XIX вв. В пяти томах. Т. 1.: Парусное деревянное судостроение / В.Д. Доценко, И.В. Богатырев, Г.А. Вахарловский, П.А. Кротов, А.Г. Сацкий // Судостроение, Санкт-Петербург, 1994. С. 288.
10. История российского флота. Современная версия / Отв. редактор Н. Дубенюк. М.: Эксмо. 2006. С. 274-293.
11. Материалы для истории русского флота. Ч. XVI. СПб. Тип. Морского министерства. 1902. С. 485.
12. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М.: АН СССР. 1989. С. 238.
13. Николаевцы. Энциклопедический словарь (2000 персоналий, 1500 портретов и иллюстраций). Николаев: Возможности Киммерии. 1999. С. 258.
14. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. XXVII. №20406; Т. XXXIII. № 26028.
15. Российская национальная библиотека. Отдел Рукописей. Ф. 550. Q – IV – 296; Материалы для истории русского флота. Ч. XVI. С. 493.
16. Российский государственный архив военно-морского флота: Ф. 166. Оп. 1. Д. 4053. Л. 72, 83.
17. Российский государственный военно-исторический архив: Ф. 846. Оп. 16. Д. 5950. Л. 58 об.; Афанасьев Д. К истории Черноморского флота (1768-1816) // Русский архив. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1902. № 2. С. 255-256.
18. Сарычев Г.А. Город Херсон и при нем военный порт с Адмиралтейством // Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, Наукам и Словесности. СПб. Морская типография. 1826. С. 237-239.
19. Сацкий А.Г. Подрядное судостроение в Николаеве // Судостроение, Санкт-Петербург, 1989. №8. С. 51.
20. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края: 1796 –1823. Ч. 2. Одесса: Гор. типогр. 1836. С. 90.
21. Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб.: Стройиздат. 1997. С. 53-55.
22. Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х томах. Т.2. М.: Воениздат. 2002. С. 33.
23. Языков Николай Львович // Общий морской список. Ч. V. СПб.: Типография морского министерства. 1890. С. 412-414.

О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЯХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

ГОРЕЛОВ В. Н.

Российский государственный гуманитарный университет.
Историко-архивный институт (г. Москва)

Для изучения связей Московского государства с Крымским ханством значительный интерес представляют памятники дипломатических сношений, в числе которых статейные списки русских послов в Крым, указы послам, их отписки и челобитные в Посольский приказ, а также различные договорные документы.

Статьейные списки Посольского приказа служащих – это посольские журналы, возвращенные дневниковые записи. В них, как правило, подневно фиксировались условия, в которых посольству приходилось преодолевать путь до пункта ведения переговоров и обратно, описывались отношения с принимающей стороной, сложности, с которыми сталкивались посланники при достижении поставленной цели, давалось подробное описание мест пребывания и, в заключении, приводился отчет о затратах. К договорным документам относятся шерстные грамоты крымских ханов, грамоты и письма русских царей, шерстные записи крымских послов, договорные письма.

В настоящей статье рассмотрены русско-крымские дипломатические сношения XVII в. Проанализированы статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посланных в Крым в 1680 г. для заключения Бахчисарайского договора, а также статейный список подьячего Василия Айтемирева, находившегося в Крыму в 1692-1695 гг. с предложением мирных договоров. Предпринята попытка выявить особенности русских посольств в Крым в последней четверти XVII в.

Прежде всего, определим основные направления, по которым развивались дипломатические отношения между Московским государством и Крымским ханством в XVII в.

После сильнейших татарских нашествий начала века, когда страна, борющаяся за свое существование, была бессильна оказать татарам какое-либо сопротивление, последовал довольно длительный период затишья, продлившийся до конца первой четверти столетия. Татарские набеги были сравнительно незначительными и редкими [4, с. 5], и шерстные грамоты посвящены дружбе, братской любви, спокойствию, содействию торговым людям. Существенной особенностью этого периода является лишь упоминание о подарках в шерстной грамоте 1615 г. Джаныбек Гирея, когда, по мнению С.Ф. Фаизова, *«правовой статус дани поднялся на договорной уровень»* [13, с. 16].

Начиная с 1629 г. в документах усиливается польская нота: Россия начинает дипломатическую и военную подготовку к Смоленской войне. Шерстная запись князя Алеи, данная царю Михаилу Федоровичу, содержит согласие на то, чтобы *«Польскому Жигимонту королю на Московское государство ни чем не помогать»* [5, с. 52]. В апреле 1630 г. эта договоренность будет закреплена шерстной грамотой вторично пришедшего на ханский престол Джаныбек Гирея [5, с. 53].

Еще через три года, 17 декабря 1633 г., Москва получит шерстную грамоту, в которой будет указано об отправке крымского войска на «общего нашего недруга» польского короля, однако это станет возможным в обмен на получение жалованья «Крымского Царя людям» по двум прилагаемым росписям: *«кому именно и по сколько присылать ежегодно в Крым подарков, состоящих в соболях, кунных, лисьих и белых мехах, в платье, в сукнах, в рыбьем зубе, и наличных деньгах»* [5, с. 11; 1]. Для последующих русско-крымских отношений этот момент стал определяющим: во многих шерстных грамотах и записях содержатся ссылки на Джаныбекову роспись или на увеличение поминок относительно этой росписи.

Впрочем, договорные документы, относящиеся к этому периоду, не отражают фактического состояния взаимоотношений России и Крыма, который оказался ненадёжным партнёром в дипломатических планах Москвы. Пользуясь междоусобицей в Константинополе, слабостью турецкого правительства и рассчитывая на обусловленную этим безнаказанность, Крым вопреки категорически и неоднократно выраженной воле султана совершил самочинные и мощные нападения на Русь в 1632 и 1633 гг. [4, с. 215, 216]. На войну с русским государством толкнули крымцев и внутренние причины: экономическое состояние Крыма к началу 1630-х гг. было очень тяжёлым. Крым был разорён засухой 1628 г., моровым поветрием 1628-1629 гг., а также междоусобной борьбой крымцев с ногаями. Хан не смог противостоять давлению мурз и князей, оскудевших и жаждавших добычи [4, с. 167-222].

В шертных записях и грамотах 1638 г. явственно ощущается нарастающая напряжённость в русско-крымских отношениях. Крымская сторона признает, что делала позор и мученье и грабёж посланникам государевым Ивану Фустову и подьячему Ивану Ломакину, а также обязуется *«впредь к царскому величеству с повелением своим не писати»*, чем признает допущенное ранее повелительное обращение к русскому царю. Кроме того, дважды в 1638 году, в шертных грамотах Бегадыр Гирей и великого калги Ислам Гирей фиксируется увеличение надбавки к годовой казне на 20 человек относительно росписи Джаныбека, что можно рассматривать как репрессивное свойство упомянутых документов [5, с. 77, 81, 86].

Шертная грамота 23 марта 1640 г. Бегадыр Гирей по-своему уникальна. В ней за стандартными «ритуальными» формулировками скрывается крайнее раздражение: это пик дипломатического противостояния России и Крыма в XVII в. Мы можем отметить а) высокомерный тон: *«а после поздравленья буди вам наше любительное цареве повеленье ведомо»*; б) укоры русской стороне в том, что в прошлом году казна была привезена с убавкою, за что посланникам Ивану Фустову и Ивану Ломакину были учинены *«многая теснота и бесчестье»*; в) требование возместить *«недовозную казну»* в 1900 золотых, а впредь присылать вовремя и без убавки; г) требование к русскому царю *«в Азов помочи не чинити и порошу и свинцу и запасов не посылати»*; д) повеление русскому царю *«шерти нашей верить»*, и, следом, е) указание на то, что *«от прадедов и от дедов и от отцов наших повелось»* писать в повелением на все четыре стороны, а также, в заключение, ж) отповедь, что до титула «государь самодержец» крымской стороне дела нет [5, с. 91, 93, 94].

Столь резкий по форме и содержанию документ появился на фоне относительного затишья, случившегося после захвата казаками Азова в 1637 г. Как указывает А.А. Новосельский, в течение 1637-1641 гг. единственной крупной операцией татар против Московского государства было нападение Сафат Гирей [4, с. 262]. Однако причины появления шерти от 23 марта 1640 г. станут более понятными, если рассмотреть их через призму внутривосточных отношений в ханстве и череду военных неудач. К первым нужно отнести сложные отношения хана с его окружением [4, с. 260], к последним – уничтожение нескольких татарских отрядов астраханскими служилыми людьми в 1638 и 1639 гг., неудачный поход татар под Азов летом 1638 г., истребление днепровскими казаками около 3000 татар при переправе их через Днепр во время возвращения из Польши в 1640 г. [4, с. 269, 270].

Можно предположить, что, потерпев неудачу в попытках воздействовать на русское правительство военными мерами, Бегадыр Гирей был вынужден довольствоваться атакой на дипломатическом фронте. Она не осталась безответной: мучения русских послов в Крыму породили ответные репрессии в отношении крымских послов и гонцов, земский собор 1639 г., отказ русской стороны пропустить в Швецию крымских посланников, отказ от увеличения поминок сверх обычного размера. Противостояние 1637-1642 гг. А.А. Новосельский характеризует так: *«Никогда ранее приёмы вымогательства не достигали такой остроты и торговля из-за увеличения поминок и всевозможных подачек не принимала со стороны крымцев таких грубых форм; никогда еще вымогательства и насилия над посланниками в Крыму не вызвали публичного обсуждения в Москве на специально для этого созванном земском соборе»* [4, с. 281].

Период с 1642 по 1645 г. характеризуется очередным обострением русско-крымских отношений. Окончание в мае 1642 г. «азовского сидения» татары расценили как признак слабости московского правительства. Кроме того, в самом Крыму вновь сложилось тяжелейшее хозяйственное положение: засуха и недород привели к вздорожанию хлеба и продуктов питания и нехватке корма для скота [4, с. 312]. Поэтому, несмотря на то, что Магмет Гирей, сменивший умершего в 1641 г. Бегадыр Гирея, пытался придерживаться мирного поведения и понимал необходимость поддержания мира, изголодавшие крымцы объединялись с азовскими и ногайскими татарами, и, возглавляемые своевольными мурзами, совершали хотя и нескоординированные, но весьма чувствительные набеги [4, с. 308-326]. Несмотря на неблагоприятный фон, обусловленный безбашами, в дипломатических документах появляются признаки возрастающей уверенности Москвы в своих силах. Для Московского государства подходит к концу самая тяжёлая пора слабости, находившая свое отражение в отношениях с Крымом [4, с. 282], и русская дипломатия начинает добиваться пусть незначительных, но стабильных уступок со стороны крымского хана и его послов.

Так, в шертной записи 4 ноября 1642 г. крымская сторона многократно именует царя Михаила Федоровича всея Руси самодержцем и обязуется *«царскому величеству писать честно по его царьскому достоинству самодержцом и без повеленья»* [5, с. 105]. В конце 1644 г. русским послам Неронову и Головнину удается добиться внесения в шертную записку наименования московского государя «самодержцем» [4, с. 280]. В шертной грамоте 1646 г. Ислам Гирей обещает не воевать с Москвой, даже если *«благочастной турской царь к нам повеление пришлет»*, а в шертной записи Курамши мурзы Сулешова ханство соглашается ограничить число гонцов и послов в Москву [5, с. 107, 112; 10, с. 71; 2, с. 14, 15]. Эта тема обсуждалась и ранее, во время Смоленской войны (1633), когда казна Московского государства была пуста, и содержать и одаривать многолюдные посольства [1, с. 18] из Крыма было особенно тяжело, но тогда договориться об ограничении числа послов в Москву не удалось. В 1647 г. оговаривается состав тех, кто может писать грамоты русскому царю: это первое, второе и третье лицо в иерархии Крымского ханства, а именно хан, калга и нурадын соответственно [5, с. 159]. В 1654 г. в шертной грамоте Мегмет Гирей IV упомянуты заказ русским подданным не воевать крымские и турецкие владения и необходимость предуведомления военных действий с крымской стороны в случае нарушения договора русской стороной: *«а от вашии стороны шерти нарушенье в которое время учиница и не учиня вам ведома украинным вашим городом войны и убытка не будет»* [5, с. 140]. Наконец, в 1670 г. в шертной записи послов Сефер Али и Шахтемир Аталыка крымская сторона соглашается принять казну лишь за последние три года, разрешает послам отправлять гонцов из Крыма в Москву *«безо всякого задержанья»*, а также обязуется *«дворы на приезды посолские построить, как ведетца в мирных государствах»* [5, с. 166].

Таким образом, история русско-крымских отношений накануне последней четверти XVII в. показывает постепенное усиление позиций Москвы. Война 1677-1680 гг., в которой на стороне османов принимало участие крымское войско, также оказалась в целом успешной для России. На таком благоприятном фоне в Крым было направлено посольство Василия Тяпкина и Никиты Зотова. Результатом миссии стало подписание мирного договора на 20 лет и определение границы по Днепру. По поводу Киева в шерти от 3 января 1681 г. было сказано следующее: *«А Киев город и с принадлежащими ево изстари пределами и городками, разоренные городки Васильков, Триполье, Стайки, Киевская старая граница под его царскою державою бытии»* [5, с. 179]. Шертные грамоты 1682 г. Мурад Гирей и 1684 г. Селим Гирей подтвердили договор и мире и границе.

Но этим взаимоотношения Москвы и Крыма в XVII в. не закончились. Семнадцатому столетию суждено было завершить многовековую практику выплаты поминок.

Предтечей стала грамота царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича от 27 февраля 1692 г., направленная в Крым с подъячим Василием Айтемиревым. В грамоте содержались предложения статей к новому мирному договору. Одна из них, четвертая, гласила, что впредь в Крым не будет посылаться годовая казна по росписи, и стороны лишь могут *«любезными поминками по государскому изволению взаимно со обеих сторон ссылатися»*

[5, с. 205]. Именно эта статья, претворенная в специальный пункт Константинопольского мирного договора 1700 года, узаконила прекращение выплаты поминок [13, с. 16].

На вопрос о том, как стороны оценивали суть и правовой статус поминок, нет однозначного ответа. Например, нежелание крымцев титуловать московского государя самодержцем А.А. Новосельский объясняет тем, что крымские ханы считали себя наследниками и преемниками золотоордынских [4, с. 279]. Более того, он указывает, что хотя крымские ханы и официальные представители крымского правительства открыто не называли поминки «данью», они выражали это в более замаскированной форме. Например, вымогательства и прямые пытки русских посланников, неслыханные в отношениях между равными и независимыми друг от друга государствами, объяснялись непризнанием крымцами равенства в отношениях с Москвой. Более того, то, что недосказывали ханы, их послы или «ближние люди», с полной откровенностью говорили мурзы и простые татары. Поминки ими воспринимались как дань, выплачиваемая московскими государями из боязни татарской сабли, ибо *«если не будут платить, крымцы сами возьмут ее путем захвата полона»* [4, с. 203]. Однако С.Ф. Фаизов, категоризируя сущность поминок как дань, все же уточняет, что со стороны Москвы за обязательством выплаты поминок просматривались различные сочетания мотивационных факторов, среди которых необходимость откупа от набегов не всегда была доминирующей [13, с. 16, 17].

Обратимся теперь к вопросу о целях русских посольств в Крым в последней четверти XVII в. Эти поездки, как и все предшествующие (см., например, [2, с. 14-105]), были направлены на сбор сведений о Крымском ханстве. Работа выполнялась послами как явно, во время путешествия, бесед и наблюдений, так и «тайным обычаем». Интересовали иерархия правителей, устройство и оснащение укреплений, сношения ханства с Польшей и степень вовлеченности Крыма в дела Османской империи. Оценивалась сложность пути в Крым с точки зрения военных походов: *«А от того стану даже до Крыму по рекам и по речкам и по угодиям многия талники и терники, где зверя и птиц и рыб множество есть, и по нужде без больших простоев великим ратем дровами пронытца можно»* [12, с. 16]. В числе прочего определялась возможность прокормить коней: *«Место ж то для великих ратных людей конскими кормами и водами и дровами довольно»* [12, с. 14].

В 1692 году от внимания московского гонца Василия Айтемирева не ускользнули военные приготовления крымцев: *«Холоп ваш едучи от переволочни в дороге и будучи в сече и кызикермени проведаль подлинно Салтан турской готовитца на Цесаря великим приуготовлением и на страстной неделе прислал в крым хану Капычи Башу с указом чтоб шел к ему с войском на вспоможение да с тем же капычем прислано сабля обернута в рубашке да конь доброй со всем нарядом дана жалованье войску сорок тысяч золотых червонных»* [14, с. 244]. Посланник сообщает о настроениях среди части беев, которые (Ширинские, Мансуровы) отговаривают хана от участия в походе и *«зело боятца ваших Государских ратей на крым наступления»*, и о настроениях среди простого населения: *«меньших чинов служилые люди приезду моему зело ради и молят Бога <...> чтоб даровал с вами великими Государи мир»* [8, с. 12]. В Бахчисарае Василия Айтемирева озаботило известие о визитах к крымскому хану польских послов, и пытливый государев посланник принялся выяснять, сколько раз они приезжали, и подолгу ли оставались, и каковы их имена, и что о Москве у хана сказывали [8, с. 17].

Посольские отчеты содержат подробные указание о войсковой старшине в Сечи, о том, кто находился ошую и одесную подле хана во время аудиенции, о населённых пунктах, расстояниях между ними, датах прибытия и убытия. Последнее позволяет оценить среднюю скорость посольского поезда. Так, сообщается, что 28 сентября посольство Василия Тяпкина и Никиты Зотова вышло из Сум Муравским шляхом, а 2 октября прибыло в Богодухов, потратив на переход 6 суток. Расстояние между Сумами и Богодуховым составляет примерно 135 вёрст. Таким образом, посольская миссия на этом отрезке проходила в среднем 22-23 версты в день, или примерно три версты в час. От Богодухова до Валков (около 60 вёрст) послы прошли за четыре дня. Здесь средняя скорость миссии была такой же: 15-25 вёрст в день, или 2-3 версты в час. Это скорость неторопливого пешехода.

Однако в степных районах, близких к Крыму, скорость движения замедлялась и опасность, нависающая над послами, многократно увеличивалась. Недисциплинированное запорожское казачество не считало себя обязанным рисковать защитой послов в землях, приближенных к северным границам Крымского юрта. Василий Тяпкин и Никита Зотов оказались в конце пути без казачьих сопровождающих. После ночёвки у Молочных вод казаки взбунтовались и ушли, ибо их есаул, *«Дмитрий, указу Великого Государя, не послушал»* [12, с. 23]. Без охраны, с иссякающим запасом овса для лошадей (ибо попали на выжженный участок степи), Посольского приказу люди проделали часть пути, *«мало отдохнув»* и останавливаясь поить лошадей *«на самом же причинном и воровском месте, где выходят безпрестанно от Азовской степи и з Дону Калмыки и из Запорожья казаки, и из Крыма и из Ногай татаровя»* [12, с. 24]. Казачье самоуправство не осталось без последствий, и было зафиксировано в статейном списке.

Продолжая перечисление заслуг русских послов Василия Тяпкина и Никиты Зотова, укажем на выполненное ими подробное описание ключевой для проникновения в Крым крепости Перекоп. Отмечено, как и из чего сложены стены, сколько башен, какова глубина защитного рва, с каких сторон находятся валы, есть ли в них доступные для проникновения проходы, сколько ратных людей обитает в крепости и сколько пушек установлено во внутреннем дворе и на башнях, из чего изготовлены входные ворота, и обиты ли они металлом [12, с. 30-32].

Крымская сторона понимала, что русские послы выполняют функцию соглядатаев. Когда «ближние люди» хана теряли терпение из-за несговорчивости переговорщиков, не желающих *«между учинить по реке Днепр»*, они кричали на русских послов, что те дескать только в Крым зазря ходят и тем самым *«шляхов и прямых переходов к воинскому способу»* высматривают [12, с. 125]. Однако русских посланников интересовали не только военные дела, но и сведения о возможности заселения новых мест, качество земли, места, где можно заложить города и крепости. Вот как это звучит: *«мочно города земляные крепкие поделать, и людьми служилыми конными и пешими осадить, и полковыми всякими запасы наполнить, и жить вечно, для того, что около тех рек, и на степях, дубровы великие, и леса и терники и талники и камыши, и зверь в лесах, и рыбы в водах, и кормов конских всюды множество, и пашни можно завести великие»* [12, с. 21].

В целом миссия Василия Тяпкина и Никиты Зотова может считаться выполненной. Шертная грамота была подписана, перемирие на 20 лет узаконено, условия пребывания сторон в Диком поле оговорены, права Московского государства на Киев и земли вокруг него подтверждены. Вопрос о границе не решился так, как было заявлено русской стороной изначально (московский государь желал размежевания по рекам Рось, Тясмин и Ингул, «турской султан» настаивал на разграничении по Днепру), но важен наступательный характер переговоров: именно русскими послами были сформулированы все основные статьи и положения мирного договора.

Вопрос о том, как оценивать миссию Василия Айтемирева, является открытым. На первый взгляд, единственным положительным результатом пребывания миссии в Крыму в 1692-1695 гг. стало объявление предложенных статей мирного договора. Шертная грамота не подписана. Вместо нее посольство увезло в Москву ханское послание русским царям, в котором нет ни одного сколько-нибудь значимого предложения. Этот лист написан, скорее, лишь для того, чтобы возвращение Василия Айтемирева в Москву после трехлетнего бесполезного пребывания в Крыму не являлось откровенно грубым оскорблением русской стороны.

Но нельзя не отметить и целый ряд факторов, с самого начала не сопутствующих успеху. Это задержка в Москве крымского посланника Магмет-аги, а также резкие по сути и по форме статьи мирного договора. Можно предположить, что окрепшая к концу XVII столетия русская держава, установив спокойствие на своих западных границах и совершив два похода на Крым, одно из которых завершилось у стен Перекопа, решила проверить как позиции ханства, так и прочность его союза со Стамбулом.

Такова, например, вторая статья русских предложений о мире: турецкий султан должен вернуть Гроб Господень и прочие святыне места грекам, потому что *«изстари те свя-*

тые места они держали» [5, с. 204]. Фактически она направлена на выяснение возможностей хана влиять на своего сюзерена. Вопрос этот не тривиальный: анализ шертных грамот показывает, что в некоторых из них фиксировалось обещание не воевать с Москвой, даже если *«благодатной турецкой царь к нам повеление пришлет»* [5, с. 107], то есть ханский престол мог проявлять определённую самостоятельность.

Третья статья, стороны отпускают всех имеющихся у них пленных без взаимного выкупа, не являлась чем-то новым в русско-крымских отношениях. Эта фраза была почти рядовой в шертных записях и шертных грамотах. В разных вариациях мы найдем ее во множестве (см.: [5, с. 100, 104, 107, 108, 142, 159 и др.]), и такая частотность показывает, что вопрос о возвращении пленников регулярно обсуждался во время русско-крымских переговоров. Например, тема русских пленных звучала в переговорах Т.Я. Анисимова и К. Акинфиева в 1633-1634 гг., но *«послам отвечали, что хан не отдаст русский “полон”, так как это не в его власти, к тому же “сыскать того полону негде” – он развезен и распродан, да и не было случая, чтобы “полон” из Крыма возвращали»* [1, с. 19]. Подробное исчисление русского полона за первую половину XVII в., данные о выкупных ценах и расходах русского правительства на выкуп представлены А.А. Новосельским. Он же указывает на возвращение без выкупа лишь ничтожной части пленников [4, с. 316, 434-436]. В силу сказанного мы вынуждены признать, что зафиксированные в шертных записях и грамотах обязательства хана сыскивать захваченный крымцами полон, отбирать его и возвращать без выкупа практически не выполнялись и, следовательно, принятие или неприятие крымской стороной статьи о пленниках нельзя рассматривать как реальный успех или неуспех русской дипломатии.

Василий Айтемиров должен был прозондировать, в том числе, готовность ханского престола официально отказаться от получения ежегодной годовой казны. Напомним, что С.Ф. Фаизов, ссылаясь на В.А. Артамонова, приводит 1685 год как последний, когда годовая казна вывозилась из Москвы. В 1692-1695 гг. речь шла о юридическом оформлении случившегося де-факто. Этого достичь не удалось.

Пятая, шестая и седьмая статьи (еще одна декларация о мире; о свободных рыбных, звериных и соляных промыслах подданных царского величества запорожских казаков; забота о сбережении и уважении послов) носят традиционно-декларативный характер. Но восьмая статья, о подписании мирного договора в Москве, вызвала резкое неприятие крымцев. Такой договор понимался бы как моральное поражение ханского престола, который соглашается с русскими предложениями в столице победившей стороны. Именно так эта статья и была прочитана: *«никогда не бывало, чтоб крымским послом договариватца о миру на Москве»* [8, с. 24].

Таким образом, мирный договор не был заключен на условиях Москвы, и с формальной точки зрения миссию Айтемирева нельзя считать успешной. Но её фактическая цель, продемонстрировать крымской стороне готовность России диктовать свою волю, была достигнута. Это косвенно подтверждается величиной полученного Василием Айтемиревым вознаграждения: в сентябре 1695 г. состоялся приказ о награждении посла ста рублями [6, с. 57], значительной по тем временам суммой.

Статейные списки русских послов последней четверти XVII в. хорошо отражают «технику» ведения дипломатических переговоров. Их основная часть велась с «ближними людьми» ханова величества, но только после аудиенции у хана. Вместе с тем оба посольства, и в 1680, и в 1692 году столкнулись с попытками не допустить русских гонцов на прием. Об этом же упоминает В.М. Базилевич, описывая миссию 1633-1634 гг. [1, с. 20]. Следовательно, стремление не допустить прямую встречу послов с ханом было частью традиционной переговорной практики в Бахчисарае. Прежде всего, это был способ понизить статус и значимость русских послов и, в их лице, статус московского государя. При этом «ближние люди» повышали свою собственную значимость, пытались изобразить себя более информированными и влиятельными. Например, во время одной из бесед «ближний человек» недвусмысленно дает понять Василию Айтемиреву, с кем ему нужно дружить, ибо *«добрые дела надобны всему юрту, потому что не ханами те дела делаются, но ими ближними людьми и великими баями и карачеями»* [8, с. 16]. А во время встреч с

Зотовым и Тяпкиным «ближний человек», полагая себя важной персоной, желает иметь прямое к нему письмо от «думного царского величества дьяка», и сердится, что такого письма нет, и даже обвиняет русских послов в его сокрытии [12, с. 39, 46]. Наконец, посредничество между послами и ханом сулило «ближним людям» получение дополнительных подарков и подношений.

Однако русские посланники хорошо понимали важность каждого пункта дипломатического протокола, в частности, того, что царская грамота могла быть передана уполномоченным послом только в руки ханского величества. Когда аталык и розменной бей прибыли в посольский стан и стали требовать грамоту, чтобы передать ее хану, они получили недвусмысленную отповедь Василия Тяпкина и Никиты Зотова: «*Мимо ево Ханской руки никому из ближних ево людей Великого Государя нашей грамоты не дадим*» [12, с. 38]. На угрозы отнять грамоту силой послы отвечают: «*И мы говорили: где головы наши будут, там и грамота Царского Величества при нас, а когда уже увидите нас мертвых пред собою, тогда и грамоту Царского Величества возьмете*» [12, с. 39]. Другой посол, Айтемиров, находясь на приеме у хана, умудряется избежать жестов Алиш-аги, который «*великих Государей грамоту хотел у него Василя взять недопустя до хана*» и «*Василей ему аге грамоты недал и подал хану самому*» [8, с. 18]. Только при таких условиях важная часть посольской миссии, вручение грамоты, могла считаться выполненной полностью. Позже «ближний человек» прибывал на переговоры с грамотой, но лишь потому, что сам хан передал ему эту грамоту в присутствии послов, а с ней и полномочия на ведение переговоров [3, с. 54, 55].

Впрочем, не всем удавалось противостоять натиску «ближних людей». В статейном списке Василия Тяпкина и Никиты Зотова есть рассказ о том, как Посольского приказа толмача Андрея Щербинина, прибывшего с государскою грамотой к ханову величеству, к послам не пустили, грамоту у него силой отняли и хану поднесли [12, с. 177]. Несмотря на то, что грамоту уже расшили и распечатали, нашим послам удалось восстановить протокол: они добились, чтобы им принесли эту грамоту, и они сами вручили ее хану вторично.

Несмотря на многочисленные попытки вымогательства подарков и поминок приближенными хана, русских послов нельзя обвинить в расточительстве. Например, в ответ на одно из обращений «ближних людей» Василий Тяпкин и Никита Зотов отвечают: «*А мы присланы к Ханову Величеству и к вам не дары роздавать, только добрые дела делать, которые надлежат меж великими государями к мирному постановлению*» [12, с. 45]. И лишь в необходимых по протоколу случаях (аудиенция у хана) или во имя достижения целей посольства (обсуждение межевой черты посольством 1680-1681 гг.) вручаются подарки, в основном мягкая рухлядь, или сулятся вознаграждения, то есть государево жалование. Причем, несмотря на заинтересованность «ближних людей» суммой, последняя не оглашается (или, возможно, это не входит в полномочия послов). Сначала должно быть принято решение о желаемом московским государем размежевании, и только потом московский государь будет самолично решать вопрос о сумме вознаграждения.

Но между посланниками 1680 года и между миссией Василия Айтемирева в 1692 году есть существенные отличия. Если посольство 1680 года везет с собой рухлядь и денежную казну (частично, впрочем, и то и другое предназначалось для боярина В.Б. Шереметева и стольника князя Андрея Ромодановского), то Василий Айтемиров прибывает в ханскую ставку без гостинцев. Правда, совсем без подарков не обошлось, и «*Василей бая дарил от себя собольими да белыми шубами*» [8, с. 17]. Кроме того, поскольку «усильные поклоны» басурманские бывали над прежними посланниками, Василий Тяпкин и Никита Зотов заранее оговаривают условия аудиенции: «*и станем ему (хану. – В.Г.) по чину честь и поклон отдавать, чтоб нас за шею не брали и силою до земли не нагибали, и тем нас не безчестили; мы и сами поклонимся по надлежащему чину*» [12, с. 47]. В статейном списке Василия Тяпкина и Никиты Зотова говорится о том, что хану были даны земные поклоны; Василий Айтемиров, напротив, отмечает: «*поклонился в пояс слегка*» [8, с. 18].

Представляет интерес описание переговоров по уточнению границы. Как уже говорилось, турецкий султан (и его вассал крымский хан) желает иметь границу по Днепру, в то время как русская делегация настаивает на границе по рекам Рось, Тясмин и Ингул.

Приближенные хана не понимают (или делают вид, что не понимают) предлагаемой границы, и просят «чертеж». В делегации имеется изготовленная «немецким тиснением» подробная карта Московского государства, содержащая реки, речки и урочища. Есть писари, способные изготовить чертеж и надписать названия географических объектов. Есть казаки-проводники, могущие по памяти проверить точность карты, названий и нанесенной межевой черты. Лишь русские названия татарским письмом надписывает крымский переводчик. Сказанное свидетельствует о надлежащей подготовке посольской миссии и высокой квалификации участников. Ход обсуждения карты также интересен: *«ближний человек» Агмет-ага требует чертеж, чтобы показать его хану, русская делегация отдает его только после того, как получает обещания, что «тот чертеж он Агмет-ага отдаст (вернёт русским послам. – В.Г.) <...> своими руками»* [12, с. 84-88].

Если же неуступчивость русской делегации вызывает злость и возмущение со стороны «ближних людей», наши послы *«тихо и учтиво с подивлением на них»* [12, с. 133] продолжают объяснять свои предложения, которые нацелены не на оскорбление или унижение «ханова величества» или «турского султана», но единственно на то, чтобы иметь *«соседственную дружбу и любовь по прежнему; а плен и войну на обе стороны оставить, и невольником размена учинить»* [12, с. 55]. А что касается шума и ярости «ближних людей» ханова величества, то *«такова обычая у государей великих нигде нет чтоб на послов гневатца и кричать и с безчестьем высылать»* [12, с. 133].

Однако русские посланники упрямятся не бесконечно, и, когда становится понятно, что противная сторона на уступки не пойдет, они соглашаются на компромиссы. Понимая, что дело идет к новой войне, *«чтоб не допустить бусурманов на разлитие невинные крови христианские и пленнаго порабощения»* [12, с. 126], послы объявляют «ближним людям» о согласии на размежевание по Днепру. Но сделают это после того, как снова предложат разграничение *«по первому нашему объявлению»*, после того, как увидят у «ближних людей» в ответ на это их *«поганую гордость и несклонность»* и поймут окончательно, что по этой статье договора уступок не добиться. Ибо, как сообщает хан во время одной из аудиенций, у него на этот счет есть строгие инструкции от турецкого султана: *«Хану прислан указ ево крепкой и неперменной под великим страхом»* [12, с. 111].

Обе делегации сталкиваются с неожиданными проблемами, и важно проследить, как они их решают. Например, посольство 1680 года встречает в посольском стане московского посланника Ивана Сухотина, задержанного в Крыму. Позже выяснится, что Иван Сухотин за выгодное Москве размежевание обещал ханову величеству 10000 червонных золотых, «ближним людям» 3000, а *«Салтану Турскому и везирю ево»* соболей на 5000 рублей [12, с. 97]. Между тем в черновике статейного списка, который готовится к передаче в Москву и с которым Иван Сухотин ознакомил Зотова и Тяпкина, об этом не было ни слова. По инициативе «ближних людей» будет проведена очная ставка с участием Шереметева, ибо *«обещание было при боярине Василье Борисовиче Шереметеве»* [12, с. 90]. Шереметев подтвердит посулы Ивана Сухотина: *«обещание от него Ивана с товарищи было при нем боярине Василье Борисовиче, и запиратца в нем стыдно, да и на него де боярина тем своим запором наводит от бусурман подозрение великое»*.

Но здесь есть примечательная деталь: обещанное Иваном Сухотиным «ближний человек» поначалу представит Зотову и Тяпкину как 45000 червонных золотых ханову величеству и 5000 – «ближним людям», пытаясь таким образом вымогать больше, чем было оговорено. Позже это обстоятельство русская сторона использует себе во благо, обвинив «ближних людей» в чрезмерном мздоимстве и пугая их донесением об этом хану. Это позволит с достоинством покинуть переговоры, на которых «ближние люди» будут снова вымогать взятку: *«И мы им совершенно отказали и грозили им. <...> И встав опять с места своего, пошли от них, не простясь, вон. И они сидя на местах своих промолчали и пустили нас, на стан к себе наш, свободно»* [12, с. 212].

Нужно сказать, что с мелочным вымогательством подарков русская сторона сталкивается постоянно. Например, чтобы скрепить шертную грамоту золотой печатью, «ближние люди» требуют 30 золотых червонцев, утверждая, что золотые печати к прежним шертным грамотам оплачивались якобы русскими послами. Но Василий Тяпкин и Никита

Зотов устыжают их: неужели у хана *«столько золота нет, чтобы печать сделать и в том устояли и золота и подарков не дали. А печать золотую учинили они ближние люди в своем золоте»* [12, с. 238].

У делегации 1692 года ситуация более сложная.

Во-первых, в Батурине гетман Мазепа сообщает Василию Айтемиреву, что в Крыму сменился хан, вместо Саадет-Гирея правит Сафат-Гирей, и советует выправить грамоту на нового хана. Но на это уйдет время, и это непредвиденные материальные затраты, потому Айтемирев решает продолжить поездку. Его решение поначалу казалось правильным. Так, во время аудиенции хан скажет, что хотя грамота писана *«не на его ханское Сафат Гиреево имя а однако ж де то доброе дело надобно ему хану и всему юрту крымскому»* [8, с. 19]. Позже, однако, смена ханов будет использована крымцами как предлог для задержки русского посла: дескать, новый хан о статьях, оговоренные с Саадет-Гиреем, *«не ведает и без указу Салтанского против статьи что написано о Гробе Божиим <...> никакого договору чинить не смеет»* [8, с. 31].

Во-вторых, пребывание Айтемирева в Крыму осложняется тем, что в Москве задержан крымский посланник Магмет-ага. По этому поводу Айтемирев объясняется с замечательным дипломатическим талантом. Дескать, хотели отправить – да узнали, что хан в Венгрии, не к кому отправлять, а когда хан в Крым вернулся, дороги уже развезло, ехать стало опасно и т.п. То есть московская сторона рада была бы отпустить ханского посланника, но сначала нужно сделать все, чтобы обратный путь его был и полезным, и безопасным. О Магмет-аге «ближние люди» будут многократно напоминать Айтемиреву, фактически сделав его заложником против задержанного в Москве крымского гонца.

Третья и, пожалуй, главная трудность миссии Василия Айтемирева – предъявление тех статей договора, в которых есть *«непотребные слова чего невозможно вслух крымскому юрту объявить»* [8, с. 19], а именно второй статьи (о Гробе Господнем), третьей (об обмене пленными), четвертой (о разменной годовой казне) и восьмой (в каком месте договариваться о мире, в Крыму или в Москве). Главная претензия крымцев – хотите жить в любви и в мире, как прежде, но в договор включили такие новые статьи, которых прежде в договорах не бывало. При этом избалованные подношениями «ближние люди» многократно укоряют Айтемирева в том, что он не привез с собой поминки, как ранее бывало, и утверждают, что в случае отказа в розменной казне *«дружбе и миру никогда быть не мочно»*.

Четвертое осложнение возникает в связи с прибытием в Перекоп кошевого писаря Петрика, а с ним казаков восемь человек, и известия о том, что *«в украинских козацких городах учинилось в народе замешание и гетман Иван Степанович Мазепа от казаков в осаде»* [8, с. 30]. Петрик начинает подбивать крымцев на войну с царскими войсками, и это становится еще одним фактором, из-за которого пребывание русской миссии отходит для хана и его людей на второй план.

Июня 19 числа, после заточения в «жидовской городок» вместе с гетманским канцеляристом Велецким и толмачом Полуэктом Кучумовым, Василию Айтемиреву через священника из малороссийских заднепровских городов удастся отправить в Москву отписку. Письмо это объемно и примечательно. В нем посол рассказывает о реакции хана на статьи вторую, третью и четвертую предложения мирных договоров. Повествует об измене кошевого писаря Петрика. Извещает о походе хана с войском в Белгородчину, о месте их переправы через Днепр (под Очаковым), о количестве ратников (около четырех тысяч), а также о настроениях среди крымской знати и мурз (*«те походы им крепко надокучили»*) [8, с. 40-42]. В начале сентября с торговым человеком из Полтавы Захаром Яковлевым Айтемирев умудряется тайно отправить вторую отписку от себя и гетманского канцеляриста Василия Велецкого в адрес Ивана Степановича Мазепы. Но 21 октября в Бахчисарае привозят связанного Захара Яковлева: отписка была обнаружена при обыске в Перекопе, и полтавского купца в Бахчисарае заковывают в цепи и кандалы. Вскоре, впрочем, выясняется, что один лист, писанный к гетману Ивану Степановичу (это письмо от Василия Велецкого, гетманского канцеляриста), прочтен, но в нем *«противного татаром ничего не написано»*, а *«другова писма никто никаких земель люди прочести не знают»* [8, с. 54]:

предусмотрительный Айтемирев свое послание начертал *«особым приказным тайным письмом»*.

Чуть позже, 28 октября приходит известие о новой смене хана в Крыму: *«ханом в Крыму учинен прежде бывшей Гаджи Селим Гирей»* [8, с. 53]. Он прибывает в Бахчисарай 5 декабря, после чего сам Василий Айтемирев и его толмач Полуэкт Кучумов проводят серию встреч с Кемал мурзой и с вновь назначенным «ближним человеком» Шах Булатом, чтобы те доложили хану о задержанном русском посольстве. Но эти встречи результата не приносят. Зато от Темирши мурзы Айтемирев выясняет, что *«Крым Москвы мало боится, а хотя де московские войска к ним будут ничего не учинят»* [8, с. 62]. Позже, однако, в статейном списке Василий Айтемирев приводит и иные свидетельства, в том числе споры среди крымской знати по поводу угроз от русской стороны. Эти споры начинаются после того, как 4 февраля в Бахчисарай приходит известие: турецкий султан требует от хана помощи в войне против царских войск в венгерских пределах [8, с. 65].

День за днем идет жизнь крымского ханства, которая мало чем затрагивает русскую посольскую миссию, живущую в великой нужде: *«государские люди испроелись и избытчились до конца, а челяди обносились до нага»* [8, с. 64]. Постепенно статейный список становится все более разреженным во времени, и внимание автора уделяется только самым значимым событиям. Возникает ощущение, что время для пленников почти остановилось. Происходят некие встречи, на них ведутся некие обсуждения, но они не имеют решающих последствий. Кажется, что в правительстве крымского хана нет людей, принимающих самостоятельные и ответственные решения, но зато множество иных, способных вести долгие и бесполезные разговоры.

Так длится до 18 ноября 1693 года, когда, наконец, принимается решение об отправке из Крыма гетманского канцеляриста Василия Велецкого, который способен донести до гетмана и до Москвы известие об обидах крымской стороны [9, с. 11]. О них сообщает Василий Айтемирев в своей третьей отписке от 20 ноября 1693 года: *«Хан де говорит, что я холоп ваш прислан с Москвы к ним в Крым не з добрыми им делами потому что поминков не прислано, и в розменной казне вовсе отказывают, и беи де и карачеи приговорили что к вам великим Государем ему хану писать и посла своего присылать и меня холопа вашего отпустит не для чего. Потому что и их гонца на Москве держат»* [9, с. 16].

Крымский гонец Магмет-ага будет возвращен в Крым и прибудет туда (после двухмесячной задержки в Запорожской Сечи) 24 июля 1694 года, но это на дело не повлияет. Ничего не изменит и присланная с толмачом Иваном Никитиным великих Государей грамота: хан будет пребывать на войне, и Василия Айтемирева с этой грамотой к хану не отпустят. Вообще русское посольство после аудиенции у хана Сафат Гирея на встречу ни к нему, ни к его преемнику Гаджи Селим Гирею не попадет: все попытки Айтемирева будут заблокированы «ближними людьми». Лишь 29 марта 1695 года хан соблаговолит признать пребывание Василия Айтемирева в Крыму напрасным, примет решение об отпуске его из Крыма и о том, что *«к Царскому величеству будет от себя с ним василем писать»* [9, с. 52].

Василий Айтемирев предложит направить в Москву знатных людей, чтобы продемонстрировать русскому царю добрые намерения к миру и любви и дружбе, но получит отказ. Хан не станет с ним прощаться даже перед убытием делегации из Крыма (*«а у хана де ему василю на отпуске не быть»* [9, с. 53]), лишь будет сказано, что мир может быть учинен на старых условиях, и что для заключения этого мира послы должны быть присланы в Крым. Айтемиреву даже в подводе будет отказано: *«а о подводах василю отказано, а толко дана одна подводка посланцу гетманскому»* [9, с. 54]. В апреле 19 числа Василий Айтемирев покинул Перекоп, 21 апреля выехал из Казыкермена и 23 апреля прибыл в Запорожскую Сечь. Дата прибытия в Москву в статейном списке не указана.

Подводя итог сказанному, сформулируем основные принципы, на которых базировалась «техника» переговорного процесса:

- а) не допускалось ни одной безответной уступки противной стороне;
- б) каждый шаг, который делала русская сторона, оговаривался с учетом взаимного движения со стороны крымских переговорщиков;

в) предложения крымцев оценивались и просчитывались на предмет возможных последствий;

г) каждая договоренность поверялась на соответствие обычаям и протоколу;

д) переговоры основывались на практике предыдущих посольских миссий, при этом учитывался как положительный, так и отрицательный опыт;

е) послы прибегали к торгу в тех случаях, когда это было необходимо для достижения поставленных целей, при этом, они руководствовались, как показывает В.М. Базилевич, тайным наказом, данным в Москве;

ж) если партнер по переговорам не соглашался на предложения русской стороны, и это ставило под угрозу весь успех переговоров, то посольская миссия отступала в своих требованиях до предела, ограниченного наказом;

з) конфиденциальные отписки в Москву зашифровывались «образцовой азбукой» [3, с. 9; 7, с. 28; 11, с. 34].

Говоря о трудностях переговорного процесса, заметим: при наличии общих черт, обусловленных, например, желанием приближенных хана получать гостинцы и подношения, стремлением «ближних людей» воспрепятствовать прямым встречам послов и хана, каждая миссия сталкивалась с проблемами, которые были индивидуальны и зависели от ряда факторов. Это настроения крымской знати, внутрикрымские отношения и отношения между ханом и султаном, участие в делах Крымского юрта Речи Посполитой – еще одного активного участника дипломатических игр. Трудности, свойственные каждой миссии, преодолевались русскими послами, исходя из обстановки, конкретных возможностей и полученных в Москве инструкций. При этом бытовые условия русских послов в Крыму были отнюдь не лёгкими.

Например, Тяпкин и Зотов об условиях своего содержания в посольском стане сообщают: *«и воистину объявляем о том строенье, яко псом и свиньям в Московском государстве далеко покойнее и теплее, нежели там нам посланником Царского Величества»* [12, с. 34]. Когда русские послы за свою несговорчивость и упрямство оказались в изоляции, и бей не велел к ним *«никаких народов, людей с харчами и с конским кормом и дровы припущать»* [12, с. 123], обитать им пришлось в *«великой тесноте, и в голодной скудости и на стуже, в земляной яме, где ни печи, ни лавок, ни потолка, ни окошек не было, только дверцы с окошечком малым, в которыя входили и исходили, да сверху накрыто хворостом и наметано землею и (в) том живот свой мучили»* [12, с. 119]. Жили они в таких условиях в холодное время года более месяца, с 26 ноября по 28 декабря и, судя по тому, что при прощании с Василием Тяпкиным и Никитой Зотовым хан выражал соболезнования в связи со смертью их людей (*«И Ханово В-во спросил нас о здоровье, и споболезнуючи о упадке умерших людей наших, говорил нам: чтоб мы о том не оскорблялись; то де учинилось по воли Божией»* [12, с. 221]), можно сделать вывод, что посольство понесло безвозвратные потери.

В статейном списке Василия Айтемирава также содержатся сведения об условиях содержания миссии в Крыму. С 22 мая 1692 г. он содержался на Чуфут-Кале на одном дворе с гетманским посланником, куда *«русских и малороссийских полонников отнюд пускать не велели»* [8, с. 35]. Наиболее полно русский посол описывает жизнь посольства в отписке от 20 ноября 1693 г.: *«и живу я холоп ваш в жидовском городке со всеми людьми за сторожею и от убытков Государи утеснения ради, и малого и неповседневного корму уж пришел в конечную нужду и отпуску отнюд не слышим»* [9, с. 15].

Трехлетнее пребывание Василия Айтемирава в Крыму не является чем-то исключительным. Василий Тяпкин и Никита Зотов встречаются здесь с задержанным по распоряжению хана послом Иваном Сухотиным. В.М. Базилевич рассказывает о двухгодичной миссии П. Соковнина и Т. Голосова, которые были посланы в Крым в 1631 году, *«были там задержаны и терпели страшные лишения»* [1, с. 16], и выехали в Москву лишь 4 января 1634 г. вместе с послами Т. Анисимовым и К. Акинфиевым.

Кроме того, в разных договорах и записях, представленных в сборнике Ф.Ф. Лашкова, находим фразы о том, что стороны обещают *«никакого посрамления и бесчестия»* посланникам не делать, либо договариваются о свободном и безопасном проезде *«на обе*

стороны послов», либо упоминают конкретные имена посланников, как это было в шертной записи Джантемира князя Сулешова от 12 ноября 1642 г. в отношении Алексея Чубарова и подьячего Ивана Байбакова [5, с. 96]. Иногда крымская сторона вынужденно признает крайне тяжелое положение русских послов и сотворенное над ними зло. Например, в шертной записи князя Сулешова от 23 марта 1640 года находим: «...На посланниках ныне и впредь, которые от Царского величества придут <...> лишнего ничего не спрашивать и не бесчестить, и позору и мученья никакого не делать, что было наперед сего над царского величества посланниками над Иваном Фустовым да над подьячим над Иваном Ломакиным: позор и мученье было таково, что ни в которых государствах над послы, ни над посланники такова позору и мученья не делаетца» [5, с. 88].

О пребывании Ивана Фустова и Ивана Ломакина в Крыму подробно рассказано А.А. Новосельским [4, с. 272-274]. Оплотность, допущенная посланниками в первый день, когда они передали хану все добавочное жалованье на 20 человек, вместо того, чтобы распределить его между ханом, калгой и нурадыном, и грабежи, случившиеся после этого, привели к недостатке поминок. Послов морили голодом и жестоко пытали, после чего они вынуждены были взять деньги у ростовщиков и перенять на себя 1900 золотых. Впечатление от крымских событий было столь сильным, что вопрос о насилиях над посланниками обсуждался специально созданным земским собором 19 июля 1639 г.

Посланники Сухотин и Звягин, прибывшие в Крым 14 апреля 1640 г., также подвергались мучениям и пыткам и были едва не убиты ханом Бегадыр Гиреем – лишь «ближние люди» предотвратили расправу [4, с. 277]. В работе А.А. Новосельского содержатся описания ожесточенных и унижительных пыток, которым подвергались в Крыму и многие другие русские посланники [4, с. 190, 242-244, 251-254, 316]. Некоторые, как подьячий П. Ерпылев, С. Самойлов, не выдерживали пыток и погибали [4, с. 252]. Фактически, как указывает А.А. Новосельский, мучения посланников и домогательства от Москвы увеличения поминок «была та же война, но только веденная в иной форме и иными средствами».

И все же в отношении рассмотренных нами статейных списков можно заметить, что сведения об условиях пребывания русских миссий скупы и обрывочны. Они занимают в посольских журналах несопоставимо малое место по сравнению с подробным описанием переговоров, встреч и событий. Это позволяет заключить, что переносимые лишения были для посланников вторичными по сравнению с необходимостью решить возложенные на них дипломатические задачи.

Источники и литература.

1. Базилевич В.М. Из истории московско-крымских отношений в первой половине XVII века. Посольство Т.Я. Анисимова и К. Акинфиева в Крым 1633-1634 гг. К., 1914. 23 с.
2. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Феодоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым 1626-1628 гг. // ИТУАК. № 39. Симферополь, 1906. 145 с.
3. Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амвросию Лодыженскому и подьячему Петру Данилову, с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Феодоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // ИТУАК. № 50. Симферополь, 1913. 316 с.
4. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. 446 с.
5. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. / Под ред. Ф. Лашкова. Симферополь, 1891. 206 с.
6. Пребывание в Крыму Московского гонца подьячего Василия Айтемира в 1692-1695 г. // ИТУАК. № 9. Симферополь, 1890. 158 с.
7. Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. 270 с.
8. Список со статейного списка подьячего Василия Айтемира, посланного в Крым с предложением мирных договоров // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 18. Одесса, 1895. 407 с.
9. Список со статейного списка подьячего Василия Айтемира, посланного в Крым с предложением мирных договоров // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 19. Одесса, 1896. 472 с.
10. Статьиный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // ИТУАК. № 15. Симферополь, 1893. 130 с.

11. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587-1588 году // ИТУАК. № 14. Симферополь, 1891. 140 с.
12. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бакчисарайского договора. Одесса, 1850. 284 с.
13. Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Анну Казимиру. 1654-1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постперелавского времени. М., 2003. 166 с.
14. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Изд. 2-е, испр. и доп. Симферополь, 2008. 272 с.

ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В СЕВАСТОПОЛЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

КРЕСТЬЯННИКОВ В.В.

Исследователь (г. Севастополь)

К концу XIX века в состав Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ), созданного в 1821 году, входили губернские жандармские управления (ГЖУ), в том числе и Таврическое, жандармские полицейские управления железных дорог, крепостные жандармские команды, линейные жандармские эскадроны.

В ГЖУ были дополнительные штаты, размещенные в городах и уездах. Жандармские команды комплектовались нижними чинами – сверхсрочнослужащими унтер-офицерами. Офицеры принимались в ОКЖ только имеющие права 1 разряда по отбыванию воинской повинности или окончившие военные и юнкерские училища по 1 разряду, прослужившие в строю не менее 3 лет и выдержавшие особые испытания. На службу в ОКЖ не допускались бывшие под судом или имеющие долги, поляки-католики и женатые на католичках и евреях, в том числе и крещенные. Жандармы несли обязанности по розыску и расследованию государственных преступлений, надзору за содержащимися в тюрьмах государственными преступниками, охране порядка и благочиния в районах железных дорог и осмотру паспортов на границах. 19 мая 1871 г. был издан закон, регламентировавший роль жандармов в производстве следствий по политическим делам. На 01.05.1897 г. в ОКЖ было 719 генералов, штаб- и обер-офицеров (включая жандармские эскадроны, крепостные команды и ЖУ на ж/д).

Дополнительными штатами для Севастополя были предусмотрена должность помощника начальника Таврического ГЖУ по Севастопольскому градоначальству и Евпаторийскому уезду.

В начале 1870-х гг. зародилось народническое движение. И хотя Севастополь не являлся промышленным центром в эти годы, тем не менее, в 1874 г. здесь был создан первый кружок на мебельной фабрике Кефели, возглавляемый Н.Ф. Вишневецким [4, с. 201-202]. В 1875 г. он создал еще два кружка в адмиралтействе (мастерские РОПиТ). Эти кружки существовали около полутора лет и были разгромлены жандармами. В 1879-1880 годах, благодаря работе секретной агентуры, были арестованы и привлечены к дознанию шесть человек, ведущих агитацию в порту и на железнодорожной станции.

В 1879 г. произошел раскол в народническом движении, была создана организация «Народная воля», поставившая задачей политическую борьбу, в том числе и политический террор. Была создана группа и в Севастополе, возглавлявшаяся В.Т. Голиковым [8, л. 410, 411, 434], близко знавшим Софью и Владимира Перовских, П. Теллалова и А. Желябова. Севастополь в этот период не представлял особого интереса для рабочего движения. Участники народнического движения недолго оставались в городе и переселялись в Харьков, Одессу, Киев, Москву. Однако общение с местными кружками было довольно оживленным, сюда часто приезжали не только из центра, но и рабочие из других городов. Наибольший интерес город представлял для нелегальных организаций как перевалочный пункт транспорта литературы из-за границы в Россию и переправки за границу участников движения. Учитывая это, в декабре 1880 г. были введены должности помощника начальника Таврического жандармского управления для осмотра паспортов в Севастопольском порте и 4 унтер-офицеров при нем [22].

В конце 1880-начале 1881 гг. в Севастополе, под видом частного учителя, поселился агент Исполкома «Народной воли» И.Н. Телепнев [7, с. 163]. Связь с Исполкомом он поддерживал через учителей – сестер П.С. и А.С. Бальзам, получавших для него шифрованные письма. Телепнев получал литературу с судов, приходящих из иностранных портов,

и переправлял ее в города России. Он создал среди учащихся учебных заведений кружок, где вел народовольческую пропаганду.

Успешная деятельность Телепнева была прервана в мае 1884 г., когда он был арестован полковником И.И. Гангардтом при попытке забрать транспорт литературы с французского парохода «Мендоза». Информация была получена от заграничной резидентуры ОКЖ и переслана в Таврическое ГЖУ.

Разгромы организации происходили регулярно в 1882, 1884 (Молодая гвардия «Народной воли»), 1886 гг. и т.д. Пресекались и попытки нелегальной перевозки людей за границу. В 1891 г. прекратились последние попытки возродить «Народную волю», и с этого времени провинциальный город становится местом ссылки для некоторых народо-вольцев под гласный и негласный надзор жандармов.

Согласно штатов, в конце XIX в. при помощнике начальника Таврического ГЖУ в Севастопольском градоначальстве и Евпаторийском уезде находились 1 вахмистр и 7 унтер-офицеров, и при офицере для осмотра паспортов – 1 вахмистр и 3 унтер-офицера [10, с. 46-47]. В прилегающих к современному Севастополю районах, не входящих в состав Севастопольского градоначальства, из-за отсутствия помощника начальника ГЖУ по Симферопольскому уезду, в Дуванкойской и Каралезской волостях Симферопольского уезда (между Севастополем и Евпаторией) наблюдение обеспечивали офицеры из Севастополя.

В конце XIX – начале XX в. в России сформировались две партии – РСДРП и социалистов-революционеров, городские комитеты и кружки были созданы и в Севастополе. Начался подъем революционного движения в России, особенно это ощущалось в крупных промышленных центрах и местах дислокации больших масс военных чинов, в том числе и в Севастополе. Штат жандармов в городе не увеличился, однако, во всех организациях активно работали секретные агенты и наружное наблюдение (филеры). Достаточно сказать, что из 12 членов организации Щепетова 4 были секретными агентами ГЖУ. РСДРП в 1902-1908 гг. «освещали» 13 секретных агентов, в 1911-1912 – 8. В эсеровской организации работало в 1903-1912 гг. 16 секретных агентов. Агенты работали в организации «Свобода внутри нас», среди армянских анархистов и т.д. 35 агентов ЖУ работало в разных организациях (без указания партии). Эти сведения стали известны после февральской революции, когда были опубликованы в газетах [5]. В результате, к концу 1905 г., были разгромлены в городе многие революционные организации и кружки.

Рост революционного движения в Севастополе и на Черноморском флоте был отмечен жандармами. В январе 1905 г. в город был командирован подполковник А.П. Бельский «для исполнения обязанностей начальника Губернского Жандармского Управления по розыскной части и по производству дел о государственных преступлениях в Севастопольском градоначальстве и Евпаторийском уезде» [19]. Во время пребывания в городе он регулярно посылал в Санкт-Петербург донесения, а 18 сентября 1905 г. подготовил обстоятельный доклад директору Департамента полиции о мерах усиления жандармского надзора в Севастополе и других городах Крыма в связи с активизацией деятельности революционных организаций среди матросов Черноморского флота и в войсках Севастопольского гарнизона. В докладе он писал: «...считаю долгом доложить, что если не весь южный берег Крыма, то Севастополь, Евпатория и Ялта с уездами должны составить самостоятельное управление. В каждом из уездных городов должно быть по одному помощнику для ведения наблюдения и розыска по делам политическим и для производства дознания о государственных преступлениях; кроме того, в управлении должен быть один помощник, в руках которого сосредотачивались бы все сведения агентурного характера и данные наружного наблюдения, полученные от сотрудников и филеров летучего отряда; иными словами, на этого помощника должны быть возложены функции начальника охранного отделения, под безусловным контролем начальника управления. Что касается, в частности г. Севастополя, то, оставляя вопрос о круге ведомства начальника крепостной команды и помощника в порте, докладываю, что ввиду неудовлетворительности полиции для целей розыска и наблюдения, по ее неподготовленности, малочисленности и обременительности другими специальными обязанностями, необходимы по два унтер-офицера на каждый полицейский участок ...» [25, с.107].

Положив в основу доклад полковника Бельского (произведен 20.08.1905 г.), обосновывая необходимость создания Севастопольского жандармского управления, департамент полиции в докладе на имя Николая II писал: *«Прискорбные события последнего времени указывают, что центром противоправительственного движения в Крыму является г. Севастополь, откуда преступные организации распространяют свою деятельность на весь этот край, направляя при этом все усилия на поддержание мятежного духа среди чинов флота и войсковых частей. Города Евпатория, Севастополь и Ялта находятся в отношении революционного движения в тесной связи. Евпатория и Ялта служат убежищем для лиц, коих пребывание в Севастополе является опасным ...»* [3]. И далее подчеркивалось, что Таврическое ГЖУ и севастопольская крепостная жандармская команда не справляются со своими обязанностями и, поэтому, требуется создание самостоятельного управления. Последние замечания несправедливы, так как за свою деятельность помощник начальника Таврического ГЖУ по Севастопольскому градоначальству и Евпаторийскому уезду ротмистр Н.А. Васильев получил звание подполковника и награжден 7 декабря 1905 г. орденом Св. Владимира 4 ст. [20], а крепостная жандармская команда была создана только для охраны крепостного района.

События октября 1905 г. заставили правительство принять меры к усилению органов политического сыска в Крыму, и 26 апреля 1906 г. был подписан указ «Об учреждении Севастопольского жандармского управления». [23] Согласно решению Государственного Совета, Управлению были подчинены Севастопольское градоначальство, Евпаторийский и Ялтинский уезды Таврической губернии. По штату в Севастопольском ЖУ находились: начальник управления, адъютант, офицеры в Севастопольском градоначальстве и Евпаторийском уезде, в Севастопольском порту для проверки паспортов, и Ялтинском уезде. В штат входили два писаря и команда унтер-офицеров [15]. Однако, должность отдельного офицера для Евпаторийского уезда была введена в штат только в 1909 г. Позже в штат был введен чиновник – заведующий канцелярией, ведавший секретной агентурой.

В 1906 г. расширилась сеть охранных отделений, было создано отделение и в Севастополе. Параграфом 6 «Положения о районных охранных отделений», утвержденного 14 декабря 1906 г., определялся круг их обязанностей и подчиненность им других органов: *«В округе отделения все органы, ведающие политическим сыском, а именно: губернские, уездные и полицейские жандармские управления и отделения, охранные отделения, начальники крепостных жандармских команд, чины городских и уездных полиций руководствуются в деле розыска указаниями начальников районных охранных отделений и исполняют все требования последнего по розыскной части и вытекающим из розыска следственным действиям»* [11, с. 387-388]. В 1906 г. непродолжительное время охранный отделением возглавлял чиновник Соркин, вскоре замененный полковником Н.С. Урановым. Один из руководителей городской организации партии эсеров С.А. Никонов писал о нем: *«... этот прославился, как главный организатор погрома интеллигенции в октябрьские дни 1905 г. в Твери и вообще имел репутацию очень тонкого специалиста по охранным делу. В Севастополь он приехал без шума, конспиративно, засел в гостинице Киста и вел такую замкнутую жизнь, что почти никому из наших дружинников так и не удалось его увидеть. Я тоже впервые увидел его лишь после нашей ликвидации, когда сидел арестованный с сыном в полицейском управлении перед отправкой в тюрьму»* [8, л. 115].

1906-1908 гг. были напряженными в работе Севастопольского ЖУ. В эти годы возникла городская организация партии эсеров, боевая дружина которой проводила экспроприации и теракты против высших должностных чинов в Севастополе, Ялте и других городах империи. Была создана боевая организация с анархическим уклоном «Свобода внутри нас», которая занималась печатанием прокламаций, терактами против мелких чинов полиции и экспроприациями на территории Таврической и Херсонской губерний. В Севастополе в 1906 г. были попытки поднять восстания в крепостной артиллерии и 50-м пехотном Белостокском полку, совершено похищение оружия в форте «А».

Совместными усилиями всех правоохранительных органов были разгромлены не только эсеровская организация, но и социал-демократическая, анархистская и боевая дружина «Свобода внутри нас» [6]. В разоблачении «преступных сообществ» жандармам по-

могли не только внедренные в политические организации секретные агенты, но и «признательные показания» членов организаций, перлюстрация писем и просто болтливость подпольщиков. После отъезда из Севастополя полковника Уранова, севастопольское охранное отделение возглавил начальник Севастопольского жандармского управления согласно параграфа 3 Положения, где говорилось, что «*во главе охранных округов стоят начальники районных охранных отделений, каковые должности могут совмещаться с должностью местного начальника жандармского управления*» [11, с. 389].

В 1911 г. началась новая подготовка восстания на Черноморском флоте. Но благодаря усилиям секретных агентов (известно 6 человек на судах флота) и прикомандированным дополнительно к Севастопольскому ЖУ жандармским офицерам в 1912 г. подпольная организация была разгромлена, и за этим последовали репрессии на флоте.

Однако, проведенные накануне I Мировой войны В.Ф. Джунковским реформы привели к ослаблению безопасности в государстве – были ликвидированы органы сыска (охранные отделения, сокращено финансирование политической полиции [27, с. 17]. В середине 1915 численный состав Севастопольского жандармского управления выглядел так:

	офицеры	унтер-офицеры
управление	2	11 (2 писаря)
прикомандированные	1	
в Севастопольском градоначальстве и Балаклаве	1	5
в Севастопольском порте	1	5
в Ялтинском градоначальстве и уезде	1	11
в Евпаторийском уезде	1	4
всего:	7	36 [26, с. 61]

Между начальником Севастопольского ЖУ и командующим Черноморским флотом и комендантом Севастопольской крепости всегда складывались деловые отношения, однако, положение изменилось с назначением на Черноморский флот вице-адмирала А.В. Колчака. Полковник Редров регулярно докладывал начальству в Петроград и в Морское ведомство о проявлении бунтарских наклонностей матросов и устраиваемых ими беспорядках, и за это «преступление» он был признан Колчаком нежелательным элементом в пределах крепости, находящейся в осадном положении. Предписанием штаба флота полковник Редров, как элемент вредный, в трехдневный срок был выслан из Севастополя [24, с. 52].

С началом I мировой войны оказалось, что в соединениях армии и на флотах отсутствуют контрразведывательные органы. В октябре 1915 г., по инициативе капитана II ранга А.А. Нищенкова, при штабе Черноморского флота было создано особое отделение, ведавшее контрразведывательной работой. Во главе отделения был поставлен офицер Севастопольского ЖУ ротмистр А.П. Автомонов, как имеющий опыт розыскной работы [1, с.29]. На январь 1917 г. в особом отделении штаба Черноморского флота состояло 5 офицеров (плюс одна вакансия, из них два офицера ОКЖ – ротмистр А.П. Автомонов (в феврале переведен во флот чином старшего лейтенанта) и штабс-ротмистр А.А. Тяпкин, прибывший в Севастополь в 1916 г. [14].

В конце XIX-начале XX вв. в Севастополе служили жандармские офицеры:

В Севастоп. градонач. и Евпат. уезде

Подп. Гангарт Е.А.	1880е гг.
Подп. Малицкий В.М.	1892-04.1899
Подп. Малингом	1898
Подп. Кордберг К.Ф.	03-04.1899
Подп. Безгин А.Г.	06.1899- 1904
Подп. Васильев Н.А.	1904- 1906
Ротм. Ерарский	06.1906-01.1907
Подп. Зейдлиц В.Э.	06.1906-09.1907
Ротм. Николаевский	1907

В Севастоп. порте

Ротм. Франкенштейн	01.1890
Ротм. Крюгер М.И.	1893
Подп. Каневцов П.Д.	07.1895-12.1898
Ротм. Энбрехт В.Э.	12.1898-03.1902
Подп. Жуков А.А.	1902
Подп. Крапивин А.В.	02.1904-12.1913
Ротм. Третьяков Н.Н.	12.1913-1917

Подп. граф Подгоричани-Петрович М.Л.
08.1908-05.1909

В Севастоп. градонач.

Подп. граф Подгоричани-Петрович М.Л.
05.1909-06.1915

Ротм. Крахотин Я.И. 06.1915- 1917

В Евпатор. уезде

Ротм. Зеленко В.М. 05.1909-09.1910

Ротм. Ужумедзский-Грицевич
09.1910-12.1913

Подп. Крапивин А.В. 12.1913-07.1915

Начальники Севаст. ЖУ

Полк. Бельский А.П. 01-12.1905

Полк. Бураго Н.А. 11.1905-06.1906

Полк. Ламзин В.М. 07.1906- 1907

Полк. Зндлиц В.Э. 09.1907-07.1909

Полк. Попов П.К. 07.1909-02.1914

Полк. Глобачев К.И. 02.1914-02.1915

Полк. Редров М.А. 04.1915-12.1916

Полк. Дукельский И.В. 12.1916-04.1917

Адьютанты Севаст. ЖУ

Ротм. Бабин Г.И. 03.1909-05.1911

Ротм. Берг Э.П. 1913

В Ялтинском уезде

Ротм. Кормилев А.Н. 1899- 1906
12.1907

Подп. Попов М.Н. 03.1906-02.1914

Подп. Троцкий-Сенютович В.В.
08.1914-на 07.1915

Прикомандированные к Севаст. ЖУ

Ротм. Двужильный Ю.Ю. до

Ротм. Сорохтин В.В. 08.1907-01.1908

Ротм. Яковлев М.Г. 02.1910-05.1911

Ротм. Бабин Г.И. 10.1907-05.1908

Ротм. Буркацкий на 02.1909

Шт.-ротм. Корф С.Г. 1911

Ротм. Автомонов А.П. 08.1912-11.1915

Ротм. Узудмедзский-Грицевич В.А.
12.1913-07.1914

После Февральской революции, в Севастополе, как и по всей России, стали изучать документы жандармов. В начале марта 1917 г. этим занимался мировой судья Севастопольского округа Н.С. Можугинский, а в мае приказом правительственного комиссара Севастопольского градоначальства была создана комиссия для принятия и разбора архивов дел и переписки бывшего Севастопольского ГЖУ под председательством Председателя Севастопольского городского съезда мировых судей В.Н. Гладкова. Однако выяснилось, что большинство секретных документов, по приказу последнего начальника ЖУ полковника И.В. Дукельского, были сожжены [2]. Однако в Таврическом ГЖУ и архиве ОКЖ были обнаружены списки секретных агентов, и следственная комиссия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов в мае-августе 1917 г. вела их поиск, и некоторые предстали перед Революционным трибуналом.

В 1882 г. приказом по военному ведомству кадровые жандармские команды, в том числе и крепостные, были изъяты из ведения начальника ОКЖ и подчинены начальникам армейских частей. В связи с воссозданием крепости «Севастополь», была сформирована 26.02.1893 г. Севастопольская крепостная жандармская команда [28]. В 1895 г. была утверждена новая «Инструкция крепостным жандармским командам», согласно пункту 1 которой, они назначались для «несения военно-полицейской службы в пределах крепостей и их районов, а равно для исполнения общих обязанностей» [16].

Штат команды определен: 1 офицер, 1 вахмистр, 10 унтер-офицеров и 2 лошади [9, с. 43]. По состоянию на 1897 г., в штате было 18 унтер-офицеров; в 1907 г. к штату команды

было добавлено еще 8 унтер-офицеров [17], в 1915 – 38 унтер-офицеров и 9 лошадей [26, с. 62]. Начальниками команды были в 1893-1904 гг. ротмистр Н.С. Паллис, в 1904-1907 гг. – подполковник Е.И. Гангардт и в 1907-1917 гг. подполковник П.К. Полянский. В 1905 г. начальник команды привлекался для дознания по делу о революционных событиях в Севастополе. Один из лидеров социалистов-революционеров в Севастополе С.А. Никонов так его характеризовал: *«Молодой Гангардт... непосредственного отношения к политическому сыску не имел, за исключением чисто военных дел; пользовался он репутацией сравнительно порядочного человека. Во время разыгравшихся после 17 октября событий, Гангардт держался, хотя и сдержано, но очень тактично, и успел заявить себя сторонником конституционной реформы»* [8, л. 35].

После Февральской революции, по распоряжению начальника Морского Штаба Верховного Главнокомандующего, крепостные жандармские команды переформированы в «Команды военной охраны крепости и крепостного района». Они должны были *«вести лишь охраной крепостных сооружений и района от злоумышленников и шпионов»*, а личный состав был зачислен по армейской пехоте [13].

В 1872 г. для наблюдения за порядком на строящейся Лозово-Севастопольской железной дороге был учрежден жандармский надзор [18], подчиненный в 1873 г. Харьковскому жандармскому полицейскому управлению [18]. Ежегодное содержание штата отделения было отнесено на счет частного Общества Лозово-Севастопольской железной дороги. В 1893 г. Севастопольское отделение Харьковского полицейского управления железных дорог действовало от станции Джанкой до станции Севастополь (159 верст) и имело в штате 1 офицера, 1 вахмистра и 20 унтер-офицеров [9, с. 115]. В 1905 г. отделению в штат было добавлено 3 унтер-офицера (район от полустанка Джимбулак до станции Севастополь, с ветвью Севастополь-порт – 206 верст) [21]. В 1915 в отделении состояло 24 унтер-офицера [26, С.173].

Начальниками отделения были в 1892-1895 гг. ротмистр В.Н. Деболи, в 1895-1906 гг. ротмистр А.К. Рогальт, и в 1906-1917 гг. подполковник М.Л. Чероков.

Ротмистр Рогальт был убит 24 августа 1906 г. боевиком по постановлению городского комитета партии социалистов-революционеров за то, что разогнал на вокзальной площади членов семей 2-й группы осужденных по делу о восстании в Севастополе в 1905 г., отправляемых по этапу на север [8, л. 119].

После Февральской революции, согласно распоряжению Военного министра, жандармская железнодорожная полиция была переименована в «Военную железнодорожную стражу», и за ней были оставлены те же функции [12].

Источники и литература.

1. Бажанов Д.А. Структура русской морской контрразведки в 1917 году // Новый часовой. 2002. № 13-14. С.29.
2. ГААРК. Ф. Р-556. Оп. 1. Д. 26. Л.1, 3, 16 об.
3. ГАРФ. Ф. 100. Оп. 3. Д. 1873. Л. 41.
4. Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып.1. С. 201-202.
5. Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 4 августа; 1917. 8 октября; Крымский вестник. 1917. 16 декабря.
6. Крестьянников В.В. Севастопольская революционная боевая дружина «Свобода внутри нас» // Пилигримы Крыма: сборник науч. статей и материалов. Симферополь, 2003. Вып. 2(7).
7. Народная воля. 1884. № 10. Сентябрь // Литература партии «Народная воля». М., 1956. С. 163.
8. Никонов С.А. Мои воспоминания // Фонды НМГООС. К-10009/2.
9. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1893.
10. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1897.
11. Перегудова З. Политический сыск в России (1889-1917). М., РОССПЭН. 2000.
12. Приказ войскам Севастопольского гарнизона и крепости «Севастополь» № 129 от 10.03.1917 // Библиотека Музея ЧФ РФ.
13. Приказ войскам Севастопольского гарнизона и крепости «Севастополь» № 131 от 10.03.1917 // Библиотека Музея ЧФ РФ.
14. Приказ Командующего Черноморским флотом № 137 от 10.01.1917 // Библиотека музея ЧФ РФ.
15. Приказ по военному ведомству № 310 от 21.05.1906 // Библиотека НМГООС.
16. Приказ по военному ведомству № 272 от 31.10.1885 // Библиотека НМГООС.

17. Приказ по военному ведомству № 310 от 8.06.1907 // Библиотека НМГООС.
18. Приказ по военному ведомству № 255 от 22.08.1872 // Библиотека НМГООС.
19. Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 3 от 12.01.1905 // Библиотека НМГООС.
20. Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 169&1 от 7.12.1905 // Библиотека НМГООС.
21. Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 158&2 от 23.11.1905 // Библиотека НМГООС.
22. ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. LV. №61683.
23. ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. XXVI. №27846.
24. Рерберг П.Ф. Вице-адмирал Колчак на Черном море // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 52.
25. Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. М., 1957.
26. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Петроград, 1915.
27. Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны 1913-1917 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011.
28. Циркуляр Главного Штаба № 16 от 18.01.1895 // Библиотека НМГООС.

ПОЛЯКИ СЕВАСТОПОЛЯ. ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

МАЛИНОВСКАЯ О. И.

КУ «Севастопольский городской национально-культурный центр»

Севастополь – город многонациональный. При большинстве русского населения (в 2001 г. – 71,58%) в нём проживают представители более 97 национальностей и народностей. И в этой многонациональной мозаике не затерялись севастопольские поляки, которых, согласно переписи населения 2001 г., в Севастополе не так много – 580 человек, что составляет 0,15% от численности населения. Наиболее активные объединились в национально-культурные общества, живо интересуются историей и культурой Польши, стараются поддерживать народные традиции, изучают язык. Большим событием для польских организаций Севастополя и всего Крыма стало открытие 6 апреля 2011 г. в Севастополе Генерального Консульства Республики Польша. В последние годы в Общество польской культуры «Полония» и Городской национально-культурный центр участились обращения потомков поляков, некогда проживавших в Севастополе, с просьбой сообщить хоть что-нибудь об их родных. Всё это заставило нас обратиться к истории поляков Севастополя. Тема эта мало изучена, и специальных публикаций по данной тематике нет.

Хотя польский вопрос остро стоял в Российской империи со времен разделов Польши и полякам в России посвящена обширная литература, но касается она, в основном, событий вооруженных восстаний 1830 и 1863 годов.

Пожалуй, одними из первых занялись сбором сведений о представителях различных этнических групп населения Российской империи военные статистики. Их, прежде всего, интересовала возможность использования рекрутов, представителей определённых национальностей, на службе в различных родах войск.

Одним из источников информации о населении Севастополя в середине XIX в. является «Военно-статистическое обозрение» Таврической губернии, составленное подполковником Н.Б. Герсевановым и изданное в 1849 г. при 1-м Отделении Департамента Генерального Штаба, как секретное. На основании материалов, собранных на месте составителем, служившим в те годы дивизионным квартирмейстером 13-й пехотной дивизии, здесь приводятся сведения о численности жителей Севастополя, особенностях состава его населения, обычаях представителей различных этносов и конфессий, уровне их образованности, а также описания духовных, учебных, благотворительных учреждений [18, с. 219-222].

С развитием земского движения остро встал вопрос о необходимости регулярного сбора различных статистических данных, в том числе о конфессиональном и национальном составе населения. В 1888 г. был опубликован статистический отчет о результатах переписи населения Севастопольского градоначальства, проведенной Севастопольским городским общественным Управлением в 1886-1887 годах [38]. Важнейшим источником сведений о поляках Севастополя являются материалы первой и единственной всероссийской переписи населения 1897 гг. [34].

В ГАГС в фонде Ф-15 (Канцелярия Севастопольского градоначальника) сохранились обзоры Севастопольского градоначальства за 1878, 1879, 1882, 1884, 1894, 1910 гг., в которых имеются данные о народонаселении градоначальства, в т.ч. – о количестве призванных на военную службу из поляков Севастополя; католическом приходском училище, числе детей, обучающихся в нём.

Поиски сведений о персоналиях осложняются тем, что метрические книги севастопольского костёла не сохранились. Приходится использовать самые разные источники, чтобы найти информацию о севастопольских поляках. В фондах ГА АРК недавно удалось выявить выписки из метрических книг католических церквей Таврической губернии за 1899-1906 гг., среди которых есть и материалы Евпаторийского римско-католического

прихода Симферопольского деканата Тираспольской римско-католической епархии по Севастопольскому градоначальству. Записи о поляках содержатся и в коллекциях метрических книг православных церквей Севастополя, из фондов ГА АРК и ГАГС. В них фиксировались сведения о смешанных браках католиков с православными, крещении детей, родившихся в смешанных семьях, а иногда и смерти католиков с указанием возраста, происхождения, социального положения поляков.

Широко используемым источником сведений о поляках, состоявших на государственной службе, являются официальные периодические справочные издания. Среди них – месяцесловы с росписью чиновных особ в государстве, адрес-календари, списки чиновников различных ведомств, медицинские списки Российской империи, списки штаб и обер-офицеров армии и флота. Все они отражают структуру и личный состав государственных учреждений, среди служащих которых было немало поляков, позволяют проследить этапы прохождения службы, иногда вероисповедание, семейное и имущественное положение, даты рождения людей. Особый интерес представляют адрес-календари Таврической губернии и Севастопольского градоначальства. К сожалению, последние выпускались лишь в 1908, 1911 и 1913 годах.

С 1885 года издавался Общий морской список, в котором в хронологическом порядке (по царствованиям) были собраны сведения о службе офицеров и некоторых гражданских чинов в российском флоте с 1688 по 1881 год [32]. Значительное количество упомянутых дореволюционных справочных изданий, ранее труднодоступных исследователям, ныне размещено в Интернете.

Краткие упоминания о поляках в составе севастопольского населения и анализ динамики населения города приведены в энциклопедическом справочнике «Севастополь», подготовленном сотрудниками Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя [39].

Истории строительства и функционирования севастопольского костёла, прихожанами которого, в основном, являлись поляки-католики, посвящена статья сотрудницы Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя И.А. Дьяконовой [22], а также обстоятельная статья Л.В. Спесивцевой [40].

Большую работу по систематизации сведений о медицинских чинах, служивших на Черноморском флоте в период I мировой и гражданской войн, офицерах Черноморского флота, ставших Георгиевскими кавалерами во время I мировой войны, проделал севастопольский историк В.В. Крестьянников [27; 28]. Среди них были и поляки, служба которых проходила в Севастополе. Им же предпринята попытка, на основании разных источников, создать список наших соотечественников, служивших в Севастополе и ушедших в эмиграцию в 1920 году [37, с. 220-314].

Ряд статей рано ушедшего из жизни петербургского историка А.Б. Богданова был посвящен врачам-полякам, служившим в Русском флоте в середине XIX века [16]. Отдельная публикация касалась судьбы военно-морского врача Августина Валявского, вся жизнь которого была связана с нашим городом [17]. Сведения о поляках-медиках содержатся в статье севастопольской архивиста Н.М. Терещук [47].

Польские историки, особенно военные, проявляют большой интерес к полякам, служившим в вооруженных силах Российской империи. Ряд публикаций польских авторов посвящен участием моряков-поляков в русско-японской войне [54; 56]. В 2002 г. была издана на русском языке книга польского военного историка Юзефа Веслава Дисканта «Порт-Артур, 1904», в которой он особо отмечал поляков – участников боевых действий на Дальнем Востоке [21]. Среди них были и те, кто в разные годы проходил службу на Черноморском флоте и в Севастополе.

В последние десятилетия вышло немало польских биографических справочных изданий об офицерах польской армии и флота. Сведения о тех, кто начинал службу в Вооруженных Силах Российской империи, основываются, как правило, на российских источниках, но ценны тем, что позволяют проследить судьбы людей после революции и гражданской войны, в том числе и тех, чья жизнь была связана с Севастополем [53; 55]. Интерес польской стороны понятен, ведь ряд офицеров, получивших в Российской империи военное

образование и боевой опыт участия в вооруженных конфликтах, впоследствии стояли у истоков создания армии и военного флота независимой Польши.

Настоящая публикация является попыткой систематизировать сведения о поляках Севастополя и их вкладе в развитие нашего города в XIX – начале XX веков.

После присоединения Крыма к России и массовой эмиграции части крымских татар в Турцию многие селения оказались брошенными. Для развития экономики края и освоения пустующих земель, в конце XVIII – начале XIX вв. российским правительством приглашались иностранные колонисты. 13 февраля 1798 г. был обнародован манифест об установлении в Крыму порто-франко для всех народов и наций сроком на 30 лет [20, с. 635]. Именно после этого в Таврии появились польские торговцы и первые переселенцы-поляки, однако, число их было незначительным. Следует отметить, что колонистское движение в Крыму не затронуло Севастополя, который был заложен в 1783 г., а в 1784 г. объявлен крепостью и военным портом на Черном море. Первоначально указом от 22 февраля 1784 г. разрешено было открыть Севастополь для торговли всех народов. Иностранцы дружественных с Россией держав могли здесь селиться и вступать в российское подданство. Однако, уже в 1798 г. упомянутым манифестом от 13 февраля, иностранцам запрещалось селиться в Севастополе, объявленном военным портом [20, с. 771]. Правда, запрет этот выполнялся, по-видимому, не очень строго, поскольку известно о проживании в городе в последующие годы подданных других государств.

Ситуация изменилась после разделов Польши 1793 и 1795 годов, когда часть польских земель вошла в состав Российской империи. Эти территории составили Минскую, Могилевскую, Гродненскую, Витебскую, Виленскую, Ковенскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии, исправно поставлявшие рекрутов для российской армии и флота. Вместе с тем, в состав офицерского корпуса Российской империи, стали вливаться представители многочисленного польского дворянства. Процесс этот усилился после вхождения в состав России собственно польских земель – Царства Польского. С 1815 г. офицеры бывших польских войск стали приниматься на русскую службу в обычном порядке [19, с. 275].

Следует отметить, что военные, особенно в первой половине XIX в., составляли подавляющее большинство населения Севастополя. Так, по состоянию на 1 января 1848 г., в городе на 37637 жителей мужского пола приходилось 28971 военных (нижние чины, офицеры и отставные нижние чины). Таким образом, военные сословия составляли 79,97% мужского населения города. При этом женское население города составляло лишь 4859 человек [18, табл. 1]. Хотя статистических сведений о численности католиков в Севастополе в это время не имеется, но известно, что уже с 1842 г. велась оживлённая переписка о строительстве костёла для католиков – военнотружущих Севастопольского гарнизона [9], а в городе имелся один римско-католический священник (капеллан?) [18, табл. 1]. Пока решался вопрос с отводом земли и утверждением проекта, военное ведомство, вплоть до Крымской войны, нанимало дом для католического храма [8]. Здание католического молитвенного дома, располагавшееся на Театральной площади, показано на ряде карт 1830-х - 1850-х гг. Оно было сильно разрушено во время осады Севастополя артиллерийским огнём противника и более не восстанавливалось.

После Крымской войны население Севастополя резко сократилось. В городе оставались лишь немногочисленные отставные офицеры и нижние чины. Без Черноморского флота, который, по результатам Парижского мира, России запрещено было держать на Черном море, город влачил жалкое существование. Восстановление его шло крайне медленно, так что даже в начале XX в. на центральных улицах стояли остовы разрушенных домов.

Некоторое оживление экономики Севастополя началось лишь с проведением в 1875 г. в город ветки Лозово-Севастопольской железной дороги. Открытие в Южной бухте торгового порта и выгоды заграничной торговли хлебом стали привлекать сюда не только торговцев, но и инженеров, архитекторов, чиновников различных ведомств, а также многочисленных безземельных крестьян, прибывавших, в том числе, и из губерний Царства Польского.

Оценить численность поляков в Севастополе в это время мы можем лишь приблизительно, поскольку в царской России население учитывалось не по национальному, а по

конфессиональному признаку. Естественно, в число католиков входили, наряду с поляками, немцы, литовцы, французы, итальянцы и представители других национальностей. Зачастую в статистических отчётах римо-католиков объединяли с армяно-католиками. И всё же большинство католиков составляли именно поляки (в 1897 г. – 87,5% от общего числа католиков Севастопольского градоначальства [34, с. VI, XI]).

Согласно переписи населения, проводившейся в Севастополе Городским общественным управлением с 15 по 25 сентября 1887 г., в городе проживало, без учёта регулярных войск, 683 католика (404 мужчины и 279 женщин). Из них большинство – 584 человека (353 мужчин и 231 женщин) составляли подданные Российской империи. Иностранные подданные католики – 99 человек (51 мужчина и 48 женщин), являлись в основном гражданами Австро-Венгрии и Германии [38, табл. XII]. Следует отметить, что перепись специально проводилась в сентябре, чтобы учесть сезонные миграции населения, поскольку численность населения Севастополя в летние месяцы резко увеличивалась за счет прибывавшей на заработки бедноты, в том числе и из западных губерний.

По мере роста численности населения Севастополя, увеличивалось и количество поляков. В 1897 г. в Севастополе, с учётом военнослужащих, проживало 2753 поляка (2426 мужчин и 327 женщин) [34, с. 165]. В 1909 г. римо- и армяно-католиков в Севастополе было 5056 человек (5,98%) [14, с. 49].

Среди поляков Севастополя были представители самых разных социальных групп населения, действовавших в различных отраслях экономики города. Распределение поляков Севастопольского градоначальства по группам занятий, выполненное по результатам переписи населения 1897 гг. (имеется в виду самостоятельное взрослое население) показано в приложении 1.

Значительную часть севастопольских поляков в конце XIX – начале XX вв. по-прежнему составляли представители военных сословий, к которым относились регулярные войска, военнослужащие, находящиеся на действительной службе, а также бессрочно-отпускные и отставные чины и члены их семей. Следует отметить, что удельный вес военных уменьшился сравнительно с серединой XIX в. и составлял около трети населения Севастопольского градоначальства. Однако среди католиков военнослужащие по-прежнему составляли большинство. В 1905 г. председатель Комитета по постройке римско-католического храма в Севастополе капеллан войск Одесского военного округа ксёндз Франц Антонович Козловский в пояснительной записке Таврическому губернатору сообщал, что католический приход города увеличился до 3000 человек, из которых более 2000 – воинские чины [7, л. 6 об.].

Несомненно, что поляки в России попадали под пресс русификаторской политики. На это было направлено, прежде всего, законодательство Российской империи, согласно которому иноверным священнослужителям, в том числе и католическим, запрещалось совершать какие-либо обряды над лицами православного вероисповедания. В случаях, когда один из родителей был православным, крещение младенцев проводилось православными священниками, и дети записывались православными. Многие, особенно представители привилегированных сословий, стараясь не потерять своей национальной и конфессиональной принадлежности, избегали смешанных браков. Но зачастую жизнь вносила свои коррективы.

Поскольку служба рядовых длилась до 25 лет (до Крымской войны), за это время многие успевали обзавестись семьями. Естественно, полякам труднее было найти в Севастополе своих единоверцев. Например, в 1847 г. в Севастополе из 151 брака зарегистрировано 9 католических [18, с. 221]. Отсюда нередкими были смешанные браки католиков с православными среди нижних чинов севастопольского гарнизона, которые хорошо прослеживаются по метрическим книгам православных церквей города. Были случаи, когда на службу прибывали женатые солдаты и матросы. Такие семьи обустраивались в городе, как правило, обзаводились собственным жильём, поскольку мест для женатых нижних чинов в казармах катастрофически не хватало. По-видимому, поляки старались поддерживать тесные связи с земляками, зачастую выступая свидетелями на венчаниях и посаженными отцами у детей своих товарищей.

Некоторые нижние чины, выходя в отставку, оставались в Севастополе. Со временем они были приписаны к мещанскому сословию, как, например, участник обороны города 1854-1855 гг. севастопольской крепостной артиллерии отставной канонир Харитон Адамович Карпук (1809-1890).

Несмотря на тяготы морской и вообще военной службы, были среди севастопольских поляков и долгожители. Удалось выявить метрическую запись о смерти в Севастополе в возрасте 110 лет отставного матроса Антона Демьяновича Фляка (1796?-18.03.1906), римско-католического вероисповедания [2, л. 170об.-171].

В ходе военных реформ 1860-70-х годов Манифестом от 1 января 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, распространившаяся на все мужское население страны. Новый срок службы составил 6 лет, а на флоте – 7 лет. Результатом стало увеличение инородческого, в том числе и польского контингента в составе рекрутов. При этом отмечалось, что *«значительная доля поляков грамотна, очень многие из них знают разные ремесла в совершенстве, каковы: столярное, токарное, слесарное, кузнечное, экипажное, переплётное, медных дел, портняжное, сапожное, шорное и другие ремесла, в которых нуждаются части всех оружий наших войск. И поэтому при наборе необходимо пользоваться этим интеллигентным направлением, распределяя его равномерно по всем войскам, для снабжения их хорошими и полезными мастерами, по разным ремеслам военного дела»* [35, с. 16].

В Севастополе, наряду с нижними чинами – выходцами из западных губерний, было немало поляков – представителей офицерства, как флотского, так и армейского. Несмотря на осторожное отношение к полякам в Российской империи после восстаний 1830 и 1863 гг., для многих представителей шляхты военная служба предоставляла возможность сделать успешную карьеру. В более выгодном положении находились польские дворяне, принявшие православие. В основном, это были выходцы из Черниговской губернии.

Военнослужащие поляки были участниками всех вооруженных конфликтов, которые вела в XIX – начале XX в. Российская империя. Об их доблести говорят могилы на мемориальном Братском кладбище воинов Крымской войны в Севастополе. Известно о захоронении на старом городском кладбище и кладбище Херсонесского монастыря поляков – участников русско-турецкой войны 1877-1878 гг., скончавшихся в севастопольском военновременном госпитале [30, с. 34-26]. Отличились поляки и в Русско-японской войне 1904-1905 гг. Польский военный историк Юзеф Дискант справедливо отмечал, что в этой войне *«Офицеры и матросы – поляки, воевавшие за чуждые им интересы империи Романовых, проявили в сражениях лояльность и высокую воинскую доблесть»* [54].

Среди офицеров полков, дислоцировавшихся в Севастополе, известны имена полковника Войно-Оранского Викентия Казимировича, командира 2-го батальона 50-го Белостокского полка (1900-1910), подполковника в отставке Лапшинского Флориана Ивановича (1855?-08.12.1925), бывшего командиром 4-го батальона 49-го Брестского пехотного полка (1904-1905). Скончался он в Севастополе, похоронен на старом городском кладбище (ул. Пожарова), где сохранилось семейное захоронение Лапшинских.

В 1885-1888 гг. командиром 49-го пехотного Брестского полка был генерал-майор Степан-Иосиф-Виктор Пантелеймонович Ваховский (29.12.1827-24.02.1900) [41, с. 756]. Выйдя в отставку, проживал в Севастополе, похоронен на старом городском кладбище. Вместе с ним в фамильном склепе Ваховских погребен коллежский советник Иван Пантелеймонович (Викентьевич) Ваховский (1838?-18.10.1903), старший врач 49-го пехотного Брестского полка (в 1879 г.), один из учредителей Севастопольского общества врачей [4, л. 25об.-26; 6, л. 434 об.] и, вероятно, другие представители этого семейства.

Немало поляков служило на Черноморском флоте, как строевыми офицерами, так и в различных корпусах морского ведомства. Флагманским артиллеристом Штаба командующего учебным отрядом Черноморского флота с 1889 г. был генерал-майор корпуса морской артиллерии Людвиг Иванович Саноцкий (25.08.1854-?). В 1890 г. его назначили флагманским артиллеристом Штаба командующего практической эскадры Черного моря, а с 1900 по 1908 гг. он был главным артиллеристом Севастопольского порта. [42, с. 3; 13, с. 84].

С 1890 г. проходил службу в Севастополе старший инженер-механик Николай Осипович Умецкий (05.05.1863-?), сначала исполняющим должность старшего судового механика минного крейсера «Капитан Сакен», затем – помощником заведующего машинной школой Черноморского флота (с 03.08.1899). С 09.10.1901 г. он был флагманским инженер-механиком берегового штаба начальника учебного отряда [45, с. 105]. Любопытно, что Николай Осипович состоял в переписке с известным русским издателем, журналистом, писателем, театральным критиком и драматургом А.С. Сувориным. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранилось письмо Николая Осиповича от 17 мая 1907 года [11].

Вплоть до 1911 г. служил в должности главного инженера-строителя Севастопольского порта корпуса инженеров морской строительной части инженер-генерал-майор Александр Адамович Смольский. Он же был членом комиссии Музея Севастопольской обороны [14, с. XXVIII].

Из семи поляков, дослужившихся в царской России до звания адмирала, пятеро в разные годы проходили службу в Севастополе. Это контр-адмирал Казимир Филиппович Кетлинский (27.07.1875 – 28.01.1918), в 1906-1908 гг. бывший флагманским артиллерийским офицером штаба командующего отдельным практическим отрядом Черного моря. В 1908-1909 гг. – флагманским артиллерийским офицером штаба начальника морских сил Черного моря. В 1909-1911 гг. он служил старшим офицером линкора «Иоанн Златоуст», а с 01.01.1915 г. занимал должность флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом Черного моря. Здесь же, в Севастополе, родилась его дочь, в будущем – известная советская писательница Вера Казимировна Кетлинская (28.04.1906-23.04.1976).

Выпускник Морского кадетского корпуса контр-адмирал Казимир Адольфович По-рембский (02.11.1872 – 20.01.1934, Варшава), будучи молодым офицером, отличился во время осады Порт-Артура, за что позднее был награжден орденом Св. Георгия IV степени и золотым оружием. В 1913-1914 гг. командовал новейшим черноморским линкором «Императрица Мария». В 1916 г. он возглавил бригаду крейсеров Черного моря [31, с. 622].

Вице-адмирал Генрих Фаддеевич Цывинский (31.01.1855, Вильно – 06.12.1938, Вильно) был переведен с Балтики на Черноморский флот, где в 1906–1908 гг. являлся командиром отдельного практического отряда Черноморского флота, сумев в короткий срок довести боевую подготовку на кораблях до совершенства. В 1906 г. он был произведен в контр-адмиралы. Севастопольские страницы его жизни нашли отражение в воспоминаниях, увидевших свет в Польше, куда он эмигрировал в 1922 году [51].

Вице-адмиралу Бергелю Константину Владиславовичу (30.08.1855, Варшава - 1939, Польша) юным мичманом довелось участвовать в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. С 1877 по 1909 год служил он на Черноморском флоте. Плавал на различных кораблях, служил в Добровольческом флоте (1880-1884), совершил шесть переходов из Черного моря в Тихий океан, с 1893 г. командовал различными судами Черноморского флота. В 1901 г. его назначили морским агентом (военно-морским атташе) в Турции, затем – командиром эскадренного броненосца «Чесма». После окончания Николаевской Морской Академии, куда он поступил в 1906 г., Константин Владиславович командовал отрядом минных судов Черного моря.

До своего перевода на Балтику капитан-лейтенант Клочковский Вячеслав Евгеньевич (02.02.1873, Кронштадт – 15.01.1930, Варшава) был заведующим отрядом подводных лодок Черного моря и командиром подводной лодки «Окунь». После начала Первой мировой войны его вновь переводят в Севастополь, где он с 1914 г. командовал бригадой подводных лодок. В 1916 г., за успешные боевые действия, был награжден Георгиевским оружием, в 1917 г. Временным правительством произведен в контр-адмиралы. Последующая служба адмирала на Черном море проходила весьма бурно. Ему довелось быть и представителем гетмана Скоропадского в Севастополе при немецкой оккупации, и командующим украинского флота, и комендантом Севастопольского порта при Деникине. И всё это в течение 1918 года. Затем – служба в Добровольческой армии. Лишь в феврале 1919 года, выйдя в отставку, В.Е. Клочковский выехал в Польшу.

Большой вклад внесли офицеры-поляки в развитие отечественной авиации. Первым российским военно-морским лётчиком и гидроавиатором по праву считается уроженец Севастополя капитан 2-го ранга Станислав Фаддеевич Дорожинский (06.10.1879, Севастополь – 16.04.1960, Ницца). 16 сентября 1910 года он, тогда лейтенант флота, впервые в истории Севастополя поднял в воздух моноплан «Антуанета», а 10 октября совершил первый полёт над морем.

Гибель 18 апреля 1911 г. во время демонстрационного полёта на аэроплане Блерио инструктора Севастопольской школы авиации отдела Воздушного флота Бронислава-Каликта Витольдовича Матыевича-Мацеевича (1882-18.04.1911) и его брата, мичмана Балтийского флота Станислава Витольдовича (1888-18.04.1904), стала трагедией для всего Севастополя. После заупокойной мессы в севастопольском костёле, тела братьев были отправлены на родину в Житомир и похоронены на католическом кладбище рядом с их отцом – полковником в отставке Витольдом Людвиковичем Матыевичем-Мацеевичем (1853-31.07.1906) [25, с. 69-70].

Значительную группу поляков Севастополя составляло военное и гражданское чиновничество.

Исследователь из Санкт-Петербурга А.Б. Богданов, проанализировавший послужные списки флотских врачей за 1849 г., показал, что не менее четверти их были поляками [16, с. 68]. Немало было поляков и среди севастопольских военных медиков.

С 1820 г. служил здесь сначала лекарем на кораблях флота, а с 1825 г. врачом Севастопольского военного карантинного госпиталя Августин Михайлович Валявский (1789?-11.01.1857), выпускник медицинского факультета Виленского университета. В 1829 г. он был награжден за участие в ликвидации чумы в Севастополе. Во время обороны Севастополя 1854-1855 гг., будучи старшим врачом 30-го флотского экипажа, работал на перевязочном пункте № 1 [17, с. 64-66; 23, с. 67]. В 1841 г. Августин Михайлович женился на своей бывшей крепостной Прасковье Дмитриевне Висловой, имел в браке пятерых детей [47, с. 37]. Валявскому принадлежал под Севастополем хутор. Скончался он в возрасте 68 лет и был похоронен на городском кладбище [1, л. 57об.-58]. Его потомки жили в городе вплоть до начала XX века.

После окончания Крымской войны прибыл в Севастополь, где служил долгое время инспектором севастопольского военного карантинного госпиталя, статский советник Сильвестр Фомич Хмелевский (1807?-16.11.1891). Памятник ему с эпитафией на польском языке сохранился на старом севастопольском городском кладбище.

Участником Крымской войны и обороны Севастополя был медицинский чиновник Правления Севастопольского военного карантинного госпиталя штаб-лекарь надворный советник Игнат Францевич Мысловский, римско-католического вероисповедания [23, с. 66]. 11 марта 1860 г. у него и его жены Акулины Иосифовны, православного исповедания, родилась дочь Эмилия. На её крещении 21 мая того же года в Севастопольской Петропавловской церкви восприемниками были командир транспорта «Днестр» капитан-лейтенант Ревуцкий и жена инспектора карантинного госпиталя статского советника Сильвестра Хмелевского Мария Карловна [3, л. 14об-15]. После закрытия Севастопольского военного карантинного госпиталя И.Ф. Мысловского перевели в 1869 г. в Евпаторийское карантинное агентство Феодосийского военного карантинного госпиталя [12, с. 311].

В разные годы в Севастопольском морском госпитале работали медики-поляки. Среди них было хорошо известно севастопольцам имя действительного статского советника, доктора в отставке Льва Фортунатовича Рымкевича (1834?-06.01.1901). После окончания Минской гимназии он в 1853 г. поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию стипендиатом Морского ведомства. Начал службу лекарем в 1858 г., затем служил младшим ординатором Кронштадтского морского госпиталя (1858), врачом 46-го флотского экипажа (1859), младшим ординатором Севастопольского морского госпиталя (1862), врачом 1-го Черноморского сводного флотского экипажа (1864), младшим запасным врачом Черноморского экипажа (1867), старшим судовым врачом (1875), старшим врачом при управлении Севастопольского порта (1876). Выйдя в 1884 г. в отставку был вице-председателем севастопольского общества врачей (1887-1892). Л.Ф. Рымкевич - ав-

тор «Медицинских и топографических заметок в Каспийском море», опубликованных в 1864 г. в Медицинском приложении к журналу «Морской сборник». Дочь его Нимфодора (1866-?) была замужем за штабс-капитаном Павловским [43, с. 464; 36, с. 104].

Старший врач 34-го флотского экипажа статский советник Франковский Владислав Стратонович (27.12.1846-?) поступил на службу в 1875 году. В разразившуюся вскоре русско-турецкую войну 1877-1878 гг. он был участником широко известного боя вооруженного парохода «Веста» с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд», произошедшем при Кюстендже 11 июля 1877 года. В своём рапорте командир «Весты» капитан-лейтенант Н.М. Баранов отмечал, что *«старший механик подпоручик Плигинский, его помощник и судовой доктор титулярный советник Франковский во все время боя, а последний долгое время и потом, каждый действовали неподражаемо хорошо»*. За этот бой В.С. Франковский был награждён орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и пожизненной пенсией 630 рублей в год. В отставку он вышел в 1905 г., а в 1911 г. был назначен библиотекарем Севастопольской морской офицерской библиотеки, в состав комитета директоров которой входил с 1890-х годов [14, с. XXIX].

Старшим врачом 49-го пехотного Брестского полка в конце XIX – начале XX в. служил коллежский советник Вильгельм Казимирович Бартошевич. Он же являлся вице-председателем севастопольского общества врачей. На старом городском кладбище сохранился разрушенный памятник с эпитафией: «Здѣсь покоится прахъ / доктора В.К. / Бартошевича / Миръ праху твоему / Tu spoczywa / doktor / Bartoszewicz».

Польские фамилии встречаются и среди севастопольских провизоров. В 1870-е годы упоминается провизор аптеки Михаил Яковлевич Мыслицкий. 6 мая 1906 г. в Симферопольской губернской больнице скончался в возрасте 41 года дворянин, провизор Мариан Михайлович Лозинский, римско-католического вероисповедания, похороненный на севастопольском городском кладбище [5, л. 288]. Он был женат на Эмме Христиановне Малер, отец которой был владельцем известной в городе аптеки. В 1890-х годах аптека наследников Малера располагалась в доме № 8 на ул. Большой Морской, принадлежавшем провизору Леониду Евстафьевичу Турчинскому и его жене Берте Христиановне, урождённой Малер. Л.Е. Турчинский не только являлся действительным членом Севастопольского общества врачей, но был в 1893 г. избран гласным городской думы, входил в состав многих городских комиссий [52, с. 30-31].

Долгие годы служил фельдшером Севастопольской городской больницы Владислав Станиславович Косерадский. Его дочь Елена, выпускница севастопольской женской гимназии (1912), была сестрой милосердия Севастопольской общины Красного Креста. В годы Первой мировой войны она была зачислена на службу и направлена в распоряжение Верхне-Днепровского Местного Комитета Красного Креста [44, с. 754]. После окончания гражданской войны Елена Владиславовна с семьёй проживала в Севастополе.

Представителем Государственного контроля в Севастопольской войсковой строительной комиссии служил коллежский советник Бронислав Феликсович Гржибовский [15, с. 82].

Немало поляков – чиновников министерства путей сообщения поселилось в городе после строительства в 1875 г. ветки Лозово-Севастопольской железной дороги. Были среди них не только хорошие специалисты, но и люди яркие, неординарные. Например, Адам Адамович Фиалковский, дворянин, начальник стола претензий Лозово-Севастопольской железной дороги. В результате тяжёлой болезни его парализовало, тем не менее, это не остановило его кипучей натуры и желания служить людям. Невзирая на недуг, Адам Адамович более 30 лет являлся старшиной севастопольского Городского общественного собрания, был избран почетным его членом, заведовал хозяйственной частью. После смерти А.А. Фиалковского, последовавшей в декабре 1916 года, его заслуги перед городом были отмечены в севастопольской газете «Крымский вестник» [24, с. 132; 14, с. XXVIII; 33, с. 3].

В 2012 году в Севастопольский городской национально-культурный центр в поисках сведений о своих родных обратилась правнучка Антона Осиповича Качковского (?-1916), дворянина Сувалкской губернии, служившего в конце XIX в. в управлении Лозово-Севастопольской железной дороги. Они с женой, Марией Георгиевной, урождённой Юде-

нуки, проживали в собственном доме на ул. Ялтинской, 6. По-разному сложились судьбы их четырёх дочерей – Сигизмунды (1900-?), в замужестве Стефанюк, Ванды (25.12.1904-1930-е), в замужестве Ужалиной, Бэллы (1908-?) и Ядвиги. Совсем молодой умерла в Севастополе Ванда. Бэлла во время Великой Отечественной войны была эвакуирована из Севастополя в Среднюю Азию, а после войны переехала с семьёй в г. Бердянск. Ядвига Антоновна Федорова-Качковская (03.01.1902-27.12.1952) работала учительницей начальных классов, воспитательницей в детском саду. До 1941 г. она с дочерью жила в Язовском пер., во время войны была эвакуирована в Сибирь. Вернувшись в 1948 г., до конца жизни проживала в нашем городе.

Следует отметить довольно высокий уровень грамотности польского населения. Проблемы, связанные с языком обучения, служили в губерниях Царства Польского постоянным предметом конфликта между поляками и официальными властями. В Севастополе преподавание в учебных заведениях, естественно, велось на русском языке, но, в то же время, при костеле действовало приходское училище, в котором дети изучали родной польский язык. В 1911 г. его заведующим был ксендз Франц Антонович Козловский, учительницей – Казимира Михневская. В 1913 г. заведующей и учительницей являлась Анна Казимировна Потриковская, учеников было 32 человека [15, с. 121]. По свидетельству Я.А. Федоровой-Качковской, все четыре сестры Качковские изучали польский язык в этом училище, располагавшемся на ул. Чесменской, 69. При костёле действовало и Римско-католическое благотворительное общество, ведавшее содержанием костёла, приходского училища и оказанием помощи малоимущим единоверцам.

Поляки – иностранные подданные стали появляться в Севастополе после указа от 5 августа 1857 г., когда иностранцам разрешено было проживать в разрушенном войною городе [20, с. 771]. Однако приток иностранцев наметился лишь в середине 1870-х годов. Были это мелкие ремесленники, булочники, кондитеры, рестораторы. Например, после смерти Казимира Иосифовича Мисинского, владельца одного из лучших кафе города, располагавшегося на Нахимовском проспекте у Приморского бульвара, новыми хозяевами заведения стали австрийскоподданные Витинские.

С началом I мировой войны все иностранцы – подданные воюющих с Россией стран, в том числе германско и австрийско-подданные поляки, были объявлены военнопленными и подлежали высылке в глубинные районы Российской империи.

С лета 1915 г. в Севастополь и Крым из западных районов империи, оказавшихся в зоне боевых действий, хлынул поток беженцев. Эвакуация в глубинные районы Российской империи миллионов человек из районов, подведомственных администрации действующей армии, не всегда была оправданной. Она ещё более усугубила социально-экономическую и политическую нестабильность в стране, привела к росту безработицы, продовольственному кризису, обострила межнациональные противоречия.

Первоначально, по-видимому, беженцы размещались в различных городах Таврической губернии, кроме Севастополя, въезд в который, по случаю военных действий, был строго ограничен. Разными путями попадали они в Крым. Как сообщалось на страницах «Крымского вестника»: *«Беженцы в Симферополь продолжают прибывать. За последние 5 дней прибыло до 10 польских семей, часть из Ростова-на-Дону, а часть из средней полосы России»* [49, с. 3].

Наряду с государственными структурами, в оказании помощи беженцам активно участвовали национальные организации. Вместе с Римско-католическим благотворительным обществом, попечение о беженцах взяло на себя севастопольское польское общество помощи жертвам войны, организовавшее детский приют, где содержалось до 35 детей. На страницах городской газеты сообщалось: *«Цель существования этого приюта в Севастополе, как убежища-санатория, где бы наиболее слабые из детей жертв войны могли поправиться в благоприятных климатических условиях южного берега Крыма. В виду чего вся работа администрации приюта сводится главным образом к тому, чтобы дети пользовались благоприятными климатическими условиями и получали хорошее питание»* [48, с. 3]. Летом севастопольские поляки принимали на оздоровление польских детей из Москвы и других городов. Севастопольское польское благотворительное общество с целью сбора

средств в пользу беженцев, неоднократно организовывало в зимнем помещении городского общественного собрания музыкальные вечера, проводило кружечные сборы. Камерные музыкальные вечера неизменно пользовались популярностью у севастопольской публики [50, с. 3].

События Февральской, а затем Октябрьской революции привели к столкновению враждебных друг другу политических сил. В феврале 1918 г. в Севастополе начались расправы с офицерами и состоятельными гражданами города, организованные анархистствующими матросами и получившие название «Варфоломеевских ночей». Среди их жертв, наряду с представителями других национальностей, оказались и поляки. Так, были убиты лекарский помощник в Севастопольском военно-морском госпитале коллежский регистратор Лукьян Францевич Новицкий (20.10.1862–20.02.1918) и смотритель Морского госпиталя коллежский советник Александр Францевич Квятковский (14.06.1851–23.02.1918) [46, с. 824; 26, с. 205–206].

Гражданская война привела к тому, что в братоубийственную войну были ввергнуты огромные людские массы. В этот период число поляков в Севастополе, вероятно, увеличилось за счет эвакуированных из западных губерний ещё в I мировую войну и тех, кто бежал от большевиков на юг из разных районов России. Многие поляки с надеждой восприняли весть о создании в ноябре 1918 г. независимого польского государства.

Начавшаяся в 1919 г. польско-советская война подтолкнула Польшу к поиску союзников среди противников Советской России. В то же время, несмотря на многочисленные взаимные претензии, правительство Юга России и при генерале Деникине, и при П.Н. Врангеле, тоже пыталось наладить дипломатические отношения с Польской республикой.

В самом конце гражданской войны в Севастополе, наряду с другими иностранными военными миссиями, появилась и польская военная миссия. По-видимому, тогда же было открыто и польское консульство. В его задачи входила регистрация польских граждан и оформление паспортов для скорейшей отправки их на родину. Располагалось польское консульство в доме Ветцеля на ул. Екатерининской, 8, который сохранился до наших дней [29, с. 70–71].

Правда, некоторые поляки стали уезжать на родину, не дожидаясь открытия консульства, как, например, доктор медицины, статский советник Вацлав Донатович Шредер. Участник русско-японской войны, член санитарного совета Севастопольской городской думы, врач городской больницы (1911), старший врач Черноморского флотского экипажа (1912), врач Севастопольского морского госпиталя (1917) и санитарный инспектор порта, в 1918 г. его назначили главным доктором Морского госпиталя. В марте того же года он, получив трехмесячный отпуск по болезни, уехал в Польшу [27, с. 179–180].

Но были и оставшиеся в Севастополе, например, семейство севастопольского мещанина Чеслава Андреевича Стржелецкого, члена правления Римско-католического благотворительного общества. Его внук Станислав Францевич Стржелецкий – питомец Севастопольского музея краеведения, стал археологом, и долгие годы проработал в Херсонесском музее, где возглавлял Средневековый отдел.

В списке сотрудников Севастопольского морского госпиталя, оставшихся в городе после эвакуации Вооруженных сил Юга России, и многочисленных беженцев, упоминается несколько поляков [10]. Среди них – доктор медицины, статский советник Гужевский Болеслав Антонович (15.10.1873 – ?), лекарский помощник Здрайновский Игнатий Леонардович (1887–?), врач Иван Константинович Зейдлер (1866–?). Последний после гражданской войны работал в лечебных учреждениях Севастополя. В июле 1923 г. за отличную работу ему было присвоено звание Героя труда [27, с. 130].

Мы не знаем, как сложились судьбы этих людей в советский период. Думается, что эта тема достойна отдельного исследования. Какая-то часть польско-подданных граждан в начале 1920-х годов смогла выехать в Польшу. Не секрет, что немало поляков пострадало в годы сталинских репрессий. К сожалению, Книга памяти жертв политических репрессий – жителей Севастополя, среди которых были представители разных национальностей, до сих пор так и не написана.

В Севастополе никогда не было отдельного католического кладбища, и захоронения католиков осуществлялись на общественных христианских кладбищах – городском, на

Корабельной стороне (в Доковом овраге), у Южной бухты и на Михайловском (Северная сторона). Участников обороны Севастополя 1854-1855 гг. погребали на мемориальном Братском кладбище. К настоящему времени из городских некрополей сохранилось лишь старое городское кладбище, расположенное на ул. Пожарова. Среди уцелевших захоронений XIX – первой половины XX вв. есть и польские могилы, иногда с эпитафиями на польском языке. В результате полевых обследований удалось выявить около 200 надгробий разной степени сохранности, принадлежавших севастопольским полякам. В будущем планируется издать справочник по польским захоронениям старого городского кладбища с краткими биографическими сведениями о лежащих здесь людях.

Хочется верить, что обращение к теме «Поляки в Севастополе» поможет разрушить бытующие порой представления о поляках в Российской империи лишь как о жертвах царского самодержавия. Несмотря ни на что, люди оставались людьми. Они создавали семьи, растили детей, служили в армии, трудились в различных областях экономики, переезжали в поисках лучшей доли на новые места. Лучшие представители польского народа сумели оставить добрый след в истории Севастополя, и достойны нашей памяти.

Источники и литература.

1. Метрическая книга Адмиралтейского Николаевского собора на 1857 г. // ГАГС. Ф. 23. Оп. 1. Д. 70.
2. Метрическая книга Всесвятской церкви на 1906 г. // ГАГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 79.
3. Метрическая книга Петропавловской церкви на 1860 г. // ГА АРК. Ф. 142. Оп. 5. Д. 161.
4. Метрическая книга Петропавловской церкви на 1879 г. // ГАГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 25об.-26;
5. Метрические выписи о крещенных, венчаемых и умерших за 1906 г. католических церквей Таврической губернии // ГА АРК. Ф. 27. Оп. 16. Д. 128.
6. Метрические выписи о родившихся, бракосочетавшихся и умерших католиках в 1903 году // ГА АРК. Ф. 27. Оп. 16. Д. 98.
7. О рассмотрении проектов постройки Римско-Католических церквей, молитвенных домов и часовен // ГА АРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 3392. 59 л.
8. О найме в Севастополе дома для помещения католического храма. 1848–1855 гг. // РГА ВМФ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 362. 140 л.
9. О построении католического храма в Севастополе. 1842-1847 гг. // РГА ВМФ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 156. 365 л.
10. РГА ВМФ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 186.
11. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4339.
12. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1869 год. СПб., 1869. Ч. 2: Власти и места управлений губернского, областного, окружного, городского, уездного и ведомства их. 618 с.
13. Адрес-календарь на 1908 г. Описание и путеводитель по Севастопольскому градоначальству. Севастополь, 1908. 126 с.
14. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. Гор. Севастополь и гор. Балаклава. Севастополь, 1911. 339 с.
15. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1913 год. Гор. Севастополь и Балаклава. Севастополь, 1913. 263 с.
16. Богданов А.Б. Врачи-поляки на службе в российском флоте в 1849 г. // Вестник морского врача. 2008. № 5. С. 67-68.
17. Богданов А.Б. Забытый в Польше и России: шляхтич Августин Валявский – усмиритель чумы в Севастополе // Вестник морского врача. 2008. № 5. С. 64-66.
18. Военно-статистическое обозрение Российской империи / Сост. Генерального штаба подполковник Герсевичев. Т. XI. Ч. 2: Таврическая губерния. СПб., 1849. 225 с.
19. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М: Воениздат, 1993. 368 с.
20. Городские поселения в Российской империи. Т. 4. СПб., 1864. 814 с.
21. Дискант Ю.В. Порт-Артур, 1904. / Перевод с польского Дискант Ю.В. М, 2002. 363 с.
22. Дьяконова И.А. Католический костёл // Исторические памятники и улицы Севастополя. Учебное пособие для учащихся средних школ. Симферополь, 1996. С. 47-48.
23. Земан Ф.В. Некоторые воспоминания из времени осады Севастополя в 1854 и 1855 годах // Морской сборник. 1856. Т. 23. № 9. Часть IV: Смесь. С. 65-72.
24. Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1892 год. Симферополь, 1892. 260 с.
25. Кондратюк Р.Ю. Некрополь старого Житомира: Біографічний довідник. К., 2001. 136 с.
26. Крестьянников В.В. «Варфоломеевские» ночи в Севастополе в феврале 1918 г. // Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь, 2006. С. 200-207.
27. Крестьянников В.В. Классные медицинские чины Черноморского флота в Первой мировой и гражданской войнах // Вестник морского врача. 2007. № 3. С. 100-184.

28. Крестьянников В.В. Офицеры Черноморского флота – Георгиевские кавалеры I-й мировой войны // Память о прошлом: Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2007. С. 57-74.
29. Малиновская Е.С. К вопросу об иностранных консульствах в Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XII(V). Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузицина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. С. 64-79.
30. Малиновская О.И. Забытые могилы. К событиям русско-турецкой войны 1877-1878 годов в Севастополе // Вестник морского врача. 2012. № 11. С. 18-39.
31. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1999 / Сост. В.Н. Чуваков. – М., 2004. Т. 5: Н-П. 390 с.
32. Общий морской список (Печатано по распоряжению Морского министерства). Ч. 1-13. СПб., 1885-1907.
33. Памяти А.А. Фялковского // Крымский вестник. 1916, 31 декабря, № 336 (8985). С. 3.
34. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XLI. Таврическая губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. 309 с.
35. Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужское население Европейской России / А.Ф. Риттих. СПб.: А.А. Ильин, 1875. 364 с.
36. Русские врачи писатели с 1863 г. / Сост. Л.Ф. Змеев. СПб., 1889. Выпуск 4 и 5. 220 с.
37. Севастополь. Год 1920-й. Исход: Альбом. Симферополь, 2010. 352 с.
38. Севастополь по переписи 1886 и 1887 гг. Отчет о статистических исследованиях, произведенных в 1886-1887 гг. Севастопольским городским общественным управлением. Севастополь: Типо-литография Д.О.Харченко, 1888.
39. Севастополь: Энциклопедический справочник. – Севастополь: Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя; Симферополь, 2008. 1120 с.
40. Спесивцева Л.В. Римско-католический костел в Севастополе [Электронное издание] // Культура народов Причерноморья. 2003. № 46. С. 115-118. Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/Articles/Kultnar/knp46/knp46_115-118.pdf (проверено: 03.09.13).
41. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е января. СПб, 1885. 832 с.
42. Список генералов, штаб и обер-офицеров корпусов морского ведомства, чинов по адмиралтейству и числящихся по корпусам. Исправлено по 2-е июля. – СПб., 1905. – 857 с.
43. Список гражданским чинам Морского ведомства. Исправлено по 23 января. СПб., 1873. 529 с.
44. Список сестер милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебные учреждения Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Петроград, 1915. 924 с.
45. Список чинам корпуса инженер-механиков флота по старшинству. Исправлено по 2-е января. СПб., 1904. 477 с. + XII.
46. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений морского ведомства. Издание Статистического отделения Главного Морского Штаба январское 1914 года. СПб, 1914. 922 с.
47. Терещук Н.М. Медицинские работники первой половины XIX века в метрических книгах Государственного архива города Севастополя // Вестник морского врача. –2008. - № 5. – С. 34-41.
48. Хроника // Крымский вестник. 1916, 19 октября, № 270 (8919). С. 3.
49. Хроника // Крымский вестник. 1916, 2 ноября, № 283 (8932). С. 3.
50. Хроника // Крымский вестник. 1916, 18 декабря, № 327 (8976). С. 3.
51. Цывинский Г.Ф. Пятьдесят лет в Российском императорском флоте. СПб., 2008. 164 с.
52. Чверткин Е.И. Незабытый Севастополь. Севастополь, 2008. Ч. 2. 352 с.
53. Czerwiński J., Czerwińska M., Babnis M., Jankowski A., Sawicki J. Kadry Morskie Rzeczypospolitej. Tom II. Polska Marynarka Wojenna. Część I. Korpus oficerów 1918-1947. Gdynia: Wyd. Wyższa Szkoła Morska, 1996.
54. Dyskant J. W. Cuszima // Morze. 1989. № 1.
55. Machaliński Z. Admiraliowie Polscy 1919-1950. Warszawa: Wydawnictwo Bellona, 1993.
56. Trawicki L. Polacy na Rietwizanie // Morza, Statki i Okręty. 2004. № 3. S. 49.

Список сокращений

ГА АРК –	Государственный архив в Автономной Республике Крым
ГАГС –	Государственный архив города Севастополя
РГА ВМФ –	Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГАЛИ –	Российский государственный архив литературы и искусства

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛЯКОВ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА ПО ГРУППАМ ЗАНЯТИЙ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 ГГ. (ВЗРОСЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ)¹**

Группы занятий	Севастопольское градоначальство (без городов)		г. Севастополь		Балаклава		Севастопольское градоначальство	%
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего	27	2	2340	97	5	1	2472	100
Администрация, суд и полиция			12		1		13	0,53
Общественная и сословная служба	1		4				5	0,21
Частная юридическая деятельность			2				2	0,08
Вооруженные силы	3		1942				1945	78,7
Лица при церквях, клир и т.п., прислуга и сторожа при них	1						1	0,04
Учебная и воспитательная деятельность			1	6			7	0,3
Наука, литература и искусства				1			1	0,04
Врачебная и санитарная деятельность			17		1		18	0,73
Служба при благотворительных учреждениях					1	1	2	0,08
Деятельность и служба частной прислугой, поденщики	8	1	113	47			169	6,85
Доход с капитала и недвижимого имущества, средства родителей и родственников	1		16	5			22	0,9
Средства от казны, общественных учреждений и частных лиц			14	1			15	0,6
Лишенные свободы и отбывающие наказание			4				4	0,16
Земледелие	7	1	7		2		17	0,7
Добыча руд и копи			5				5	0,21
Обработка волокнистых веществ			1	2			3	0,13
Обработка животных продуктов			1				1	0,04
Обработка дерева	1		18				19	0,8
Обработка металлов			29				29	1,17
Обработка минеральных веществ (керамика)			1				1	0,04
Производства химические и связанные с ними			1				1	0,04
Винокурение, пиво и медоварение			1				1	0,04
Прочие напитки и бродильные вещества			2				2	0,08
Обработка растительных и животных продуктов питания			5				5	0,21
Полиграфическое производство и изделия из бумаги			3				3	0,13
Инструменты физические, оптические, хирургические, часы и игрушки			2				2	0,08
Изготовление одежды			26	7			33	1,34
Устройство, ремонт, содержание жилья и строительные работы	3		13	1			17	0,7

¹ [34, с. 192, 256-261].

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Производство экипажей и построение деревянных судов			2				2	0,08
Не вошедшие в предыдущие группы или неопределенные			8				8	0,33
Водные сообщения			7				7	0,3
Железные дороги	2		25				27	1,1
Извозный промысел			13				13	0,53
Почта, телеграф и телефон			2				2	0,08
Кредитные и общественные коммерческие учреждения			2				2	0,08
Торговое посредничество			2				2	0,08
Торговля вообще, без точного определения			5	1			6	0,25
Торговля зерновыми продуктами				1			1	0,04
Торговля остальными продуктами сельского хозяйства			1	2			3	0,13
Торговля предметами роскоши, наук, искусств, культа и т.д.			1				1	0,04
Торговля остальными предметами			1	1			2	0,08
Трактиры, гостиницы, меблированные комнаты и клубы			5	3			8	0,33
Торговля питейная			4	1			5	0,21
Чистота и гигиена тела.			2	8			10	0,41
Лица неопределённых занятий			7				7	0,3
Проституция				8			8	0,33
Лица, не указавшие занятия			1	2			3	0,13

**ПОЛЕВЫЕ ПОИСКОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОВЕДЕННЫЕ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ
ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ И ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В 2013 Г.**

Пастушенко Г.Г., Новиков А.А.

**Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя,
Филиал МГУ в городе Севастополе**

В декабре 2012 г. были начаты земляные работы, связанные со строительством многоквартирных жилых домов на земельном участке, расположенном по адресу: ул. Правды, 33, Гагаринский район города Севастополя. Земельный участок, который был отведен под строительство, – пустырь на пересечении улиц Правды и Пролетарской.

В результате работ, под поверхностью указанного земельного участка, были обнаружены человеческие костные останки, о чем, в соответствии с действующим законодательством [1], были уведомлены правоохранительные органы. Их сотрудниками было установлено, что обнаруженные костные останки не являются криминальным захоронением.

Дальнейшее обследование, проведенное в январе 2013 г. группой в составе ведущих научных сотрудников КУ “Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя” П.М. Ляшука, Ю.В. Падалки, старшего научного сотрудника КУ “Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя” А.М. Байбуртского и студента V курса историко-филологического факультета Филиала МГУ в г. Севастополе М.И. Тюрина, показало, что на территории земельного участка было расположено значительное количество погребений (13 зафиксированы только в бортах котлована I очереди строительства) на глубине 0,8 – 1,4 м от современной дневной поверхности. Три погребения были расчищены. Расчищенные погребения – одиночные, погребенные лежат на спине головой на юго-запад, в двух погребениях могильные ямы были перекрыты камнем. В одном из погребений, вместе со скелетированными останками, была обнаружена прослойка перегнившей ткани черного цвета толщиной 0,2 – 0,3 см, 6 пуговиц, типичных для обмундирования солдат пехотных линейных полков французской армии (5 больших круглых бронзовых штампованных пуговиц с цифрой “39” в центре и растительным орнаментом по краям и 1 малая круглая бронзовая штампованная пуговица с цифрой “11” в центре и растительным орнаментом по краям), 3 железных крючка для фиксации воротника (2 x 2 см), фрагмент кожи прямоугольной формы (3 x 3,7 см), фрагмент кожи овальной формы (2,7 x 3 см), в центре которого была нашита малая пуговица.

С целью комплексного изучения и сохранения погребений выявленного могильника, в мае 2013 года приказом генерального директора КУ “Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя” А.А. Рудометова была сформирована научно-исследовательская экспедиция, в состав которой вошли ведущий научный сотрудник, Заслуженный работник культуры Украины П.М. Ляшук, старший научный сотрудник А.М. Байбуртский, научный сотрудник О.В. Франк и внештатный научный сотрудник Г.Г. Пастушенко.

В работе экспедиции принимали участие и сотрудники других научно-исследовательских структур региона: исследования в области физической антропологии проводил кандидат исторических наук, заведующий отделом Биоархеологических исследований Национального заповедника “Херсонес Таврический” А.В. Иванов, георадарные исследования проводили заместитель заведующего кафедрой геоэкологии и природопользования факультета естественных наук филиала МГУ в г. Севастополе А.А. Новиков и младший научный сотрудник отдела Биоархеологических исследований Национального заповедника “Херсонес Таврический” В.В. Панченко.

Ряд камеральных работ в период с 30 сентября по 4 октября 2013 г. был выполнен научно-исследовательской экспедицией совместно с прибывшим из Франции специали-

стом Национального института превентивных археологических исследований (Institut national de recherches archeologiques preventives) Патрисом Жоржем.

Экспедицией с мая по июль 2013 г. был успешно проведен этап полевых поисковых исследований, по результатам которого выявленное массовое захоронение было идентифицировано как однослойный грунтовый могильник, датируемый периодом Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. Выявленные на этом этапе погребения являлись безинвентарными одиночными захоронениями (за исключением одного парного захоронения) с расстоянием между могилами в среднем от 1,5 до 2 м. В расположении захоронений была зафиксирована рядность.

Согласно результатам историко-архивных и библиографических исследований, проведенных П.М. Ляшуком, выявленное кладбище не могло относиться к какому-либо иному населенному пункту, кроме французского торгового поселения Камьеш, существовавшего в период с 1854 по 1856 гг., поскольку до 1854 г. местность, прилегающая к Камышовой бухте, не была заселена на протяжении столетий. Самые поздние стационарные постройки на побережье в районе местонахождения некрополя (до присоединения Крыма к России), датируются археологами V – VI вв. н.э. К 1854 г. земля у оконечности бухты находилась в частном владении, здесь располагались несколько хуторов, принадлежащих жителям Севастополя. На карте Военного ведомства 1854 г. на хуторах отмечены лишь небольшие участки обработанной земли без каких-либо значительных каменных построек. Следующий этап освоения указанной территории после Крымской войны относится к концу XIX – началу XX вв., и связан со строительством дачных и рыбацких поселков.

В 1854-1856 гг. Камышовая бухта являлась главной базой французских войск в Крыму: местом стоянки кораблей французской эскадры, куда прибывали пополнения, в бухте разгружались военные и торговые транспорты со всей Европы, снабжавшие войска необходимым, отсюда вывозились в Константинополь больные и раненые. До декабря 1854 г. в истоках Камышовой бухты французами был основан городок Камьеш, разделенный на улицы одноэтажными деревянными домами (часто они были сколочены из досок), в которых находились отели, лавки, почта, кафе, рестораны, и даже театр. Там же располагались бараки для приема больных и раненых, т.к. основные госпитали находились в Константинополе [2].

Расцвет городка пришелся на лето 1855 – май 1856 гг., в это время его население могло составлять несколько тысяч человек. Население не было постоянным. Жизнь в Камьеше практически прекратилась к моменту ухода французских войск (23 июня / 4 июля 1856 г.), к 16/28 августа остававшиеся в поселении 152 “иностранноподданных” человека были отправлены в Константинополь за счет русского правительства или помещены в “острог” как беспаспортные бродяги, а сам Камьеш, точнее, мусорные кучи на его месте, сожжены [3].

По мнению П.М. Ляшука, кладбище могло быть как госпитальным кладбищем французской армии, на котором хоронили тех больных, которые умерли, находясь в госпиталях и ожидая отправки в госпитали Франции и Турции, так и кладбищем торгового поселения Камьеш, находившегося неподалеку, а равно и смешанным кладбищем. Что же касается погребения на кладбище человека, одетого в шинель солдата 39-го линейного пехотного полка, то им мог быть как реальный солдат этого полка, так и любой другой житель Камьеша. Шинель могла быть украдена, выброшена по сохранности и пр. П.М. Ляшук отметил, что 39-й полк оставил Камьеш 02/15 декабря 1855 г. и был заменен 11-линейным полком, прибывшим из Франции.

По результатам исследований в области физической антропологии, проведенных А.В. Ивановым, общее количество зафиксированных останков на момент окончания этапа полевых поисковых исследований составляло 102 индивида. Подавляющее количество погребенных – мужчины молодого и зрелого возраста, с явным преобладанием молодой (adultus) возрастной категории, исходя из анализа сохранившегося краниологического материала, старшие возрасты составляли едва ли пятую часть выборки. В общем массиве материала число определяемых останков, принадлежавших женщинам, по-видимому, не превышает 4-х индивидов. Уверенно было определено одно погребение, содержавшее череп и посткраниальный скелет, один череп в выборке материала из разрушенных погребений.

ний и в двух случаях морфология костей конечностей также из разрушенных погребений не исключают их принадлежности лицам женского пола. Выборка также содержала единичные останки, принадлежавшие индивидам младших возрастных групп — inf. II — juvenis. Среди разрозненных костных останков было зафиксировано два сохранивших сегментированность крестца и некоторое количество грацильных длинных костей конечностей с несформированными синостозами эпифизов длинных костей. Общее количество индивидов данных возрастных групп оценить было проблематично, вероятно, не более 3.

Явные патологические изменения на костях черепов и посткраниального скелета единичны, в двух случаях удачно заживленные переломы костей верхних конечностей, один случай старого перелома носовых костей, слабые патологические проявления заболеваний суставов круга артритов – артрозов. Несколько необычным представляется относительно хорошее состояние зубной системы основной части погребенных. Из аномалий костей посткраниального скелета следует отметить несколько случаев неестественной изогнутости бедренных (3 левых и 1 правая) и б. берцовых (2 левых) костей, возможно, связанной с длительной практикой конной езды, однако развитие б. шероховатости бедренной кости во всех случаях особенно не выделяется в сравнении с остальным материалом. Согласно выводам А.В. Иванова, в целом краниологическую серию следует рассматривать как европеоидную, относительно грацильную и весьма разнообразную морфологически, исходя из характеристик черепной коробки и лицевого отдела. Представляется, что половозрастная структура исследуемой выборки с большой долей вероятности может представлять санитарные потери некоего воинского контингента.

Исследование границ могильника проводилось А.А. Новиковым и В.В. Панченко с помощью георадарного комплекса ОКО-2, включающего в себя антенный блок АБ-400 (излучатель+приемник), работающий на частоте 400 мгц, и блок управления. В качестве регистрирующего устройства, а также для обработки полученной информации использовался ноутбук с предустановленным на него ПО GeoScan. Данная конфигурация позволяла получить приемлемую разрешающую способность по вертикали (до 10 см) при заданной глубине зондирования (до 2 м).

Весь исследуемый полигон был разбит на 3 участка, кроме того, на юго-западном краю котлована II очереди строительства, в районе частично вскрытых грунтовых погребений, была проведена калибровка прибора (данная процедура была необходима для определения диэлектрической проницаемости подстилающих пород – критически важного параметра для дальнейшей работы), и отработана методика выявления аномалий сигналов, связанных с вероятными захоронениями.

В результате проведенных исследований зондирующим геолокационным комплексом были уточнена нижняя граница возможных захоронений, соответствующая глубине залегания скальных грунтов, проведен поиск аномалий, характерных для погребений.

Актуальность исследований, проведенных научно-исследовательской экспедицией, заключалась в сохранении и изучении вновь выявленного исторического объекта, относящегося ко времени одного из крупнейших вооруженных конфликтов XIX века, вошедшего в историю под названием Восточной, или Крымской войны, когда под стенами Севастополя решалась судьба и фактически будущее Европы.

Практическая значимость проведенного научно-исследовательской экспедицией комплекса работ состоит в том, что впервые в административных границах города Севастополя, при изучении объекта периода Крымской (Восточной) войны, применялась методика полевых исследований, принятая и используемая Институтом археологии Национальной Академии Наук Украины. Исследования осуществлялись в условиях параллельного проведения строительных работ. Впервые в условиях жестких временных ограничений и непрерывного разрушительного антропогенного влияния на ландшафт, были успешно выполнены охранно-спасательные мероприятия с целью предотвращения разрушения исторического объекта.

Научная новизна комплекса работ, проведенных экспедицией, состоит в том, что впервые в регионе такой объект исследовался с помощью георадарного комплекса, применявшегося для установления границ могильника и точной локализации погребений. В

результате исследований, проведенных авторами настоящей статьи, была уточнена нижняя граница могильника, что позволило значительно сократить время обследования исторического объекта и обеспечить его успешное изучение в максимально сжатые сроки.

В свете осуществленного научно-исследовательской экспедицией комплекса работ, направленных на сохранение и изучение исторического объекта, находящегося под поверхностью земельного участка, на котором ведутся строительные работы, интересен и зарубежный опыт в области сохранения исторических объектов от угрозы разрушения в результате антропогенного воздействия на ландшафт. В составе экспедиции работал представитель Национального института превентивных археологических исследований, который был создан в 2002 году с целью выявления и изучения археологического наследия на территориях, затронутых строительными работами и развитием инфраструктуры [4].

Выделяемая французскими исследователями в отдельную дисциплину превентивная археология является частью археологической науки и жизненно необходима, когда развитие территории может изменить или уничтожить ценный культурный слой. При законодательной поддержке археология интегрируется в проекты по развитию территорий, что делает возможным выявление, изучение и охрану выявленных остатков жизнедеятельности человека. В настоящий момент превентивная археология составляет 90 % всей археологической активности во Франции [5]. Подобная проблематика археологических исследований актуальна и для стран СНГ.

Перспективы развития Севастополя как курортной зоны и связанное с этим активное строительство в севастопольском регионе, имеющем богатую историю, делают актуальным опыт работы экспедиции, который может быть использован в аналогичных условиях.

Источники и литература.

1. Закон України "Про поховання і похоронну справку" № 1102-IV від 10.07.2003 р. [Электронный ресурс] // Сайт "Верховна Рада України. Офіційний веб-портал". Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1102-15>
2. Ляшук П.М. Французская армия под Севастополем: трудности службы и лагерного быта// Достойный поклонения. Восточная (Крымская) война 1853 – 1856 гг.: Первая героическая оборона Севастополя. Севастополь, 2005. С. 97-98.
3. Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны по архивным данным. Симферополь, 1994. С. 216-220.
4. A mission of research and diffusion — Preventive Archaeology in France [Электронный ресурс] // Сайт "INRAP. Institut national de recherches archeologiques präventives". - Режим доступа: <http://www.inrap.fr/preventive-archaeology/Inrap/Mission/Missions-Institution/p-1667-lg1-A-mission-of-research-and-diffusion.htm>
5. Definition — Preventive Archaeology in France [Электронный ресурс] // Сайт "INRAP. Institut national de recherches archeologiques präventives" // Режим доступа: <http://www.inrap.fr/preventive-archaeology/Preventive-Archaeology/Definition/p-1385-lg1-Definition.htm>

РИСУНОК ИЗ АЛЬБОМА П. И. ГОЛЛАНДСКОГО («ДОМ, ГДЕ ЖИЛА МАДАМ ДЕ ЛА МОТТ», И ВОСПОМИНАНИЯ БАРОНЕССЫ М. А. БОДЕ)

ПЕТРОВА Э. Б.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

«Жизнь ничего не дает бесплатно, и всему, что преподносится судьбой, тайно определена своя цена».

Стефан Цвейг «Мария Антуанетта» (1932 г.)

Тему этой публикации навеял мне рисунок из альбома Павла Ивановича Голландского (1861–1939), известного крымского архитектора, художника, археолога, реставратора, педагога. Этот альбом с карандашными рисунками, представляющими виды и архитектурные памятники Крыма, в 1971 г. передала в Крымский областной краеведческий музей (ныне Центральный музей Тавриды) вдова П.И. Голландского [ЦМТ. КП-13894]. (Мой интерес к живописным произведениям Павла Ивановича вылился в работу над книгой, посвященной жизни и творчеству этого замечательного человека, увидевшей свет в 2013 г. и приуроченной к 150-летию со дня рождения П.И. Голландского и к 90-летию Центрального музея Тавриды [См.: 9]). Рисунки датированы июнем-августом 1927 г. и июлем 1932 г., они сделаны Павлом Ивановичем во время его деловых поездок по городам и поселкам полуострова с целью выявления памятников архитектуры, нуждавшихся в охране, ремонте и реставрации (многие из воспроизведенных им произведений зодчества в те времена находились в ведении или на учете Крымохриса и Главнауки – организаций, в которых Голландский работал).

Среди привлечших его внимание старых построек была одна, явно не представлявшая никакой художественной ценности, но интересная с точки зрения исторической, и он ее зарисовал, оставив потомкам память о жизни в Крыму «мадам де Ла Мотт» [ЦМТ. КП-13894, л. 7] – знаменитой французской авантюристки, прославившейся благодаря скандалу с кражей бриллиантового ожерелья королевы Франции Марии Антуанетты, супруги Людовика XVI, скандалу, вызвавшему бурное обсуждение в литературе – главным образом, художественной и публицистической. Широкой читающей публике неблагоприятная биография графини известна из романов Александра Дюма «Ожерелье королевы» и «Три мушкетера», Стефана Цвейга «Мария Антуанетта», а также из произведений других известных писателей.

Голландский запечатлел в своем альбоме весьма убогое жилище француженки Жанны де Ла Мотт-Валуа-Гаше в маленьком городе Старый Крым, до нашего времени не сохранившееся, но, как это ни удивительно, еще существовавшее в 1927 г. В Старом Крыму Павел Иванович бывал неоднократно и оставался там подолгу в связи с работой в крупнейшей по тем временам этнографо-археологической экспедиции 1925–1926 гг., организованной Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения совместно с Бахчисарайским музеем при поддержке КрымЦИК, КрымСНК и Крымнаркомпроса; экспедицию возглавлял заведующий историко-этнологическим отделом ассоциации востоковедения, член Российского общества по изучению истории Крыма профессор И.Н. Бороздин. Эти исследования были продолжены в 1928 г. В обязанности П.И. Голландского входили обмеры, планы, зарисовки наиболее значительных архитектурных сооружений средневекового Солхата: караван-сарая, мечети Бейбарса, мечети Куршум-Джами (или Свинцовой), так называемой мечети золотоордынского хана Узбека и примыкающего к ней медресе (мусульманского духовного училища). И.Н. Бороздин отмечал: «Проблемы солхатской архи-

тектуры на основании данных экспедиции разрабатываются профессором П.И. Голландским» [2, с. 23, прим. 1].

По экспедиционным делам Павлу Ивановичу приходилось выезжать в Старый Крым и в 1927 г. 12 июня этого года он зарисовал в своем альбоме архитектурные детали из раскопок мечети Узбека и медресе и, надо полагать, тогда же – дом, в котором жила графиня де Ла Мотт под именем де Гаше (урожд. Сен-Рени; 1756–1826) [ЦМТ. КП-13894, л. 5–7; 9, с. 40–41, 66–68, рис. 5–7]. Этот рисунок для нас ценен, так как о нем, насколько мне известно, не упоминал никто из авторов многочисленных статей и книг с рассказами о графине и крымском периоде ее жизни (ничего удивительно в этом нет, ведь альбом Голландского хранится в музейных фондах, известен очень ограниченному кругу специалистов, и лишь в 2013 г. был мною опубликован [9, с. 62–89, рис. 1–28]).

История жизни княгини, как она обычно излагается в литературе (впрочем, мнения авторов не всегда сходятся, в особенности относительно ее жизни в России, в частности в Крыму), в конспективном изложении выглядит примерно так. Жанна, «бедная сиротка из дома Валуа» (так она сама себя называла), жена жандармского офицера Николая де Ла Мотта, оказавшись в Париже, сумела найти подходы ко двору короля Франции Людовика XVI, но была замешана в мошенничестве с безумно дорогим ожерельем Марии Антуанетты. Судебное разбирательство 1785–1786 гг. завершилось заключением графини в Бастилию, наказанием ее кнутами и клеймением предплечья «королевской лилией». Из тюрьмы она вскоре ухитрилась бежать, пряталась, через некоторое время появилась в Лондоне и якобы умерла там в 1791 г. – умерла для того, чтобы спустя несколько лет появиться в свете под другим именем – она стала графиней де Гаше (по фамилии ее второго мужа).

Совершив еще не одну аферу, уже в немолодом возрасте, графиня принимает решение навсегда покинуть небезопасную для нее Европу, уезжает в Россию, куда в те времена устремилось немало французских эмигрантов, и даже ухитряется получить российское подданство (по свидетельству М.А. Боде, это произошло в 1812 г. [1, с. 128]). Живет в Санкт-Петербурге, заводит знакомства. Среди тех, с кем она была наиболее дружна, – англичанка Мария Бирх (Бирч; урожд. Казале), бывшая придворной дамой в свите императрицы. Но и тут вскоре начали поговаривать, что графиня не та, за кого себя выдает. Ей довелось беседовать с Александром I, после чего осторожный император, не рискуя оставлять в столице француженку с загадочной (а вернее – скандальной) биографией, назначил местом ее жительства Крым, в те времена мало еще кому известный и в России, и тем более в Европе.

Трудно сказать, все ли достоверно в этой истории, но вот крымский период жизни некой графини де Гаше (в прошлом де Ла Мотт-Валуа? Над доказательством тождества между графиней де Гаше и графиней де Ла Мотт-Валуа в свое время немало потрудился Луи Алексис Бертрен, вице-консул в Феодосии, писатель и историк, автор сочинений «Графиня Ла Мотт-Валуа, ее смерть в Крыму» (1899) и «Героиня процесса “ожерелье королевы”» (1902) [См.: 13, а также: 7; 4]) весьма реалистично описан в мемуарной литературе. Хотя, нужно признать, рассказы мало отличаются друг от друга, что наводит на мысль о легенде, сложившейся в Крыму вскоре после смерти графини.

Весной 1824 г. Жанна де Гаше отнюдь не по собственной воле отправляется из Петербурга в далекое путешествие в составе большой миссионерской экспедиции, возглавляемой княгиней Анной Сергеевной Голицыной (урожд. Всеволожская) и баронессой Варварой-Юлианой фон Крюденер (урожд. Фитингоф), проповедницей и прорицательницей, оказавшей, как обычно отмечалось авторами мемуарной литературы, существенное влияние на религиозные и политические воззрения императора Александра I, обладательницей громкой, впрочем, мимолетной славы в Европе и России. Княгиня и баронесса намеревались основать в Крыму колонию, дабы активно распространять христианскую веру в этом сравнительно недавно приобретенном Россией крае. Графиню же миссионерская деятельность мало интересовала, ее присутствие в экспедиции пиетистов было случайным.

Путешественники прибыли в Крым в августе 1824 г. Баронесса Крюденер не успела выполнить свою миссию – она умерла уже в конце этого года и была похоронена на армянском кладбище в Карасубазаре (ныне г. Белогорск) [См.: 6]. Де Гаше прожила на полуострове тоже

недолго. Сначала она обосновалась в Кореизе, в имении княгини А.С. Голицыной, затем на короткое время – в Гурзуфе (где жила в маленьком доме, находившемся на территории нынешнего «Артека»). Последним пристанищем для нее стал небольшой наёмный дом в Старом Крыму, в котором она жила со своей служанкой из местных армян. Его-то и изобразил в своем альбоме П.И. Голландский столетие спустя после смерти графини.

Некоторые небезыңтересные детали из жизни де Гаше в Старом Крыму и дом, в котором она поселилась, довольно подробно и ярко были описаны баронессой Марией Александровной Боде (Розен, впоследствии игуменья Митрофания) в ее воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русский архив» в 1882 г. (вскоре после смерти баронессы в 1878 г.) и дополненных записками Храповицкого с рассказом об ожерелье Марии Антуанетты, а также Луи Бертреном (под псевдонимом Луи де Судак), опиравшимся на рассказы крымских старожилов и имевшиеся в его распоряжении письменные свидетельства [См.: 1, с. 123–129; 15, с. 130–132; 13].

Мария Александровна была дочерью барона Александра Карловича Боде – личности, известной многим в Крыму и за его пределами. Большое семейство Боде, судя по всему, неплохо знало Жанну де Гаше, хотя и было с ней знакомо, в общем, недолго. Скорее всего, из-за семьи Боде графиня и переехала в Старый Крым, стремясь найти в чужом для нее крае людей для общения.

Наиболее полное из недавно опубликованных исследований, посвященных жизни барона А.К. Боде в Крыму, принадлежит А.Д. Тимиргазину [См.: 14, с. 169–178. См. также: 8, с. 159–160]. Александр Карлович Боде (1780–1855) был сыном французского эмигранта, имевшего российское подданство и получившего от Екатерины II два поместья – в Херсонской губернии и в Крыму. Один из его четырех сыновей – Карл, приняв православие, стал именоваться Александром. Александр Карлович владел прекрасным садом и хорошим каменным домом в Старом Крыму, землями в Судаке и Судакской долине. Он серьезно занимался садоводством и виноградарством, в 1924 г. был назначен смотрителем училища виноделия в Судакe и всего себя посвятил любимому делу. Публиковал статьи по сельскому хозяйству.

А еще барон писал стихи. У него было много друзей, в том числе люди известные. Общение с ним и его семьей было интересным и приятным. Путешествовавший по Крыму в 1825 г. Павел Петрович Сви́ннин, издатель журнала «Отечественные записки», вспоминал о своем посещении Судака: *«Здесь познакомился я с бароном Александром Карловичем Боде, директором казенного сада. Он человек с большими сведениями по части виноделия, и нет сомнения, что в скором времени доведет сие заведение до образцового, в то же время почтенное семейство его может послужить образцом гостеприимства»* (Цит. по: [14, с. 170]). Последнее для нас важно, так как гостеприимство семьи Боде по отношению к француженке де Гаше, кажется, было беспредельным. Она это прекрасно осознавала, но, к сожалению, не умела должным образом ценить.

Мария Александровна Боде графиня запомнилась так: *«Я была еще очень молоденькой девочкой, когда вся эта компания приезжала к моим родителям, но и живо помню всех их: и сухую, грозную княгиню Голицыну, и нежную блондинку баронессу Беркгейм (дочь баронессы Крюденер. – Э.П.), но более всех графиню де Гаше... я как теперь вижу старушку среднего роста, довольно стройную, в сером суконном рединготe (сюртук, длинный пиджак прилегающего силуэта. – Э.П.). Седые волосы ее были прикрыты черным бархатным беретом с перьями; лицо, нельзя сказать кроткое, но умное и приятное, украшалось живыми блестящими глазами. Она говорила бойко и увлекательно изящным французским языком. С родителями моими она была чрезвычайно любезна, со своими спутницами насмешлива и резка, а с несколькими бедными французами своей свиты, которые раболепно прислуживали ей, повелительна и надменна без всякой деликатности. Многие переешепывались об ее странностях, намекали, что в судьбе ее есть что-то таинственное. Она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок; иногда она даже любила возбуждать их, будто не нарочною обмолвкой с людьми образованными, а легковесных и простых местных жителей нарочно сама запутывала таинственными намеками. О графе Калиостро, о разных личностях двора Людовика XVI говорила она как о*

людях своего знакомого кружка, и долго каждый разговор ее переходил из уст в уста и служил темой для догадок и толкований» [1, с. 125].

Жанна де Гаше поселились в глуши, и это ей, графине, француженке со столь богатой биографией, повидавшей немало блестящих европейских столиц, совсем не нравилось. Да, Старый Крым тогда мало напоминал город. Для Луи Бертрен он по тем временам был деревней и *«просто хутором, заселенным армянами»* [13, с. 11, 14]. Анатолий Николаевич Демидов, побывавший здесь во время своего путешествия, совершенного в 1837 г., констатировал: *«От этого города, некогда первенствовавшего в Крыму, остались лишь незначительные развалины, в которых поселилось несколько болгарских выходцев. Эти люди живут здесь среди разрушенных мечетей, бань, городских укреплений и могил. Город был, кажется, хорошо укреплен: мы видели здесь много обрушенных башен; ров, простиравшийся вокруг стен, и до сих пор не засыпан. Одна баня и одна мечеть еще уцелели (имеется в виду т. н. мечеть золотоордынского хана Узбека, ныне отреставрированная и являющаяся действующей. – Э.П.), хотя обе очень повреждены от времени. И та, и другая, по-видимому, отличались особенным великолепием»* [См.: 5, с. 468; 10, с. 213].

Мало того, что графиня жила в таком Богом забытом месте, ей еще приходилось уютиться в маленьком неказистом домишке. М.А. Боде называет его землянкой, находившейся рядом с садом барона, а Луи Бертрен, ссылаясь на воспоминания француженки Ларгье, – простым крестьянским домиком в деревне Старый Крым [См.: 1, с. 126; 13, с. 11]. Конечно, Жанна де Гаше мечтала о более приличном жилище, пусть даже в столь далеком от цивилизации крае. Она, как свидетельствует баронесса Боде, намеревалась купить у ее отца их сад, в котором было много фруктовых деревьев, орехов, великолепных роз и хороший дом (место это весьма примечательное: некогда оно принадлежало крымским ханам, в нем якобы сохранились развалины Монетного двора, где можно было найти древние монеты, кувшины, а в подземелье, по слухам, был зарыт клад [См.: 1, с. 125–126]. Барон продавал имение в Старом Крыму, так как намеревался перебраться с семьей в Судак), но не сошлась с бароном в цене, обманывала его и затягивала решение дела так, что он долго не мог найти покупателя его имения. Дело закончилось тем, что, тяжело заболев и предчувствуя скорую кончину, графиня написала Александру Карловичу письмо, в котором раскаивалась в причиненном ему убытке, просила ее простить и принять *«в знак дружбы и вознаграждения несколько вещей на память»* и *«прекрасную библиотеку»* [1, с. 126–127]. Их отношения наладились и даже стали дружественными. Когда семья Боде переехала в Судак, барон навещал графиню в Старом Крыму, подолгу с ней беседовал, *«был очарован ее разговорами, полными наблюдательности, знания света и нечуждыми некоторой таинственности»* [1, с. 127].

Жизнь в Старом Крыму была скучной и однообразной. Едва ли не единственным развлечением графини было посещение семейства Боде да гуляние по их саду. А когда Боде перебрались в Судак, де Гаше решила последовать за ними, попросив барона подыскать ей в Судаке подходящий, но недорогой домик с садом, за что обещала сообщить ему много полезных и интересных сведений, помогать его жене по хозяйству, а главное – заниматься образованием их дочери Марии (автора интересующих нас воспоминаний), которой в скором времени предстояло возвращаться в свете. Однако этим планам не суждено было осуществиться: графиня тяжело заболела, и в мае 1826 г. умерла в Старом Крыму (где прожила немногим больше года), предварительно предав огню все свои бумаги и оставив завещание, в котором назначила барона Боде своим душеприказчиком.

По словам служанки, перед смертью де Гаше *«запретила трогать свое тело, а велела похоронить себя, как была; говорила, что тело ее потребуют и увезут, что много будет споров и раздоров при ее погребении»* [1, с. 128]. Ничего этого, однако, не случилось: ее похоронили на армянском кладбище в Старом Крыму, *«а надгробный камень, – пишет М.А. Боде, – не тронут доныне»* [1, с. 128]. Имущество почившей, среди которого оказалось четыре шкатулки, описали; одним из тех, кто выполнял это дело, был барон А.К. Боде.

Служанка рассказала об одной странности своей госпожи: она всегда одевалась сама [См.: 1, с. 128]. Филипп Филиппович Вигель, керченский градоначальник в 1826–1828 гг., знавший все и вся не только в Крыму, но едва ли не во всей России, в своих «Записках»

рассказывал, что за госпожой Крюденер последовала в Крым *«одна примечательная француженка»*: она *«никогда не снимала лосиной фуфайки, которую носила на теле, и требовала, чтобы в ней и похоронили ее. Ее не послушались, и оказалось по розыскам, что это жившая долго в Петербурге под именем графини Гашет сеченая и клейменная Ламотт, столь известная до революции (Французской революции 1789–1794 гг. – Э.П.), которая играла главную роль в позорном процессе о королевском ожерелье»* [3, с. 1146].

Служанка все-таки омыла тело усопшей графини и *«заметила на спине ее два пятна, очевидно, выжженные железом»*, что *«подтверждало догадки, – пишет М.А. Боде, – потому что графиня Ламотт, как известно, была осуждена на клеймение и, сколько ни билась в руках палача, но приняла позорное клеймо, хотя и неясно»* [1, с. 128].

Вскоре от графа А.Х. Бенкендорфа, шефа жандармов и Главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в Старый Крым прибыл курьер *«с требованием ее (графини де Гаше. – Э.П.) запечатого ларчика, который был немедленно отправлен в Петербург»*. Далее у М.А. Боде: *«губернатор (тогда должность Таврического гражданского губернатора исполнял князь Дмитрий Васильевич Нарышкин. – Э.П.) сказал моему отцу, что имел поручение наблюдать за этою женщиною и что она точно была графиня Ламотт-Валуа, укрывшаяся в России»* [1, с. 128].

В своем завещании де Гаше поручала А.К. Боде продать ее имущество и отослать вырученные средства во Францию, в город Тур, некоему Лафонтену (то ли родному брату де Гаше, то ли опекуну ее детей (См. об этом: [11, с. 302–303])). В переписке с бароном Лафонтен называл графиню своей *«почтенною родственницею»*, но не упоминал ее настоящего имени. Боде выполнил завещание, однако ни он, никто другой, кто вместе с ним обыскивал в доме де Гаше шкапулки и потайные ящики, перелистывал книги, не смог найти каких-либо документов, которые открыли бы тайну почившей графини [1, с. 129].

Известный крымский ученый Арсений Иванович Маркевич полагал, что *«как правительство, так и высшая местная администрация знали, что под именем графини Гаше проживает в Крыму более знаменитая особа, и следили за ней, не стесняя ни в чем ее образа жизни. Но окружавшие ее лица и в Крыму, как и в Петербурге, полагали, что графиня Гаше – простая эмигрантка, жертва революции»* [7, с. 223–224].

Маркевич, вслед за Бертреном, сообщает некоторые интересные подробности о той ситуации, которая сложилась после смерти графини, опираясь на документы из архива Канцелярии Таврического губернатора [13, с. 65; 7, с. 225–230]. Это дело (на 40 листах) *«Об отыскании в имуществе покойной графини Гашет темно-синей шкапулки»*. Эта-то шкапулка более всего интересовала петербургские и местные власти: искали бумаги, *«кои заслуживают особенное внимание правительства»* (а быть может, еще и бриллианты из ожерелья королевы Франции). В деле имеется отношение барона И.И. Дибича, начальника штаба Его Императорского Величества, от 4 августа 1826 г., отправленное из Москвы Таврическому гражданскому губернатору князю Д.В. Нарышкину. В нем говорится о необходимости передать шкапулку *«в таком виде, в каком она осталась по смерти графини Гашет»*, нарочно, который прибудет от Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора. В Судакке нарочно вручили две шкапулки (обе графиня завещала своей петербургской приятельнице Марии Бирх), но бумаг в них не оказалось. Заподозрили их хищение – подозреваемым оказался в первую очередь барон Боде. Началось долгое расследование, в общем, ни к чему не приведшее. Но то, что содержимое шкапулок так интересовало центральные и местные власти, более того – самого императора, говорит и о важности искомых документов, и об особом статусе их обладательницы.

Итак, графиню де Гаше похоронили в Старом Крыму на армянском кладбище, ныне уже не существующем. Могила не сохранилась, но предполагаемое место захоронения графини и сейчас показывают местные жители. Есть фотография надгробия, некогда венчавшего могилу. Надгробие описано Людвигом Петровичем Колли, заведовавшим Феодосийским музеем древностей в 1900–1917 гг. Фотографию надгробия можно увидеть, например, в Старокрымском литературно-художественном музее.

Л.П. Колли проявлял интерес к старым захоронениям известных людей, живших и умерших в Крыму. Такие захоронения он искал совместно со своим другом Луи Бертреном

(Рис. 9). Людвик Петрович согласился с предположением Бертрена, что де Гаше – не кто иная, как графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа. Два десятка лет Колли и Бертрэн искали могилу графини и нашли ее в июне 1913 г. Вениамин Давидович Гейман, ученик Колли и его преемник по заведованию музеем, вспоминал, как Колли и Бертрэн произвели *«тщательный осмотр разрытой в Старом Крыму на армянском кладбище необычной могилы, признанной обоими за место упокоения Жанны де Ламот – графини де Гаше»* [4, с. 169].

Л.П. Колли сообщает в Таврическую ученую архивную комиссию (ТУАК) о результатах своих поисков, и в протоколе заседания ТУАК от 25 сентября 1913 г. появляется пространная запись: *«Доложено отношение земского начальника 3-го участка Феодосийского уезда от 6 июня 1913 г. за № 278 с уведомлением, что в городе Старом Крыму, в ограде армянской церкви, была найдена могила с плитой на ней, в которой, по некоторым догадкам, была похоронена известная “французская авантюристка, именовавшая себя графиней де Ламотт”. В связи с этим донесением земского начальника доложено письмо Л.П. Колли к председателю Комиссии, посвященное той же находке. Л.П. Колли пишет, что 7-го июня к нему явился староста армяно-григорианской церкви г. Старого Крыма г. Бенклиев и, предъявив фотографический снимок надгробия, заявил, что он открыл надгробную эпитафию и могилу г-жи де Ламот Валуа. На другой день г. Колли совместно с г. Бертреном отправились в Старый Крым, чтобы осмотреть ту могилу, которую они оба тщательно искали в течение более 20 лет. “На месте, – говорит Колли, – приняв во внимание положение могилы по отношению к зданию церкви, согласно литературным данным, наружный вид камня и замысел рисунка скульптуры, отличающие совершенно от всех окружающих его на кладбище надгробий, мы пришли к заключению, что если этот камень не есть надгробие над могилой г-жи де Гаше, то, ввиду исключительной отделки его среди его многочисленных соседей, многое заставляет предполагать, что это действительно надгробие, которое мы так долго и часто искали”. Далее Л.П. Колли говорит, что плита была на аршин покрыта землей; несмотря на все старания, нельзя было даже установить, каким шрифтом были написаны буквы эпитафии и представляют ли они из себя монограмму или целую фамилию; одно установлено точно, что буквы, безусловно, не армянские. На камне нет никакой даты. Нижняя половина плиты вся почти занята щитом, очевидно, предназначенным для подписи, но он так и остался совершенно гладким. Выше – неясные буквы или монограмма в венке стиля гроссо, а еще выше – ваза с высеченными акантовыми листьями и орнаментом грубой работы. Наверху плиты небольшой крест. На вопрос Л.П. Колли, следует ли делать раскопку могилы, председатель Комиссии ответил, что это следует сделать, с чем согласился и г. Бертрэн. Между прочим, Л.П. Колли высказывает догадку, что о существовании могилы старокрымское население, вероятно, знало давно, и могила, наверное, была уже вскрыта искателями драгоценностей г-жи Гаше. По крайней мере, сам староста церкви г. Бенклиев признался, что о месте нахождения надгробия г-жи Гаше он знал три года тому назад и тогда же приказал сторожу зарыть найденную плиту: “он был, наверно, уверен, что этот камень (антик) имеет великую цену, не подозревая, что эта ценность чисто научная”. Г. Колли распорядился закрыть плиту досками в предупреждение порчи ее. К письму г. Колли приложил фотографический снимок найденного надгробия, который председатель Комиссии передал в музей Комиссии»* [11, с. 300–301].

Далее следует сообщение председателя ТУАК А.И. Маркевича о личности госпожи де Гаше, базирующееся на материалах дела Таврического губернского архива за 1827 г. («По предписанию Управляющего Министерством Внутренних Дел. С препровождением просьбы иностранки Марии Бирч о должных ей умершею графинею де Гашет 20 тыс. рубл.») и сведениях Л. Бертрена, добытых им в архиве французского консульства в Одессе [См.: 11, с. 301–304; 12, с. 336–338].

Кстати сказать, Колли и Бертрэн занимались также поисками могилы Варвары-Юлианы Крюденер. Чтобы проверить разные версии о месте захоронения баронессы, они в 1910 г. побывали на кладбищах в Кореизе и Карасубазаре. На армянском кладбище в Карасубазаре Людвигу Петровичу пришлось *«проникнуть ползком в мрачное подземелье»*

– склеп генерала Шица с тремя гробами, в одном из которых, по мнению Колли, и могли находиться останки баронессы [6, с. 220].)

Вот такая, можно сказать, детективная история почти два столетия тому назад произошла в Старом Крыму – история, благодаря которой городок на далекой южной окраине Российской империи приобрел едва ли не мировую известность. И воспоминания баронессы Марии Александровны Боде, которые мы теперь можем сопроводить рисунком Павла Ивановича Голландского, изобразившего старокрымский дом графини де Гаше, сыграли в этом далеко не последнюю роль.

Источники и литература.

1. [Боде М.А.] Из воспоминаний баронессы М.А. Боде // Русский архив. М., 1882. № 3.
2. Бороздин И.Н. Солхат. М., 1926.
3. Вигель Ф.Ф. Записки: в 2-х кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2.
4. Гейман В.Д. Луи Бертрен: Некролог // ИТУАК. 1919. № 56.
5. [Демидов А.Н.] Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. М.: В тип. А. Семана, 1853.
6. Колли Л.П. Могила баронессы Крюденер в Крыму // ИТУАК. 1912. № 48.
7. Маркевич А.И. К биографии графини де Ла Мот Валуа-Гаше // ИТУАК. 1912. № 48.
8. Петрова М.М. Путешествие по Крыму А.М. Фадеева // Пилигримы Крыма-98: Материалы Междунар. науч. конф. Симферополь, 1998.
9. Петрова Э.Б. Павел Иванович Голландский и его крымская эпопея. – Феодосия: ИД «Коктебель»; Симферополь: Н.Оріанда, 2013. 120 с., ил.
10. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Н.Н. Мурзакевич, А.Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н.В. Гоголя). Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.
11. Протокол заседания ТУАК 25 сентября 1913 г. // ИТУАК. 1913. № 50.
12. Протокол заседания ТУАК 3 сентября 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51.
13. Судак де Луи [Бертрен Л.А.]. Героиня процесса ««Ожерелье королевы» // Луи де Судак. Фернан де Мели. Альфред Рамбо. Французские путешественники в Крыму: XIX век / Пер. с франц. Г.И. Беднарчика. Симферополь: Н.Оріанда, 2013.
14. Тимиргазин А.Д. Смотритель Судакского училища виноградарства и виноделия барон Александр Карлович Боде // Воронцовы и русское дворянство: Между Западом и Востоком. Сб. науч. статей и докладов. Симферополь: Н.Оріанда, 2012.
15. [Храповицкий] По поводу воспоминаний баронессы Боде [Записки Храповицкого. Процесс королевины ожерелья] // Русский архив. М., 1882. № 3.

Сокращения

Главнаука –	Главное управление научными, музейными, учебными и научно-художественными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР
ИТУАК –	Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)
Крымнаркомпрос –	Крымский народный комиссариат просвещения
Крымохрис –	Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников искусства, истории, старины и народного быта
КрымСНК –	Крымский Совет народных комиссаров
КрымЦИК –	Крымский Центральный исполнительный комитет
ТУАК –	Таврическая ученая архивная комиссия (Симферополь)
ЦМТ –	Центральный музей Тавриды (Симферополь)

Рис. 1. Павел Иванович Голландский. Фото 1910-х гг.

Рис. 2. П.И. Голландский. Старый Крым. Дом, где жила мадам де Ла Мотт, известная по истории с ожерельем королевы Марии Антуанетты. 1927 г. (ЦМТ)

Рис. 3. Графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа-Гаше

Рис. 4. Графиня Жанна де Ла Мотт-Валуа-Гаше

**Рис. 5. Предполагаемое место захоронения графини де Гаше в Старом Крыму.
Фото 2013 г.**

Рис. 6. Надгробие над могилой графини де Гаше в Старом Крыму. Фото из Старо-крымского литературно-художественного музея

«ИССЛЕДОВАНИЯ» Т. Г. ТАИРОВОЙ-ЯКОВЛЕВОЙ: КАК МАЗЕПА БУДЕТ ЗАВОЕВЫВАТЬ РОССИЮ

СТАВИЦКИЙ А. В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Одним из наиболее важных и значимых «прорывов» в современной мазепаистике являются публикации «украинского историка из Санкт-Петербурга», доктора исторических наук Т.Г. Таировой-Яковлевой. Однако связано это не с тем, что она является самым выдающимся исследователем жизни гетмана всех времён и народов, сумевшим внести в его историю нечто такое, чего до неё никто не открывал. Ведь всё, о чём она пишет, в той или иной мере уже присутствует в украинской историографии. Просто, благодаря ей, мазепаистика сумела создать и развернуть плацдарм в русском культурном пространстве, дабы растить и множить почитателей гетмана в самой России. А тот факт, что она является представителем российской исторической науки, создаёт впечатление, что эта наука доросла до того, чтобы изучать гетмана по-новому: объективно, взвешенно, всесторонне.

В этом смысле Т.Г. Таирова-Яковлева вполне достойно играет отведённую ей роль, с одной стороны представляя себя сильным, грамотным и объективным исследователем, заинтересованным только в поиске правды, а с другой, выступая как бы со стороны России. И поэтому её позиция выглядит значительно более убедительной, чем у её украинских коллег. Однако делают русские и украинские «мазепинцы» одно общее дело, цель которого сначала обелить гетмана, а затем его, по мере возможности, освятить.

Так, по мнению Т.Г. Таировой-Яковлевой, *«Мазепа – личность настолько неординарная и многогранная, что для его изображения нужна вся палитра красок»* [13, с. 6]. И такое отношение к объекту исследования можно только приветствовать, если не считать трёх вытекающих из данного заявления положений.

1. Тезис о гениальности Мазепы, который пусть не прозвучал так ясно и конкретно, но по сути уже чётко просматривается. А гения нельзя мерить обычными мерками. Он требует иного отношения. Вне морали, что бы там А.С. Пушкин о гении и злодействе ни говорил. Однако, знание языков, игра на музыкальном инструменте и складывание душевных виршей для шляхетской среды того времени с учётом пика европейской куртуазности не являлось чем-то исключительным. И с этой точки зрения Мазепа принципиально из своей эпохи и среды не выделялся. Он не сделал ничего такого, ни в политике, ни в культуре, за исключением умения ярко подать себя, что вынуждает говорить о нём как об обладателе выдающихся человеческих качеств и исключительных способностей.

2. К тому же каждому учёному ясно, что при грамотном и всестороннем исследовании, всю палитру красок необходимо использовать независимо от объекта исследования. Однако, из слов Т.Г. Таировой-Яковлевой получается, что учёный вправе применять разную палитру, в зависимости от характера и качества изучаемого объекта, что, безусловно, является неправильным.

3. С другой стороны, данное заявление, по сути, обращено к тем, кто настроен по отношению к Мазепе негативно. Им предлагается найти в гетмане те плюсы, которые позволят уравновесить его образ в их представлениях, что равносильно целенаправленному поиску исключительно позитива.

Собственно, ради этого Т.Г. Таирова-Яковлева и начинала своё исследование. И с данной задачей она прекрасно справилась. Мазепа в её книге предстаёт личностью великой, романтической, непонятой, исключительно положительной даже там, где совершает совсем неблагоприятные поступки, поскольку Т.Г. Таирова-Яковлева всегда находит этому оправдание. Чего стоят, например такие её строки, в которых «вся палитра красок» сведена к сердечно-голубому свечению: *«Прирожденный политик, одаренный полководец и ди-*

пломат, человек отважный, честлюбивый и целеустремленный – он был олицетворением украинского духовного возрождения и расцвета казачества. Поэт и философ, прекрасно образованный, с прозорливым и насмешливым умом, он двадцать лет успешно лавировал в океане политической борьбы, оставаясь у руля Украины. Как любая выдающаяся личность, он, разумеется, возбуждал зависть и ненависть врагов. Пережив множество предательств и доносов, он практически никому не открывал свою душу. И лишь по немногим дошедшим до нас произведениям Мазепы можно угадать в нем тайного романтика, в сердце которого кипели тщательно скрываемые страсти и мечты» [13, с. 6].

Поразительно, какой взрывной потенциал заложен в данном отрывке. Ведь ясно, что тот, кто является «олицетворением украинского духовного возрождения», для Украины должен значить никак не меньше, чем Данте и Леонардо да Винчи для Италии. К тому же в нём даётся ненавязчивая модель объяснения причин наличия у Мазепы такого количества врагов, которая сводится к известному мифу о Моцарте и Сальери, гению и завистливой, не понимающей его толпе.

Не случайно в своей работе А.Г. Бесов записал: *«Кажется, ещё немного и Т.Г. Таирова-Яковлева «затмит» Мазепой и Петра I»* [1]. И действительно, согласно Т.Г. Таировой-Яковлевой, Мазепа в политике был «Моцартом», а «Сальери» сидел на российском троне в Санкт-Петербурге и ждал только случая расправиться с ним. В самом деле, подумаешь об этом, и сразу хочется воскликнуть: *«Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи! / Таитесь вы под сению закона, / Пред вами суд и правда – всё молчи!»*. Ах, почему М.Ю. Лермонтов назвал своё стихотворение не «Смерть Мазепы»? Хотя с другой стороны, ведь сказано у Т.Г. Таировой-Яковлевой, что Мазепа был поэтом и философом. И написал он, наверняка, много чего великого, романтического, мечтательного, но, к сожалению, крайне мало что сохранилось («лишь по немногим дошедшим до нас произведениям Мазепы...»). Враги сумели добраться до его архивов, и что могли – уничтожили. Но несмотря ни на что, Т.Г. Таировой-Яковлевой удалось реконструировать образ гетмана таким, каким он был на самом деле. За что ей честь и хвала.

Однако, можно взглянуть на это и с другой стороны. И тогда придётся констатировать, что приведённые выше цитаты при внимательном её анализе наглядно показывают, что, осознанно или нет, но Т.Г. Таирова-Яковлева использует в своей работе те принципы, которые свойственны не науке, а тем, кто, манипулируя чужим сознанием, работает в режиме NLP.

Особенно бросается в глаза при чтении «Мазепы» Т.Г. Таировой-Яковлевой то, как, забывая о гетмане, уважаемый профессор из Санкт-Петербурга представляет себя перед читателями. В частности, во введении к книге она ясно даёт понять, что лучше всех сумела изучить Мазепу и его эпоху, о чём свидетельствует следующий пассаж: *«Нагромождение мифом и штампов настолько плотно окружают фигуру Мазепы, что его негативно оценивали даже самые выдающиеся историки Украины, прославившие в своих трудах эпоху Гетманичины, - Николай Костомаров и Михайло Грушевский. Правда, оба они только поверхностно обрацались к гетманству Мазепы, не изучали его серьезно и ограничивались первым тенденциозным впечатлением без глубокого анализа источников»* [13, с. 5].

Из данного отрывка, в частности, следует, что:

– никто, кроме Т.Г. Таировой-Яковлевой личности Мазепы так и не понял, и лишь она оказалась свободной от мифов и штампов;

– даже Н.И. Костомаров с М.С. Грушевским, несмотря на их заслуги перед Украиной, изучали историю гетмана несерьёзно и поверхностно, избегая «глубокого анализа»;

– те, кто оценивает Мазепу негативно, просто не владеют информацией или неспособны логически мыслить; находясь в плену мифов и штампов, они не могут рассматривать источники глубоко и объективно, не в состоянии всесторонне осмыслить имеющийся в их распоряжении материал и, значит, их исследованиями можно пренебречь.

В связи с этим следует отметить, что даже если бы Т.Г. Таирова-Яковлева в течение всей своей научной карьеры «сидела» на эпохе Мазепы и была бы абсолютно «в теме», делать подобные обобщения по отношению к другим исследователям с её стороны было бы не корректно. Но ведь известно, что и свою кандидатскую диссертацию, и докторскую

петербургский профессор посвятила не эпохе Мазепы и Северной войны, а Руине. А темой Мазепы, как она сама признаётся, Т.Г. Таирова-Яковлева занялась почти случайно, по предложению других заинтересованных сторон.

Однако чем её заинтересовал гетман войска Запорожского? И каким образом ей удалось за считанные годы превзойти всех других исследователей по глубине содержания? Может, петербургского профессора тянуло к Мазепе всю жизнь, и увлечённая его драматической историей, она тихо собирала материалы, чтобы потом поразить всех своей осведомлённостью? Нет. В одном из интервью сама Т.Г. Таирова-Яковлева откровенно говорит, что она Мазепой сначала заниматься не собиралась. *«Честно говоря, он меня никогда особо не привлекал. Но попросили написать статью»* [11], – рассказывает она корреспонденту. Одним словом, zaangażованность сделала своё дело. А украинские правительственные награды и внимание к «российскому» профессору со стороны В.А. Ющенко лишь подтверждают это.

В самом деле, обе диссертации Т.Г. Таировой-Яковлевой написаны по Руине. Но ситуация с Украиной такова, что сама актуализировать тему Руины украинская «элита» не будет ни при каких обстоятельствах, потому что уж слишком тема острая для неё. Ведь, занимаясь «руинами» в истории Украины, несложно заметить, что они возникали как раз тогда, когда Украина получала хоть какую-то самостоятельность, а получив её, начинала целенаправленно заниматься самоуничтожением, когда «украинцы» «катували» друг друга с помощью поляков, русских, турок и татар.

Так, в 1657 году после смерти Б. Хмельницкого раздоры внутри казацкой старшины, пытавшейся в борьбе за власть опираться на разные внешние политические силы, привели к великой Руине 1657-1687 годов. Попытка утвердить сначала самостоятельность, а затем «нэзалэжність» посредством Центральной Рады, Гетьманата и Директории привели к тяжелейшим последствиям для страны. Третья Руина разворачивается на Украине сейчас. При этом уточним, что если в первых двух случаях весьма существенную роль сыграл внешний фактор, на который можно списать неудачи украинских патриотов хотя бы отчасти, то в третьем случае следует пенять только на самих себя. И хотя Украина ни с кем эти двадцать лет не воевала, её состояние таково, словно её разгромили, завоевали, оккупировали и разорили.

Однако кто это мог сделать? Не трудно догадаться. Так что для украинских элитариев вспоминать о Руине – всё равно что указывать на себя пальцем как на главных виновников наших бед. А вот тема Мазепы – светлая, оптимистичная и для «патриотов» комфортная, так как позволяет им увести от проблем сегодняшнего дня и заодно создать для себя образец для подражания. И кто после этого скажет, что последние работы Т.Г. Таировой-Яковлевой не ангажированы? Ведь где бы она была со своей Руиной, и кто бы о ней знал, кроме узких специалистов? А Мазепа своим светлым проникновенным образом, созданным не без её участия, её, судя по всему, не только ведёт в сказочные исторические дали, но и кормит.

Ещё одним достоинством работ санкт-петербургского профессора, по мнению украинских журналистов, является то, что *«Т. Таирова-Яковлева не выписывает готовые рецепты, а позволяет читателю самому переосмыслить историю, опираясь на всю сумму фактов и реальных документов, а не зашоренных оценок – от несправедной хулы до бойких панегириков»* [11].

В связи с этим следует сказать, что сама по себе принадлежность к российской исторической науке создаёт впечатление, что, занимаясь Мазепой, Т.Г. Таирова-Яковлева заинтересована только в поиске истины и руководствуется исключительно принципом объективности. Следовательно, уличать её в обратном просто неприлично. Однако у её оппонентов есть основания полагать, что петербургский профессор выступает не с позиции строгой научной практики, требующей рассматривать всю совокупность версий и фактов на предмет их максимальной обоснованности, как заявляют её поклонники, но обслуживает одну из существующих по данной теме доктрин.

И пусть место жительства и работы Т.Г. Таировой-Яковлевой читателей не удивляет. Аспирантура в Канадском институте украинских исследований и стажировка в Гарвардском институте украинских исследований, курируемых украинскими националистами, ви-

димо, сделали своё дело. К тому же, по информации, размещенной в Интернете, спонсорами её «российско-канадско-украинских исследований» выступили Канадский институт изучения Украины (Canadian Institute of Ukrainian Studies (CIUS)) – «Программа Ковальских по изучению Восточной Украины» (Kowalsky Program for the Study of Eastern Ukraine), Американское научное общество имени Шевченко (Shevchenko Scientific Society of America) и Папский институт средневековых исследований (Pontifical Institute of Mediaeval Studies (PIMS)), также известные своей антирусской и антиправославной направленностью.

Помимо этого, сама Т. Г. Таирова-Яковлева ссылается на украинские и российские гранты, получаемые ею для исследований, что как бы подразумевает, что её объективная научная позиция устраивает обе стороны. Однако на этот счёт имеются серьёзные сомнения.

При этом оговорим: мы не можем возражать против её права на выражение и отстаивание той или иной позиции. И не предъявляем ей претензии насчёт грантов. В данном случае это её полное право. Мы выступаем против того, чтобы свою позицию Т.Г. Таирова-Яковлева подавала как научную и объективную, отражающую интересы не только одной Украины, но также Руси и России. Поэтому тот факт, что она получала российские гранты, включая даже президентский грант, как молодой профессор, говорит не о научной ценности её изысканий, и уж конечно не об её объективности, но лишь о стратегической позиции российской власти, не вполне осознающей свой национальный интерес.

Впрочем, сторонники Санкт-Петербургского историка выдвигают ещё одно преимущество её «исследований». Так, по мнению украинских журналистов, «Т. Таировой-Яковлевой, как опытному архивисту, удалось добиться многого в демифологизации образа великого гетмана» [13, с. 5]. Однако данное утверждение лишь показывает, что Петербургский историк и её украинские поклонники в современном мифе совсем не разбираются. А чтобы бороться с мифами, недостаточно быть «архивистом», пусть даже «опытным», но требуется знание природы и механизма мифотворчества. В противном случае архивист сталкивается с тем явлением, которое просто не распознаёт. Однако, отчего тогда журналисты об этом пишут? Дело в том, что о «мифах и штампах», которые приравниваются ко лжи, начала писать сама Т.Г. Таирова-Яковлева. Но то, что простиительно журналистам, в силу их манипулирования устоявшимися «штампами» и недостаточного специального образования, не очень понятно у профессора. Получается, сама Т.Г. Таирова-Яковлева всю использует свои «мифы и штампы», распознавая и негативно оценивая, правда, только чужие.

Несмотря на эти обстоятельства, среди украинских журналистов и историков есть такие, которые считают, что «Т. Таирова-Яковлева действительно творит революцию в российско-украинских отношениях», помогая Мазепе завоёвывать Россию [См.: 15]. Однако в чём это заключается, не раскрывают. Скорее всего, речь идёт о том, что «объективный» и «незашоренный» взгляд Т.Г. Таировой-Яковлевой на спорные исторические события общей российско-украинской истории должен существенно улучшать российско-украинские отношения. Но есть основания полагать, что подобная оценка не соответствует действительности, поскольку общая задача Санкт-Петербургского профессора заключается не в этом. Её роль в войне за прошлое – работать на утверждение взглядов, одобряющих действия Мазепы. Он должен быть понят и оправдан. Но в данной истории так не будет, потому что смысл оправдания гетмана лежит за пределами истории. Значит, данный вопрос «отмыванием» Мазепы не исчерпывается, так как оправдание гетмана автоматически означает и оправдание шведской интервенции, а также осуждение тех, кто имел наглость выступить против неё, защищая свою землю. Следовательно, враги Мазепы, боровшиеся с оружием в руках против шведов и их пособников, на Украине автоматически должны быть признаны врагами Украины.

В этом смысле история Северной войны и проблема позиционирования её участников зеркально отражает ситуацию с Великой Отечественной войной и отношением к ней в свете противостояния современных наследников советских борцов против нацистской Германии и «воякив» ОУН-УПА. Ведь признание оуновцев борцами за свободу Украины и воюющей стороной означает и признание советских солдат оккупантами. И поэтому,

хотя мы всецело за то, чтобы историей занималась исключительно наука, понимание того, что науке никто не позволит выносить по данным вопросам окончательное решение, для нас вполне очевидно. Для политиков это слишком важно. Впрочем, для каждой страны и цивилизации тоже. Значит, если человек: обыватель, политик или историк - исходит из признания единства русской цивилизации, реабилитация Мазепы для него неприемлема.

Кстати, тем, кто считает, что культ Мазепы наиболее полно отражает ценностные представления украинского общества, следует знать, что утверждение нового «незашоренного» взгляда на Мазепу, по которому «предательство» становится аналогом героизма, доблести и государственного подхода к управлению страной, на самом деле крайне опасно для самой Украины, как целостного государства. Ведь она утверждает ту модель политики, которая позволяет в будущем обосновать её расчленение, когда новые региональные кравчуки, петлюры, ющенко и мазепы воспользуются её слабостью, почувствовав, что наступил их час, и начнут заключать свои сделки с наиболее сильными из субъектов глобализации. Но «мазепинцы» стараются на этом внимание читателей не акцентировать. А зря. И потому критика подобных исследований неизбежно усиливается.

Впрочем, по поводу критики, Т.Г. Таирова-Яковлева отметила, что её «ругают в основном в Украине — на экстремистских сайтах» [11]. И в связи с этим необходимо кое-что разъяснить.

1. В том, что её творчество более известно на Украине, чем в России, ничего удивительного нет. Ведь для российских исследователей эта тема не ангажирована, и поэтому ею мало кто занимается. А вот для Украины она и интересна, и важна, и значима.

2. Что касается критики её исследований, отметим, что в данном случае слово «ругают» к позиции Санкт-Петербургского историка не подходит уже потому, что никто Т.Г. Таирову-Яковлеву ругательными словами не обзывает и на личности не переходит. Но критике подвергают. И не её саму, а её книги. Критике обоснованной и по существу. В концепции и в деталях. Критике, которая ставит под сомнение рекламируемые ею же её профессионализм и неангажированность, показывая, что Т.Г. Таирова-Яковлева не стремится к научной объективности, а обслуживает ту идею, которую ей сумели внушить сотрудники американских институтов украинских исследований. И скрыть ей данный факт от исследователей её творчества не удалось. Возможно, поэтому Санкт-Петербургскому профессору проще ассоциировать противоположную её позиции точку зрения с «экстремистской». Хотя для учёного такой подход этически некорректен, а практически недопустим. Тем более, если учесть, что упомянутыми Т.Г. Таировой-Яковлевой т. н. «экстремистскими сайтами» являются сайты, отстаивающие принципы русского культурного и информационного единства, защищающие права русских и русской культуры в украинском государстве.

В связи с этим уместен вопрос: на каком основании она считает данные сайты экстремистскими? С чьих слов? Разве на них звучат угрозы физической расправы и призывы к разжиганию межнациональной розни? А критика её творчества на них в основном проводится корректно, грамотно, профессионально. Но сам факт того, что Санкт-Петербургский профессор представляет своих оппонентов дремучими и ностальгирующими по имперскому прошлому России совками, экстремистами и маргиналами, говорит о многом. В частности о том, что подобные эпитеты не только выдают её отношение к русской идее, но и позволяют не отвечать на звучащую критику, делая вид, что её не существует.

Причём, такой подход тем более удобен, что помогает ей избежать серьёзной дискуссии, к которой Санкт-Петербургский профессор явно не готова. В этом смысле чего стоит хотя бы развёрнутый анализ текстов Т.Г. Таировой-Яковлевой на предмет их исторической достоверности, который предпринял в ряде своих статей украинский историк А.С. Каревин [См.: 3; 4; 5]? Ведь даже его публикаций достаточно для того, чтобы уличить автора, как минимум в небрежности, если не в элементарном незнании той эпохи, которую она пытается освещать. А с учётом того, что Санкт-Петербургский профессор во введении даёт понять, что изучила данную эпоху лучше своих предшественников, эта критика становится для её научного имиджа просто уничтожающей.

Однако мы не будем касаться многочисленных «ляпов» уважаемого профессора, подмеченных А.Г. Бесовым [См.: 1], А.С. Каревиним, К.В. Грибачем [См.: 2], С. Кондаковой [См.: 6] и др. Но рассмотрим те аспекты её работ, которые раскрывают концептуальные основы её «исследования» и выявляют механизм его подачи, позволяя ей приходиться к выводам, далёким от научной объективности, но зато хорошо работающим на мазепинскую доктрину.

В связи с этим, в первую очередь следует отметить ту лёгкость, с которой Т.Г. Таирова-Яковлева путает или подменяет термины и названия, которые на первый взгляд можно считать не принципиальными. Но зато в дальнейшем это позволяет ей «доказывать» то, что при соблюдении научной добросовестности, она просто не смогла бы сделать. В частности, она почему-то постоянно именуется Русское государство 1687 года Российской империей, хотя империей Россия будет названа в 1721 году, а Киево-Могилянский коллегиум XVII века – академией, тогда как академией он станет лишь в 1701 году. Конечно, на это можно не обращать внимания. Однако на подобных системных подменах строится вся методология украинской историографии. И Т.Г. Таирова-Яковлева её просто импортирует в Россию. В основе её – классическая цепочка подмен, когда маленькое смысловое смещение рождает большую историческую ложь с далёкими политическими перспективами. Примером тому может служить опыт создателя этой методологии и заодно основателя «украинской исторической школы» М.С. Грушевского, который сумел «открыть» на месте Руси Украину путём её банального переименования. Этим же путём, только применительно к эпохе казачества, вслед за другими грушевцами и мазепинцами идёт Т.Г. Таирова-Яковлева. В результате у них «Коломакские статьи», в которых казакам подтверждаются вольности и права, становится межгосударственным договором, а Войско Запорожское становится «Гетманством». Гетманат – объявляется государством. Государство – это Украина. Украина – это не топоним, а этноним, то есть территория, где живёт и всегда жил отдельно от русских народ украинский. И территория его охватывает не небольшое пространство среднего Поднепровья, как это было в XVII веке, а всю современную Украину от Курска до Севастополя и от Дуная до Дона, если не дальше.

Понятно, что подобные подмены дают исключительные возможности для дальнейших исторических трактовок, позволяя крутить реальной историей, как заборолассудит-ся. При этом, подчёркиваем, что в данном случае речь идёт не о журналисте, а о докторе исторических наук, которая под видом объективности встраивает свои публикации в уже сложившийся укроцентристский мейнстрим. Согласно ему, чтобы принять данную точку зрения, историку необходимо сделать ряд существенных, принципиальных допущений, без которых нужная логическая цепочка в систему просто не сложится. Для этого он должен признать на правах аксиомы, что:

- во второй половине XVII-начале XVIII веков существовал народ украинцев, который в своём историческом самосознании был единым и, воспринимая свою «отдельность» от русского народа, в массе своей хотел жить независимо от него;

- украинский народ являлся автохтоном, то есть имел свою территорию под названием Украина, которую он заселил в стародавние времена, а Украина была неизменной и распространялась от Галиции до Слобожанщины;

- Украину заселяли украинцы, говорившие на украинском языке (у Т.Г. Таировой-Яковлевой – «староукраинском» языке, который почему-то на проверку оказывается архаичным русским) [13, с. 143];

- т.н. Гетманат («Гетманство») являлся государством украинцев и был признан в Европе таковым задолго до появления Российской империи;

- гетман Войска Запорожского был украинским гетманом Украины, избранным украинцами и выразившим их интересы.

Однако ни один из этих ключевых для обоснования господствующей в Украине позиции допущений не соответствует действительности, поскольку просто не подтверждается историческими источниками. В частности:

1. История не подтверждает данными утверждение об Украине как этнониме и наличие в XVII-XVIII украинцев, а те, кого сейчас задним числом причисляют к ним – от Бо-

гдана Хмельницкого до Григория Сковороды – считали себя русскими (рускими) и причисляли к народу русскому (русскому).

2. Украина в те времена воспринималась, как русская окраинная земля, преимущественно входившая в состав Речи Посполитой и подвергавшаяся ею жёсткой культурной экспансии. При этом по территории она ограничивалась средним Поднепровьем, не включая в себя ни Волынь, ни Подолию с Буковиной, ни тем более Галичину, которая, находясь в составе Речи Посполитой с административным центром во Львове, называлась Русским (Руским) воеводством.

3. Гетманат не обладал суверенностью и независимостью, то есть теми основополагающими признаками, которые отличают область, входящую в состав государства, от собственно государства, и не был никем признан на международном уровне.

Следовательно, все эти натяжки, условности и допущения, которые используются «мазепинцами», являются не строгим научным анализом, а попытками спроецировать на прошлое сегодняшние украинские мечты, дабы с их помощью создать образ страны, которой в те времена не существовало, приписав ей задним числом те достижения и признаки, которых украинофилы сумели добиться лишь в XX веке при Советской власти.

В свою очередь, активное использование не имевших место тогда терминов и названий вместо настоящих достаточно красноречиво говорит о научном уровне и идеологических пристрастиях автора. И уже одним этим Т.Г. Таирова-Яковлева выдаёт себя с головой, наглядно показывая, какой доктрины придерживается. Ведь если российский историк вместо реальных исторических названий и терминов использует сознательные и продуманные подмены, ясно какую позицию он разделяет, что бы он при этом ни писал. Так, известно, что слова «русский», «Малороссия», «Малая Русь» и «малоросс» на Украине находятся под неофициальным запретом. Их желательно не упоминать, избегать в текстах, не помещать в словари. И идеологическая подоплёка этого вполне понятна, хотя и отдаёт, как минимум, некорректностью. Ведь она вынуждает напоминать о том, что вплоть до XX века те, кого украинские историки называют украинцами, сами себя называли русскими (рускими, руськими) и малороссами. И Украина в XVII веке была не местом проживания украинского народа, а обозначением пограничной территории, то есть топонимом аналогичным Запорожью, Слобожанщине или Киевщине. А этнонимом тогда являлась Малая Русь. И исторические источники этот факт однозначно подтверждают. Почему же санкт-петербургский профессор не учитывает этого? Просто не знает? Или в силу своей заангажированности? И независимо от того, какой из ответов окажется предпочтительнее, он будет свидетельствовать не в пользу Т.Г. Таировой-Яковлевой, уличая её либо в некомпетентности, либо в особых, далёких от науки пристрастиях.

В результате, по меткому замечанию профессора А. Г. Бесова, благодаря книге Т. Г. Таировой-Яковлевой, *«закладывается ...камень в основание сочиняемой ныне «истории строительства России и Российской империи» с помощью «всегда существовавшей Украины»»* [1]. Иными словами, без Мазепы строительство Российской империи просто не могло происходить. И совершенно не понятно, как Пётр сумел довести начатое Мазепой дело до конца после того, как тот его бросил? Кстати, не только потому, что, по словам С. О. Сокирко, *«для Петра I, и для Карла XII Мазепа был неким гуру»* [7]. Ведь, как «старший наставник-учитель» [8], гетман *«продвигал на ключевые позиции Российской империи представителей украинского просвещённого духовенства»* [12, с. 247]. И, видимо, именно они продолжили начатое Мазепой дело.

Кстати, при этом следует обратить внимание на возникшее здесь неразрешимое противоречие. И оно связано с проблемой *«извечно существовавшей украинской нации, которой никак не удавалось обрести независимое государство»* [1]. То есть, с одной стороны – нас пытаются убедить в том, что, как минимум, со времён распада Руси была суверенная украинская нация, которой никак враги не давали создать своё государство. С другой – когда такое государство возникло в 1991 году, вдруг стало понятно, что главная задача его – создать суверенную украинскую нацию, которую тоже пока никак образовать не получается. Об этом, в частности откровенно пишет Л. Д. Кучма, ссылаясь на известное изречение первого премьера объединённой Италии Камило Бензо Кавура: *«Италию мы создали. Теперь наша задача – создать итальянцев»* [9, с. 28].

Собственно, ради этого в Украине и проводится украинизация, сутью которой в социально-психологическом плане стала мазепизация. Так что дело Мазепы живёт и процветает. Только, благодаря усилиям «мазепинцев», получается, что оно воплотилось в равной степени и в создании Российской империи, и в образовании независимой Украины.

Однако как можно с помощью одних и тех же данных прийти к совершенно разным выводам? Понятно, что подобная алогичность и смысловая неразбериха вытекает из применяемой «мазепинцами» методологии, которая позволяет на основании имеющихся фактов «научно» доказывать всё, что угодно. Поэтому её ошибки не случайны, а носят фундаментальный характер и вытекают из методологических принципов, которыми пользуются «мазепинцы». На примере работы Т. Г. Таировой-Яковлевой, предлагаем наиболее заметные из них:

1. Говоря о том, что Мазепа сотрудничал с царём (напр.: *«документов, свидетельствующих о весьма серьезном и позитивном вкладе Мазепы в развитие Российской империи, о сотрудничестве с царем, немало»; «много лет продолжалось весьма плодотворное сотрудничество»* [11]), Т. Г. Таирова-Яковлева, мягко говоря, пытается ввести людей в заблуждение. Ведь это не соответствует действительности, потому что подданный монарха не сотрудничает с ним, а ему служит. Как служили своим монархам казненный Генрихом VIII автор «Утопии» Томас Мор или владевшие обширными землями в Сибири купцы Строгановы. Но с помощью подобной невинной манипуляции можно создать впечатление, что между царём и гетманом был некий союз, державшийся на какой-то договоренности, которую в случае её нарушения можно расторгнуть. Что, собственно, Мазепа и как бы сделал. В этом смысле между инсинуациями Т. Чухлиба о праве гетмана не соблюдать присягу и этими «оговорками» Санкт-Петербургского профессора принципиальной разницы нет.

2. Утверждая, что *«Украина XVII века была очень европеизированной страной»* [11], Т. Г. Таирова-Яковлева, сама того не замечая, говорит о народе, проживающем на Украине так, как сказал бы европеец о пытающихся жить, как белые, американских туземцах. В том смысле, что «европеизированной» с помощью Речи Посполитой казацкой старшине попался дикий, не понявший своего счастья народ. Однако, что значит, «европеизированная страна»? Почему не европейская? Что понимает доктор исторических наук под словом «европеизировать» применительно к XVII веку, когда в зажатых крепостными стенами европейских городах не было даже канализации, а в прославленном Версале туалет был только для короля? Какие критерии и стандарты вкладывает Т. Г. Таирова-Яковлева в понятие «европейский»? Особенно с учётом того, что на этот исторический период приходится пик европейской работорговли, которая совпала с уничтожением великих индейских цивилизаций. Тем более, что она хотела этим высказыванием не унижить страну, а похвалить. Однако как неуклюже. Не говоря уж о полном отсутствии системности. Но чем она тогда руководствуется при отсутствии системности? Только своими «мифами», «стереотипами» и «штампами».

3. Заявляя, что знавший *«абсолютно все тайны российской дипломатии»* Мазепа помогал Петру проводить его реформы и был активным помощником и советником по внешнеполитическим проблемам, Т. Г. Таирова-Яковлева явно преувеличивает его заслуги. А тот факт, что военные действия против Османской империи и Крымского ханства до гетманства Мазепы (походы на Крым в 1687 и 1689 гг.) и после (Прутский поход 1711 г.) были неудачными, а война за Азов увенчалась успехом, даёт ей основание считать, что взятие Азова является безусловной заслугой гетмана [11]. И мы, быть может, с ней согласились бы. Да вот незадача: Мазепа во взятии Азова участия не принимал. Запорожскими казаками командовал наказной гетман Яков Лизогуб. Правда, профессор об этом совсем не в курсе, либо не заинтересована учесть сей факт, дабы не ломать свою систему доказательств. Хотя, как мы заметили, поклонники Т. Г. Таировой-Яковлевой уверяют, что она опирается *«на всю сумму фактов и реальных документов»*. Разумеется, ей известных.

4. По ходу изложения Т. Г. Таирова-Яковлева также настаивает на том, что Мазепа не предавал Дорошенко и Голицына, не соблазнял Мотрю Кочубей, не был унижен Фальковским и был поддержан своим народом, когда решил перейти на сторону шведов. Что

касается последнего, то её сомнение в отрицательном отношении к выступлению Мазепы на стороне шведов скрывается за фразой о том, что позиция населения была «*весьма неоднозначна*» [13, с. 213]. При этом в другом месте она признаётся, что Мазепа «*оказался в 1708 году практически в изоляции, не поддержанный ни большинством казаков, ни большинством старшины, не говоря уже о крестьянах*» [13, с. 90].

5. В свою очередь, переход Мазепы на сторону шведов – «*яркий пример естественного хода развития событий*» [11], считает Т.Г. Таирова-Яковлева, создавая впечатление, что сознательный выбор политика уже ничего не значит. Иначе говоря, нам хотят внушить невинную мысль, что Мазепа не предавал – просто так получилось. Ещё проще – получается, что не Мазепа перешёл на сторону шведов, а его как бы перешли. Воистину, судьба. История дала ему достаточно сильный «пинок», чтобы он, вопреки своей воле, оказался в шведском лагере. И ему уже ничего другого не оставалось, как быть в своём предательстве последовательным. Но многих такое объяснение не устраивает. Поэтому, обобщая написанное, т. е. опираясь «на всю сумму фактов и реальных документов», мы можем констатировать, что анализ причин «измены» Мазепы предлагает следующие основные варианты ответа:

- последовательная борьба за независимость Украины;
- роковая ошибка, вызванная историческими обстоятельствами;
- патологическая двуличность и склонность к предательству гетмана;
- следствие обострившегося у Мазепы маразма.

При этом, из четырёх предложенных вариантов причин «измены» Мазепы самым невероятным, как это ни печально с точки зрения «мазепинцев», является первый, так как никаких достоверных исторических данных о том, что Мазепа в течение своего гетманства готовился отделить Украину от России, просто нет.

То, что Мазепа совершил роковую ошибку – без сомнения. Но вполне возможно, что его к этому подвели. Так что отчасти Т.Г. Таирова-Яковлева права. И если мы начнём по порядку рассматривать все обстоятельства его истории, вполне вероятен вывод, что он стал жертвой интриг, которые сам затеял. Просто история, как это часто бывает с подобного рода политиками, создала такую сложную и крайне динамичную ситуацию, которая в его расчёты никак не вписывалась. Хотя мы не исключаем и обострившийся маразм. Говоря проще, он допускал измену, но надеялся, что она, как средство политической борьбы, его и на этот раз не подведёт. Но к тому, что произошло, он оказался не готов. Значит, не предвидел.

Однако, с другой стороны, в «измене» гетмана нет ничего удивительного. Ведь, с нами будет то, что мы есть, говорили древние. И его реакция на сложившиеся обстоятельства была для него органичной, естественной, предсказуемой. «*Кому суждено утонуть - тот утонет. Кому суждено упасть с крыши - тот упадет*», – говорит Завулон из популярного фильма «Ночной дозор» по роману С. Лукьяненко. И можно добавить: кому суждено предать – тот предаст. Что делать, если Мазепа был так воспитан? Если его взгляды сформировались в той среде, в которой предательство является не следствием бесчестности человека, а показателем ума и предвидения? И кто его за это осудит? Только зачем было делать из этого фетиш, а из Мазепы культ? Наверное, тоже не было выбора, потому что не из кого было выбирать. И теперь приходится работать с тем, что есть. Делать, согласно закону пиара, из Мазепы «конфетку».

К сожалению, это означает довольно простую истину. И она заключается в том, что реальный Мазепа и его прошедший обработку культом «образ» практически не имеют ничего общего, кроме имени и обработанных в режиме культа «образов фактов», ставших фактами нашего сознания, дабы работать на нечто иное. И Санкт-Петербургский историк в данном случае просто позиционирует уже известные по украинской историографии положения. Только применительно к русскому культурному пространству.

В связи с этим, уместен вопрос: если работы Т.Г. Таировой-Яковлевой не внесли в мазепаиану ничего нового, в чём их новизна и знаковость? В чём, собственно, смысл? А смысл есть. Иначе бы не было столько восторженного шума. Знаковость публикаций Т.Г. Таировой-Яковлевой в том, что, благодаря её книге «Мазепа» в российской историографии произошёл своеобразный прорыв, допустивший апологетические работы о т. н. «гет-

мане-предателя» в русское культурное пространство под видом объективного научного исследования.

Напомним, что серия «ЖЗЛ» – жизнь не великих, не удивительных и прикольных, а замечательных людей, то есть достойных примера. Людей, на примере которых можно воспитывать новое поколение. Так что оппоненты Т.Г. Таировой-Яковлевой не против её публикаций в принципе. Разные книги могут быть, как и разные точки зрения. И Т.Г. Таирова-Яковлева имеет право на свою позицию. Но почему в данной серии? И этот вопрос остаётся без внятного ответа. А нам остаётся надеяться, что у редакции «Молодой гвардии» хватит ума и такта не выпускать в серии «ЖЗЛ» биографии Бандеры, Шухевича, Чикатило и им подобным.

Поэтому представлять публикации Т.Г. Таировой-Яковлевой, как выражение точки зрения «объективного незаполитизированного историка», сумевшего подняться над стереотипами прошлого, будет не совсем корректным. Тем более неправомерно представлять её точку зрения как что-то новое в науке, так как её позицию в России будут считать новой и оригинальной лишь те читатели, которые практически не знакомы с довольно обширной украинской историографией истории Мазепы, разрабатываемой уже более двух столетий и насчитывающей около 2 тысяч публикаций [См.: 10].

Что касается объективности и незаполитизированности, то именно так подаётся на Украине вся мазепаиана сегодня. Во всяком случае, та, что представлена когортой исследователей-пропагандистов в лице Т. Мацкива, О. Оглоблина, С. Павленко, В. Сергийчука и пр., несмотря на то, что в основе их мотивации лежат конкретные политические цели: «отмыть» Мазепу для эффективного «употребления» в современных условиях в качестве своеобразного «идеала» борца за свободу и независимость Украины.

В свою очередь появление публикации Т.Г. Таировой-Яковлевой, знаменуют, по словам Т. Чухлиба, «отказ от мифов, штампов, стереотипов» [15]. Причём, не где-нибудь, а в России. Ведь в Украине «мазепинцы» по их искреннему убеждению от мифов отказались давно. Однако если ты отказался от мифов, это не значит, что мифы отказались от тебя. *«Творить идеологический миф – не значит врать или обманывать. Миф должен дать простой и понятный ответ на жизненно важные вещи. Без науки он невозможен. Наука без мифа тоже не сможет просуществовать»* [7], – говорит по этому поводу украинский историк О.С. Сокирко. И эта его мысль, безусловно, показывает хорошее знание роли и места мифа в науке и обществе, что для историков, к сожалению, является редкостью. В большинстве случаев они не видят принципиальной разницы между мифом и ложью, выдумкой, иллюзией. Впрочем, Санкт-петербургскому профессору такие тонкости социального мифотворчества знать совсем не обязательно. Поэтому её логика довольно проста: *«Нет мифа, нет измены, а есть политическая целесообразность»* [1].

Так что борьба против одних господствующих в истории «стереотипов» должна привести к победе других стереотипов, вся разница между которыми заключается в том, что власть эти стереотипы утверждает под себя. Под свою мифологию. Под свой интерес. И в данном случае он заключается в воспитании нового поколения украинцев, воспринимающих антирусский проект Украины как данность. Напомним, что важнейшая особенность позиционирования Т.Г. Таировой-Яковлевой от её украинских единомышленников заключается в том, что она распространяет эти идеи не как заангажированный властью украинский «науковец», а как независимый российский профессор, что само по себе а priori должно создавать ей имидж объективного профессионала. В этом смысле мотив Т.Г. Таировой-Яковлевой не ясен разве что ей самой. Тем, же, кто хочет разобраться в современном феномене Мазепы, нужно выйти за пределы его эпохи и взглянуть на явление шире и глубже. И даже темы многовековой борьбы Украины за независимость в данном случае будет недостаточно, так как сама Украина встроена в ещё больший контекст. Контекст, который покойный С. Хантингтон обозначил не вполне корректным и самодостаточным, но достаточно ёмким термином «конфликт цивилизаций» [См.: 14].

Понятно, что в свою очередь конфликт цивилизаций – лишь частный аспект их многовекового взаимодействия. Однако именно в наше крайне непростое время, в эпоху обострения борьбы за передел мира на фоне истощения природных ресурсов, проблема кон-

фликта, борьбы выдвигается на передний план. В этой борьбе побеждают не столько ресурсы, сколько технологии. В том числе, в рамках информационного взаимодействия, победа в котором определяется контролем над имеющими суггестивное воздействие на людей ценностными смыслами. И Мазепу сейчас встраивают в эти смыслы, дабы, используя его как «архимедов рычаг», чтобы перекодировать смыслы, если не всей православной Руси, то хотя бы самой нестойкой её части.

Источники и литература.

1. Бесов А.Г. Мазепиана Т.Г. Таировой-Яковлевой [Электронный ресурс] // Сайт «Фонд стратегической культуры». – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2011/07/28/mazepiana-tg-tairovoj-jakovlevoj.html>
2. Грибач К. Мазепа - пламенный ли патриот? или Непредсказуемая предсказуемость [Электронный ресурс] // «Объективная газета». Режим доступа: <http://www.og.com.ua/gribach.php>
3. Каревин А. Бездна невежества: «нетрадиционная» российская история Мазепы [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Рех». Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/3759.html>
4. Каревин А. Ещё одна бездна невежества: русская апология Мазепы опять не удалась [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Regnum». Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/analitics/1440910.html>
5. Каревин А. Мазепа в ЖЗЛ: парад ошибок, и торжество идеологической целесообразности [Электронный ресурс] // Сайт «Фраза.ua». Режим доступа: <http://frazua.com/zametki/09.04.09/66694.html> и др.
6. Кондакова С. Перехитривший сам себя. Рецензия на книгу Т. Таировой-Яковлевой «Мазепа» [Электронный ресурс] // Сайт «Объективная газета». Режим доступа: <http://www.og.com.ua/st1551.php>
7. Кононенко Є. Олексій Сокирко: Міф без науки неможливий. Як і наука без міфу [Електронний ресурс] // «Україна молода». Режим доступу: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1323/196/46699/>
8. Кравченко В. Прутський похід. Як Петро І хотів столицю на Азовському морі [Електронний ресурс] // Сайт «Українська правда». Режим доступу: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/07/21/46232/>
9. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М.: Время, 2004. 560 с.
10. Мазепіана: матеріали до бібліографії (1688–2009) / Упоряд. та авт. передм. О. О. Ковалевська; відпов. ред. О. А. Удод. К.: Темпора, 2009. 249 с.
11. Махун С., Щипоног Г. Татьяна Таирова-Яковлева: Отступить от исторических стереотипов [Электронный ресурс] // сайт «Зеркало недели». Режим доступа: <http://www.zn.ua/3000/3150/64457/>
12. Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа и Российская империя: история «предательства». М: Центрполиграф, 2011. 525 с.
13. Таирова-Яковлева Т. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. 271 с.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2005. 603 с.
15. Чухлиб Т. Мазепа продолжает завоевывать Россию [Электронный ресурс] // «День». Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/207768>

ДЕЛОВАЯ ПЕРЕПИСКА ПЕТРА I ПО СОБЫТИЯМ В БАТУРИНЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ставицкий А. В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Когда речь идёт об источниках по разгрому Батурина, особое место в них занимает деловая переписка русского царя со своими приближёнными, руководителями русской армии, командирами, казацкими полковниками, включая оперативную переписку с единственным участником штурма Батурина, оставившим информацию о нём, не носящую пропагандистский или мемуарный характер, князем А.Д. Меншиковым. И она может пролить свет на вопрос: действительно ли Меншиков потопил Украину в крови, оставляя позади себя одни дымящиеся пепелища, как уверяют «мазепинцы»? Действительно ли все жители гетманской столицы Батурина были зверски казнены, заплатив смертью за измену своего хозяина? Отдавал ли Пётр I приказ не только сжечь крепость, но и уничтожить «на приклад» всех жителей Батурина, дабы парализовать волю Украины, ошеломив её своей не знавшей границ жестокостью?

Впрочем, есть документы, которые принадлежат перу ЕДИНСТВЕННОГО непосредственного участника «батуринской трагедии» из упомянутых свидетелей и наверняка могли бы раз и навсегда подтвердить факт «резни» его элементарным признанием. Однако, их автор – А.Д. Меншиков, вопреки общей традиции, не спешил хвастаться перед царём и вечностью в содеянном, сообщив в своих донесениях лишь о взятии крепости и её разрушении. А о «резне» он не упомянул вовсе. И такое его «коварное» поведение тем более удивительно, что, согласно мнению мазепинцев, он гордился своей карательной акцией и устроил «резню» специально для устрашения украинцев, не просто добросовестно исполнив приказ своего государя, но и вложив в него всю свою душу. Но логика подсказывает, что если он был так жесток и порочен, как считают «мазепинцы», то должен был о «резне» «раструбить на всех углах». А он почему-то молчал. Но почему? Не логично как-то выходит. И не убедительно.

В целом, вариантов, объясняющих его непонятную в своей вопиющей скромности «стыдливость», получается два. По первому – «резни» просто не было и, следовательно, о ней не было смысла упоминать. По второму – «резня» была, но, предчувствуя, как к ней отнесутся будущие поколения патриотически настроенных украинцев, А.Д. Меншиков в последний момент предпочёл с ними не связываться. И о «резне» постарался утаить, сообщив о ней царю в приватной беседе без свидетелей. Этим, пожалуй, также объясняются энергичные действия Меншикова по сокрытию факта «резни» на месте сразу после её совершения. Причём, согласно мнению отдельных «мазепинцев», сделал он «зачистку улик» в Батурине так быстро и тщательно, что, несмотря на огромное усердие и патриотическое рвение, украинским историкам не удалось найти «вещественных» доказательств имевшей место «резни» до сих пор.

Возможно, поэтому отсутствие убедительной аргументации им приходится компенсировать производимым по этому поводу шумом за счёт доведённого до высших пределов трагизма описания и общего количества написанного. Но достоверности такой подход имеющимся «уликам» не прибавляет. И у придерживающегося научных методов исследования историка может вызвать лишь досаду и сожаление. Тем более, что стремление А.Д. Меншикова «резню» утаить никак не вяжется с желанием Петра I нагнать ею на Украину такой страх, чтобы она не сопротивлялась.

Впрочем, есть ещё указания Петра I. И коль Меншиков выполнял его, возможно, русский царь проговорился? Действительно в указаниях Петра Меншикову, которые он отдавал, когда приказ о взятии Батурина был уже получен, есть одна фраза, которую «ма-

зепинцы» очень любят цитировать: «Батури́н в знак изменникам [понеже боронились] другим на приклад зжечь весь». Однако этот текст нуждается в комментарии. В частности, следует напомнить, что всего таких писем Меншикову, когда тот решал проблему Батурина, было три. И в них Пётр сообщает примерно одно и то же, не зная, дошли ли другие письма до адресата или нет.

Так, в письме Меншикову от 2 ноября 1708 года Пётр I пишет: «Сего моменту получил я ваше зело радостное писание, за которое вам зело благодарны, паче же бог мздовоздаятель будет вам; что ж принадлежит о городе, и то полагаю на вашу волю: ежели возможно от шведов в нем сидеть, то извольте поправить и посадить в гарнизон хотя драгун в прибавку стрельцам, пока пехота будет (однако ж несколько пушек лучших вывезть в Глухов). Буде же (как я от присланного слышал) оной не крепок, то зело лучше такую великую артиллерию вывезть в Глухов (которое там зело ныне нужно), а строеные сжечь, понеже когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то шведы так же легко могут взять, как мы взяли, и для того не изволь время терять, ибо сего дня шведы перешли реку и чаю завтра конечно пойдут к Батури́ну или куды глубже: и того ради опасно, дабы не помешали вам в вывозе артиллерии; буде же не успеете вывезть, то лучше разжечь или разорвать и штуками, раздав, вывезть. P. S. Ежели есть булава и знамена, изволь прислать для нового гетмана; зело нужно, також канцелярию возми с собою всю их» [10, с. 270]. Из текста письма видно, что сжечь нужно не людей, а постройки («строеные сжечь»). И лишь в том случае и потому, что оборонять крепость Меншиков не имел возможности. Таким образом, речь идёт о военной целесообразности. Зачем оставлять шведам крепость, в которой они могли бы зимовать, а возможно, и обороняться, если военной необходимости в ней уже не было?

В письме от 4 ноября Пётр пишет: «ежели возможно от Шведов в Бату́рине сидеть, то извольте поправить и посадить в гварнизон [хотя драгун в прибавку к стрельцам, пока пехота будет], однакож несколько пушек лутчих надобно вывезть в Глухов. Буде же [как я слышал от Крюкова] оная крепость слаба, то зело лутче такую великую артиллерию вывезть в Глухов, а строеныя зжечь [которая там зело ныне нужно], понеже, когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то Шведы такъже лехко могут взять, как и мы взяли». И из текста также хорошо видно, что Петра интересует не расправа над людьми, о которой в письме нет ни слова, а судьба Батурина на предмет возможности использования его для обороны. Но в случае, если Меншиков не уверен, что крепость сможет продержаться и отбить неизбежный штурм, её следует оставить, но предварительно «строеныя зжечь».

В письме же Петра I от 5 ноября, которое особенно любят цитировать «мазепинцы» за крайне важную для них фразу «другим на приклад», речь снова идёт лишь о том, что надо сделать с Батуриным: «... а Батури́н в знак изменникам [понеже боронились] другим на приклад зжечь весь» [10, с. 274]. Разве здесь что-нибудь написано о людях? Хотя, конечно, в нём упоминаются изменники и то, что Бату́рин должен быть сожжён в качестве назидательного примера («на приклад»). Но с учётом аналогичного содержания других писем, очевидно, что в данном случае уничтожить предлагалось крепость, а не людей. И мы на это обращаем внимание: среди прочих подробных указаний Пётр не предлагал проучить свободолюбивых украинцев. И о расправах над местными жителями в письме не говорится ни слова, хотя «изменники» упоминаются. Тем не менее, именно на этот текст нередко ссылаются историки, дабы подтвердить «резню», якобы Петром спланированную и организованную.

Впрочем, в Указе всему Малороссийскому народу от 6 ноября 1708 года Пётр I излагает русскую версию того, что произошло в Бату́рине: «... Також он, изменник Мазепа, пошед к Шведу, оставил в городе Бату́рине Сердюцкого полковника Чечеля да немчина Фридриха Кониксека и с ними несколько полков Сердюцких, да из городовых полков небольшое число казаков в гварнизоне и, подкупя их деньгами, приказал им наших царского величества ратных людей не впускать, в том намерении, дабы тот город и в нем обретающиеся войска Запорожского великой пушечной снаряд королю Шведскому со многим числом пороху и свинцу и инных припасов отдать, дабы он тем против нас воевать и Мало-

росийской край поработить мог. Что мы, уведав, отправили к тому городу генерала нашего от кавалерии князя Меншикова с частью войска, которой, пришед ко оному, посылал неоднократно от себя с нашим, великого государя, указом к помянутому полковнику Чечелю и Фридриху и ко всему гарнизону говорить, чтоб они войска наши в тот город впустили добровольно, без всякого супротивления, объявляя им измену Мазепину. Но они, по наущению помянутого изменника Мазепы, слушать того не похотели и по наших царского величества войсках стреляли. Того ради вышеписанной генерал наш князь Меншиков, по нашему указу, учинил к тому городу приступ и оной, милостию Божию, приступом взял. И те единомышленники Мазепины, за учиненную нам, великому государю, противность и измену, воспримут достойную казнь» [10, с. 277-278]. И с упомянутой перепиской царя с Меншиковым эта информация вполне согласуется.

Причём, по «мазепинской» логике именно в этом Указе Пётр мог и должен был оповестить малороссийский народ, что он сделает с каждым, кто будет ему противиться, оформляя каждый вывешенный свой Указ *«отрезанными головами мазепинцев»* [См.: 9], дабы охватило Украину оцепенение. Но он почему-то этого не делает. А ведь должен был. Или «мазепинцы» считают, что плоты с распятыми сердюками и казаками могли «оповестить» Малороссию о царском гневe быстрее и качественнее? Крайне сомнительно. Значит, не пытаясь в Указе запугать население уже состоявшейся карательной акцией, Пётр не вписывается в ту логику, которую выстроили под своё представление о нём «мазепинцы».

Однако в двух письмах к казацкой старшине он об этом пишет. Напомним, что в письмах от 9 ноября 1708 года к старшине Прилуцкого полка [10, с. 290-291] и коменданту Белоцерковской крепости [10, с. 291-292] Пётр I Батурин упоминает. Но там, где в них упоминается Батурин, речь идёт не о массовых убийствах людей, но лишь об уничтожении крепости, о котором Пётр упоминает в порядке предупреждения. *«Буде же кто дерзает сему нашему, великого государя, указу учинитися ослушен и ево, генерала нашего маеора, впустить с войском во оной не похощет, и с теми також учинено будет, как и с селящими в Батурине, которые, ослушаяся нашего, великого государя, указу, войск наших не впустили и взяты от наших войск приступом, а которые противились, те побиты, а заводчики из них казнены»* [10, с. 291].

Как видим, в своих посланиях казакам Пётр I более подробен. Но опять же в них царь подчеркивает: убиты были те, кто сопротивлялся («которые противились»), а из пленных смерти предали зачинщиков («заводчиков») мятежа [10, с. 292]. Очевидно, что угрожать всеобщей резней государю и в голову не пришло. Но предупредить возможную измену среди верхушки казачества он был просто обязан. Ведь в глазах царя казаки были не слишком надёжными. Другое дело: местное население. И даже по переписке Петра с Шереметевым и Меншиковым видно, что отношение его к «черкасам» было заботливым и дружественным. В самом деле, а почему оно должно было быть иным, если малороссы, сохранили верность России, сразу перейдя на сторону Петра, и сражались с оккупантами всеми средствами?

Поэтому для любого добросовестного историка очевидно, что вопреки заявлениям «мазепинцев» Пётр I не собирался «геноцидировать» батуринцев и приказа такого не отдавал, потому что видел в народе Украины союзника. Об этом говорят и его конкретные действия: по приказу царя жители Украины были освобождены от незаконных налогов и поборов гетмана, а при вступлении на Украину за чинимые «черкасам» обиды государь угрожал своим офицерам и солдатам смертью. К тому же известно, что многие из «изменников», кто ушёл с Мазепой к шведам, а потом вернулся обратно, не только не были казнены, но сохранили и свои должности, и поместья. В том числе такие известные полковники, как Д. Апостол, П. Полуботок и И. Галаган. Естественно, не со всеми русский царь был милостив. Но его неоднократные амнистии «изменникам» говорят о том, что в военных условиях он сделал для них, что мог.

Впрочем, судя по последующим событиям, предупреждение оказалось излишним. И в дальнейшем по отношению к другим городам и крепостям, в которые были направлены российские войска для организации их обороны против шведов, Пётр о Батурине более не упоминал, неоднократно констатируя, что народ Малороссии за гетманом не пошёл. Так, в

письмах к Ф. М. Апраксину от 30 октября он, в частности писал: «Правда, хотя сие зело худо, однакож он [Мазепа – А.С.] не толко с совету всех, но не с пяти персонь сие зло учинил. Что услышав, здеиной народ со слезами Богу жалуютца на онаго и неописанно злобствуют» [10, с. 253]. В другом письме ему же от 7 ноября царь подчёркивал: «Итако, проклятой Мазепа, кроме себя, худа никому не принес [ибо народом имени ево слышать не хотят]» [10, с. 285].

Кстати, помимо подобной оперативной информации от имени царя Петра был подготовлен и опубликован Указ всему Малороссийскому народу, в котором царь также касался Батурина и слухов о «резне»: «...Что же принадлежит о той фалшивой уккоризне неприятельской, будто по указу нашему Малоросийского народа дома и пожитки попалены и разорены, и то все подлоги неприятельские, к возмущению народа Малоросийского от него вымышленные, ибо мы войскам своим Великоросийским под смертною казнию запретили Малоросийскому народу никакого разорения и обид отнюд не чинить, за что уже некоторые самовольные преступники при Почепе и смертию казнены. А ежели что малое от жилищ их или хлеба пожечь принуждены были, по крайней нужде, дабы неприятелю ко препитанию то не досталось и дабы он тем принужден был без жилища и пищи погибать, что уже и учинилось было при Стародубе, ежели б тот изменник Мазепа далее его не потянул, о чем выше пространнее изъявлено. И то все мы, великий государь, тем, кто такой убыток претерпел, обещаем, по изгнании неприятельском из земель наших, милостию своею наградить; и чтоб тем претерпенным своим убыткам писали оные и подавали росписи...» [10, с. 283].

Однако в «Истории Русов» описывается массовый террор, которому подверглись сторонники Мазепы. И символом его стал «Лебединь». «Козаки, подозрѣваемые въ усердіи ихъ къ Мазепѣ, – повествует автор «Истории Русов», – по тому что они не явились въ общее собраніе для выбора новаго Гетмана, отыскиваемы были изъ домовъ ихъ и преданы различнымъ казнямъ въ мѣстечкѣ Лебединѣ, что около города Ахтырки. Казнь сія была обыкновеннаго Менщикова ремесла: колесовать, четвертовать и на колѣ сажать, а самая легчайшая, почитавшаяся за игрушку, вѣшать и головы рубить. Вины ихъ изыскивались отъ признанія ихъ самихъ и тому надежнымъ средствомъ служило препохвальное тогда таинство, – пытка, ... – батожьемъ, кнутомъ и шиною, т. е. разжженнымъ желѣзомъ, водимымъ съ тихостію или медленностію по тѣламъ человѣческимъ, которые отъ того кипѣли, шкварились и воздымались. Прошедшій одно испытаніе, поступалъ во второе, а кто всѣхъ ихъ не выдерживалъ, таковой почитался за вѣрное виновнымъ и веденъ на казнь. Пострадало такимъ образомъ, не превозмогшихъ таковыхъ уроковъ пытки, до 900 человѣкъ» [3, с. 212].

В свою очередь, продолжая традицию, заложенную в «Истории Русов», современный «мазепинец» С. О. Павленко пишет: ««Проявленные в военной кампании 1708 года примеры неслыханного деспотизма, жестокости – реакция самосохранения российского самодержавия, к которой не были готовы ни участники состязаний за волю Украины, ни Карл XII. Ошеломительная тактика Петра I сохранила его власть, господство империи. Последняя оказалась более мобильной, более агрессивной, чем те, кто посягал на ее существование. Такова реальность, с которой приходится считаться, и главное, извлекать из нее соответствующие уроки» [9].

Что касается реальности, с которой действительно нужно считаться, отметим, что своеобразные похвалы, которые расточает С.О. Павленко по отношению к тактике Петра, на деле должны скрыть настоящий ответ на вопрос: почему Карл XII и Мазепа проиграли Петру, вопреки своим расчётам? Понятно, что это произошло потому, что народ Украины поддержал тогда русского царя, а не гетмана. Но как такое могло произойти? Как малороссы могли предпочесть «украинскому патриоту» Мазепе Петра? У «мазепинцев» получается одно из двух: либо они были патологически глупы и, поддержав Петра, не понимали своего счастья, либо русский царь запугал их своим «ошеломительным» террором до такой степени, что им ничего другого не оставалось, как истреблять шведов где только можно. А поскольку обижать народ подозрениями в глупости даже «мазепинцы» стараются избегать по возможности, им ничего другого не остаётся, как довольствоваться тем, что

русский царь ошеломил своих врагов неслыханной жестокостью и, благодаря этому, одержал над ними верх.

Однако сия позиция является абсолютно неправильной и для нас крайне вредной, поскольку не только не соответствует действительности, но и настраивает на такое представление, согласно которому в войне побеждает тот, кто проявит большую жестокость. На самом деле жестокость, которую продемонстрировали во время Северной войны шведские войска, ничем не уступала описанию «батуринской резни» с той разницей, что «батури́нская резня» была сочинена Мазепой в ходе «войны перьями», а шведы жгли русские города Украины и истребляли малороссов по-настоящему. А значит, настоящий ответ заключается в другом. В том, что не учитывает и не понимает современная украинская «элита» - в историческом единстве русских и украинцев, которое нельзя исчерпать общностью веры. В их общерусском единстве. Единстве, несмотря на имеющуюся разность. Единстве, которое «мазепинцы» не хотят ни понять, ни принять. Ведь для них Петр – «кат» (палач) и всегда ненавидел Украину, а, значит, вполне мог преподать украинцам подобный урок.

Однако, напомним, что из конкретных старшин, перебежавших к Карлу, а затем пришедших с повинной обратно, «кат» Петр I почему-то не казнил никого. Более того, он даже не лишил их своих должностей, дав им возможность искупить свою вину в войне против шведов. И Данило Апостол, и Игнат Галаган, и Павло Полуботок как были полковниками, так ими и остались. Даже получили новые «маетности». Другие старшины, бежавшие с Мазепой, но вернувшиеся также не пострадали. О том, что такая позиция Петра I не случайна, свидетельствуют его указы от 1-го, 7-го и 10-го ноября 1708 года с обещанием полной амнистии тем, кто вернется. И Петр I сдержал свое слово. Более того, и тех представителей казацкой старшины, что перебежали на его сторону только в 1709 году после Полтавы, он не казнил, заменив казнь ссылкой. А в 1714 году объявил амнистию изменившим ему «мазепинцам» и вернул их семьи из ссылки [7, с. 173].

Но, спрашивается, почему тогда Петр милует старшин, виновных в измене и перебежавших к Карлу XII, но приказывает зверски убивать невиновных; тех, кто не знал о готовящейся измене гетмана и за ним не пошел? Где тут логика? А она, видимо, и не нужна. Ведь для каждого патриота Украины должно быть ясно, что Петр с детства не любил Украину, значит, и казнить украинцев ему было в радость [См.: 14].

Спрашивается, зачем это было сделано? Зачем устраивать бойню тех, кто даже не знал об измене своего гетмана? Ведь крепость была взята довольно быстро, а, значит, сопротивление можно считать незначительным. В противном случае А. Д. Меншиков, не располагая ни большой численностью войск, ни средствами, необходимыми для взятия крепости, не смог бы взять Батурин даже при благоприятных обстоятельствах. И тому доказательством является хотя бы оборона Полтавы, когда четырехтысячный гарнизон три месяца успешно оборонял крепость от сорокатысячной армии шведов. Ответ прост: по словам украинских историков, резней в Батурине русские хотели запугать украинцев, выставляя, где только можно отрезанные головы батури́нцев [См.: 9]. В результате, «Украина не отваживалась и пошевеливаться против Москвы» [1, с. 397], и её «парализованное от ужаса» население не смогло организовать сопротивление русским войскам. Правда, при этом, малороссы почему-то яростно набросились на шведов, вредя им и истребляя их, где только можно.

Кроме того, никаких российских документов - донесений, указов, протоколов, жалоб, свидетельств, писем, где было бы зафиксировано массовое избиение населения, либо подтверждалась указанная украинской стороной цель устрашения, обнаружено не было. Что, по меньшей мере, странно. Ведь, если российская сторона захотела запугать украинцев, то следовало бы об этом «акте устрашения» известить всех. Не сообщают о таких документах и украинские историки, предпочитая ссылаться на «Историю Русов».

Однако лучше в таких случаях ссылаться на документы. А из них можно узнать следующее. В письме к своему генерал-адъютанту Ф. Бартеневу от 5 октября 1708 года царь велел объявить драгунам, что в случае, если кто из них местным жителям «учинит какую обиду, и таковых велите вешать без пощады» [10, с. 181]. Во исполнение этого А.Д. Мен-

шиков издал свой указ, где говорится, что даже за отобранную у селян курицу его драгуны будут «лишены чести и живота» [11, с. 749]. Неудивительно, что «документы той поры не сохранили жалоб населения на обиды, чинимые солдатами и офицерами [русской армии – А.С.], в тоже время как шведы на земле своего «союзника» мародерствовали столь же свирепо, как в Польше и Саксонии» [8, с. 125].

Исключение представляет эпизод грабежей и мародёрства в Ромнах, после которого царь издал специальный указ о расследовании случившегося и казни виновных в этом офицеров и солдат [См.: 12, с. 10]. Но более о злоупотреблениях со стороны представителей русской армии в период военных действий документы не сообщают. Возможно, поэтому «мазепинцы» предпочитают этот вопрос обходить стороной, акцентируя внимание на другом.

В этих условиях, естественно, главным объектом обвинений стал российский полководец А. Д. Меншиков, которому «мазепинцы» не могут простить столь удачной военной операции, что перевернула ход Северной войны и в значительной степени предопределила полтавскую викторию, став одним из основных звеньев в цепи последующих русских побед. На него же «повесили» и «Лебедин».

«Имя Меньшикова занимало особое мѣсто и в той агитаціи мазепинцев, что развернулась широко, главным образом за границей, послѣ бѣгства и смерти Мазепы, – пишет известный историк Н.И. Ульянов. – Ему приписывалось угнетеніе украинцев, даже при помощи "всемогущей астролѣіи, которой дотолѣ во всей Руси не бывало и перед которою все было безмолвно, почитая направление и дѣйствіе ея магнита божественным или мистическим произведеніем".

Звѣрства царскаго любимца не ограничились по увѣренію "Исторіи Русов", батуринскими избіеніями, но распространились на тѣх чиновников и знатных казаков, что не явились "в общее собраніе" для выборов новаго гетмана. Они, по подозрѣнію в сочувствіи Мазепѣ, "отыскиваемы были из домов их и преданы различным казням в мѣстечкѣ Лебедино, что около города Ахтырки". Казни были, разумѣется, самыя нечеловѣческія, а казням предшествовали пытки "батоужьем, кнутом и шиною, т. е. разжженным желѣзом водимым с тихостію или медленностію по тѣлам человѣческим, которыя от того кипѣли, шкварились и воздымались".

Жертвами таких истязаній сдѣлалось, якобы, до 900 человек. Сейчас можно только удивляться фантазіи автора, но на его современников картина меньшиковских звѣрств производила, надо думать, сильное впечатлѣніе. Им неизвѣстно было, что число единомышленников Мазепы ограничивалось ничтожной горстью приближенных, что не только не было необходимости казнить людей по подозрѣнію в сочувствіи гетману, но и тѣ из заговорщиков вродѣ Данилы Апостола и Галагана, которые, побыв с Мазепой в шведском станѣ, вновь перебѣжали к Петру, – не были ни казнены, ни лишены своих урядов. Данило Апостол сдѣлался впоследствии гетманом. Дано было согласіе сохранить жизнь и булаву самому Мазепѣ, послѣ того, как он, пробыв нѣкоторое время в шведском стану, дважды присылал к Петру с предложеніем перейти снова на его сторону, да привести заодно с собой короля Карла и его генералов. От Мазепы перебѣжали в 1709 г. – генеральный есаул Дмитр Максимович, лубенскій полковник Зеленскій, Кожужовскій, Андріан, Покотило, Гамалія, Невинчаний, Лизогуб, Григорович, Сулима. Несмотря на то, что всѣ они вернулись послѣ срока назначеннаго Петром для амнистіи, и явным образом отвернулись от гетмана в силу того, что безнадежность его дѣла стала очевидной – Петр их не казнил, ограничившись ссылкой в Сибирь. Можно ли повѣрять, чтобы милуя таких "китов", он занимался избіеніем плотвы?» [13, с. 116-118].

При этом в свете однозначно отрицательного отношения автора «Истории Русов» и его современных апологетов к Петру и Меншикову довольно забавно выглядят похвалы, которые расточает автор «Истории Русов» генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметьеву по поводу его уважительного отношения к малороссам, противопоставляя его Меншикову. Однако, на самом деле эти похвалы должны относиться к российскому монарху, поскольку действия Шереметьева вытекают из неукоснительного выполнения приказов русского царя относительно отношения к малороссам. «"Надобно драгунам учинить заказ под по-

теранием живота, дабы они черкассам обид не чинили; и ежели кто им учинит какую обиду, и таковых велите вешать без пощады", — предписывал самодержец своим полководцам», — пишет по этому поводу А. С. Каревин [4]. И в этом смысле его обращение к народу Малороссии, в котором Пётр утверждал, что за причинённые обиды малороссам российские солдаты и офицеры заплатят жизнью, не являлось пиаром и показывало, что в данном вопросе у него слово не расходилось с делом. О чём сообщалось Петром в указе от 6 ноября 1708 года [10, с. 283].

Известно также, что русский царь не ограничился этим, приняв меры по существенному ослаблению сложившегося под руководством Мазепы «козацкого ига», когда гнёт старшины по отношению к малороссам прикрывался «колониальной политикой Москвы». В частности, 28 октября царским указом были отменены «аренды [отдача на откуп винной, дегтярной и табачной торговли — А. С.] и многие иные поборы», которые Мазепа «наложил на Малороссийский народ, будто на плату войску, а в самом деле ради обогащения своего» [10, с. 245]. При этом царь, увеличив жалованье запорожским казакам, приказывал великороссийским военачальникам обращаться с казацкой старшиной «сколько возможно ласкаво» [См.: 4].

Так что слова царя: *«можем непостыдно рещи, что ни который народ под солнцем такими свободами, и привилеями, и вольностью похвалиться не может, как, по Нашей, Царского Величества, милости, малороссийский»* - в свете этого не выглядят издевательством, и таковым тогда не воспринималось. Ведь Пётр там же объяснял и причину этого: *«ибо ни единого пенезя в казну Нашу во всем Малороссийском крае с них брать Мы не повелеваем, но милостиво их призираем, с своими войски и иждивении Малороссийский край, святые православные церкви и монастыри, и города, и жилища их от бусурманского и еретического наступления обороняем»* [10, с. 282]. Иначе говоря, благодаря отношению российской власти, на Украине тогда сложился своеобразный вариант офшорной зоны, когда в российскую казну деньги из Украины не поступали. И продолжалось такое льготное положение вплоть до 1764 года, когда был упразднён Гетманат.

Кстати, аналогичные сведения об отношении Петра к «черкасам» мы находим и у Н.И. Костомарова, когда он, рассказывая о финансовых проблемах воюющей со Швецией России и мерах Петра по наполнению казны, затрагивает уже упоминавшийся нами вопрос о государственной монополии на производство и распространение алкоголя. Причём, речь в них идёт о событиях после Полтавы, то есть тогда, когда, согласно логике «мазепинцев» у русского царя необходимость в поддержке его политики малороссами уже как бы отпала. «Во всем государстве запрещено было, невзирая ни на какое звание, готовить вино, а непременно брать из царских кабаков. То была новая тягость для народа, только малороссияне были избавлены от нее. Не только в самой Гетманщине, но и в великорусских краях, где они поселились, дозволялось им свободное винокурение. Петр ласкал малороссийский народ и освобождал его от поборов, таким гнетом падавших на великороссиян. Марта 11-го 1710 года манифестом царь строго запретил великорусским людям делать оскорбления малороссам, попрекать их изменою Мазепы, угрожая в противном случае жестоким наказанием и даже смертною казнью за важные обиды» [5, с. 664]. И получается, что, не доверяя жадной и склонной к изменам казацкой старшине, Петр своими мерами, насколько было возможно в тяжёлое военное время, всячески способствовал смягчению тягот простого населения на украинских землях и ограничению произвола над ними «значного» казачества.

В свете этого, следует подчеркнуть, что анализ исторических документов неизбежно подводит к мысли, что «батуринская резня» *«(если бы она действительно имела место) не только не являлась целесообразной, но и противоречила политике царского правительства»* [4]. Действительно, она совершенно не вписывается в общую политику русского царя и его подчинённых во время военных действий на Украине, не соответствует логике событий, не подтверждается приказами и действиями командиров. Ведь командующие русскими войсками не просто издавали приказы по армии, запрещавшие насилие над местными жителями, но принимали соответствующую систему мер по его повсеместному недопущению.

Да, Пётр I был очень противоречивой личностью, и роль его в истории не проста: великий государственный деятель, он сделал могучей Россию, но полностью закрепостил ее народ; царь-работник, он освоил 14 профессий, но при этом собственноручно рубил головы мятежным стрельцам. Его преобразования и Северная война потребовали неимоверных усилий всего народа. Он загубил многие жизни, был царем-катом, лишний раз подтвердив мнение, что великие преобразования делаются на большой крови. Но он не был палачом украинского народа. У Украины своих палачей хватало. И Мазепа был среди них одним из первых. По мнению Н. И. Костомарова, в отличие от Мазепы, Пётр любил свою страну, *«любил русский народ, любил его не в смысле современных и подвластных ему русских людей, а в смысле того идеала, до какого желал довести этот народ; и вот эта-то любовь составляет в нем то высокое качество, которое побуждает нас, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя в стороне и его кровавые расправы, и весь его... деспотизм»* [5, с. 767].

Впрочем, у «мазепинцев» осталось ещё одно «доказательство». И мы его в заключении анализа документов, касающихся непосредственно русского царя приведём. Так, в «Журнале» Петра по поводу взятия Батурина была сделана следующая запись: *«город Батурин (где Мазепа изменник имел свою резиденцию) достали не со многим уроном людей, и первых воров полковника Чечеля и генерального есаула Кениксека с некоторыми их единомышленниками взяли; а прочих всех побили, и тот город со всем сожгли и разорили до основания»* [2, с. 179].

Следует отметить, что эта выдержка – одна из самых любимых «мазепинцами» цитат, носящая как бы исчерпывающий характер, после которого уже ничего доказывать не надо, поскольку вроде всё итак ясно. Ведь если в «Журнале» Петра записано, что «прочих всех побили, и тот город со всем сожгли и разорили до основания», то какие ещё нужны доказательства? Однако, уточним, что в данном тексте под «прочими» понимают не всех жителей, а только «единомышленников» Чечеля и Кениксека: «первых воров полковника Чечеля и генерального есаула Кениксека с некоторыми их единомышленниками взяли; а прочих всех побили». А таковых могло быть совсем немного. Поэтому считать на основании данной записи в «Журнале» Петра проблему «геноцида» в Батурине доказанной не представляется возможным. А потому, в заключении приведём цитату из сообщения А.Д. Меншикова, написанного по просьбе Петра I для «Истории Свейской войны»: *«По двухчасовом бою оную фартецию взяли, в которой воров многих побили, а достальных живьем побрали, между которыми и старшин»* [Цит. по: 6]. Таким образом, хотя «факт» массовой резни в Батурине в Украине считается бесспорным, поскольку давно и прочно внедряется в массовое сознание, мы можем констатировать, что строится он целиком на непроверенных слухах, на основе которых столь односторонних и категоричных выводов делать нельзя.

Источники и литература.

1. Грушевский М. Иллюстрированная история Украины с приложениями и дополнениями / Составители И.И. Брояк, В.Ф. Верстюк. Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2006. 768 с.
2. Журнал или Поденная записка блаженные и вечно достойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770. Ч. 1.
3. Истори́я Русовъ, или Малой Россіи. М., 1846. 257 с.
4. Каревин А. Выдумка старого гетмана. Необычный взгляд на «Батуринскую резню» [Электронный ресурс] // Сайт «Единое Отечество». – Режим доступа: <http://www.otechestvo.org.ua/main/200511/817.htm>
5. Костомаров Н. И. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. 1024 с., илл.
6. Кочегаров К.А. Измена И. Мазепы и политика русского правительства на Гетманщине [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово». – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/40241.php?PRINT=Y>
7. Крупницький Б. Д. Гетьман Мазепа та його доба. К.: Україна, 2003. 240 с.: іл.
8. Павленко Н. И. Полудержавный властелин. Ист. Хроника о жизни сподвижника Петра Первого А.Д. Меншикова. М.: Политиздат, 1991. 398 с.: илл.
9. Павленко С. «Тот город со всем сожгли...» Батуринская трагедия 1708 г.: факты и домыслы [Электронный ресурс] // Сайт «День». – Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/192545/>

10. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. (июль-декабрь 1708 г.). Вып. 1. М.-Л., 1948. 408 с.
11. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. (июль-декабрь 1708 г.). Вып. 2. М.-Л., 1948.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. (январь-декабрь 1709 г.). М.-Л., 1950. 526 с.
13. Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996. 287 с.
14. Штепа П. Московство. Дрогобич: Видавнича фірма «Відродження», 1997. 336 с.

«БАТУРИНСКАЯ РЕЗНЯ»: ПОИСКИ УТРАЧЕННОГО СМЫСЛА**Ставицкий А. В.****Филиал МГУ в городе Севастополе**

Когда речь идёт о русском бунте, можно вслед за А. С. Пушкиным допустить, что он был «бессмысленным и беспощадным». Хотя эта версия на сегодня весьма системно оспаривается. Но в данном случае речь идёт не о чём-то иррациональном, как бы это ни стремились подать национально озабоченные украинские историки, когда речь идёт о т. н. «батуринской резне», но о вполне осмысленном приказе, легко вписывающемся в контекст происходившей на Украине войны и подчинённом его логике. Приказе, понятном и простом. И он не исходил из необходимости тотального уничтожения подданных России лишь на том основании, что руководивший Войском Запорожским гетман решил перебежать на сторону шведов.

Поэтому о факте разрушении Батурина никто не спорит. Но для каждого исследователя событий в Батурине проблема заключается не в том, были ли жертвы среди мирного населения во время захвата и разрушения Батурина, а в том, была ли там спланирована и организована массовая расправа? Было ли разрушение батуринской крепости решено в рамках стратегической задачи - лишить шведов возможности продолжать войну за счёт гетманского ресурса? Или оно изначально планировалось как карательная акция? В этом заключается главная задача исследования «батуринского мифа» – выяснить, была ли после захвата Батурина устроена массовая резня мирных жителей, в ходе которой погибли тысячи невинных людей, включая «маленьких детей»?

Итак, зачем русским надо было захватить и разрушить батуринскую крепость, понятно. Ведь после перехода гетмана Войска Запорожского Яна Мазепы на сторону Карла XII, Пётр I приказал взять столицу Гетманата Батурин, где были собраны большие запасы оружия, продовольствия и боеприпасов. Для шведов эти запасы после утраты обоза в битве у деревни Лесной были крайне важны. Их войска ускоренным маршем двигались к крепости и уже готовили переправу через Десну, чтобы двигаться прямым ходом к Батурину. Но «летучий отряд» А. Д. Меншикова успел к Батурину раньше. Известно, что находившиеся в крепости сердюки об измене Мазепы ничего не знали. Но, несмотря на заверения в преданности России, они ворота отряду Меншикова не открыли. И тогда, после нескольких дней переговоров, был штурм. Он был быстрым и успешным. Но была ли после него устроена резня?

Ясно, что, исходя из необходимости эффективного противодействия шведам и наличия в крепости большого количества фуража, продуктов, пушек и боеприпасов при её общей запущенности, крепость проще было разрушить, а имеющиеся запасы либо полностью уничтожить, либо забрать с собой. Словом, эти действия Меншикова были продиктованы элементарной логикой, военной целесообразностью и решающим образом повлияли на военные действия в дальнейшем. В доказательство этого достаточно будет напомнить, что в Полтавской битве шведы смогли использовать всего только 4 небольших пушки, сделав ставку на штыковую атаку. Чем всё это закончилось, мы знаем. Но причём здесь батуринцы? Если малороссы с самого начала поддерживали русского царя, выступив на стороне России, зачем их убивать?

Напомним, что в начале ноября Пётр I трижды писал Меншикову, что если есть надежда не допустить захвата Батурина шведами, его следует защищать. В противном случае, приказывал царь, замок со всеми припасами нужно сжечь, а пушки вывезти, так как «когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то Шведы также легко могут взять, как мы взяли» [9, с. 270-271]. Состояние укреплений Батурина не внушили Меншикову доверия. Значит, решение сжечь Батурин, при невозможности эффективно его защи-

щать, стратегически было правильным. Но жестоко расправляться с мирными жителями? Зачем? Ведь в отношении местного населения задача Петра была не в том, чтобы устроить, парализовать, нейтрализовать и затерроризировать его, не дав перейти на сторону гетмана Мазепы, а в том, чтобы всеми мерами поощрить верных подданных и расположить, привлечь к себе, перетянуть на свою сторону сомневающихся. И об этом ясно говорят все его военные действия и распоряжения.

По всему видно, что русский царь рассматривал малороссийский народ в качестве не врага, а союзника, поскольку без народной войны разгромить шведское войско было очень трудно. Если вообще возможно. И Пётр эту народную поддержку на Украине получил в виде т. н. «малой войны» против шведов. А если это так, то как Пётр должен был поступить с жителями Батурина, которые не были в курсе планов своего гетмана и не собирались его поддерживать, оставаясь «на стороне православного царя» [2, с. 52], но невольно оказались заложниками командования гетманских наёмников - сердюков?

К тому же следует учесть, что на фоне тонкой борьбы за общественное мнение жителей Украины, когда Петру приходилось неоднократно миловать даже изменников, устраивать массовые показательные карательные акции и казни сохранивших ему верность невинных людей для русского царя и его ближайшего окружения было бы крайне неразумно. А, как известно, Пётр глупым не был. Или на протяжении всей войны на территории Украины он находился в состоянии перманентной истерии на почве ненависти к Украине, как нас пытаются уверить? Как-то сомнительно.

Очевидно, что ограничиваться анализом фактов в данном случае будет недостаточным. Надо понять мотив. Смысл. Реконструировать ход мыслей тех, кто командовал русской армией. И он выводит нас на простой и вполне закономерный вывод: никакого рационального смысла и никакой практической целесообразности убивать всех батуринцев у русского царя не было. Как известно, в любом расследовании убийства отсутствие мотивации однозначно говорит о том, что следователь имеет дело с маньяком. И именно с таким «делом» мы сталкиваемся, когда речь идёт о «батуринской резне». С точки зрения здравого смысла она никак не мотивирована. Но «мазепинцы» абсолютно убеждены, что террор был, и «батуринская резня» стала его началом. Это даже не обсуждается. Любые сомнения в данном случае трактуются как злокозненные акции врагов Украины, оскорбляющие память об убиенных. И должны караться как минимум всеобщим презрением. Поэтому, согласно мнению А. Апанович, Пётр приказал «Меншикову штурмовать Батурин, используя безоглядный террор, чтобы с самого начала устрашить население Украины от шведов» [1].

Причём, даже такой уважаемый на Украине историк как доктор исторических наук, профессор Н.Н. Яковенко не избежала повторения тех пассажей, которые уже двести лет со времени появления «Истории Русов» переходят из одной книги в другую почти без изменений. «Первой жертвой царского гнева, – пишет она, – пала гетманская столица: Петр приказал Меншикову *Батурин ...другим на приклад сжечь весь* [курсив Н.Я. – А.С.] Взятый в осаду 11 ноября город имел хорошую артиллерию и загодя подготовленные запасы пороха и пищи, то есть мог бы продержаться к подходу Мазепы, однако развязку ускорила измена. На рассвете 13 ноября (2 по ст. ст.) в 1708 г. московское войско вступило в город и внезапным ударом перебило казачий гарнизон Чечеля и немца Кенигсена, руководителей обороны. После этого солдаты взялись за безоружных горожан: за один день было истреблено около 6 тыс. батуринцев (по другим данным - до 15 тыс.), в том числе женщин и детей. Трупы несчастных жертв карательной акции укрывали улицы, а изувеченные тела взятых в плен казаков привязывали к доскам и бросали в р. Сейм, чтобы, плывая, они навели ужас на всех, кто попробует поддержать Мазепу» [12].

Что в данном тексте является особенно интересным?

1. Выделенный курсивом текст: «*Батурин ...другим на приклад сжечь весь*» – является цитатой из письма Петра А.Д. Меншикову от 5 (16) ноября 1708 года. Более полно он звучит так: «для того удобнее артиллерию вывести половину в Глухов, и другую в Севск, а Батурин в знак изменникам [понеже боронились] другим на приклад сжечь весь» [9, с. 274]. Причём, отметим, что именно этот отрывок чаще всего используется «мазепинцами» как доказательство желания Петра сжечь Батурин вместе со всеми его жителями. Однако

известно, что Пётр писал об этом Меншикову неоднократно ранее (2 и 4 ноября), не зная, получил ли тот его письма или нет. И из них видно следующее: 1) Пётр предлагал Меншикову сжечь Батури́н лишь в том случае, если его нельзя от шведов защищать; 2) сжечь предлагалось только строения, а не людей, поскольку крепость шведы могли использовать против русских войск с выгодой для себя. В частности, в письме от 2 ноября русский царь пишет: «Что ж принадлежит о городе, и то полагаю на вашу волю: ежели возможно от Шведов в нем сидеть, однакож несколько пушек лутчих вывести в Глухов, то изволте поправить и посадить в гварнизон [хотя драгун в прибавку стрелцам, пока пехота будет]. Буде ж [как я от присланного слышал] оной не крепок, то зело лутче такую великую артиллерию вывести в Глухов, а строенье зжечь [которое там зело ныне нужно], понеже, когда в таком слабом городе такую артиллерию оставить, то Шведы также лехко могут взять, как мы взяли» [9, с. 270-271].

2. Основную причину падения крепости Н.Н. Яковенко видит не в её плохом состоянии, а в измене, что никакими источниками не подтверждается. Но зато хорошо известна история «измены полковника Носа», изложенная в «Истории Русов», на которую, однако, г-жа Яковенко, как уважаемый и «порядочный» историк, открыто не ссылается. А опубликованные воспоминания Меншикова о взятии Батурина вообще не рассматривает, возможно, считая их недостойными доверия.

3. Разгром Батурина уважаемый профессор Киево-Могилянской академии называет не иначе как «карательной акцией», что само по себе уже настраивает на то, что целью взятия Батурина был не захват и уничтожение потенциально основной опорной базы шведов в ходе «украинской кампании», а массовая расправа над мирными жителями.

4. Перечисляя количество жертв, она не стесняется называть самые большие цифры (до 15 тысяч убитыми), не считая сердюков, утверждая, что трупы «несчастных жертв карательной акции укрывали улицы» ковром, а «изувеченные тела взятых в плен казаков привязывали к доскам и бросали в р. Сейм, чтобы, пlying, они наводили ужас на всех, кто попытается поддержать Мазепу». Однако подумать, где можно взять такое количество брёвен и досок для пленных и как эти доски будут «плыть» по уже покрывшему реку Сейм льду, г-жа Яковенко не считает необходимым. Не говоря также о том, что от Сейма крепостные стены расположены на расстоянии 150-300 метров. И для понимания данной ситуации это крайне важно. Ведь, если не допустить, что Меншиков убрал за собой все трупы, включая и отправленные по замёрзшей реке плоты с распятыми на них телами казаков, то совершенно не понятно, почему их не могут найти столько лет ведущие раскопки в Батурине украинские археологи.

5. При этом бросается в глаза тонкая игра с подменой понятий, которые обозначают жертвы. В частности, т. н. «казацкий гарнизон» у неё позволяет снять проблему сердюков в принципе, которых она в данном тексте вообще не упоминает. А термин «батуринцы», надо полагать, вбирает в себя всех – и гарнизон, и жителей, становясь аналогом понятия «мазепинцы», чтобы создавалось впечатление, что сердюки, казаки и местные жители разом объединились в едином порыве за великую идею гетмана и готовы были ради неё пожертвовать жизнью, но не отдать Батури́н «клятым москалям».

Тем более, что Н. Н. Яковенко убеждена: «События в Батурине стали как бы прелюдией к террору, который охватил Украину. Вскоре в Лебедине начала действовать специальная следственная комиссия, которая жестокими пытками вырывала признание от заподозренных. Число замученных Лебединской комиссией жертв достигало до 900 лиц (учитывая, что на то время в Украине жило около 800-1000 старшинских семей, террор, как видим, обошел немногих). Прятали несчастных на специальном кладбище гетманцев, отделенном от обычного христианского» [12]. И далее, дабы подтвердить данную информацию, Н. Н. Яковенко цитирует донесение французского посла, представленное как истина в последней инстанции: «московский генерал Меншиков принес на Украину все кошмары мести и войны. Все приятели Мазепы бесчестно истязаются; Украина залита кровью, разрушенная грабежами и обнаруживает везде страшную картину варварства победителей».

Ясно, что ключевые слова в данном кратком тексте: «кошмары мести», «все приятели Мазепы... истязаются», «Украина залита кровью», «разрушенная грабежами», «варвар-

ства победителей». То есть террор обрушился на всех «приятелей Мазепы». При этом, поскольку у французского посла вся «Украина залита кровью» и разграблена русскими варварами, надо полагать, что у Мазепы в приятелях ходили все малороссы. А ведь знает г-жа Яковенко, что из настоящих «приятелей» Мазепы, которые с ним переметнулись к шведам, но затем вернулись к Петру, практически все были не только пощажены, но и сохранили свои посты и имения. Знает, что представлять русскую армию как единственную виновницу «кошмаров мести и войны», «грабежей» и «варварства победителей» будет неправильным даже в том случае, если вина русской армии уже полностью доказана, потому что отрицать террор шведов не додумался даже анонимный автор «Истории Русов».

Но если знает, что донесение французского посла голословно и тенденциозно, почему цитирует, представляя его как бесспорного очевидца и объективного свидетеля? Ясно, что совсем не для того, чтобы у читателей о событиях Северной войны на Украине сложились объективные представления. Иными словами, при публично заявленном научном подходе Н.Н. Яковенко использует свой научный авторитет и знания не затем, чтобы прояснить весьма запутанную и непроверенную историю, но лишь для того, чтобы обслужить господствующую историческую доктрину, используя типичные для фальсификаторов манипуляции [См.: 12]. И не только в подмене понятий. Но и в том, как она вплетает в скрытую цитату из «Истории Русов» статистические данные по количеству старшинских семей, заодно делая вывод, что «террор, как видим, обошел немногих».

В «Истории Русов» об этом драматическом эпизоде украинской истории написано следующее: «Пострадало такимъ образомъ, не превозмогшихъ таковыхъ уроковъ пытки, до 900 человекъ. Число сіе можетъ быть увеличено; но, судя по кладбищу, отлученному отъ Христіанскаго и извѣстному подъ названіемъ "Гетманцовъ", должно заключать, что зарыто ихъ сдѣсь очень не мало» [3, с. 212-213] Как видим, уважаемый профессор из Киево-Могилянской академии не просто ссылается на сочинение, признанное ещё в XIX веке ведущими русскими историками, включая и Н. И. Костомарова, назвавшего автора «Истории Русов» «умышленным лжецом» [См.: 5, с. 517], весьма далёким от исторической действительности и обладающим всеми признаками «умышленной фальсификации» [10, с. 106], «памфлетом» [См.: 4], но и попросту, не ссылаясь на него, в скрытой форме его цитирует (!). Однако как это понимать? Ведь, согласно мнению Н. И. Ульянова, подобное, основанное на фантазиях сочинение могло появиться *«только в эпоху полной неразработанности украинской истории»* [10, с. 107]. Но если ведущие украинские историки до сих пор не только ссылаются на «Историю Русов», но даже в скрытой форме её цитируют, представляя едва ли не единственным и уж точно достойным полного доверия историческим источником, то в каком состоянии украинская историческая наука находится сейчас?

К слову, надо сказать, что в подобных манипуляциях профессора Н. Н. Яковенко, по сути, обвиняет и украинский историк, доктор исторических наук Д. Б. Яневский, заметивший, что в своих исторических трудах по истории XVII века Н. Н. Яковенко «упёрто» называет «украинскими» («Н. Яковенко вперто називає "українськими"») и земли («землі»), и русское население («руських»), хотя по документам - и польским, и русским (российским), и земли, и люди назывались русскими [См.: 13, с. 6,7] Однако, если даже такой ведущий историк по данной эпохе и в целом зарекомендовавший себя настоящим профессионалом-историком как Н. Н. Яковенко, по батуринской тематике прибегает к подтасовкам и манипуляциям, всячески обслуживая господствующую идеологическую доктрину, то, что тогда говорить про других? В свете этого спрашивается, какую цель преследуют «мазепинцы»: разобраться в довольно запутанном, но ставшем знаковым эпизоде украинской истории или убедить одних, что только они знают, как было на самом деле, и осудить других за фактически не подтверждаемые и логически неубедительные массовые злодеяния? Основаны ли выводы «мазепинцев» на проверенной информации незаинтересованных свидетелей или выбранные ими факты искусственно подгоняются под желанные для них политические установки? На что они делают ставку: на системный анализ имеющихся данных на предмет их всесторонне обоснованной достоверности или на построенное на эмоциях и внушённых заранее установках суггестивное воздействие?

Очевидно, что в данном случае «мазепинцы» от истории истину не ищут, а СОЗДАЮТ. Создают, естественно, под себя и свой интерес. И потому правильный ответ в данной истории им известен заранее, а любые сомнения в нём считаются оскорбительными для памяти всех погибших за свободу Украины.

Впрочем, даже несмотря на такие интеллектуальные усилия, свести концы с концами у «мазепинцев» плохо получается. Поэтому единственным и обязательным условием, позволяющим доказать, что «резня» могла произойти, является необходимость принять за основу насаждаемый в Украине отдельными «исследователями» тезис про иррациональную и патологическую жестокость русских («нелюди», «людожоры», «орда»), а также их тотальную ненависть к Украине и народам Малороссии, воспринимаемым «московитами» как «исчадь ада». В противном случае придётся признать, что такой резни не только не было, но и не могло быть. Что она, по сути своей, столь же невероятна, сколь невероятной является популярная в Галичине версия, будто Иисус Христос был галичанином. Однако, галичане в силу ряда причин настаивают и на том, и на другом, не приводя в пользу своих версий никаких убедительных доказательств. И они им, надо полагать, совсем не нужны.

Но чего только не придумаешь, чтобы за счёт унижения других возвысить себя. Причём, самое удивительное заключается в том, что подобный бред без какой-либо существенной коррекции передают «из уст в уста» не только ошалевшие от ненависти к России и русским украинские националисты, но и считающие себя вполне адекватными людьми и профессиональными историками учёные дамы и мужи.

В этом случае обычно слышишь следующую аргументацию: «Петр сорвал свой гнев на гетманской столице», «если за измену Гетмана, известный своей безумной вспыльчивостью царь предаёт анафеме весь народ, то что же это, как не слепая месть?» «город уничтожен, чтобы искоренить даже упоминание про Батурин и его защитников» и т. п. [См.: 7, 11, 1].

В целом, эта специфическая «украинская» логика понятна: главное для Петра – отомстить Мазепе и запугать украинское население. И потому, «Александр Меншиков... как представитель российского государства осуществлял в Батурине не только войсковую операцию, но и карал в гетманской столице украинцев за их желание быть свободным народом» [6]. Вот такое мнение писателя и журналиста С. О. Павленко. И не ведомо «свидомому історіку», что:

- русская церковь народ анафеме не предавала;
- ни один исторический документ наличие «украинцев» как этноса на Украине в начале XVIII века не подтверждает, так как распространённый в XVII-XVIII вв. термин «Украина» являлся тогда не этнонимом, а топонимом, т. е. обозначал не территорию, где проживал конкретный этнос, а просто географическое пространство, являвшееся частью чего-то большего (Московского государства или Речи Посполитой), заселённое народом русским, о чём свидетельствуют сохранившиеся документы, в том числе и польские;
- гетман, подобно современному украинскому руководству, стремился свой личный «европейский» выбор выдать за волеизъявление всего народа, а нынешние «науковці» и «митці» пытаются теперь через раздуваемый культ Мазепы исторически «освятить» свой «евровыбор», выдав его за выбор «цивилизационный».

При этом, чтобы поверить в истинность данной версии, важно изначально считать, что отношение в России к малороссам выстраивается как к однозначно чужим. Как к людям второго сорта, тем, за счёт кого Россия живёт и самоутверждается. Примерно так в Речи Посполитой польская шляхта относилась к православным селянам и козачеству. В Испании католики так относились к евреям, включая крещённых «марранов», чьё название в переводе с испанского языка означает «свинья». Во Франции – к альбигойцам и гугенотам. Однако, если на Руси с незапамятных времён отношение к другим народам и религиям было терпимым, если в ней не было массового террора инквизиции и, как в Европе, не уничтожали системно иноверцев, то почему русским нужно было относиться как к еретикам и иноверцам к тем, кто был с ними одной веры и этнической принадлежности, только жил на юге России? Всего-то. Напомним, что тогда в «просвещённой» по мнению

многих украинских историков Европе по закону за любовную связь с иноверцем карали как за сожительство с животным. Так что в XVII в. Европа ни гуманизмом, ни веротерпимостью не отличалась.

С другой стороны, история действительно знает немало случаев системного уничтожения населения враждебной территории, включая карательные акции Рима по отношению к Карфагену и Коринфу во II веке до н. э., а также карательные акции Александра Македонского по отношению к жителям Фив и Тира. И логика их понятна. В одних случаях речь обычно шла о зачистке «жизненного пространства», которое должны занять завоеватели. В других – наказание за попытки сопротивления для устрашения других. Нередки были также случаи тотального уничтожения населения, если оно представляло для завоевателей нечто совершенно чуждое и даже не соотносимое с людьми. Но подобная логика для событий в Батурине не подходит, население которого было этнически родственным, не знало о бегстве и предательстве Мазепы и в массе своей его не поддерживало.

Именно поэтому «батуринская резня» не может быть понята, если не использовать привычные для «мазепинцев» иррациональные объяснения. А без учёта контекста тогдашней («война перьями») и сегодняшней информационной войны, она вообще теряет смысл.

Источники и литература.

1. Апанович О. Велика ідея гетьмана Івана Мазепи [Електронний ресурс] // Апанович О. Гетьмани України і кошові отамани Запорозької Січ. Режим доступа: <http://exlibris.org.ua/apanowicz/mazepa.html>
2. Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. Образ и трагедия гетмана Мазепы. СПб.: Общество памяти игумении Таисии. 208 с.
3. История Русов, или Малой России, сочинение Георгия, Архиепископа Белорусского. М.: В Университ. типогр., 1846. 342 с.
4. Карпов Г.Ф. Критический обзор разработки главных русских источников до истории Малороссии относящихся, за время: 8-е января 1654 – 30-е мая 1672 года. М.: Типогр. Грачева и комп., 1870. 179 с.
5. Костомаров Н.И. Ответ г. Карпову (на сочинение Г. Карпова «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8 января 1654 – 30 мая 1672 года») // Русские инородцы. М.: «Чарли», 1996. С. 515-523/
6. Павленко С. Письма «адвокату» Меншикова о Батурине [Електронний режим] // Сайт «Фраза». Режим доступа: <http://www.fraza.ua/zametki/05.03.08/48393.html>
7. Павленко С. «Тот город со всем сожгли» Батуринская трагедия 1708 г.: факты и домыслы [Електронний режим] // Сайт «День». Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/192545/>
8. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VIII. (июль-декабрь 1708 г.). Вып. 1. М.-Л., 1948. 408 с.
9. Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996. 278 с.
10. Червак Б. Кто ответит за Батурин? [Електронний ресурс] // Сайт «Украинская правда». Режим доступа: <http://pravda.com.ua/ru/news/2007/12/3/67656.htm>
11. Яковенко Н. М. Мазепа і мазепинці // Яковенко Н. М. Нарис історії України [Електронний ресурс] // Сайт «Історія України». Режим доступа: http://history.franko.lviv.ua/yak_r5-3.htm
12. Яневський Д.Б. Проект «Україна» або Таємниця Михайла Грушевського. Харків: Фоліо, 2010. 315 с.

**КРЫМСКИЕ АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ГРЕЧЕСКИХ ЦЕРКВЕЙ БАЛАКЛАВЫ И СЕВАСТОПОЛЯ. КОНЕЦ XVIII – XIX ВВ.
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ
АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ)**

ТЕРЕЩУК Н.М.

Севастопольский городской Совет депутатов

История Севастополя и Балаклавы, в первую очередь, всегда рассматривалась как военная история стратегически важных приграничных земель Российской империи, и в гораздо меньшей степени – как история населенных пунктов с присутственными местами и культовыми храмами. Гражданское население Севастополя и Балаклавы в конце XVIII в. состояло из греков-старожилов (возвращенцев из Приазовья) и переселенцев: в Балаклаве из Северной Греции и Архипелага, а в Севастополе – эмигрантов из Анатолии и Понта. Таким образом, была сформирована греческая община [1, с. 43]. Говоря о греческих церквях, мы будем придерживаться современного административно-территориального деления, так как в XIX в. Севастополь и Балаклава входили в Ялтинский уезд, а Северная сторона Севастополя относилась к Симферопольскому уезду.

Источниковую базу исследования можно разделить на две большие группы: печатные источники и архивные документы. Неоценимую пользу в изучение истории греческих церквей принесли сами служители культа. Преосвященный Гавриил в начале XIX в. составил «Историко-археологическое описание церквей Херсонской и Таврической епархии» [2]. В его работе представлены даты постройки церквей, в том числе, греческих и дана их краткая характеристика. В 1872 году увидела свет работа кафедрального протоиерея Михаила Родионова «Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор» [3]. А в 1887 году была издана книга «Таврическая епархия» подготовленная Гермогеном, бывшим архиепископом Таврическим и Симферопольским [4].

В таблице представлены сведения из вышеприведенных работ, а также из архивных документов.

Название населенного пункта	Название церкви	Дата			По клировым ведомостям
		по Гермогену	по Гавриилу	по Родионову	
1	2	3	4	5	6
Севастополь	Петропавловская	-	1792	не указывает	1792, перестроена 5 октября 1843 г, вновь освящена 22 декабря 1857 г., возобновлена в 1889 г.
Балаклава	12 апостолов, Николаевская	1375, обновлена в 1794, возобновлена в 1857 г. как Николаевская	-	1794	вновь освящена 8 июня 1857 г.
Камары (совр. Оборонное)	Марининская	-	1794	1794	неизвестно, в 1838 г. подняты стены, вновь освящена 14 декабря 1857 г.

1	2	3	4	5	6
Карань (бывш. Флот- кое, часть Балаклавы)	Константино- Еленинская	ранее 1779	1830	1775	1775, вновь ос- вящена в 1856 г.
Кадыковка (часть Балак- лавы)	Троицкая	1810	1810	1810	1810 (1815) пе- рестроена из татарской мече- ти, отремонти- рована в 1843 г. после землетря- сения 1838 г.
Лаки (бывш. с.Горянка Бахчисарай- ского р-на, не существует)	Лукинская	-	1794	1794	во время владе- ния крымских ханов, в 1849 г. пере- строена
Мангуш (с. Прохлад- ное Бахчиса- райского рай- она)	Петропавловская	до присоеди- нения Крыма, обновлена в 1808 г.	1808	до присоеди- нения Крыма, об- новлена в 1808 г.	1821 г.
Балта-Чокрак (с. Алешино Бахчисарай- ского р-на, не существует)	Пантелеймонов- ская	1835	1835	1835	1835 г., пере- строена в 1866 г.
Бия-Сала (Верхоречье)	Иоанно- Предтеченская	1587, возоб- новлена в 1848	-	1848	1587 г., пере- строена на раз- валинах древ- ней греческой церкви и освя- щена 24 октяб- ря 1848 г.
Керменчик (Бахчисарай- ский район)	Феодора Тирона	возобновлена в 1882	-	до присоеди- нения Крыма, об- новлена в 1834 г.	1837, в 1852 г. закрыта по вет- хости

Все эти разночтения в датах освящения культовых зданий, которые представлены разными авторами, помогают уточнить архивные документы.

Среди современных исследователей, касающихся данной проблематики, следует назвать к.и.н. М.А. Араджиони [5].

Архивные материалы следует разделить на несколько групп по видам документов: протоколы заседаний Таврической духовной консистории, клировые ведомости, метрические книги и персональные дела о конкретных служителях культа. Документы, отложившиеся в фондах: Симферопольского (ф. 135) и Перекопского (ф. 134) духовных правлений лишь частично касаются данной темы. А в фонде Феодосийской духовной консистории (ф. 343) выявлено уникальное дело «Исповедные росписи бывших и не бывших у исповеди и причастии в великую четырехдесятницу 1795 года прихожан греческих церквей гг. Севастополя, Керчи, Бахчисарая и других мест» [6]. В настоящее время это самые ранние сведения, выявленные по данной тематике. Несмотря на плохую физическую сохранность дела и то, что часть текста написана на греческом языке, все-таки удалось частично прочесть документы. Кроме ценных сведений о персоналиях в деле представлены следующие статистические сведения о прихожанах церквей: греческая Петропавловская церковь: духовных лиц – 4, прихожан – 75 (42 муж. и 33 жен.) [7, л. 2-4]; прихожан церкви Федора

Тирона в селении Керменчик – 43 (23 муж. и 20 жен.) [7, л. 33-34об.]; Лукинская церковь селения Лаки – 102 (52 муж. и 50 жен.) [7, л.36-39].

Самым информационным фондом в Крымском республиканском архиве являются документы Таврической духовной консистории. Несмотря на то, что созданию консистории 16 ноября 1859 года предшествовала деятельность Херсонской и Таврической консистории, самые ранние документы, отложившиеся в фонде, датируются концом XVIII в.

Почти в полном объеме сохранились протоколы заседаний Таврической духовной консистории. Среди прочей информации в них содержатся сведения о пожертвованиях церквям, которые осуществлялись отдельными лицами. Так, 25 января 1860 года на своем заседании консистория рассматривала документы капитан-командора Е.П. Сарандинаки, завещавшего Севастопольской Петропавловской церкви дом. Сложность в оформлении пожертвованного дома состояла в том, что он был разрушен в период первой обороны Севастополя 1854-1855 г., пропали также подлинные документы. Известно было только, что по сведениям Севастопольской городской думы казенные иски и частные взыскания на здание отсутствовали. В связи с нестандартной ситуацией консистория решила обратиться в Святейший Синод для закрепления места за церковью [8, л. 2].

В начале XIX в. еще не было создано Севастопольское благочиние. Крым был разделен на две части, в которые были назначены благочинные. Севастополь был отнесен ко второй части и подчинялся Симферопольскому духовному правлению Екатеринославской консистории. Туда же входили греческие церкви, находившиеся в окрестностях Балаклавы.

Самые ранние сохранившиеся клировые ведомости датируются 1803 годом. В них содержатся сведения о наличии зданий, земельных участков, утвари, но не приводятся сведения о постройке и освящении культовых храмов. В «Ведомости о церкви Ахтиарской греческой Петропавловской по священноцерковно служителях за 1803 год» указывается, что в тот год Петропавловскую церковь возглавлял иеромонах Григорий из греческого средиземноморского города Фессалоники, 39 лет, прибывший в Россию в 1787 году, а 1795 году определен в греческую Петропавловскую церковь. Указным пономарем был Христофор Николаев, «греческой нации», 80 лет [9, л.19-20]. Из чего можно сделать вывод, что в Севастополь переезжали не только греки-военнослужащие, но и греческие священнослужители.

«Формулярная ведомость Симферопольского уезда селения Керменчика Федора Тирона и лик и евангелиста Луки церковей ...» за 1812 год представляет нам сведения о священнике Анастасие Георгиеве, 35 лет, который являлся бывшим служащим Балаклавского греческого пехотного батальона, в 1810 году рукоположен во дьякона, а в 1811 – во священника. В церкви, кроме священника, не было ни дьячка, ни пономаря [10, л.23об.].

В клировых ведомостях определенный интерес представляют сведения о прихожанах. Например, в ведомости Петропавловской церкви за 1803 год в графе «Кто прихожане» указаны: *«отставные контр-адмирал Николай Петрович Кумани, командор Евстафий Павлович Сарандинаки, военных 28, приказных 5, дворян 11, купцов 55 душ»* [9, л.20]. А в клировой ведомости церкви Федора Тирона в селении Керменчик за 1812 год в такой же графе указывалось, что прихожанами данной церкви являлись *«греческой нации разных чинов отставные»* (имелись в виду бывшие служащие Балаклавского греческого пехотного батальона) [10, л.24].

Наряду с общей характеристикой прихожан, в клировых ведомостях указывалось количество дворов, а также количество прихожан мужского и женского пола. В 1803 году в приходе Петропавловской церкви числилось 28 дворов, а количество прихожан составляло 52 мужского пола и 49 женского [9, л.20]. Для сравнения: в уже упомянутой исповедной росписи за 1795 год в приходе числилось 75 прихожан (42 муж. и 33 жен.), [7, л. 2-4] а в 1809 году в этой же церкви уже числилось 59 дворов, а прихожан насчитывалось 238 человек мужского пола и 239 – женского [11, л.12]. Эти цифры характеризуют, насколько активно развивался город, и не только как военная база.

К середине XIX в. изменилась форма клировых ведомостей. Кроме сведений о церковнослужителях, приводятся сведения о церкви. В 1853 году в формулярном списке (так стали называться клировые ведомости) Петропавловской церкви казенного селения Мангуш указывалось, что церковь построена в 1821 году *«тщанием прихожан»*.

Зданием каменная, крепкая, с колокольной на четырех столбах. ... Земли при сей церкви пахотной и сенокосной тридцать три десятины» [12, л. 24об.].

Как правило, земля церквям передавалась жертвователями. Константино-Еленинская церковь селения Карань владевшая в начале XIX в. только одной десятиной хлебопахотной земли, со временем увеличила свой земельный надел. Две десятины земли передала причту вдова отставного унтер-офицера София Бамбуко и 1 десятину 520 саженой – балаклавский мещанин Георгий Христодуло, утвержденный в должности церковного старосты в 1872 году [13, л. 61-54; 13-15].

Интересные сведения удалось почерпнуть из ведомости Троицкой церкви селения Кадыковки за 1853 год. Кроме того, что в ней указывалось, что церковь перестроена из татарской мечети в 1810 году, также указывалось, что 11 января 1838 года в этом районе произошло землетрясение, в результате чего церковь получила повреждения. Впоследствии храм был отремонтирован и вновь освящен в 1843 году [12, л.33об.].

Обязательной составной частью клировых ведомостей являлись сведения о получении священно-церковнослужителями жалования. В вышеуказанной Кадыковской Троицкой церкви в 1853 году священник получал в год жалования 200 руб. ассигнациями и 200 руб. от прихожан. Давая оценку материальному положению причта, в ведомостях указывалось, что «содержание посредственное». [12, л.33об.] Для сравнения можно привести сведения о жаловании Камарской Марининской церкви: *«На содержание священника положено командиром батальона из согласия прихожан из с. Камары 100 руб. ассигнациями, из д. Алсу 50 руб. ассиг., в течение года означенные деньги сполна получить не могу по бедности их, содержание очень скудное»* [12, л. 30].

Для изучения истории деятельности греческих церквей немаловажное значение представляют сведения о наличии домовых и приписных церквей. Как правило, домовых церквей не было, а только приписные. В частности, в середине XIX в. к Манушской Петропавловской церкви была приписана Биассальская Иоанно-Предтеченская церковь [12, л.25], к Лакской Лукинской церкви была приписана церковь Федора Тирона в селении Керменчик [12, л. 37], а к Кадыковской Троицкой церкви – Караньская Константино-Еленинская церковь [12, л. 34]. Предыстория Караньской церкви такова, что после переселения греков из Крыма в 1778 году, то есть до присоединения данной территории к Российской империи, ощущалась нехватка в священно и церковнослужителях, особенно в сельских церквях. Не было священника и в Константино-Еленинской церкви. В 1804 году жители Карани обратились в Перекопское духовное правление и в Екатеринославскую духовную консисторию с просьбой *«возобновить и снабдить священником, дабы они не лишились слушания слова Божия и христианских треб»* [14, л. 1]. После обследования было доложено Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому архиепископу Афанасию, что церковь осталась без священника и антиминса еще *«от времен изгнания из Тавриды христиан»*, очень ветхая, жителей 222 души обоего пола, которые хотели за свой счет ее возобновить и содержать священника. Кроме того, как сообщалось в письме, церковь была очень маленькая, сделанная наподобие избы, и вся вросла в землю, стены начали разрушаться, черепица была поломана. Переписка затянулась на несколько лет. В 1806 году, по решению консистории, церковь упразднили, а прихожан приписали к Камарской Марининской церкви. В июне 1807 года утварь, облачение, книги и иконы были переданы в Камары, а церковь была опечатана [14, л.16, 18, 21]. Перед Крымской войной Константино-Еленинская церковь считалась приписной к Кадыковской Троицкой церкви [12, л.370], а затем решением Таврической духовной консистории обе церкви *«по скудности средств»* приписали к Балаклавской Николаевской церкви [15, л. 104-110об.]. Самостоятельной Константино-Еленинская церковь стала только в 1866 году.

Не всегда сведения, представленные в клировых ведомостях, были идентичными. Например, по сведениям причта, Константино-Еленинская церковь в Крымскую войну была разрушена, затем восстановлена и освящена 6 августа 1856 года [16, л. 61об.]. Вместе с тем, в докладе Таврической консистории представленному в 1861 году преосвященному Алексею, епископу Таврическому и Симферопольскому, указывалось, что в церкви в период Крымской войны совершались богослужения, а затем она была занята *«казенным*

неприятельским складом и как самая церковь, так и все почти здания в деревне Карани находятся в целости» [17, л. 19об.]. В данном случае правильнее будет сказать об освящении церкви после осквернения, а не разрушения.

Создание новой самостоятельной Таврической епархии способствовало как укреплению приходов, так и поддержке деятельности приходских священников, особенно сельских. Многие из них имели большие семьи и очень маленькое материальное обеспечение. В меру возможности консистория решала эти вопросы. На заседаниях консистории неоднократно поднимались вопросы, связанные с финансированием церквей. 15 ноября 1860 года Севастопольский благочинный протоиерей Александр Демьянович обратился в консисторию с ходатайством о назначении жалования причтам Балаклавской, Кадыковской, Камарской, Лакской церквям, которые пострадали в Крымскую войну и усердием прихожан были восстановлены. Основную часть прихожан этих церквей составляли военнослужащие Балаклавского греческого пехотного батальона, который в это время был ликвидирован. С изменением статуса, в связи с выходом из военного ведомства, прихожане – бывшие служащие батальона – не смогли уже в полном объеме содержать священнослужителей. Это ходатайство было рассмотрено на заседании консистории и вынесено решение о причислении этих церквей к сельским церквям VII класса. Также консистория подготовила обращение в Святейший Синод о назначении в эти церкви по одному священнику и причетнику с жалованием от казны по 96 руб. на причт [8, л. 412]. Именно по причине тяжелого материального положения, из-за чего некоторые священники подавали прошения о переводе, консисторией проводилось объединение приходов [15, л. 104-110, 193-195].

В протоколах заседаний консистории имеются сведения об утверждении церковных старост, которые избирались на эту должность по приговору общества прихожан. Документы позволяют узнать не только о конкретных персоналиях, а также о деятельности и помощи, которую они оказывали церквям. В 1861 году против утверждения на должность старосты в Лакской Лукинской церкви высказался ее священник Илья Семеновуло. Но мнение священника не было принято во внимание, учитывая его частую нетрезвость и неблаговидные поступки, и отставной унтер-офицер Константин Спаи был утвержден старостой на пятое трехлетие [15, л. 333-336об.].

24 декабря 1868 года в консисторию был представлен рапорт церковного старосты Балаклавской Николаевской церкви. Это было ходатайство о постройке дома для причта в связи с тем, что священник Паисий Кулов квартировавший в городском доме, впоследствии проданном, «обремененный большим семейством» остался без жилья. 6 июня 1869 года консистория, принимая во внимание, что место для постройки дома находится рядом с церковью, проект дома согласован в строительном отделении Таврического губернского правления, прихожанами частично пожертвован камень для строительства, разрешило использовать кошелевскую сумму 570 руб. 90 коп. хранящуюся в Одесской конторе Государственного банка» [18, л. 680-683].

Большой массив документов составляют персональные дела служителей культа. По персональным делам можно проследить возведение в сан, назначение на должности и перемещение священно-церковнослужителей. Особенно это важно для начального периода деятельности церквей, так как других документов о кадровых назначениях не имеется.

О том, как служители культа старались положительно влиять на семейные отношения в отдельных семьях, можно увидеть в документах дела «О принуждении севастопольского грека Делазария жить со своей женой Катериною Дмитриевною вместе. 1795 год» [19].

Часть персональных дел связана с нарушением церковной дисциплины священно-церковнослужителей. Дело «О нетрезвом и буйном образе жизни священника Ильи Семеновуло» рассматривалось целый год [20]. В результате священник был перемещен в другое благочиние. Персональное дело также было заведено на священника Караньской Константино-Еленинской церкви Феофаниди, обвиняемого в блудной жизни [21]. За венчание несовершеннолетней дочери турецкого подданного грека Георгия Лиандова Софии и факт коррупции в виде подкупа для закрытия дела, священник Балточокракской церкви Паисий Кулов в 1861 году на шесть месяцев был отстранен от должности и переведен на долж-

ность причетника в Феодосию [15, л.278-286]. Всё это свидетельствует о слабой кадровой политике, которая проводилась епархиальным начальством.

Вместе с тем, многие священники греческих церквей были образцом нравственности и проявляли личный героизм и мужество в сложных ситуациях, спасая церковное имущество во время военных действий Крымской войны. С 1843 года в Петропавловской церкви начинает свою службу протоиерей священник Антоний Аргириди, уроженец острова Крит, житель Балаклавы, впоследствии туда же в Балаклаву вернувшийся после службы в Петропавловской церкви. Свою личную судьбу А. Аргириди связал с землячкой, уроженкой, как и он сам острова Крит, одной из дочерей севастопольского купца 3-й гильдии Эммануила Критико Никулетой (Николетой). О преданности А. Аргириди и служении Богу и Отечеству говорит тот факт, что когда в сентябре 1854 года в Балаклаву входили английские войска, он не прекратил службу в Николаевской батальонной церкви и не покинул Балаклаву в период Крымской войны [22, с.15].

Значительная часть прихожан окрестностей Севастополя и Балаклавы были «природными греками». Но в процессе интеграции в русское общество греки адаптировались, имея близкую культуру и единую религию. Кроме своего родного языка, некоторые из них знали русский язык. И когда в 1867 году священник Балаклавской церкви Паисий Кулов был переведен в Лукинскую церковь селения Лаки, прихожане обратились к епархиальному начальству с просьбой возвратить его на прежнее место службы, так как помимо того, что он отличался *«отличным поведением, истинно отеческим обращением с прихожанами»*, он мог вести службу и на русском и на греческом языках [23, л.51]. Это было удобно для смешанного населения Балаклавы. Вместе с тем, благочинный округа протоиерей А. Демьянович выражал озабоченность тем, что часть греческих священников (Федор Ослан, Савва Карасали, Федор Феофанидис) *«не знают по-русски, ни читать, ни писать, ни – даже ни одного слова – говорить»*, что влекло за собой не представление отчетности, в том числе и о расходовании церковных сумм [23, л.54]. В связи с этим, благочинный протоиерей ходатайствовал перед Таврической епархией о назначении благочинным балаклавских церквей протоиерея Николая Паксимаде. Но это ходатайство не было поддержано Таврической духовной консисторией, и ведение отчетности в балаклавском регионе было поручено священнику П. Кулову [23, л.54]. Впоследствии, в 1969 году, протоиерей Николай Паксимаде все-таки был назначен благочинным протоиереем в Балаклавском округе, а его брат протоиерей Иван Паксимаде 24 февраля 1869 года, решением консистории, – помощником благочинного Севастопольского округа [24, л. 248]. Иногда языковую проблему поднимали прихожане. В 1881 году, обратившись в консисторию, они выразили нежелание иметь у себя священника Карасали, не знающего русского языка [25, л.1-4]. Но подобные случаи были единичны. Следует отметить, что греческие священнослужители принимались в епархию после принятия перехода в подданство России. Прибывшему из-за границы Савве Карасали и желающему быть священником в Камарской Марининской церкви консистория предложила подать прошение преосвященному о принятии в епархию с приложением свидетельства о принятии присяги. После соблюдения процедуры, решением Таврической духовной консистории 2 декабря 1868 года, С. Карасали был принят в Таврическую епархию и определен священником в Марининскую церковь [26, л. 480-482].

Ценными по содержанию являются однородные источники – метрические книги, которые хранятся в обоих архивах. Метрические книги имеют гражданско-правовое значение, они являются первоисточником по генеалогии, статистике и демографии греческого населения, в них также представлены священно- и церковнослужители. Помимо того, что метрические книги отражают биографические сведения, они также освещают социальное положение, а подчас – профессиональные занятия человека в разные периоды его жизни. Метриками также подтверждается подданство того или иного государства. Сведения о греческом населении имеются во всех метрических книгах обоих архивов. В Государственном архиве города Севастополя самые ранние сохранившиеся метрические книги греческой Петропавловской церкви датируются 1820 годом [27], а в Государственном архиве

в Автономной Республики Крым – 1797 годом [28, л. 245-247об.]. Метрические книги остальных упомянутых греческих церквей сохранились частично с начала 1800-х гг.

Метрические книги являются прекрасным источником конкретно-исторического исследования семьи. Именно в метриках фиксируется информация о ней. И на основании изучения метрических книг мы можем говорить о персональной истории. Хочется привести пример со сведениями о греке-революционере Орионе Алексакисе. Старшее поколение помнит его как активного участника революционных событий и организатора в Севастополе Союза социалистической молодежи. Вместе с тем, в научной литературе практически нет упоминания о его семье: о том, что его дед по матери Христопуло Афанасий Христофорович был купцом, домовладельцем, директором Балаклавского городского общественного банка. В семье Орион был не единственным ребенком. После бракосочетания родителей 6 сентября 1898 года [29, л. 36об.-37], 30 июня 1899 года родился Орион [30, л.13об.-14]. В 1901 году родился его младший брат Дормидонт, но, к сожалению, умер в возрасте 5 месяцев [31, л.34об.-35]. Такая участь постигла и дочь Екатерину, умершую 28 марта 1907 года от дифтерита в возрасте 1 года [32, л. 140об.-141]. И, наконец, 16 мая 1910 года, родилась еще одна дочь Екатерина, дальнейшая судьба которой неизвестна [33, л.5об.-6]. В период гражданской войны в 1920 году погиб Орион, направленный на партийную работу в Грецию. Отец из-за сына в 1919 году был арестован белыми и находился в севастопольской тюрьме. Судился с новой властью из-за конфискованного имущества красными в 1919 году, а также отстаивал свои права на вывоз собственного пианино в Константинополь в 1922 году [34, л.58; 178]. Дед Христопуло Афанасий Христофорович в конце 1920-х годов был лишен избирательных прав [35, л.1-7].

По метрическим книгам можно проследить изменение социального статуса. В большинстве случаев статус повышался, но были исключения. В качестве примера хочется упомянуть случай, когда человек, родившийся в дворянской семье, ушел из жизни крестьянином. Речь идет об известном народовольце Тригони Михаиле Николаевиче. Отец – Тригони Николай Иванович, участник Отечественной войны 1812 года, генерал-майор, 2 июля 1847 года в возрасте 48 лет впервые женился на сестре писателя-мариниста К.М. Станюковича, дочери контр-адмирала, 23-летней Ольге Михайловне Станюкович [36, л.348об.-349]. Первенец, сын Иван, родившийся в 1849 году, 16 октября 1850 года умер [37, л.70об.-71], но за день до его смерти, 15 октября, на свет появился сын Михаил, будущий народоволец [37, л. 38об.-39]. Впоследствии Михаил Николаевич Тригони, несмотря на свое высокое социальное положение, создает народовольческие кружки, участвует в подготовке покушения на Александра II. За свои убеждения сидел в Трубецком бастионе и в Шлиссельбургской тюрьме, был лишен дворянского звания, и в 1906 году возвращается в Крым. Умер 3 июля 1917 года от острого отека легких. В метрической книге Балаклавской Николаевской церкви М.Н. Тригони записан как *«крестьянин Таврической губернии Симферопольского уезда, Дуванкойской волости, приписанный для счета народонаселения»*. Похоронен на Балаклавском приходском кладбище [38, л. 393об.-394].

Дед народного художника СССР, оформителя «Библиотеки всемирной литературы» в т.ч. «Илиады» и «Одиссеи» Гомера Дмитрия Спиридоновича Бисти – Леонид Григорьевич – с конца XIX века был владельцем фешенебельной гостиницы «Россия» на набережной в Балаклаве [39, л.178]. 28 июля 1891 года у него родился сын Спиридон, отец будущего художника, крещенный в Балаклавской Николаевской церкви [40, л.114об.-115]. Семья породнилась кумовством с владельцем гостиницы «Гранд-Отель» в Севастополе греком Леонидом Дмитриевичем Кидонисом. Дядя художника Бисти Георгий Леонидович был врачом в Балаклаве, а в 1926 году даже депутатом Балаклавского городского совета [41, л.15]. Дополняет эти сведения запись о рождении 27 июня 1925 года самого художника Дмитрия Спиридоновича Бисти, которая сохранилась в документах ЗАГСа [42, л.273].

В заключение следует сказать, что в настоящее время, когда отношения между государством и церковью строятся на взаимном сотрудничестве, научные исследования в области церковной истории становятся актуальными, и в полной мере получают свое развитие в исторической науке.

Источники и литература

1. Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. Симферополь. 2000.
2. Гавриил. Историко- археологическое описание церквей Херсонской и Таврической епархии. Одесса. 1818.
3. Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. Составлено кафедральным протоиереем Михаилом Родионовым. Симферополь. 1872.
4. Таврическая епархия Гермогена, епископа Псковского и Порховского, бывшего Таврического и Симферопольского. Псков. 1887.
5. Араджиони М.А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. ХУШ в. – 90-е гг. ХХ в. Симферополь. 1999; Араджиони М.А. К вопросу об этнокультурных особенностях позднесредневекового христианского населения горного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 3. Симферополь. 1993; Араджиони М.А. Греки Крыма: к истории формирования общины в период позднего средневековья – нового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 3. Симферополь. 2007.
6. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее ГААРК), Ф.343. Оп.1. Д.51.
7. ГААРК. Ф.343. Оп.1. Д.51.
8. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.1318.
9. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.5436.
10. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.5530.
11. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.5497.
12. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.5823.
13. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.6129; Д.6102.
14. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.5442.
15. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.1321.
16. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.6129.
17. Государственный архив города Севастополя (далее ГАГС). Ф.4. Оп.1. Д.3. Л.19об.
18. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.1355.
19. ГААРК. Ф.343. Оп.1. Д.44.
20. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.49.
21. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.1522.
22. Терещук Н.М. Греческие священнослужители севастопольских церквей. // Память о прошлом. Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. Севастополь. 2007.
23. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.1345.
24. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.1354.
25. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.1597.
26. ГААРК. Ф.118. Оп.1. Д.1347.
27. ГАГС. Ф.33. Оп.1. Д.1.
28. ГААРК. Ф.142. Оп.5. Д.1.
29. ГАГС. Ф.30. Оп.1. Д.41.
30. ГАГС. Ф.30. Оп.1. Д.45.
31. ГАГС. Ф.30. Оп.1. Д.57.
32. ГАГС. Ф.30. Оп.1. Д.86.
33. ГАГС. Ф.30. Оп.1. Д.100.
34. ГАГС. Ф.-245. Оп.1. Д.9; Ф.Р-430. Оп.1. Д.6.
35. ГАГС. Ф.Р-247. Оп.3. Д.25.
36. ГАГС. Ф.35. Оп.1. Д.1.
37. ГАГС. Ф.35. Оп.1. Д.4.
38. ГАГС. Ф.30. Оп.1. Д.143.
39. Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. 1911.
40. ГАГС. Ф.30. Оп.1. Д.22.
41. ГАГС. Ф.Р-420. Оп.1. Д.12.
42. ГАГС. Ф.Р-608. Оп.1. Д.45.

III

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ИЗ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ДЕРЕВНИ МОЛЛАЛАР ПЕРЕКОПСКОГО УЕЗДА

Абдулхайров Э.Г.

ПТУ с. Калиновка Джанкойского района Республики Крым

Топонимия населенных пунктов Северного Крыма преимущественно связана с историей заселения ковыльного края народами, племенами... То есть преобладают этнотопонимы.

Вместе с тем, в Крыму – 165 сел, в названии которых прослеживается связь с историей религии. Они связаны с 4-мя центрами ислама на полуострове и терминами: медресе, минарет, медресе, азиз, шейх [1, с. 2].

В Джанкойском районе по переписи 1926 г. (Список Всесоюзной переписи) можно выявить около 40 таких деревень. Моллалар – в их числе.

С 7 ноября 1921 г. автономная Крымская ССР состояла из 7 округов. В том числе Джанкойского.

В 1923 году, после упразднения округов в составе Крымской Автономии, создано 13 районов. До этого Джанкойский округ включал территории Джанкойского, Красноперкопского, Нижнегорского, Первомайского, Красногвардейского районов и был самым крупным в Крыму (587 населенных пунктов) [1, с. 55].

В 1784 г. деревня Моллалар Дип-Чонгарского кадылыка входила в состав Перекопского каймаканства. Каймаканом (предводителем уезда) в то время был Сеит Ибрагим ага [См.: 3, с. 99].

В 1816 году, по просьбе генерал-губернатора Таврической губернии, проводились работы по составлению топокарты полуострова. Одной из первых эту работу выполнила группа военных топографов, картографов под руководством генерал-майора Мухина. На карте, составленной этой профессиональной командой, указаны урочища, господские дома, деревни с указанием числа дворов. В д. Муллалар дворов было 13. Столько же дворов числилось в Тарханлар, Тюп-Абаше, Тюп-Кангиле, Кенегесе, Тархан-Сунаке, расположенных неподалеку. Побольше – 35 дворов – в Таубазаре [См.: 5, с. 3].

В 1829 году в составе Перекопского уезда была Тузакчинская волость. В составе этой волости значится и д. Моллар [3, с. 99].

В Государственном архиве в Автономной Республике Крым (Ведомости о народонаселении, торговле, промышленности, фабриках, заводах, ремеслах в Перекопском уезде на

23 октября 1852 года) сохранились статистические данные этого периода: 49 мурз и почетных граждан (из магометан), 1354 духовных лиц; 23133 государственных крестьян.

В 1854 г. исправником Перекопского уезда подготовлены списки по деревням уезда (Дело по определению губернского правления о собрании сведений о народонаселении на январь 1854 года). Всего в уезде на то время числилось 325 населенных пунктов (местечек, колоний и сел). Перекопский исправник приводит данные о числе крестьян, владельцах земли, помещиках, количестве духовных лиц, числе верующих.

В д. Барин (правильнее Барын – этнотопоним) государственных крестьян на земле помещика Соловьева было 40. Число духовных лиц (служителей мечети - 4) [6].

В д. Тарханлар на земле, которой владел мурза Булгаков, государственных крестьян было 38, духовных лиц – 3 [6].

В этой деревне, как и в д. Моллалар, функционировала мечеть (соборный храм) (Список духовенства Перекопского уезда. 1849-1865 гг.) [8, л. 20].

Всего мечетей на этот период в Перекопском уезде было 109 [9].

В д. Моллалар имамом в те годы служил Абдулла эффенди, а в д. Ногайлы-Кирк – Абдулла Челеби. В деревне Месит – Нурмамбет эффенди [10].

К 1863 г. на полуострове функционировало 648 мечетей, было упразднено 457. В Перекопском уезде действующих мечетей насчитывалось 44, а упраздненных – 125¹.

После Крымской войны почти все жители д. Моллалар как и еще 300 деревень покидают родные степи. В «Памятной книжке Таврической губернии», изданной в 1867 г., К. Ханацкий раскрывает масштабы этой катастрофы: «В Перекопском уезде татарами оставлено 278 аулов или деревень и выселилось 41331 душа».

Об этой национальной трагедии можно судить не только по литературе, но и по архивным документам (Список татар с семействами) [11, л. 43]. Здесь приводятся данные по всем населенным пунктам уезда (количество семей, оставшихся после войны...). После эмиграции татар в Османскую империю в аулах оставалось по 2-3 семьи. В деревне Месит – 2 семьи; в Тюп-Тархан – 2; столько же учтено и в д. Моллалар (2 семьи: Аджиумера, Абдурамана – дети Менгли Арифа) [12].

После Крымской войны и эмиграции татар деревни, как и мечети, приходят в упадок. В 1865 г. Перекопским уездным кадием Умером эфенди проведена инвентаризация исламских храмов. В связи с тем, что жители покинули большинство деревень, мечети остаются без присмотра. В «Списке деревень, в которых мечети разрушены до 1865 г. прежнее время» упоминается 141 деревня с разрушенными культовыми зданиями [13, л. 69]. В архиве сохранились и такие документы: «О продаже упраздненных мечетей», «Список мечетей по деревням», «Описи вакуфных земель Перекопского уезда» [14].

В 1865 г. татарское деревенское владение Муллалар (Моллалар), располагавшееся при колодцах по левую сторону Чонгарской большой проселочной дороги на Симферополь, было поставлено на учет [3, с. 99].

Постепенно жизнь налаживалась. Населенный пункт Моллалар в Перекопском уезде, в отличие от многих деревень Северного Крыма, исчезнувших в связи с вынужденной эмиграцией населения (1,5 миллиона эмигрантов, такую цифру приводят турецкие источники)², не исчезла с карты полуострова. В справочнике 1915 года можно обнаружить, что она «жива» и входит в состав Акшейской волости Перекопского уезда [3]. Центром духовной и экономической жизни деревни остается мечеть; которая вместо соборной перешла в категорию пятивременной.

В 1921 году, после окончательного установления Советской власти в Крыму, д. Моллалар находилась в административном подчинении Бариновского сельсовета Джанкойского района ([16, л. 65]. В Джанкойском районе на тот период насчитывалось 26 школ. Одна из них – в д. Моллалар. Образование в ней велось на крымско-татарском языке. Из архивных данных узнаем и фамилию преподавателя: Музафар Джанбеков [17, л. 19]. В деревне

¹ См.: Абдуллаев И. Таракташская трагедия. Голос Крыма. 2008. 31 октября.

² Данная цифра нуждается в обосновании и ссылках на достоверную источниковую базу, в том числе и потому, что может включать в себя не только иммигрантов из Крыма в Османскую империю, но и из других регионов России, в т.ч. – с Кавказа (прим. ред.).

Ногайлы-Кырк детей обучал Абдул Пятислямов [18, л. 67]. Ногайлы-Кырк было родовым гнездом известных дворян и почетных граждан Карашайских. Их фамилию можно встретить в списках благотворителей, строивших мечети, медресе, мектебы...

В 1921 г. в д. Моллалар Бариновского сельсовета насчитывалось 280 жителей [19, с. 65]. Из архивного дела «Список деревень, хуторов экономий Джанкойского района с указанием национальности» мы можем узнать, что в этом населенном пункте проживало 273 крымских татарина и 7 русских. В Ногайлы-Кырк насчитывалось 165 крымских татар и 35 русских. Деревни Ногайлы-Кырк и Моллалар в начале двадцатых годов прошлого века входили в состав Тарханларского сельревкома [20]. Из переписки с уездным отделом связи о работе почтового управления (02.01-07.05.1921 г.) в селах Барин и Ашейх, выясняется, что там устанавливались пункты сдачи и приема корреспонденции. Связь предполагалось обслуживать подводами. То есть, жители Моллалар направлялись в село Барин, чтобы отправить письма и т.д. [21, л. 30].

В отчете Церковного отдела НКВД КССР по Джанкойскому округу от 17.03.21 г. есть Список мечетей, синагог, молитвенных домов и пр. Из него узнаем, что мечети в год создания республики еще не все были закрыты. В д. Биюк Сунак, Мечетлы-Китае, Байгончике, Армянском Базаре были действующие мечети. Всего действовало 6 мечетей и 2 молитвенных дома в деревнях Борлак и Бекказы [22, л. 13].

Позже, в 1922 г., по заявлению жителей д. Моллалар Церковный отдел НКВД СССР разрешает открыть молитвенный дом [23]. К сожалению, не удалось установить, закрыли ли мечеть уже в 30-е годы, и какова судьба её организаторов. Но поиски необходимых материалов продолжаются.

В 1926 году в СССР проводится перепись населения. По результатам переписи в составе Моллаларского сельского совета числились: д. Комбар, село хутор Каранчит и д. Моллалар [3].

В 1925 году в Северный Крым направляется этнографическая экспедиция под руководством Директора Бахчисарайского музея У. Боданинского. Его интересовали села, прилегающие к Присивашью и полуострову Тарханкут. Именно в этом полынном краю жители сохранили свою самобытность и традиции [2].

В 1936 году в д. Ногайлы-Кырк направляется этнографическая экспедиция НИИ языка имени А.С. Пушкина для изучения фольклора [24].

В 1939 г. проводилась очередная Всесоюзная перепись населения. В этот период д. Моллалар, наряду с селами Месит, Ногайлы-Кырк, Камаджа, входила в состав Камаджинского сельсовета [25]. На странице 30 документа по итогам переписи приведены данные о численности населения:

Камаджинский сельсовет	муж.	жен.	всего
Ногайлы-Кырк	88	91	179
Месит	41	34	75
Моллалар	90	107	197
Камаджа	160	154	314

В 1939 г. д. Моллалар входит в состав Камаджинского сельсовета, в который вошли еще ряд населенных пунктов: Баботай, Комбар Вакуф, Карангит (Раздольное), Куремес, Месит, Митюриновка и Ногай-Кырк. На территории сельсовета проживало 1532 человека, из них 788 женщин и 744 мужчины. По численности населения Моллалар уступала лишь Камаджи.

Жители села Ногайлы-Кырк работали в колхозе «Буденный-2» [26, л. 10]. Земли колхоза им. М. Калинина прилегали к Камаджи [27, с. 54].

В д. Моллалар в 1941 году числилось 39 дворов. Здесь располагался колхоз им. И. В. Сталина [27, с. 53]. На 1-е июля 1945 г. в Камаджинском сельсовете насчитывалось 269 дворов.

В 1945 году деревня Моллалар числится в составе Заречненского сельсовета (Камаджинский сельский совет после депортации крымских татар переименован в Заречнен-

ский) [3]. Деревня Моллалар в 1944 г. Была переименована в Смежное [3]. До сегодняшних дней Смежное (Моллалар) остается в составе Заречненского сельсовета.

Книга Памяти Джанкойского района (том 7), подготовленная архивистом Смалиусом, включает и имя жителя д. Моллалар К. Куртмамбетова, 1906 г.р., рядового, пропавшего без вести в 1941 г.

В 1954 г. в селе Моллалар открыта библиотека колхоза имени Ленина [27, с. 62].

В 1978 году село Моллалар решением исполкома Джанкойского районного Совета народных депутатов признано бесперспективным [15, с. 102].

Сейчас в Смежном (Моллалар) проживает 94 человека. Дворов – 38. Из них крымских татар – всего 20.

Д. Моллар – родина замечательного мастера декоративно-прикладного искусства с мировым именем – Зулейхи Ханум. Зулейха Бекирова – специалист по ткачеству, гобеленам, крымскотатарской традиционной вышивке. Родилась она 23 мая 1913 года в д. Моллалар Перекопского уезда Таврической Губернии. После окончания татарской школы Зулейха Бекирова переехала в Евпаторию (Кезлев) и поступила в артель «Эски-Орнек». С 1930 по 1932 годы наставницей по традиционной вышивке у нее была известная мастерица Адавие Эфендиева. С 1932 по 1936 годы она училась в Московском художественно-промышленном техникуме. Затем, с 1936 по 1940 годы, работала в Институте Художественной промышленности. Разрабатывала эскизы ковров с национальными орнаментами для ковровых производств Казахстана, Северной Осетии и др. С 1940 по 1948 годы училась в Московском институте прикладного и декоративного искусства, а после его окончания, с 1948 по 1968 годы, работала преподавателем специальных дисциплин в Московском художественно-промышленном техникуме. Начиная с 1937 года, Зулейха Бекирова участвовала в многочисленных выставках. В том числе – в Нью-Йорке (1939), в Киеве (1939). Работы Бекировой хранятся в Крыму, Москве, Санкт-Петербурге, Саранске, Ашхабаде и т.д.

В 1990 году, по приглашению Координационного центра по возрождению крымскотатарской культуры, Зулейха Бекирова, приехав из Москвы в Симферополь, обучила группу из 12 девушек технике традиционной крымскотатарской вышивки и ткачества. Всю свою жизнь Зулейха Бекирова вплоть до смерти в 1999 году в Москве, посвятила декоративно-прикладному искусству, которое сегодня, благодаря ей, не только сохраняется, но и развивается, получая новые формы в работах современных художников и мастеров [См.: 28].

Источники и литература.

1. Абдульваапов Н. «Крымскотатарская деревня и история ислама в Крыму. Доклад на 1-ой научно-практической конференции: «Актуальные проблемы изучения, сохранения и возрождения традиционной культуры крымских татар». Симферополь, КЭМ, 26.10.07.
2. Абдулхайров Э. Тюп-Кенегез // «Материалы международной научной конференции. Этнография Крыма XIX-XX вв.: современные этнокультурные процессы». Симферополь, 2012. С. 226
3. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783-1998. Симферополь: Таврия Плюс. 1999.
4. Гаврикова В.С. и др. История Джанкойского района. Учебное пособие. 2008. С. 55
5. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее ГА АРК), Ф. 377, Оп. 23, д. 4, л. 3.
6. ГА АРК, Ф. 27, Оп. 1, д. 6236.
7. ГА АРК, Ф. 27, Оп. 1, д. 6236..
8. ГА АРК, Ф. 315, оп. 1., д. 861, л. 20.
9. ГА АРК, Ф. 315, оп. 1., д. 861, л. 37.
10. ГА АРК, Ф. 315, оп. 1., д. 861, л. 37.
11. ГА АРК, Ф. 315, оп. 1, д. 1484.
12. ГА АРК, Ф. 315, оп. 1, д. 68.
13. ГА АРК, Ф. 456, оп. 1, д. 433.
14. ГА АРК, Ф. 315, оп. 2, 3, д. 1488.
15. ГА АРК, Ф. 13, д. 463, л. 102.
16. ГА АРК, Ф. Р-1259, оп. 1, д. 90, л. 65.
17. ГА АРК, Ф. Р-1837, оп. 1, д. 2, л. 19-22.
18. ГА АРК, Ф. Р-1837, оп. 1, д. 2, л. 66.
19. ГА АРК, Ф. Р-1259, оп. 1, д. 90, л. 65.

20. ГА АРК, Ф. Р-1259, оп. 1, д. 90, л. 155.
21. ГА АРК, Ф. Р-1259, оп. 1, д. 120, л. 30.
22. ГА АРК, Ф. Р-1259, оп. 1, д. 120, л. 13.
23. ГА АРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 702.
24. ГА АРК, Ф. Р-663, оп. 8, д. 663, л. 45-48.
25. ГА АРК, Ф. Р-219, оп. 1, д. 110, л. 30.
26. ГА АРК, Ф. Р-30, оп. 1, д. 443, л. 40.
27. Кошман Л. В Архивах ищем наши корни... Летопись Джанкойского р-на. Симферополь, 2008.
28. Мамутова Ш. «Озарение» Зулейхи Бекировой // Голос Крыма. 2009. 20 ноября. С. 8.

ОСОБЕННОСТИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг. НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ РОССИИ

БАРАНОВ А.В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Актуальность темы статьи вызвана тем, что современные историки проявляют нарастающий интерес к нетипичным явлениям прошлого. Теоретически эта тенденция объясняется отказом от позитивистской методологии, распространением концепций «новой локальной истории» и «социальной истории», доказывающих самоценность микроуровня событий и фактов [25]. История плодотворно применяет синтез методологий, первоначально созданных в рамках иных социогуманитарных наук – философии, культурологии, социологии, политической науки и др. В данном контексте полезно исследовать особенности новой экономической политики 1920-х гг. не в «стандартных» промышленных либо аграрных регионах, а в лакунах – исключениях из правил. Специфика нэпа на Черноморском побережье РСФСР относится к малоизученным аспектам истории. Оценка исторического опыта многоукладной экономики на Черноморье и её регулирования, на наш взгляд, особенно злободневна накануне зимней Олимпиады 2014 г. с учётом её экологических и этнополитических рисков, выбора приоритетов инвестиционного развития.

Степень разработанности проблемы нельзя признать достаточной. Первые исследования 1920-х гг. создавались современниками нэпа (А.А. Пономарёвым [20], А.И. Подгорным [19]), соединяя черты аналитических записок для органов управления и научных работ. Основное внимание в них уделялось вопросам сельского хозяйства, а социальные и политические процессы упоминались бегло. 1930-50-е гг. стали временем забвения региональной специфики нэпа. По мере либерализации советской системы историки начали проявлять интерес к таким противоречивым явлениям, как крестьянское «красно-зелёное» движение начала 1920-х гг. (А.А. Зайцев) [14], социальная стратификация региональных сообществ (А.И. Козлов) [15]. Повышенное внимание к теме характерно для историографии 1990-х гг., когда была разработана парадигма исторического регионоведения (С.А. Гомаюнов) [10] и признана необходимость системного анализа проблемы. Особенности нэпа на Черноморском побережье кратко характеризовались в диссертации Ю.Б. Рагера [22], монографиях А.В. Баранова [3] и С.А. Артюхова [1]. Важнейшие направления новейших исследований – создание специализированных работ по истории промышленности и рабочих (С.Н. Данихно [11]), сельского хозяйства и крестьянства (О.В. Бершадская [5]), повстанческого движения «зелёных» (А.А. Черкасов [28]), этнической автономии шапсугов (А.А. Ржавин [24] и Н.Ф. Бугай [6]). Растёт интерес к истории городов и местностей, что отчасти объясняется конструированием местной идентичности.

Вместе с тем, системный анализ истории Черноморского побережья 1920-х гг. остаётся делом будущего. Наиболее малоизвестными и дискуссионными остаются политические и этнотерриториальные аспекты темы. Полезно в будущем провести сравнительный анализ развития полиэтничных и курортных сообществ СССР (Крыма, Абхазии, Черноморского побережья России) в период нэпа [13, с. 105-148].

Цель статьи – установить особенности новой экономической политики 1921–1929 гг. в Черноморском округе. Потребуется дать трактовку сущности нэпа и его периодизации, раскрыть специфику приоритетов государственной политики в регионе, выявить проявления «обратной связи» многоукладного общества с государством.

Хронологические рамки статьи – с марта 1921 по 1929 гг., что объясняется датировкой начала и завершения новой экономической политики во всесоюзном масштабе.

Территориальные рамки работы охватывают собой Черноморское побережье РСФСР от Адлера до Анапы. В изучаемый период менялось его административное подчинение:

сначала Черноморский округ существовал в составе Кубано-Черноморской области (1920–1924 гг.), затем – в составе Северо-Кавказского края (1924–1930 гг.). В 1925 г. к округу были присоединены Анапский и Крымский районы, что увеличило экономический потенциал, но сделало регион более неоднородным в этнокультурном аспекте.

Источниковая основа статьи включает в себя архивные фонды: Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНРО) – ф. 7 – протоколы Северо-Кавказского крайкома РКП-ВКП(б); Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) – ф. 1 Кубано-Черноморского обкома РКП(б) и ф. 9 Черноморского окружного комитета РКП(б) и др. Также изучены опубликованные выступления партийных и государственных деятелей, статистические данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. и ежегодных справочников, материалы периодической печати.

Новая экономическая политика трактуется нами как преобладающая тенденция управленческих решений партийно-государственной власти в 1921–1929 гг.; как стратегия строительства социализма на основе рыночных отношений, регулируемых методами «государственного капитализма». Нэп не ограничивался экономическими воздействиями на многоукладное общество. Нэп включал в себя социальное, политическое и идеологическое управление.

В качестве базовых по значению элементов нэпа можно выделить:

- рыночную форму взаимосвязи между секторами, укладами и субъектами экономической деятельности;
- ведущую роль государственного сектора в системе укладов, поддерживаемую сочетанием рыночных и плановых методов управления;
- союз государства с беднейшим и средняцким слоями крестьянства;
- временное допущение «эксплуататорских» классов, курс их ограничения и вытеснения экономическими мерами;
- ужесточение однопартийной системы, сращивание функций РКП(б) и госаппарата;
- переход от экспорта революции к мирному сосуществованию социальных систем.

Эта политика предусматривала ряд ограничителей частного капитализма: национализацию основных средств производства, монополию внешней торговли, ограничения товарно-денежных отношений в госсекторе, неэквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством, финансовое и правовое сдерживание накопления в негосударственных секторах.

Структура новой экономической политики была подвижна. Её различные элементы вводились, развивались и отмирали одновременно. Изначальная стратегия исчерпывала себя по мере восстановления экономики, назревания индустриализации. Логика рыночных отношений уже к середине 1920-х гг. требовала решительно расширить пределы нэпа, гарантировать защищенность частной собственности и гражданских прав, пойти на развитие политического плюрализма. Но никто из лидеров большевистской партии не мог решиться на столь самоубийственный выбор. Свертывание нэпа во второй половине 1920-х гг. стало закономерным процессом, обусловленным коренными противоречиями: между рыночными отношениями и директивным планированием, гражданским миром и конфронтацией, плюрализмом и монопольной властью ВКП(б). Эти противоречия, непримиримые при сохранении коммунистической перспективы, обострялись по мере выдвижения на первый план задач модернизации.

Новая экономическая политика имела специфику реализации на региональном и местном уровнях, что вызывалось устойчивыми особенностями сообществ, дефицитом ресурсов государственной власти. С особой силой эти особенности сказывались в приграничных и слабо освоенных ареалах, к которым относился Черноморский округ. Будучи самым малым по территории в Кубано-Черноморской области, он резко отличался от нее по отраслевой специализации экономики и социальной структуре населения.

Перепись населения 17 декабря 1926 г. зафиксировала в Черноморском округе 291,4 тыс. постоянных жителей, в т.ч. 38,6% городского. Из 8 городов наибольшее значение имели окружной центр Новороссийск и Сочи. В сравнении с Северо-Кавказским краем и страной, округ имел повышенный вдвое уровень урбанизации, что объяснялось горным

рельефом местности и слабой заселённостью [9, Т. 9, с. 2-13]. В отраслевой структуре экономики преобладали по стоимости продукции цементная, строительная, пищевая промышленность, а также лесоразработки и транспортные услуги морских портов.

Этническая структура Черноморского округа резко выделяла его из остальных составных частей Кубано-Черноморской области и Юга России в целом. Региональное сообщество сложилось после принудительного выезда в 1860-70-х гг. автохтонных жителей – адыгов в Османскую империю. На побережье (кроме Анапы) почти не было казаков, т.к. попытки казачьей миграции быстро доказали экономическую безуспешность. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала состав населения: украинцы – 37,5%; русские – 34,7%; армяне – 10,0%; греки – 5,5%; молдаване – 2,2%; белорусы – 1,8%; черкесы – 1,5%; грузины – 1,3%; немцы – 1,1%. Причерноморские адыги – шапсуги составляли 4,2 тыс. чел. и дисперсно проживали в нескольких аулах Туапсинского и Лазаревского районов [23, с. 131-153]. Высокий удельный вес украинцев при переписи 1926 г. стал следствием методики учёта этничности по происхождению родителей. Именно этот подход, не применявшийся ни в 1897 г., ни в 1920 г., резко завысил удельный вес украинцев в Черноморском округе – по нашим расчётам, в 1,5 раза [3, с. 82-83]. Население динамично менялось вследствие миграции из Центральной России (23% постоянных жителей), с Украины (13,8%), беженцев – армян и греков из Турции (6,8%). Если в Кубанском и Армавирском округах уроженцами своего округа было 25-29% постоянных жителей (1926 г.), то в Черноморском округе – лишь 13%. Причём в каждом из районов Черноморского округа – Анапском, Крымском, Геленджикском, Туапсинском, г. Новороссийске и Сочи сложилась своеобразная этническая структура [9, Т. 5, с. 232-359].

Социальная структура населения Черноморья резко отличалась от таковой Северо-Кавказского края и Кубано-Черноморской области (КЧО). По переписи 1926 г., удельный вес рабочих-мужчин в Черноморском округе составлял 22,0% (в трех остальных округах КЧО от 9,7 до 14,5%), служащих – 10,5% (вдвое выше других округов), земледельцев и помогающих им членов семей – 67,0% (около 80% в Армавирском, Кубанском и Майкопском округах) [9, Т. 5, с. 232-359]. Средняя численность фабричных рабочих на предприятие была в Черноморском округе выше, чем на всем Юге России. Рабочие и служащие концентрировались в Новороссийске, Туапсе, Сочи; их почти не было на остальной протяженной территории.

Уровень социальной дифференциации на побережье близок к средекраевому, но факторы его – иные, связанные с производством технических культур и несельскохозяйственных промыслов. По расчётам О.В. Бершадской, имели свыше 100 руб. годового дохода на чел. 46-53,5% немецких, эстонских и чешских хозяйств (1926 г.). Армянские и греческие семьи в большинстве получали доход 33-100 руб., а украинские, русские и шапсугские – меньше 33 руб. на чел. [5, с. 19-20]. Во многом неравенство объяснялось географическим расположением хозяйств и отраслевой специализацией, а не «классовыми» причинами. Это требовало от власти проводить дифференцированную политику в каждой местности и в отношении каждой этнической группы, что удавалось с трудом.

Политические особенности перехода от «военного коммунизма» к нэпу на Черноморском побережье связаны с продолжением гражданской войны в форме повстанческих движений. До осени 1920 г. в Сочинском и Туапсинском округах существовала «Черноморская крестьянская республика». Её создал правозсеровский Комитет освобождения Черноморья во главе с Н.В. Вороновичем, ориентировавшийся на сотрудничество с меньшевистской Грузией – и против Добровольческой армии, и против большевиков [8, с. 53-183]. В сентябре 1920 г. район Хосты – Адлера ненадолго захватила белоказачья «Армия возрождения России», отступая из Майкопского отдела через перевалы (вскоре она эвакуировалась в Крым через Гагры). Повстанческое движение на Черноморье продолжалось до 1923 г. Поскольку регион был наиболее удобен для интервенции и десантов врангелевской армии, а равно – для наступательных действий РККА против Грузии и Турции, ему уделялось ключевое значение в обороне всего Северо-Кавказского военного округа. Советские органы пытались распространить в регионе формы политики, выработанные в Центральной России, чем обостряли межэтнические конфликты и подрывали свою соци-

альную опору. Так, в грубых формах проводились аресты иностранных подданных, конфискации земельных «излишков», что задевало интересы немцев, эстонцев, чехов, греков, армян, грузин [4, с. 20-25]. При создании в 1922 г. Адыгейской (Черкесской) автономной области в её состав не были включены причерноморские аулы шапсугов, несмотря на просьбы. Это диктовалось опасениями создать очаг пантюристского и панисламистского влияния [6, с. 6-11; 24, с. 13-22]. Взамен в 1924 г. был создан Шапсугский национальный район в составе Черноморского округа с населением 5,7 тыс. чел. [6, с. 6-11; 24, с. 13-22].

В условиях нэпа приоритеты государственной политики сменились. Наряду с продолжением союза с середняцким крестьянством органы власти, особенно местные, стали заинтересованными в росте доходности сельского хозяйства, распространении табаководства, виноградарства, садоводства. Но такие отрасли требовали привлечения наёмного труда, долгосрочной аренды, кредитования, гибкого налогообложения. Возникло противоречие между «идеологическими» и прагматическими целями нэпа, и побеждала чаще всего догматическая политика. Так, единый сельскохозяйственный налог не учитывал условий Черноморского округа, где равнинные и горные сёла имели качественно различную прибыль. Завышались налоговые ставки на технические культуры и неземледельческие занятия (кустарные промыслы, лесозаготовки, строительство, обслуживание курортов), а именно они были весомым источником дохода местных жителей. По подсчётам О.В. Бершадской, в 1926 г. вели неземледельческую активность 14,9% крестьянских семейств округа, что давало 20% их доходов [5, с. 18].

Прослеживаются отчётливые различия между реализацией «аграрного» нэпа в 1922–1925 и 1926–1927, 1928–1929 гг. На первом из этапов органы государственной власти стремились, прежде всего, к восстановлению объема производства и товарности сельского хозяйства и мелкой промышленности [29, с. 37-38]. Земельный передел был отложен, землеустройство носило локальный характер. Государственная поддержка коммун и совхозов свелась к минимуму хозяйств, доказавших прибыльность. Отчасти «либерализм» раннего нэпа объяснялся нехваткой ресурсов государственной политики. На втором этапе резко активизируется землеустройство. К октябрю 1926 г. межселённым землеустройством было охвачено 57% угодий, а внутриселённым – 28% [18, с. 35]. Это привело к росту сословной и этнической розни. Стали получать значительную госпомощь совхозы, как правило, созданные на конфискованных частновладельческих, приморских участках. С осени 1927 г. приоритетом аграрной политики стало неэквивалентное изъятие доходов путём «чрезвычайных мер» – конфискаций, арестов, запугивания. Власти переходят от поддержки добровольной кооперации в разнообразных формах к принудительному созданию колхозов и совхозов. Это потребовало репрессий против альтернативных институтов гражданской самоорганизации. Так, разгрому подвергся колхоз старообрядцев в Имеретинской долине (Адлерский район), поскольку он создавался самими верующими, без партийного контроля [26].

Политика в отношении рабочих имела приоритеты: обеспечение уровня жизни, достаточного для политической лояльности; контроль общественного мнения; подавление оппозиционных группировок. Специфика региона проявлялась в концентрации проблем в г. Новороссийске. Именно здесь в 1920–1921 и 1923 гг. партийные организации поддерживали левую оппозицию во главе с Л.Д. Троцким, прежде всего – лозунги «рабочей демократии» и борьбы с бюрократизмом [16; 7, с. 244-269, 295]. В 1921–1922 гг. железнодорожный узел Новороссийска и цементные заводы стали центром забастовок во главе с меньшевиками и «рабочей оппозицией» [12]. Недовольство властью проявляли также «красные партизаны» – ветераны Гражданской войны, безработные. Они считали нэп предательством идеалов революции. Органы ВЧК-ОГПУ регулярно следили за собраниями ветеранов и пресекали попытки создать их политические организации [21]. Нежелание крестьян продавать хлеб по убыточным для них ценам часто приводило к кризисам снабжения городов, на что особенно жестко реагировали рабочие. Так, летом 1928 г., после введения хлебных карточек, 500 безработных женщин-сезонниц разгромили Новороссийскую биржу труда. В Сочи 3 тыс. демонстрантов, недовольных коррупцией и слабым приговором суда против взяточников, захватили здание пограничной комендатуры [17].

В рамках нэпа партийным и советским органам было сложно бороться с уравнилельными настроениями. Однако, по мере развертывания коллективизации, власть стала интегрировать «левацкий» протест в кампании раскулачивания и преследования интеллигенции (после Шахтинского дела 1928 г.). Ярким примером новой тактики стала смена руководства Черноморского округа в апреле 1928 г. Бывший секретарь окружкома РКП(б) А.И. Подгорный и другие руководители региона последовательно сопротивлялись насилию над крестьянством, поддерживая группировку Н.И. Бухарина. В итоге партийный и государственный аппарат округа подвергся тщательной чистке как «заражённый правым уклоном» [27]. Примечательно, что синхронные разгромы сторонников нэпа проведены в Астраханской, Архангельской, Одесской губерниях, Крымской АССР – регионах с повышенным значением внешней торговли и стремлением местных чиновников проводить умеренную политику компромиссов.

Таким образом, в итоге исследования мы пришли к следующим выводам. Новая экономическая политика трактуется нами как преобладающая тенденция управленческих решений партийно-государственной власти в 1921–1929 гг.; как стратегия строительства социализма на основе рыночных отношений, регулируемых методами «государственного капитализма». Особенности новой экономической политики на Черноморском побережье России связаны с долгосрочными факторами региональной специфики: приграничным расположением, полиэтничностью, повышенной ролью промышленности и курортного дела. Правящая номенклатура с трудом могла приспособить меры реализации нэпа к особенностям региона вследствие слабости своих ресурсов власти. Нэп начался на Черноморье позже, чем в целом по стране, – в 1922 г., и завершился раньше – к осени 1928 г. Относительно большее развитие получили рыночные методы управления в отношении крестьянских и мелкокустарных городских хозяйств, а городская крупная промышленность управлялась в основном административными методами. Приоритетными оставались в 1920-х гг. идеологизированные, а не прагматические задачи экономической политики. Вместе с тем, в 1924 – начале 1928 гг. партийно-государственный аппарат округа проводил смягченный курс в русле бухаринской теории «постепенного вращивания в социализм». С началом форсированной коллективизации, Черноморский округ, как и другие приграничные ареалы с недостаточно лояльным большевизму населением, стали объектом особенно жёсткого свертывания нэпа.

Источники и литература.

1. Артлюхов С.А. Становление курорта 1920–1941 гг. Сочи, 2000. 235 с.
2. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. 345 с.
3. Баранов А.В. Украинская идентичность в социальном и политическом развитии Юга России 1917–1932 гг.: дискуссионные аспекты // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов н/Д, 2013. С. 81–85.
4. Бершадская О.В. Национальные отношения в черноморской деревне в годы нэпа // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения. Краснодар, 2006. С. 20–25.
5. Бершадская О.Н. Черноморская деревня в условиях нэпа (социально-экономический аспект). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. 26 с.
6. Бугай Н.Ф. Этнические меньшинства «с примитивной культурой и особым языком...»: «шапсугский вопрос» и пути его решения // Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Ростов н/Д, 2012. С. 6–29.
7. Бюллетень VII Кубано-Черноморской областной конференции РКП(б). Краснодар, 1923. №8. 322 с.
8. Воронович Н.В. Меж двух огней // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 7. С. 53–183.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 5. VIII, 388 с.; Т. 9. VI, 228 с.
10. Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. №9. С. 158–163.
11. Данихно С.Н. Рабочие Юго-Востока России в годы нэпа: История генерации и многомерность повседневной жизни социальной группы. Ростов н/Д, 2007. 343 с.
12. Доклад т. Клейнера о событиях в Новороссийских железнодорожных мастерских на Пленуме Кубано-Черноморского обкома РКП(б) 21 дек. 1921 г. // ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. № 92. Л. 91–94.
13. Дюличев В.П. Крым: История в очерках. XX век. Симферополь, 2005. 344 с.
14. Зайцев А.А. Контрреволюция Кубани и Черноморья в 1917–1920 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1990. 24 с.

15. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977. 212 с.
16. Красное Черноморье. Новороссийск, 1921. 12 февр.
17. Обзор № 7 Информационного отдела постпредства ОГПУ Северо-Кавказского края о политическом состоянии городских прослоек края. За июль 1928 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. № 802. Л. 86, 91, 83, 84, 90.
18. Основные моменты хозяйственного строительства, политического положения и работы на Черноморье. Новороссийск, 1927. 72 с.
19. Подгорный А.И. О кооперативном движении в Северо-Кавказском крае // Ленинский путь. Ростов н/Д, 1927. №3-4. С. 35-41; №5. С. 25-40.
20. Пономарёв А.А. Сельскохозяйственные районы Дона, Северного Кавказа, Черноморья и Дагестана (По материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.). Ростов н/Д, 1924. 174 с.
21. Протокол заседания бюро Черноморского окружкома ВКП(б) № 49 от 19 июня 1928 г. // ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. № 837. Л. 135.
22. Рагер Ю.Б. Проблемы развития промышленности Кубани и Черноморья в годы нэпа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1996. 22 с.
23. Ракачёв В.Н., Ракачёва Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2006. Т. 1. С. 131-153.
24. Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае 20–50-е годы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 24 с.
25. Социальная история: Ежегодник-2011 / Отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. СПб., 2012. 445 с.
26. Стенограмма VIII объединённого Пленума Черноморского окружного комитета ВКП (б) и Черноморской окружной контрольной комиссии ВКП(б) 1-4 ноября 1929 г. // ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. № 896и. Л. 65.
27. Стенографический отчёт IV объединённого Пленума Черноморского окружного комитета ВКП (б) и Черноморской окружной контрольной комиссии ВКП(б) 16-18 августа 1928 г. // ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. № 834. Л. 18-68.
28. Черкасов А.А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии. Сочи, 2007. 368 с.
29. Яхутль Ю.А. Развитие торговли на начальном этапе нэпа в Кубано-Черноморской области (1921–1924 гг.) // Былые годы. Сочи, 2011. № 1(19). С. 37-39.

ИСТОРИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО МУЗЕЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА УКРАИНЫ)

Кузьмина А.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В 2012 году отпраздновал свое сорокалетие единственный в Украине народный музей рыбной промышленности, расположенный в Украинском культурно-информационном центре (бывший Дворец культуры рыбаков).

Музей был основан 12 мая 1972 года инициативной группой под руководством первого начальника севастопольского управления океанического рыболовства Александра Васильевича Буряченко.

В фондах современного Музея рыбной промышленности Юга Украины сохранилась копия Приказа Главного управления рыбной промышленности Азово-Черноморского региона № 217 от 12 мая 1972 г. «О создании музея рыбной промышленности г. Севастополя», а также тематический план первой экспозиции, состоявшей из семи разделов:

1. Рыбный промысел Древнего Херсонеса и Балаклавы;
2. Рыбный промысел в дореволюционном Севастополе;
3. Развитие рыбной промышленности в дореволюционном Севастополе;
4. Рыбаки в годы Великой Отечественной войны;
5. Восстановление и развитие рыбной промышленности в послевоенные годы;
6. Строительство базы государственного лова и обработки рыб в Камышовой бухте;
7. Создание океанического рыболовства СУОР [11].

В упомянутом приказе так обосновывается необходимость создания музея: *«Возникновение, рост и успехи в развитии рыбной промышленности в г. Севастополе настоятельно требуют организации музея рыбной промышленности в бухте Камышовой, экспозиция которого бы демонстрировала на соответствующих экспонатах развитие рыбной промышленности в г. Севастополе, трудовые будни рыбаков, ветеранов труда. Важно, чтобы на трудовых традициях воспитывались трудящиеся города-героя Севастополя, учащиеся и молодежь, помогая им в выборе профессии. Наличие музея рыбной промышленности в г. Севастополе будет также иметь большое значение в деле демонстрации и передачи опыта работы передовых коллективов и экипажей коммунистического труда»* [10].

О том, кто был в числе первых посетителей музея, и какова была тематика лекций, проводимых экскурсоводами, узнаем со страниц журналов тех лет: *«Сотрудниками музея ведется экскурсионная, лекционная, пропагандистская и идейно-воспитательная работа, к которой привлекаются ветераны труда отрасли. Проводятся лекции на темы «История развития рыболовства в Азово-Черноморском бассейне», «Рыбацкие будни Севастопольского производственного объединения рыбной промышленности и Югрюхолодфлота», «Рыбаки – участники Великой Отечественной войны», «Интернациональные связи», «Китобойный промысел в океане»»* [1, с. 18].

В статье «Музей рыбаков» основатель будущего народного музея А.В. Буряченко пишет: *«Стали традиционными проводы экипажей на промысел и вручение паспорта моряка заграничания. Ветераны рыбной промышленности напутствуют молодых рыбаков, уходящих в рейс, рассказывают об истории рыбного промысла Азово-Черноморья, о славных боевых и трудовых традициях рыбаков, лучших экипажах. В музее в торжественной обстановке ветераны труда отрасли, комсомольцы 20, 30, 40-х годов вручают первые паспорта и комсомольские билеты молодым гражданам СССР. Перед курсантами учебно-производственных судов, учащимися ПТУ выступают ветераны КПСС, ленинского комсомола, передовики производства. На этих встречах молодежь узнает о героических буднях наших современников, работающих рядом с нами, в наших объединениях. Экскурсоводы рассказывают о моряках РТМ «Большево», которые, находясь на промысле*

и оказавшись в драматическом положении, проявили мужество и стойкость, присущие советским людям. Выбирая якорь, они обнаружили на якорных лапах мину. Силами экипажа во главе с капитаном Р.Э. Плюсниным по радиоконсультации мина была обезврежена. Экскурсоводы рассказывают о том, как успешно выполняют рейсовые задания экипажи РТМ «Иван Голубец», БКРТ «Анатолий Халин», «Наталья Ковинова» и «Мария Поливанова», СТ «Генерал Остряков» и «Людмила Павличенко» [1, с. 19-20].

Можно отметить, что с момента создания музея его сотрудники и основатели уделяли большое значение тому, чтобы музей оставался не только местом хранения артефактов истории рыболовства, но и активно выполнял просветительскую, представительскую, информационную функции.

Следует отметить, что вопрос социальных функций музея остается дискуссионным [13]. По справедливому замечанию Т.Ю. Юреновой, социальные функции музея тесно связаны между собой и находятся в непрерывном взаимодействии [8]. Принципы современной музеологии направлены на то, чтобы увидеть в музее новый способ коммуникации с обществом: *«В современном мире, который стремится использовать для своего развития все средства, музеи должны выйти за пределы традиционных задач и функций: идентификации, консервации и просвещения – и перейти к осуществлению более широких программ, которые позволят им активнее участвовать в жизни общества и полнее интегрироваться в окружающую среду»*, – утверждает Квебекская декларация, принятая в 1984 г. на международном семинаре "Экомузеи и новая музеология" [5, с. 21]. Таким образом, декларация констатировала возникновение нового типа музейного учреждения, характеризующегося ярко выраженной социальной миссией, однако мы видим, что севастопольский музей, основанный почти за десять лет до упомянутого международного форума, по своим задачам и способам их реализации полностью соответствовал данным принципам.

Авторы статьи «История рыбного хозяйства и научно-технический прогресс отрасли»: П.А. Моисеев, заслуженный деятель Науки РСФСР, профессор Н.С. Харламов, председатель Ихтиологической комиссии, к. т. н. И.В. Камшилина, председатель Совета ветеранов при парткоме Минрыбхоза СССР, представитель НИИ планирования и нормативов при Госплане СССР А.И.Исаев, эксперт Ихтиологической комиссии, подчеркивают важность создания отраслевых музеев на примере успешно функционирующих экспозиций: *«Наглядная и умелая демонстрация истории предприятия, бассейна невольно заражает энтузиазмом тех лет, не может не вызывать вопросов: что сделал ты для предприятия, как ты работаешь? И в этом смысле история, несомненно, способствует повышению производительности труда, оказывает благоприятное влияние на психологический климат коллектива»* [4, с. 17-19].

В 1987 году музею присвоено звание «Народный». В фондах современного музея сохранилась копия Постановления Коллегии Министерства культуры УССР от 29.07.1987 г. «О присвоении звания «Народный музей» музеям республики, созданным на общественных началах» [12].

Расширение экспозиции и работа музея в целом осуществлялась за счет поддержки со стороны предприятий рыбной отрасли. Однако, с 1996 года, рыбная отрасль, сама находившаяся в плачевном состоянии, прекратила финансирование музея. Тогда он, как и весь бывший Дворец культуры рыбаков, был передан на баланс Министерства культуры Украины, став подразделением Украинского культурно-информационного центра. На сегодняшний день это единственный в Украине музей рыбацкой славы, который продолжает свою работу – подобные музеи существовали в Керчи и в других городах, но из-за прекращения финансирования, они были закрыты [7; 9].

В настоящее время сотрудники музея ведут активную просветительскую работу, в том числе со школьниками и студентами, принимая участие в проведении интеллектуальных игр, викторин и брэйн-рингов, читают лекции по истории развития рыбной промышленности и краеведению, проводят консультации по тематике музея, ведут научную работу, разрабатывают передвижные экспозиции из фондов музея.

Коллекция Музея рыбной промышленности Юга Украины постоянно пополняется новыми экспонатами, приносимыми жителями города, потомками выдающихся рыбаков.

В данный момент в фондах народного музея хранится более девяти тысяч экспонатов, более девятистот из них представлено в постоянно действующей экспозиции, занимающей два зала.

Посетители получают возможность ознакомиться с историей развития рыбного хозяйства Азово-Черноморского региона от античности до наших дней. К примеру, в первом зале выставлена древнегреческая керамика, собраны остатки чешуи, доказывающие, что наши далекие предки, жившие на берегах Тавриды много веков назад, употребляли в пищу те же виды черноморских рыб, которые и сейчас часто встречаются на столах крымчан.

Значимое место среди экспонатов занимает большая подборка фотографий, иллюстрирующая быт севастопольских рыбаков, а также макеты рыболовецких судов и снастей. Экспозиция позволяет узнать об истории развития орудий лова и рыбодобывающих судов, биографиях людей, внесших весомый вклад в развитие отрасли.

Как отмечает заведующая музеем, Татьяна Тимофеева, коллекция музея постоянно растет; за последнее время она пополнилась более, чем двумястами новыми предметами и фотографиями, которые предоставили ветераны рыбной промышленности и их родственники. Сформировано три новых раздела: «Китобойная флотилия», «Путь к океану», рассказывающий о первой научной промышленной экспедиции, и раздел об управлении океанического рыболовства и его метаморфозах, в связи с поставленными вновь открытыми задачами, в которых размещено более 50 новых экспонатов [14].

Особый интерес представляют материалы, посвященные сотрудникам, внесшим особый вклад в развитие отрасли. Например, постоянная экспозиция музея пополнилась материалами из частной коллекции семьи А.П. Сигаева. Александр Павлович, в 1960-х годах был главным инженером СУОР, «Югрыбхолодфлота», СПОРП «Атлантика». Александр Сигаев прошёл всю Великую Отечественную войну, получил Орден Красной Звезды. Воевал в 1943-1944 году в составе Витебской дивизии, был ранен, находился в госпитале. В последствие более двадцати лет года его трудовой деятельности были связаны с капитальным строительством в бухте Камышовой крупнейшего рыбохозяйственного комплекса, поликлиники, школы № 32, жилых домов, Дворца культуры рыбаков [6]. Как рассказывают музейные работники, Александр Сигаев был и главным заказчиком, и главным приёмщиком, он наблюдал за строительством и вносил необходимые коррективы. Коллеги вспоминают, как А. Сигаевым была заказана для ДКР уникальная люстра из опалового стекла, которая и сегодня является украшением Дворца, вышло так, что смета была превышена на несколько тысяч рублей, и Александр Сигаев оплачивал стоимость люстры из своего кармана, не отказавшись от идеи украшения культурного центра рыбаков [6].

19 марта 2012 года музею было присвоено имя его основателя А.В. Буряченко [3]. Значение работы Александра Буряченко для музея было колоссально, он не только стал первым директором музея, но и руководил им более 20 лет. Александр Буряченко – потомственный рыбак, работал в этой профессии с 14 лет, в 25 лет возглавил один из первых рыбоколхозов, участвовал в Великой Отечественной войне, а после победы восстанавливал рыбное хозяйство в Крыму. К моменту выхода приказа о создании музея, им уже была разработана тематическая структура музейной экспозиции и начат сбор материалов и предметов для музея, предпринято около двух десятков экспедиций по Азово-Черноморскому побережью, записаны беседы с сотнями рыбаков, собраны материалы о ветеранах рыбной отрасли: фотографии, документы, личные вещи, награды, книги [15].

Можно констатировать, что и по сей день музей продолжает выполнять функции, заложенные его основателями. По словам генерального директора УКИЦ Татьяны Зениной, *«музей раскрывает героизм трудной работы рыбаков, что, без сомнения, может служить достойным примером для молодежи»* [15].

Литература и источники.

1. Буряченко А. В. Музей рыбаков // Рыбное хозяйство. №11, ноябрь 1983, С.18-20
2. Буряченко А. В. Историческая справка //Фонды музея рыбной промышленности Юга Украины

3. Единственный музей истории рыбной промышленности Юга Украины отпразднует 40-летие [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.fishindustry.net/ukraine/2604-edinstvennyy-muзей-istorii-rybnoy-promyshlennosti-yuga-ukrainy-otprazdnuet-40-letie.html>
4. История рыбного хозяйства и научно-технический прогресс отрасли // Рыбное хозяйство, 1986, № 3 С. 17-19.
5. Квевекская декларация: основные принципы новой музеологии//Museum. 1985. № 148. С. 21.
6. Корнилова А. Какими были «Камыши» 60-х: Музей рыбаков в Севастополе пополнился новыми экспонатами [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.0692.ua/news/343990>
7. Корнилова А., Кузьмина А. Народный музей истории развития рыбной промышленности Юга Украины отметил 40-летие [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://news.sevas.ru/mixnews/narodnyi-muзей-istorii-razvitiya-rybnoy-promyshlennosti-yuga-ukrainyi-otmetil-40-letie>
8. Музееведение. Учебник для высшей школы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Альма Матер. 2007.
9. Никитина В. Уникальному севастопольскому музею рыбной промышленности скоро 40 лет [Электронный ресурс] Режим доступа: http://5kopeek.info/index.php?option=com_k2&view=item&id=9166:muзей-istorii-rybnoy-promyshlennosti-sevastopola-40-let&Itemid=18
10. Приказ Главного управления рыбной промышленности Азово-Черноморского региона № 217 от 12 мая 1972 г. «О создании музея рыбной промышленности г. Севастополя». Копия. С. 2 // Фонды Музея рыбной промышленности Юга Украины.
11. Приложение №1 к приказу Главного управления рыбной промышленности Азово-Черноморского региона № 217 от 12 мая 1972 г. «О создании музея рыбной промышленности г. Севастополя». С. 1-3// Фонды Музея рыбной промышленности Юга Украины.
12. Постановление Коллегии Министерства культуры УССР от 29.07.1987 «О присвоении звания «Народный музей» музеям республики, созданным на общественных началах» Копия //Фонды Музея рыбной промышленности Юга Украины.
13. Словарь актуальных музейных терминов // Музей, май 2009 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?140>
14. Севастопольский Музей рыбаков расширяет экспозицию [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rybnadzor.org/?p=4600>
15. УКИЦ готовится к юбилею! // Слава Севастополя. -2012, 30 марта. - С. 2.

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОЛЕТОВ АВИАЦИИ ПО СНАБЖЕНИЮ ПАРТИЗАН КРЫМА (1942-1944 гг.)

ТКАЧЕНКО С.Н.

**Научно-исследовательской лаборатория
«Крым во Второй мировой войне 1939-1945 гг.» (г. Феодосия)**

Авиация различной ведомственной подчиненности и организационной структуры во время взаимодействия с партизанами Крыма провела большое количество отдельных полётов и целостных операций, протекавших, как правило, в разнообразных условиях. Всего с февраля 1942 по апрель 1944 года авиацией, обслуживающей крымских партизан, произведено полётов в Крым: самолётами типа ТБ-3 и Ли-2 – 450 самолётов-вылетов, самолётами типа Р-5 и У-2 и их модификациями – 261 самолётов-вылет, всего 711 вылетов; доставлено в партизанские отряды 725 тонн продовольствия, боеприпасов, медикаментов, обмундирования и других грузов, вывезено из тыла противника 1311 раненых и больных партизан, а также 545 человек гражданского населения [1, с. 343]. Еще 177 полетов было сделано авиацией ВВС Черноморского флота (основные применяемые самолеты – бомбардировщики ДБ-3 и СБ, гидросамолёты МБР-2 и ГСТ) для снабжения крымских партизан посредством парашютных и беспарашютных сбрасываний, при этом самолёты минно-торпедной авиации сделали 12 вылетов, разведчики дальние и ближние – 75 и 54 соответственно, вспомогательные легкомоторные самолёты – 46 вылетов [2, с. 256]. Кроме присущих специфических условий военного времени (воздействие противника, внутренних факторов применения конкретных типов самолетов и т.п.), авиация находится в большой зависимости от погодно-климатических условий. На полет самолета оказывают влияние такие элементы погоды, как температура, давление воздуха, направление и скорость ветра, количество, характер и высота облаков, осадки и опасные метеорологические явления [3; 4; 5]. А с учетом особенностей горнолесной части Крыма, в район которой проводились полёты с посадками и на сбрасывания грузов и парашютистов, необходимо рассмотреть специфические условия местного климата.

В целом, влияние местного климата и вообще метеорологических явлений на полет самолета изучено достаточно подробно, о чем существует обширная литература [6; 7; 8; 9; 10]. Именно климат горнолесной части Крыма также детально описан и исследован [11; 12; 13; 14; 15; 16]; не менее хорошо изучены и климатические явления над водной поверхностью Черного моря, причем как в довоенное, так и в послевоенное время [17; 18; 19]. Это может являться стабильной научной базой для данного исследования.

1. Характеристика местного климата в районе посадочных площадок

Всего за время взаимодействия советской авиации и партизан было найдено 7 посадочных площадок в горнолесной части Крыма, но использовались они по-разному – три основных («Большой аэродром» на нагорье Караби-Яйла, «Малая площадка» на нагорье Орта-Сырт, «Иваненкова казарма» в северо-восточной части нагорья Долгоруковская яйла) – многократно, весь период, а остальные (урочище Тарьер в лесах Крымского государственного заповедника – несколько раз в период обороны Севастополя, урочище Зубровая поляна там же – однократно, как и «Шестая площадка» в старокрымских лесах); в горных лесах заповедника интенсивно для сбрасываний грузов использовалась также т.н. «костровая площадка» северо-западнее г. Черной [20].

В контексте исследования местного климата важно отметить, что в довоенное время на основных нагорьях – яйлах Крымских гор находились метеостанции или метеопосты. На них – до начала активных боевых действий и оставления полуострова советскими войсками – проводились многолетние наблюдения. Это позволяет с точностью отследить характер местного климата. В частности, на нагорье Караби с начала XX века до декабря

1941 г. работала метеорологическая станция «Караби-яйла», в районе Крымского заповедника, на горе Чучель, находился метеопост [21, с.416-417, 421]. Потому наблюдения за погодой на этих объектах как в довоенное, так и в послевоенное время, четко отражают относительную картину климата в 1942-1944 гг. как на основных яйлах, где находились посадочные площадки (Караби-яйла, Орта-Сырт, Долгоруковская яйла и урочища в заповеднике). Особенности климата в горнолесной части рассмотрены в специальной литературе, в т.ч. и относительно полетов в горах и над лесом [22; 23; 24].

Общая характеристика местного климата горнолесной части Крыма.

Центральная часть горного Крыма занята лесами. Климат этого района принято считать климатом умеренно холодных влажных лесов с засушливым летом [25, с. 42].

Климат крымского горного леса можно охарактеризовать климатическими данными для района Крымского заповедно-охотничьего хозяйства, расположенного почти в центре горного Крыма, там, где мощный массив Бабуган-яйлы на юге и крутые склоны Чатыр-Дага на востоке образуют как бы прямой угол. На его сравнительно небольшой территории (немного больше 1% территории всего Крыма) сосредоточено 20% всех его лесных массивов. Господствующими древесными породами его лесов являются лиственные: бук, граб, дуб, ясень, клен, но больше всего буковых лесов на высотах примерно до 1000 м. Выше – заросли стелющегося можжевельника и безлесные, каменистые поляны – типичный карстовый ландшафт [26, с. 22].

На климат этого участка крымского горного леса влияет как затененность его лиственной деревьев, так и пересеченность территории глубокими и узкими долинами – ущельями со склонами различных экспозиций. В среднем в тени под кронами буков солнечной радиации в 20-25 раз меньше, чем на открытых полянах. В тенистом буковом лесу преобладает рассеянная радиация. Число часов солнечного сияния в сильнейшей степени зависит от направления и экспозиции склонов и в среднем достигает половины возможного числа часов, а именно: от пяти до семи за день [27].

В глубокие и узкие лесистые ущелья почти не проникают прямые солнечные лучи. Во многих местах значительную часть дня царит полумрак, в результате чего почва, а, следовательно, и воздух прогреваются слабо. Лето прохладное, зима не очень суровая, но снега бывает много. Температура воздуха в большой степени зависит от высоты и направления склонов. Средняя годовая температура в центральном районе 9°. Температура самого холодного месяца (февраля) может быть ниже -25°. Весна значительно холоднее осени. Высокие склоны гор задерживают западные и северо-западные ветры, способствуя выпадению большого количества осадков. Оно колеблется от 450 до 900 мм. за год в зависимости от высоты. Зимой много снега, но ветром его сдувает в ущелья. Все же на теневых и северных склонах снег достигает большой мощности и может сохраняться продолжительное время [27].

В предгорьях, на границе степи и леса, и даже на восточных яйлах, можно обнаружить признаки климата лесостепи, которая в Крыму представлена особой разновидностью – горной лесостепью. Но если для предгорий характерен климат умеренно теплого лесостепья (температура самого теплого месяца превышает 20°), то для Караби-яйлы – климат умеренно холодного лесостепья (температура самого холодного месяца ниже -3°). Лето здесь засушливое [25, с. 60].

По многолетним данным [28], за год на вершинах Главной гряды бывает 125-145 дней с морозом, в предгорье – 110-120 и на Южном берегу – 27-37. Самый холодный месяц – февраль. Среднемесячная температура воздуха в феврале -4°. Бывает, что в горах температура падает до -30-32°, но такие морозы, как правило, держатся всего несколько дней. Резкое понижение температуры воздуха происходит при вторжении арктических воздушных масс. Первые морозы в горном Крыму отмечаются в начале октября, а последние – в конце апреля – начале мая. На яйле даже в начале июня термометр нередко показывает ниже нуля [28].

Метели в горном Крыму часты в январе и феврале, но отмечаются и в ноябре, декабре. Все зависит от времени проникновения на полуостров циклонов. Продолжительность

метелей – от нескольких десятков минут до 3-4 суток. Одна из самых длительных зарегистрирована на Главной гряде – она бушевала 106 часов. Но и апрельские метели – не такая уж и редкость, они бывают почти ежегодно [12, с. 206-208].

Ветер с морозом представлял серьезную опасность для партизан: длительное движение против ветра ведет к неизбежному переохлаждению организма, простудам. При скорости ветра 0,9-1,3 м/с. организм отдает в 2 раза больше тепла, чем в безветренную погоду. Встречный ветер снижает скорость идущего на 20-25%, оказывает отрицательное психологическое воздействие. Ветер представляет опасность и в теплые сезоны года: он способен свалить камень со скального уступа, столкнуть человека с обрыва. Для самолетовождения особенно опасны ветры большой скорости, которые часты весной и в осенне-зимний период. Ветры ураганной силы 40-50 м/с. характерны для вершин Главной гряды, в районе предгорья они не превышают 32-36 м/с., но и такие ветры приносят много бед: валят деревья, на обрывах вызывают камнепады [29, с. 83-84].

В холодный сезон ветер влияет на перераспределение твердых атмосферных осадков по разным элементам рельефа. На Главной гряде за год выпадает 600-1600 мм. осадков. Из них 40% в виде снега. Снежный покров на яйле держится 100-120 дней, в предгорье – 40-50, а на Южном берегу – 10-12. Первый снег в горах выпадает в середине ноября и держится до середины апреля. Правда, за это время он может 2-3, а нередко и 6-7 раз стаивать [29, с. 84].

Средняя мощность снежного покрова в Крыму незначительная: на плато Главной гряды 17-28 см., в предгорье – 6-10 см., но в отдельные годы она возрастает соответственно до 100-125 и до 47 см. Полностью покрываются снегом Ай-Петринская, Ялтинская, Никитская, Бабуганская яйлы, а остальные, расположенные восточнее, на 70-80%. На открытых безлесных участках плато мощность снежного покрова минимальна, зато в понижениях – на днищах и склонах карстовых воронок, временных водотоков, под уступами, скальными грядами снега скапливается в 3-4 раза больше. Подветренные склоны скальных гряд, гребней, уступов обычно обрастают нависающими снежными карнизами, которые под влиянием смены положительных дневных и отрицательных ночных температур уплотняются и покрываются твердой коркой [12, с. 124-126].

Туманы обычны зимой и весной, редки летом. Количество туманных дней зависит от особенностей рельефа, высоты местности над уровнем моря. С высотой число таких дней увеличивается. На Южном берегу ежегодно бывает 10-20 туманных дней, а на Главной гряде 180-200. Наиболее часты туманы в декабре и январе (до 21 дня в месяц). Продолжительность туманов в разные сезоны года не одинакова. Летом туманы поднимаются по утрам и держатся не более 8 часов, а зимой могут скрывать окружающую местность в течение нескольких суток. В горах отмечались туманы продолжительностью 80-85 часов [29, с.85].

Летний сезон в Крыму характеризуется большой продолжительностью солнечного сияния. Средняя температура июля (самого жаркого летнего месяца) на Главной гряде 13-16°, в предгорье 20-21° и на Южном берегу – 23-24°. Каждое лето в Крыму бывает от 15 до 23 дней, когда температура воздуха поднимается до 30-35° [25, с. 62].

Летом для самолетовождения опасность представляют грозы. В среднем за год число дней с грозами колеблется от 17 на Южном берегу до 25 на Главной гряде и в предгорье. Чаще всего грозы начинаются во второй половине дня – с 13 до 16 часов, реже – утром и вечером. Продолжительность их, в среднем, не превышает трех часов [12, с. 213-214].

Особенности погоды в районе основных посадочных площадок.

Обобщая все данные [12; 28], можно отметить: климат нагорий на Караби-яйле, Долгоруковской яйле и Орта-Сырт весьма суров. Снег ложится в последних числах октября или в начале ноября. В иную зиму снегом заносит карстовые воронки глубиной в 5-7 метров, на яйле – покров толщиной в 30-40 сантиметров. Особенно коварны зимой шахты, и, прежде всего те, что имеют щелевидный вход. Зимой господствуют ураганные ветры, способные сбить с ног. Всего в год бывает около 30 дней с сильными ветрами: от 26 до 40 метров в секунду. В зимние месяцы и в начале весны преобладают ветры западного на-

правления, в апреле, мае – юго-восточного. Зима на Караби длинная; морозных дней -100-140, на поверхности почвы морозы держатся 155-170 дней в году. В мае, начале июня случаются (при быстрой перемене направления ветра на северное) резкие падения температуры. Только что было +20°, а через час температура упала до +10 или даже до 6°. Беспрерывно моросит дождь, яйлу затягивает туман. Это очень характерно для Караби – туман, приходящий с дождем. Дело в том, что на Караби ложится не туман, а дождевая облачность. Холодная, дождливая погода обычно держится день-два [30, с. 117-118].

Неожиданные похолодания бывают и среди лета – такова особенность нагорья. Когда, например, с запада или с севера движется холодная воздушная масса, над яйлой она встречается с теплым воздухом, идущим с юга, с моря. На стыке образуются мощные кучевые облака, которые стелются по плато. Начинается ливень, гроза и, как следствие, резко падает температура – до 5-6°. Правда, похолодание летом всегда скоротечно, оно длится полтора-два часа. Караби, как и Долгоруковская яйла, обильна на дожди. В среднем на плато выпадает 600 миллиметров осадков в год. Больше всего осадков выпадает в период с ноября по март. Летом – меньше, хотя и в это время года случаются сильные ливни. И еще одна характерная особенность, которую надо учитывать: дожди на Караби идут в основном по ночам. Бывают на Караби и грозы; особенно часты они в мае и сентябре. Годовое число гроз непостоянно [28].

Гораздо постояннее туман. На Караби – 150-160 туманных дней в году. Здесь тоже есть интересные закономерности. Туманы наиболее часты в период с середины ноября по март. В это время туман над яйлой стоит сутками, а то и неделями. Летом туманы непродолжительны, они держатся два-три часа. Однако многое зависит от направления ветра: если ветер с юга – самое большее через три часа туман рассеется, если же подует с севера или запада – туманная пелена может удерживаться два-три дня [28].

Хорошая погода на Караби-яйле наиболее устойчива в июле-августе. Это время метеорологического равновесия: стабилизируются атмосферное давление, температура, очень редки дожди и туманы. Июль и август отличаются не только постоянством характера, это и самые жаркие месяцы на Караби. Жара здесь тоже своеобразна. Ведь в горах каждые сто метров высоты дают понижение температуры на 0,6°. Метеостанция расположена на высоте 990 метров над уровнем моря. Если, например, на берегу моря термометр показывает 25° тепла, на Караби-яйле в это же время 19°. Поэтому на яйле никогда не бывает сильной жары. Самая высокая дневная температура летом, зафиксированная станцией [28], 31°, обычная 20-25°, а ночью, как правило, 10-15°, т. е. для Караби характерен резкий перепад температур от дня к ночи. Летом на Караби-яйле воздух сухой, к тому же он не перегревается: ведь на яйлу текут высотные, холодные слои воздуха.

Осень крымских центральных яйл характерна: сентябрьские грозы, в конце месяца – заморозки, в октябре – туманы, дожди. Ближе к ноябрю – изморозь, иногда столь обильная, что под ее тяжестью ломаются деревья [12, с. 202-203].

Метеорологическое обеспечение полетов.

Анализ источников показывает, что специальных метеонаблюдений в первый период взаимодействия авиации и крымских партизан не проводилось. Во время интенсификации полётов разведкой погоды занимались сами летчики, партизаны давали только текущую погоду радиogramмами. Лишь с организацией устойчивого «воздушного моста» летом 1943 г. необходимость в квалифицированных наблюдениях за погодой и ее прогноз стали очевидными. Для обеспечения квалифицированной метеорологической информацией аэродромов вылета на Кавказе, Главным управлением Гидрометеослужбы РККА 28.05.1943 г. через командование 4-й воздушной армии были выделены два опытных метеорологанаблюдателя: К.А. Быков и П.Ф. Ильин [30, л. 12,14]. Впоследствии Быков 27 июня 1943 г. был доставлен в лес, и до 20 апреля 1944г. выполнял работы по метеонаблюдениям в районах посадочных площадок, числясь при штабе 2-го сектора, затем – Северного соединения [31, л. 45 об.]. В целом метеонаблюдения были организованы по существовавшим в то время правилам [32], однако, обеспеченность их оборудованием была очень низкой.

Выводы. На действия авиации по обеспечению партизан Крыма в 1942-1944 гг. оказывали воздействие различные факторы природного и антропогенного характера. Среди первых наиболее значительным был климатический. Именно воздействие климата порой оказывалось решающим в процессе действия авиации в интересах партизан Крыма, вызывая невыполнение задач из-за возвратов самолетов ввиду сложных метеорологических условий в районе базирования партизанских формирований. Специальные метеонаблюдения в первом и втором периодах взаимодействия (весна 1942 – весна 1943 гг.) не проводились, партизаны сами по радио докладывали о погоде, метеопрогнозов фактически не производилось. Только начиная с лета 1943 г. такие наблюдения начали проводиться специально заброшенными в лес метеорологами, что существенно повлияло на полеты авиации осенью 1943 – весной 1944 гг., которые увеличились количественно (хотя имелись случаи возвратов из-за сложных метеусловий, но они уже были редкими – взаимодействие метеорологов в партизанском лесу и авиаторов было достаточно эффективным).

2. Характеристика погодных условий по маршрутам полетов

Самолёты летали на партизанские посадочные площадки и возвращались назад преимущественно с двух аэродромов – «Сочи» (или географически правильнее, Адлер) и «Агой», находящихся на Кавказском побережье. С первого летали в основном самолёты группы 8-го авиаполка ГВФ, а впоследствии – и из других частей. В единичных случаях некоторые рейсы происходили с аэродромов возле станицы Крымской и города Краснодара, что прослеживается по архивным документам [34, л. 30]. В период обороны Севастополя легкомоторные самолеты типа У-2 летали в заповедник с аэродрома «Херсонесский маяк», сделав несколько десятков вылетов. В период взаимодействия с Крымским фронтом в феврале – мае 1942 г. полеты осуществлялись: тяжелых самолетов на сброску – с аэродрома Краснодар, легкомоторных самолетов – с полевого аэродрома у селения Харджи-Бие (Керченский полуостров) на нагорье Орта-Сырт. Непродолжительное время летом 1942 г. легкомоторные самолеты производили вылеты с аэродрома в станице Славянской (Краснодарский край) на площадку на Орта-Сырте; эти полеты также проходили в основном над водной поверхностью.

Маршрут Адлер (Агой) – партизанские площадки в горнолесной части Крыма проходит во 2-м и 3-м часовых поясах. Магнитное склонение в начале маршрута $+4^\circ$, в конце его $+5^\circ$. Протяженность маршрута – 624 км в одну сторону. Маршрут проходит преимущественно над водной поверхностью Черного моря, а на первом и двух последних этапах – над горной местностью высотой 1000-1545 м [35, с. 192].

Согласно современным наставлениям по безопасности полётов, из-за горного характера местности и обширного водного пространства по маршрутам полётов с Кавказа в Крым и обратно, посадка самолетов вне аэродромов исключена [35, с. 192]. Но авиаторы в период боевых действий больше руководствовались чувством долга и принципом необходимости, и совершали полёты на необорудованные площадки. По воспоминаниям партизанских лётчиков, некоторые пилоты считали такие вылеты – ночью, без разведки погоды и обстановки – «полётами на смерть» [36, л. 12].

В третьем периоде партизанского движения в Крыму (лето 1943 – весна 1944 гг.) использовали три посадочные площадки для приёма и выпуска самолётов [37, л. 175-178]. Это «Большой Баксанский аэродром» (Караби-Яйла); «Малая площадка» (нагорье Орта-Сырт); «Иваненкова казарма» (урочище Даир-Алан, нагорье Долгоруковская яйла). На «Малую площадку» ввиду её небольших размеров прилетали только лёгкомоторные самолёты. «Иваненкова казарма» действовала с 16 августа 1943 года по 11 апреля 1944 года, хотя на неё принято больше самолётов, чем на «большой аэродром» [38, с. 336-337].

На эти же площадки и вблизи них проводились основные парашютные и беспарашютные сбрасывания грузов в исследуемый период. Кроме того, сбрасывания осуществлялись по четырём целям (установлены в октябре 1943 г.), а именно: цель №1 – зуйские леса (для партизанских бригад № 1, № 5, № 6), цель № 2 – леса заповедника (для партизанской бригады № 4), цель № 3 – старокрымские леса (для партизанской бригады № 3), цель № 4 – карасубазарские леса (для партизанской бригады № 2) [39, л. 107-108].

Но основное время самолеты находились в полете над водной поверхностью Черного моря и на них, естественно, влияли метеорологические явления, присущие этому району – восточной части моря.

Характеристика климата над Черным морем.

Черное море является типичным примером «замкнутого или полузамкнутого» морского бассейна. Оно является частью водного бассейна Атлантического океана и образует его наиболее углубленную в континентальное пространство акваторию. Черное море на юго-запад соединяется через Средиземное море проливами Босфор, Дарданеллы и Гибралтар с Атлантическим океаном, а на северо-востоке – Керченским проливом с Азовским морем. Черное море расположено между $40^{\circ}56'-46^{\circ}33'$ с. ш и $27^{\circ}27'-41^{\circ}42'$ в. д. Наибольшая длина моря по $42^{\circ}29'$ с. ш. составляет 1148 км. Наименьшая ширина его по меридиану южного края Крымского полуострова (от мыса Сарыч) составляет 258 км. По разным источникам, площадь моря колеблется в пределах 406680-423000 кв.км, длина береговой линии 3400-4100 км, средняя глубина 1270-1315 м, максимальная площадь водосборного бассейна моря превышает площадь ее акватории в 6 раз [40].

Особенности водных масс Черного моря (отсутствие льда на его поверхности зимой, высокая температура воды летом) определяются, прежде всего, климатом. Море оказывает смягчающее влияние на климат прибрежных районов. Таким образом, климатические и гидрологические условия тесно связаны между собой.

Основными факторами, определяющими климат любого моря, являются: его географическое положение, движение воздушных масс над ним, характер берегов и рельеф суши. Черное море расположено в средних широтах (41-46 градусов северной широты). Вследствие шарообразной формы Земли, количество тепла, получаемое ее поверхностью в этих широтах, гораздо больше, чем в более северных широтах, так как количество тепла в значительной степени зависит от угла падения солнечных лучей на поверхность. Движение воздушных масс над Черным морем – часть так называемой общей циркуляции атмосферы, то есть огромных воздушных течений, охватывающих весь земной шар. Погода и, в конечном счете, климат на Черном море определяются, как правило, прохождением циклонов или антициклонов [41].

На климат Черного моря большое влияние оказывают два антициклона: Сибирский (зимой) и Азорский (летом). Оба они образуются в областях более охлажденных по сравнению с окружающей местностью. Влияние антициклонов приводит к устойчивой ясной погоде – холодной зимой и теплой летом. Кроме того, климат и погода на Черном море во многом определяются прохождением циклонов с Атлантики или Средиземного моря. Циклоны обычно приносят дождливую неустойчивую погоду. Зимой отрог азиатского (Сибирского) антициклона создает над Черным морем устойчивые северо-восточные ветры, знаменитые черноморские норд-осты. Особенно сильный ветер наблюдается в Новороссийске. Это так называемая бора (сильный холодный ветер с гор). Отличительной особенностью боры является исключительно большая скорость ветра. Ветер со скоростью более 34 м/сек считается ураганным. При боре скорость ветра часто достигает 40 м/сек, а при порывах – даже 80 м/сек. Наблюдается бора, как правило, зимой, температура воздуха падает в это время иногда до 20 градусов ниже нуля. Иногда бора сопровождается обильным снегопадом [42, с. 35-36].

Существенной особенностью морских побережий являются бризы. Как любой ветер, они дуют из области большего давления в область меньшего, днем – с моря на сушу, ночью – с суши на море. Морские бризы приносят приятную прохладу и чувствуются даже на расстоянии 20 – 30 километров от берега. Можно отметить еще так называемые фёны, развивающиеся на тех побережьях моря, где есть горы. Фен представляет собой теплый, сухой ветер, дующий с гор.

Иногда над морем наблюдаются смерчи. Причина появления смерчей – неустойчивое состояние атмосферы, приток холодного воздуха в район, занятый теплыми воздушными массами. На Черном море смерчи чаще всего образуются осенью, когда воздух с охлажденной суши приходит на еще теплую поверхность воды. Смерч – это атмосферный

вихрь, в нем происходит постоянное вращение воздуха по направлению против часовой стрелки с подъемом вверх. Обычно смерчи появляются при грозе. Смерчи – опасное явление для авиации. Судя по воспоминаниям летчиков, летавших для снабжения партизан в годы войны, им приходилось часто обходить смерчи, теряя время и топливо, уставая физически и психологически [38, с. 143].

Охарактеризуем теперь коротко климат отдельных районов Черного моря применительно к тематике исследования. Основная часть моря имеет теплую влажную зиму и жаркое сухое лето. На северо-западных и западных берегах – степной климат (холодная зима и жаркое лето). На восточном побережье, к югу от Туапсе, климат влажных субтропиков (жаркое лето, и теплая влажная зима). На южном побережье – относительно холодная зима и жаркое лето [43, с. 34].

Среднегодовая температура воздуха в Ялте +12, в Сочи и Гагре +14 градусов. Средняя температура января в Крыму +4, в Батуми и Гагре от +6 до +7 градусов. Средняя температура июля в Одессе +23, в Гагре +24 градуса, то есть почти одинаковая на всем побережье. Туманы особенно часто встречаются в северо-западной части моря. Там число дней с туманами составляет четверть года. Влажность воздуха зимой 70 – 90, летом 60 – 75 процентов. На юго-восточных берегах моря зимой влажность воздуха значительно снижается в результате действия фенов [17].

Осадков в северной и западной частях выпадает в год 300 – 500 миллиметров, в восточной и южной частях 700-800 миллиметров, в юго-восточной части моря – до 2500 миллиметров. Снег выпадает зимой во всех районах моря. Наименьшее количество снега бывает в юго-восточной части.

Восточную область Черного моря можно разделить на две части – северную и южную. Северная подобласть зимой более открыта для поступления холодного воздуха, поэтому климат здесь в этот сезон холоднее, чем в южной части. Южная подобласть защищена Кавказским хребтом, и зима здесь очень мягкая. Так, если в районе Новороссийска зимой возможна температура воздуха ниже -10 °С, то на юге случаи с отрицательной температурой очень редки. Лето жаркое и солнечное, а осадки имеют кратковременный характер [44, с. 37-38].

Значительный интерес представляют климатические особенности юго-восточной области Черного моря, а именно район Сочи-Адлер, откуда в основном и осуществлялись полеты к партизанам Крыма с осени 1942 по весну 1944 гг.

Краткая характеристика климата территории Сочи [45].

Сочи относится к зоне влажных субтропиков, являясь наиболее северным районом этой климатической зоны во всём мире.

Северо-западная часть Кавказского хребта служит непреодолимым препятствием для вторжения холодного воздуха с севера, северо-востока и востока. Холодные воздушные массы, поступающие со стороны моря, значительно прогреваются над водной поверхностью и приобретают повышенную неустойчивость и увлажненность, в результате чего наступает длительное ухудшение погоды. Система хребтов Большого Кавказа, наличие долин, ущелий, котловин создают сложную циркуляцию внутри горной системы. В предгорной части Кавказа происходит задержка холодных масс воздуха, стационарирование атмосферных фронтов и нередко обострение их перед орографическим препятствием.

Вынос тёплого влажного воздуха и его натекание вдоль склонов хребта вызывает осадки обычно за 6-9 часов до прохождения фронта. Интенсивность дождей растёт с ростом высоты гор и по мере перемещения фронтальных разделов к югу. Формирование кучево-дождевых облаков происходит тем интенсивнее, чем больше скорость вертикальных движений воздуха. Условия рельефа благоприятствуют возникновению больших скоростей восходящих движений воздуха, насыщенного влагой.

Резкое изменение погоды наблюдается в холодную половину и переходные периоды года. Отличительной особенностью холодной половины года является максимальное развитие циклонической деятельности. Чёрное море лежит на пути средиземноморских циклонов. Его высокая температура сама по себе способствует возникновению над ним по-

ниженного давления. Выходы циклонов со Средиземного моря весьма существенно смягчают климат Черноморского побережья Кавказа в зимнюю половину года. Поэтому зима очень тёплая. Средняя многолетняя температура января $+6^{\circ}\text{C}$. Днём температура воздуха повышается до $+5+10^{\circ}\text{C}$, в отдельные дни $+15+18^{\circ}\text{C}$. Иногда могут отмечаться дни с отрицательной температурой воздуха. Похолодания чаще всего бывают вызваны прорывом с северо-востока холодного воздуха через низкие перевалы (район п. Лазаревское) или выносом холодного воздуха с Закавказья. В последнем случае первоначально отрицательные температуры наблюдаются в Сухуми-Гагра, а затем в Адлере-Сочи. Устойчивых же морозов здесь не бывает вообще. Дни с отрицательной среднесуточной температурой воздуха бывают очень редко, но в отдельные зимы, при полярном вторжении холодных антициклонов в южные широты и беспрепятственном обвале холодного воздуха с северо-запада через открытое море, возможны интенсивные похолодания, когда абсолютный минимум в районе Сочи доходит до -15°C .

Обычно первые холодные вторжения арктического воздуха на Черноморском побережье Кавказа начинаются с ноября. С ними бывают связаны первые снегопады и слабые заморозки. Длительность безморозного периода в районе Сочи составляет 8-10 месяцев, а вегетационный период продолжается 10-11 месяцев. Устойчивые заморозки начинаются лишь в середине декабря.

Зима очень дождливая. Максимум осадков выпадает в холодный период года. Затяжные и интенсивные дожди зимой отмечаются почти в половине всех дней. Снежный покров лежит лишь в отдельные дни и не ежегодно. Дней с отрицательными среднесуточными температурами насчитывается в среднем четыре, однако в отдельные аномально холодные зимы их бывает больше [45].

С выносом тёплых и влажных масс воздуха в тёплых секторах циклонов со Средиземного моря, повторяемость которых в холодную половину года составляет 50% всех других синоптических процессов, отмечаются резкие оттепели, которые усиливаются фёновыми явлениями. Температура воздуха при фёне зимой может повышаться до $+17 - +25^{\circ}\text{C}$. При этом зачастую нарушается нормальный суточный ход температуры воздуха, она может аномально повышаться в ночные часы.

Зимой средняя месячная температура поверхности почвы положительная $+1 - +4^{\circ}\text{C}$. Максимальная температура поверхности почвы в отдельные дни может повышаться до $+27^{\circ}\text{C}$, а минимальная в отдельные зимы понижается до $-16 - -22^{\circ}\text{C}$. Это связано с вторжением отрогов сибирского максимума или арктического антициклона.

Устойчивый переход температуры воздуха через $+5^{\circ}$ осуществляется в феврале месяце, но в отдельные годы бывает 1-2 дня со средней суточной температурой воздуха ниже $+5^{\circ}$. От марта к апрелю температура воздуха повышается всего на $3,5-6,0^{\circ}$ из-за охлаждающего влияния моря и частых морских туманов, уменьшающих приток солнечной радиации. Всё это создаёт впечатление затяжной весны, хотя по температуре воздуха она наступает очень рано [45].

Туманы возможны, главным образом, в конце зимы и весной – 8-10 дней в году. Сильные ветры преимущественно наблюдаются зимой. Число дней с сильным ветром (15 м/с и более) составляет 15-20 в году [45].

В тёплую половину года циркуляция воздушных масс ослаблена, циклоническая деятельность затухает. Погода формируется в основном за счёт трансформации воздушных масс в медленно движущихся Азорских антициклонах и в местной термической депрессии. Создаются благоприятные условия для порождения местной циркуляции воздуха, нарушаемой изредка при прохождении ложбин и фронтов северо-западных циклонов. При вторжении с запада и северо-запада отмечается пасмурная, с дождями и грозами, погода, кратковременное усиление ветра перед фронтом юго-восточного румба, после прохождения фронта – северо-западного и западного румбов. Со второй половины лета устанавливается область повышенного давления, обуславливающая безоблачную погоду с бризовой циркуляцией. Средняя температура самых жарких месяцев – июля и августа – $+23^{\circ}\text{C}$.

Количество осадков за год доходит до 1500 мм. Отличительной особенностью климата является большая повторяемость ливней и гроз. Грозы наблюдаются, главным обра-

зом, с мая по сентябрь (20-30 дней в году). Однако и зимой, при прохождении холодных фронтов и окклюзий по типу холодного фронта, грозы могут быть каждый месяц.

Выделение четырёх сезонов года здесь является искусственным. Средняя месячная температура воздуха весь год выше нуля. Таким образом, выраженный зимний период фактически отсутствует. Поэтому внутри года целесообразно выделять два периода: холодный – ветреный, пасмурный, дождливый и тёплый – относительно сухой и ясный, с преобладанием местной бризовой циркуляции [45].

Климатообразующая роль местной циркуляции на побережье велика. Зимой и весной, в связи с усилением градиентных ветров, местная циркуляция проявляется гораздо слабее. Ветровой режим здесь складывается из общей, горно-долинной, фёновой и бризовой циркуляции. Бризы днём в приземных слоях дуют с моря на сушу, ночью – наоборот. Верхнее компенсирующее течение имеет обратное направление: днём с суши на море, ночью – с моря на сушу. Установление бризовой циркуляции, как и развитие горно-долинных ветров, обычно всегда наблюдается при устойчивой антициклональной погоде с малыми горизонтальными барическими градиентами. Бризовая циркуляция наиболее резко проявляется летом и осенью. Скорость береговых бризов меньше морских.

Горно-долинные ветры также здесь имеют место и являются одной из типичных климатических особенностей горных районов. Днём они дуют вверх по долинам и склонам (долинные ветры), ночью – в обратном направлении (горные ветры). Суточная их периодичность наиболее выражена в сезоны с ослабленной общей циркуляцией, т.е. осенью и летом [45].

Выводы. На полеты авиации с «Большой земли» (кавказских и краснодарских аэродромов Сочи, Adler, Туапсе, Гудауты, Краснодар, Славянская и др.) для снабжения крымских партизан существенно влияли местные погодные-климатические условия как в районах размещения аэродромов вылета (и возврата), так и по маршруту полета, проходившего в значительной своей части над Черным морем. Характер погоды и опасных метеорологических явлений позволяет сделать вывод о причине возвратов самолетов без выполнения задания именно из-за погодных условий по маршруту в Крым.

Источники и литература.

1. Крым в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1973. 496 с.
2. Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. в цифрах. М., 1962. 347 с.
3. Астапенко П.Д. Погода и полеты самолетов и вертолетов. Л., 1988. 169 с.
4. Авиационный справочник (для лётчика и штурмана). М., 1964. 416 с.
5. Селезнев В.П. Аэрологическое и метеорологическое обеспечение полётов. М., 1964. 170 с.
6. Бабинов М.А. Авиационная метеорология. М., 1951. 214 с.
7. Богаткин О.Г. Авиационная метеорология. СПб., 2005. 328 с.
8. Матвеев Л.Т., Смирнов П.И. Основы авиационной метеорологии. М., 1955. 332 с.
9. Яковлев А.М. Авиационная метеорология. М., 1971. 248 с.
10. Наровлянский Г.Я. Авиационная климатология. Л., 1968. 265 с.
11. Бабков И.И. Климат. Серия «Природа Крыма». Симферополь., 1966. 67 с.
12. Климат и опасные гидрометеорологические явления Крыма / под ред. К.Т.Логвинова, М.Б.Барабаш. Л., 1982. 315 с.
13. Климатический атлас Крыма / сост. И.П.Ведь. Симферополь., 2000. 119 с.
14. Справочник по климату СССР. Выпуск 10. Украинская ССР. Часть 1. Солнечная радиация, радиационный баланс и солнечное сияние. Л., 1966. 124 с.
15. Справочник по климату СССР. Выпуск 10. Украинская ССР. Часть 3. Ветер. Л., 1967. 699 с.
16. Справочник по климату СССР. Выпуск 10. Украинская ССР. Часть 5. Облачность и атмосферные явления. Л., 1969. 639 с.
17. Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Т. IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия. СПб., 1991. 430 с.
18. Шапаев В.М. Гидрометеорологические условия и мореплавание. М., 1975. 248 с.
19. Гордиенко А.И. Захарьян Р.Г. Плавание судов в особо тяжелых погодных условиях. СПб., 2004. 98 с.
20. Ткаченко С.Н. Изыскания посадочных площадок крымскими партизанами в 1942-1943 годах // Исторична панорама. Чернівці, 2011. Випуск 12. С. 81-91.

21. Климатологический справочник СССР. История и физико-географическое описание метеорологических станций. Выпуск 10. Украинская ССР. К., 1968. 530 с.
22. Косарев В.П., Андриющенко Т.Т. Лесная метеорология с основами климатологии. СПб., 2007. 288 с.
23. Роджер Г.Барри. Погода и климат в горах / перевод с англ. Л., 1984. 312 с.
24. Опасные природные явления. Часть 3. Опасные явления погоды конвективного происхождения. Воронеж, 2008. 62 с.
25. Подгородецкий П.Д. Крым: Природа: Справ. изд. Симферополь, 1988. 192 с.
26. Растительный покров горного Крыма (структура, динамика, эволюция и охрана). К., 1992. 256 с.
27. Климат // Крымский институт природоохранного и курортного строительства. Отчет о научно-исследовательской работе «Технико-экономическое обоснование зонирования территорий Большого Севастополя» / под рук. А.Н. Тетию и М.П.Емельянова. Симферополь, 1994. Л. 45-50.
28. Метеостанция «Караби-яйла». Журнал метеорологических наблюдений за 1955-1958 гг. Инв. 443769, 280 л.
29. Душевский В.П., Гриппа О.И. Осторожно: горы! Симферополь, 1981, 128 с.
30. Чуиков Б.М. Караби: Туристические маршруты: Путеводитель. 2-е изд. Симферополь, 1987. 96 с.
31. Государственный Архив в АР Крым (далее – ГААРК). ф. П-1, оп. 1, д. 2186.
32. ГААРК. ф. П-151, оп. 1, д. 319.
33. Справочник метеоролога ВВС РККА. М., 1939. 152 с.
34. ГААРК. ф. П-151. оп. 1. д. 331
35. Аэронавигационное описание Болгарии, Румынии и Советского побережья Чёрного, Азовского и Каспийского морей. М., 1965. 296 с.
36. ГААРК. ф. П-8417, оп. 1, д. 85.
37. ГААРК. ф. П-151. оп. 1, д. 329.
38. Емельяненко В.Б. Воздушный мост. М., 1998. 352 с.
39. ГААРК. ф. П-151, оп. 1, д. 330.
40. Черное море. Сборник. Л., 1983. 208 с.
41. Лоция Чёрного моря. М., 1937. 465 с.
42. Степанов В.Н., Андреев В.Н. Черное море (Ресурсы и проблемы). Л., 1981. 186 с.
43. Кузьминская Г. Г. Чёрное море. Краснодар, 1972. 92 с.
44. Степанов В., Андреев В. Чёрное море. Л., 1981. 160 с.
45. Климат Сочи [Электронный ресурс] // Сайт «Курорт Сочи - погода». Режим доступа: <http://sochi.meteoinfo.ru/climate#2>

IV

НАУЧНОЕ

ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

АЛЕКСАНДР II В ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЯ

ГУКАСЯН Л.Р., КОВАЛЕВ А.П.

Севастопольский филиал

Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

2013 год для Севастополя был богат на юбилейные события: 160-летие начала Крымской войны, 230-летие основания города, 230-летие Черноморского флота, и 400-летие Дома Романовых.

Гордо красуется своими златоглавыми куполами заложенный на руинах древнего Херсонеса Владимирский собор – символ принятия христианства на Руси. Всем известен музей Черноморского флота – музей, прославляющий мужество и героизм нашего народа в Крымской войне. Однако не все, наверное, знают, что и в строительстве храма, и в создании музея есть заслуга императора Александра II.

Со дня основания города все российские императоры (кроме Павла I) бывали в Севастополе. Некоторые из них приезжали не раз, часто связывая посещения морской крепости с общественно значимыми и военными мероприятиями.

Среди царствующих особ, оставивших свой след в истории Севастополя и Черноморского флота, был и император Александр II. В первый раз он прибыл в Севастополь на Северную сторону в октябре 1855 года во время Крымской войны. Больше месяца император пребывал в войсках действующей армии. В память о смотре русской армии, произведенном Александром II на Инкерманских высотах, по проекту архитектора А.А. Авдеева была построена часовня, которая, к сожалению, не сохранилась.

Воочию убедившись в мужестве и героизме защитников Севастополя, 31 октября 1855 года император приказом по армии учредил первую награду участникам обороны города – специальную медаль «За защиту Севастополя». Ею награждали всех без исключения защитников Севастополя, в том числе и женщин, которые «... несли службу в гос-

питалях или во время обороны оказывали услуги» [2]. На лицевой стороне медали изображены два вензеля – Николая I и Александра II, увенчанные императорскими коронами. На обратной стороне – мелкая надпись: «С 13 сентября 1854 по 28 августа 1855». Вдоль края медали, по кругу – крупная надпись: «За защиту Севастополя».

Приказом Александра II от 26 августа 1856 года были учреждены еще две медали. «В память войны 1853 в 1856 гг.» – ею награждались генералы, офицеры, нижние чины, чиновники всех ведомств, священники, чины ополчения, купечество. Серебряная медаль «Крым 1854 в 1855 в 1856» предназначалась для сестер милосердия. Одну медаль – для Даши Севастопольской – отчеканили из золота. 26 ноября 1856 года по приказу императора все экипажи Черноморского флота были награждены Георгиевским знаменным флагом с надписью «За оборону Севастополя с 13.09.1854 по 27.08.1855 г.».

Вступившему на престол Александру II достался в «наследство» от отца разрушенный войной Севастополь. Император, распорядился, «чтоб Севастополь оставался по-прежнему военным портом и в ведении морского начальства...» [2].

В 1858 году император дает разрешение на строительство храма во имя святого равноапостольного князя Владимира в Херсонесе, где в 988 году князь Владимир принял христианство. Инициатива строительства храма принадлежала главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу А.С. Грейгу. Однако замысел был осуществлен только после 33 летней паузы.

Александр II принимает самое активное участие в возрождении Херсонесского Свято-Владимирского мужского монастыря. По велению императора, в 1859 году, из малой церкви Зимнего дворца в Херсонесский монастырь была перенесена частица мощей святого равноапостольного князя Владимира. Александр II пожертвовал на сооружение храма 20000 рублей. Строительство в Херсонесе началось 23 августа 1861 года. В этот день Александр II с императрицей Марией Александровной, великим князем Константином Павловичем и великой княжной Марией Александровной заложили первый камень и установили крест в основание будущего храма и уложили на каменные блоки, как требовала традиция, золотые десятирублевые монеты.

В августе 1861 года Александр II пожертвовал деньги на отливку 111-пудового колокола и Корсунскую икону Божией Матери, особо почитавшуюся в Херсонесском монастыре. Согласно легенде, она была копией иконы, которую в 988 году вывез из Херсонеса князь Владимир [3, с. 67]. В 1858 году Александр II дает разрешение на продолжение строительства на городском холме Владимирского собора, начатого в 1848 г. по инициативе участников Крымской кампании, торжественное открытие которого состоялось 14 сентября 1869 года. Учитывая большое значение музея для воспитания, 1 декабря 1869 года император Александр II издал указ о передаче на все времена Севастопольскому музею, в целях обеспечения средств к поддержанию, имения в деревне Эмир Таврической губернии Бердянского уезда площадью 1.936 десятин, приносящее ежегодный доход 2500 рублей [1]. При музее в 1874 году были построены приют для инвалидов, школа на 40 учеников (преобразованная позже в ремесленное училище), Ксенъинская церковно-приходская школа на 300 учащихся, школа соломоплётения для девочек.

После Крымской войны, закончившейся для России поражением, Черное море объявлялось нейтральным, России запрещалось там иметь военный флот. Благодаря дипломатическим усилиям, Александр II издает знаменитый циркуляр от 19 октября 1870 г., положивший начало возрождению Севастополя и Черноморского флота. В 1870 году император Александр II «высочайше повелел» строить боевые корабли. Спроектированные вице-адмиралом А.А. Поповым, они имели оригинальную круглую форму, толстую броню и мощное артиллерийское вооружение. По имени создателя в народе их называли «поповками», а официально нарекли «Новгородом» и «Вице-адмиралом Поповым». 2 сентября 1873 года в Севастопольскую бухту вошел «Новгород». Через неделю Севастополь посетил Александр II для осмотра судна на плаву [2].

Александр II в последний раз посетил Севастополь в 1880 году при отъезде 1 декабря в Петербург из крымского имения «Ливадия». По дороге в Севастополь он приказал остановить экипаж у Байдарских ворот, откуда открывался чудесный вид на Черное море и голубоватые вершины Яйлы.

Таким образом, влияние Александра II на судьбу Севастополя было значительным. Как сказал французский епископ Ж. Массильон: *«Любой род умирает и прекращается, как только мы наследуем лишь имя, не унаследовав прославивших его добродетелей»*. Следует помнить заслуги всех тех, кто приложил руку к развитию и процветанию Севастополя, вне зависимости от чинов, званий и пройденных лет.

Источники и литература.

1. Беседы в Читальном зале [Электронный ресурс] // Сайт Библиотеки им.М. Лазарева. Режим доступа: http://www.sevmb.com/recomend/sevast/p_1_at639_id168/
2. Ильина Г. Александр II и Севастополь // «Слава Севастополя». 21 Февраля 2011.
3. Лашков Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонесе храма Св. равноапостольного князя Владимира // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1888. № 5. С. 67.

ИСТОРИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ СВЯТО-МИТРОФАНОВСКОГО ХРАМА В СЕВАСТОПОЛЕ

Дьяченко А.С.

Севастопольский филиал
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

2013-й – год 400-летия династии Романовых. Всего 100 лет назад в Севастополе торжественно и пышно отмечали 300-летие Дома Романовых. Имена многих российских императоров тесно связаны с г. Севастополем, с его духовным возрождением. В настоящее, когда государство лишилось официальной идеологии, общество – духовных и нравственных идеалов – самое время вспомнить о духовном возрождении [1, с. 146].

Целью данной работы является освещение историко-философского аспекта в возрождении Митрофановской церкви в Севастополе, и показать роль Николая II в этом вопросе.

В Севастополе 300-летие династии Романовых решили ознаменовать сооружением часовни на Митрофановской площади (ныне пл. Ластовая).

В начале января 1913 года газета «Крымский вестник», издававшаяся в Севастополе, опубликовала «Воззвание комитета по сооружению часовни в память 300-летнего царствования династии Романовых». В нем сообщалось, что строительные работы уже в основном завершены. Воззвание призывало делать пожертвования для окончания строительства часовни. В основном строительство осуществлялось за счет пожертвований военнослужащих флота, гарнизона, порта и гражданского населения.

14 марта 1913 года, в день восшествия на престол первого из Романовых, Михаила Федоровича, возвращенный из Франции и отреставрированный крест был поднят и установлен на куполе часовни. Двадцатипятиметровую каменную часовню, выдержанную в русском стиле, украшали бронзовые двуглавые орлы – символ российского самодержавия. 10 августа 1913 года состоялось освящение часовни в честь иконы Федоровской Божьей Матери, в котором принял участие Николай II. Именно иконой Федоровской Божьей Матери был благословлен на царствование родоначальник царствовавшей династии Романовых Михаил Федорович. В 1912 году ктитор (староста) храма св. Митрофания капитан II ранга Ратьков возбудил вопрос о сооружении на этом месте часовни в ознаменование 300-летия Дома Романовых [2].

В первой половине XIX века на Корабельной стороне Севастополя при казарме 37 флотского экипажа размещалась церковь во имя святого равноапостольного князя Владимира. Она была устроена в 1822 году в воинской казарме для военнослужащих и жителей Корабельной слободки. Часовня была возведена на том же месте, где располагалась ранее церковь Св. Владимира. В 1829 году при казармах 37-го флотского экипажа, располагавшихся на территории Корабельной стороны, построили часовню во имя Св. Благоверного Великого князя Владимира. Это было единственное культовое сооружение в данном районе, поэтому, служило для удовлетворения религиозных нужд не только военнослужащих, но и гражданского населения. С 1834 года часовня стала церковью с подвижным престолом во имя Св. князя Владимира. Однако в период обороны Севастополя 1854-1855 годов храм был разрушен, а крест с его купола вывезен во Францию [3].

На месте церкви св. князя Владимира установили деревянный столб с иконой и лампадой, которую зажигали в часы богослужений сторожа храма св. Митрофания. Место бывшей церкви обнесли металлической оградой.

В 1858-1859 годах, за счет пожертвований жителей Корабельной стороны, церковь восстановили на прежнем месте в виде деревянного барака, но в 70-х годах XIX века ее разобрали как пришедшую в ветхость.

Вероятно, поэтому неподалеку от Владимирской была возведена новая церковь. Церковь была необычной формы, напоминала опрокинутый вверх днищем корабль. Она вмещала около 200 человек. Строило ее Морское ведомство, поэтому, к наименованию добавлено слово «портовая», а её прихожанами были портовые служащие, чины, служившие на мелких судах, на верфях и доках. Церковь вмещала до 200 человек. С южной стороны, отдельно от церкви, находилась колокольня с семью колоколами. Осветили её во имя св. Митрофана Воронежского. Архиепископ Митрофан Воронежский являлся духовным наставником Петра I, основателя и строителя российского военного флота. Владыка Митрофан одобрял планы Петра I в заведении флота, считал их спасительными для государства и неоднократно жаловал средства в казну на «ратных людей».

Во вновь выстроенную портовую Митрофановскую церковь были переданы образа и церковная утварь церкви Св. Владимира. Деревянный барак, в котором она находилась после Крымской войны, разобрали, а престол сожгли на берегу Аполлоновой балки в присутствии жителей Корабельной слободки, пепел сбросили в море.

До 1917 года часовня состояла в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства, была приписана к храму св. Митрофана Воронежского. После 1917 г. часовня разделила судьбу многих храмов России. Всего полтора десятилетия она украшала одну из площадей Севастополя. В «Книге учета ликвидированных храмов и культовых зданий Севастополя» сообщается, что часовня была *«разобрана 13 сентября 1928 года на основании решения Крым ЦИК от 10 февраля 1928 года»* [3].

В 1997 году стараниями священнослужителя Павла Ильинского было начато строительство Свято-Митрофановского храма. В 2007 году недалеко от площади Ластовая на Госпитальном спуске была построена часовня на том самом месте, где располагался храм св. Митрофана Воронежского.

Источники и литература.

1. Вісник СевНТУ. Вип. 104: Педагогіка зб. наук. пр. Севастополь Вид-во СевНТУ, 2010. С.146-149 .
2. Романовы в Крыму [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://crimeanblog.blogspot.ru/2011/05/romanovy-crimea.html>
3. Свято-Митрофановский храм [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.sevastopolwalks.com/historical_15_2.html
4. Шпакова И. Возвращение из забвения // И. Шпакова. Слава Севастополя. 10.01.2008.

СУДЬБА УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1941-1942Г.Г.: РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ИВАНОВ Н.Д.

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе

Все дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны; ветеранов, участников боевых действий, доживших до наших дней, осталось очень мало. Поэтому, их воспоминания становятся все более интересными и востребованными, вызывают много вопросов о молодежи военной поры, вставшей на защиту своей Родины.

Между Севастополем и Балаклавой расположился небольшой поселок виноградарей Кадыковка (современное название – пос. Пригородное). Здесь мы познакомились с человеком удивительной судьбы, коренным жителем Кадыковки Алексеем Тимофеевичем Андрющенко, 1920 года рождения. Краснофлотец Алексей Андрющенко защищал Севастополь с первого до последнего дня обороны 1941-1942 гг. Судьба Алексея Тимофеевича сложилась так, что он попал в плен, выжил, вернулся на Родину, служил в армии до 1946 г. Награжден медалью «За победу над Германией», орденом «Отечественной войны» II степени. С Днем Победы его поздравляет агрофирма «Золотая балка», где он работал долгие годы. Но А.Т. Андрющенко никогда не приглашали на встречи ветеранов войны – участников обороны и освобождения Севастополя, т.к. его нет в списках оставшихся в живых защитников города-героя Севастополя.

Чтобы выснить причину этой несправедливости, я и мои товарищи решили взять интервью у Алексея Тимофеевича, а кроме того, обратиться к материалам картотеки Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя.

В результате работы с документами, удалось установить, что при первом и втором наступлениях фашистов на Севастополь краснофлотец А.Т. Андрющенко сражался в районе Мекензевых гор, в 4 секторе Севастопольского оборонительного района (СОР), в составе 90 стрелкового полка, входившего в состав 95 стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор В.Ф. Воробьев. Во время третьего наступления фашистских войск (операция под кодовым названием «Лов осетра»), Андрющенко находился в составе 3-го отряда морской пехоты, куда попал после ранения и лечения на Кавказе в г. Сочи. Морская пехота сражалась в районе Инкермана, между 2 и 3 секторами СОР. Это была самая горячая точка обороны, потому что именно сюда генерал-полковник Э. фон Манштейн направил основные силы своей армии.

С этого момента между архивными документами и судьбой А.Т. Андрющенко возникают разногласия. По материалам Центрального военно-морского архива, до настоящего времени он считался пропавшим без вести (карточка №56/103 от 24.09.1942 г.). В книгу памяти города-героя Севастополя также внесена запись, что он пропал без вести под Севастополем [1, с. 81].

По воспоминаниям Алексея Тимофеевича, 4 июля 1942 г. он был взят в плен в районе Малахова кургана, куда небольшой группой добрались отступающие краснофлотцы. Севастопольских военнопленных сначала поместили в бахчисарайский лагерь, затем – в симферопольский. Из Симферополя группу молодых военнопленных переправили в Киев, а через некоторое время – в Чехословакию, на угольные шахты. Он выжил благодаря пленным чехам, которые работали вместе с ним и подкармливали его хлебом. Несколько раз его перевозили в другие шахты, куда точно, он не вспомнил. В плену А.Т. Андрющенко находился до апреля 1945 г. Бывших военнопленных отправили на территорию СССР, в Западную Украину. Здесь, в местечке Моршин, Алексей Тимофеевич принял присягу и еще год служил, участвуя в борьбе с бандеровцами. Отсюда он сообщил родным, что жив, и вернулся на Родину.

Как уже отмечалось, в результате неточностей первоначальных записей в архивных документах Центрального военно-морского архива, особенно из-за ошибки о месте призыва в армию в 1941 г., А.Т. Андрющенко, участвовавший в отражении всех трех наступлений фашистских войск на Севастополь в 1941–1942 гг., после войны оказался “потерянным” для мира оставшимся в живых защитником Севастополя. После встреч и бесед с Алексеем Тимофеевичем, я и мои товарищи уходили с чувством благодарности и, в тоже время, вины перед этим человеком с подинно русской душой, полной спокойствия и всепрощения.

В настоящее время в Национальном музее героической обороны и освобождения Севастополя уточняется полученная нами информация об участнике обороны Севастополя 1941–1942 гг., который жив до настоящего времени, чтобы внести дополнения к материалам картотеки и изменения в новое издание Книги Памяти города-героя Севастополя.

Источники и литература.

1. Книга Памяти города-героя Севастополя. Т 2. Симферополь: Таврида, 1994.

ОЦЕНКА ЗАКОНОВ ЗЕМЕЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В КОНЦЕ 1980 – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

КАТАМАДЗЕ Н.Ш.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Волна интереса к аграрной истории, охватившая вначале экономистов, социологов, а позже и историков, была обусловлена реформацией сверху на фоне распространения идей рыночной экономики. Происходило прямое заимствование рыночных механизмов и западного опыта применительно ко всем сферам российской жизни, в том числе и аграрной.

Одновременно шло переосмысление достижений научной мысли отечественных экономистов, философов и историков, трудившихся на рубеже предшествующих эпох: А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, М.И. Туган-Барановского и других. Обращение к прошлому опыту и концепциям зачастую сопровождалось мыслями о нереализованных возможностях, что мешало исследователям научно сопоставить идеи предшествующей эпохи с условиями современной действительности.

В аграрной сфере все большее распространение получили идеи фермеризации сельского хозяйства, что имело неоднозначные последствия в формировании курса аграрного реформирования, направленного на разрушение аграрно-промышленного комплекса, включая колхозы и совхозы, и прекращение поддержки отечественного сельского производителя. В сущности, идеи фермеризации и аграрного реформирования были направлены на перераспределение земель, а значит, лишения крестьян монопольного права владения землей, которую они обрабатывают.

На фоне как этих, так и прочих идей, стала распространенной формула о несостоятельности колхозного крестьянства: *«Крестьянство никуда не годится»* [6, с. 13]. В качестве нового субъекта сельского труда стали отдавать предпочтение фермерам как новой силе, социальной основе планируемой модернизации. Теоретически, фермеров рассматривали как субъектов рыночной деятельности, обладающих определенными свойствами личности, которые присущи хозяину и собственнику – предпринимательская хватка, инициативность и другие.

В рамках концепции «раскрестьянивания» крестьянин противопоставлялся фермеру как более слабое звено. Подвергался сомнению факт сохранения за крестьянином способностей к полноценному ведению индивидуального хозяйства – ни семейного, ни тем более фермерского; либо ведение традиционного семейного хозяйства стало считаться отставшей формой, не отвечающей условиям капиталистической модели экономики.

Среди социологов было распространено мнение о глубокой люмпенизации российских крестьян и окончательной утрате ими умения заниматься предпринимательством.

В качестве аргумента в пользу позиции о неполноценности крестьянства использовались данные о пассивности и неготовности крестьян к аграрным преобразованиям. В экономических работах тех лет обозначаются причины подобных настроений. Так, действующий заместитель министра сельского хозяйства Российской Федерации А.В. Петриков в статье, написанной в 1993 г., будучи заместителем директора Аграрного института, отмечал, что помимо общих причин непринятия народом реформ, таких как социально-демографические (старение деревни), невысокий образовательный ценз, существовала третья группа – это несоответствие проводимой реформы менталитету и ценностным ориентирам крестьян [4, с. 85].

В запале отрицательного отношения к потенциалу крестьянства строились планы по привлечению кадров фермеров из городов – *«свежая кровь, без которой значительная часть нашей деревни сегодня не поднимется»* [6, с. 21]. На практике, подобные предло-

жения предполагали возможность и целесообразность формирования слоя предпринимателей, чужеродных деревенскому укладу.

Уже в конце 1980 – начале 1990-х гг. устами отдельных историков и экономистов звучали идеи, предостерегающие реформаторов от опасности игнорирования собственных компонентов трудовой культуры в сельском хозяйстве, такие как менталитет русского крестьянина, его культурно-ценностное содержание. Критиковалось пренебрежение в отношении ЛПХ, которые в своем виде не только сохранили семейное производство и некоторые принципы частной собственности, но на протяжении всего колхозного периода, по сути, являлись равноправным партнером агропромышленного производства. Так, российский историк П.Н. Зырянов на одном из собраний круглого стола с негодованием отмечал: *«Мы никуда не денем тех людей, что живут сегодня в деревне, и фермеров из Америки не выпьем. Поэтому, на мой взгляд, нашим реформаторам надо обратить самое пристальное внимание на приусадебное хозяйство, производительность в котором всегда была на порядок выше, чем в колхозно-совхозном производстве»* [6, с. 21].

На одном из заседаний круглого стола по аграрным проблемам историк Ю.Г. Александров также оспаривал тезис о несостоятельности русского крестьянина: *«несмотря на коллективизацию российского крестьянского хозяйства и его послевоенную индустриализацию. Наше колхозно-совхозное крестьянство сохраняет значительный элемент крестьянственности (в частности, подсобное хозяйство), и роль этого фактора при определенных поворотах аграрной реформы может возрасти»* [6, с. 17].

Таким образом, перспективе развития ЛПХ противопоставляли фермерское хозяйство. Фермер и фермерское хозяйство – принципиально новые явления в системе народного хозяйства России, в отличие от Запада и США, где такая форма ведения сельского хозяйства является традиционной. В первую очередь, внедрение понятия «фермерское хозяйство» означает формирование нового отношения к земле, а именно, постулирование восприятия земли как частной собственности.

Ключом для понимания менталитета русского крестьянина является его особое отношение к земле. Для христианского сознания крестьянина всегда было характерно представление о земле как земле Божией: *«Земля Божия – этико-религиозное понятие, выражение целостного взгляда православного крестьянства на мир, как творение»* [2, с. 134].

Академик Л.В. Милов справедливо отметил, что земля является главной социально-нравственной ценностью крестьянского мира, и отношение к земле, к аграрному вопросу определяло всю социальную психологию и политическую идеологию крестьян [3, с. 17]. Крестьянин – человек, для которого труд на земле, привязанность к земле есть свойство личности.

Таким образом, отношение фермера к земле как к частной собственности противоречит в своей основе представлениям русского крестьянина, которые можно выразить в виде двойной формулы: собственность на землю создает условия труда, в свою очередь, труд на земле обеспечивает условия собственности.

Следующим принципиальным различием между фермером и крестьянином является цель и мотивы хозяйственной деятельности. Фермерское хозяйство по своей природе является хозяйством капиталистического типа, где крестьянин-собственник выступает в роли рабочего и предпринимателя. Главной целью фермера как предпринимателя является получение максимальной прибыли.

Традиционное крестьянское хозяйство России является семейно-трудовой организацией. Крестьянин выступает как собственник, который работает сам на себя. Движет крестьянином стремление к воспроизводству, поддержанию и продолжению жизни. Автор концепции семейного хозяйства А.В. Чаянов отмечал следующее относительно различия двух описываемых типов организации хозяйства: *«мотивацию хозяйственной деятельности семейного типа мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определить время и напряжение своей работы»* [7, с. 203].

Отсюда особое отношение крестьянина к своему труду не как к обязанности или средству обогащения, а как к потребности и долгу перед природой: *«Труд имеет незаменяемое значение для человека как средство воспитания воли, борьбы с дурными наклонностями, наконец, как возможность служения ближним»* [1].

Традиционная попытка объяснить деятельность крестьянина с точки зрения предпринимательского интереса или политической организации является несостоятельной. Таким образом, мы должны четко отдавать себе отчет в том, что русский крестьянин, имея возможность быть предоставленным самому себе, трудиться на земле, тем самым обеспечивая поддержание жизни себе и своей семье, не пойдет в наемные рабочие. Однако реформаторы не принимали в счет этот фактор при проведении аграрных реформ, направленных на капитализацию сельского хозяйства, что во многом предопределило провал в попытке создания слоя фермеров.

Распространенное мнение, что феномен ЛПХ постепенно исчезнет по мере перехода к рыночной экономике, также оказался несостоятельным. Напротив, в 1990-х годах в связи с перераспределением земель, интенсивным выделением земельных участков собственникам личных хозяйств, владельцам садов и огородов, активизировалось развитие индивидуального сектора. Удельный вес хозяйств населения увеличился с 26% в 1990 г. до 56% в 2002 г. с некоторым снижением в последующие годы: 2007 г. – 44,3%; 2008 г. – 43,4%; 2009 г. – 47,1%; 2010 г. – 49,3% [5, с. 68].

При среднем составе семьи из трех человек в 1990 г., в хозяйствах населения были заняты почти 90 млн. чел., а в 2002 г. – 105 млн. Это при том, что сельское население страны в 1990 г. составляло 38,9 млн. чел., или 26%, в 2002 г. – 38,7 млн., т.е. практически все население России было вовлечено в производство сельскохозяйственной продукции [5, с. 69].

Согласно официальным статистическим данным, в современном отечественном производстве сельскохозяйственной продукции доли сельскохозяйственных организаций и хозяйств населения практически равнозначны [5, с. 71].

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют, что ЛПХ по сей день проявляет непоколебимую живучесть, а значит, занятость в ЛПХ остается социо-культурной традицией (привычкой), глубоко укоренившейся в селе. Следовательно, может и дальше играть активную роль в выживании для сельских жителей в случае ухудшения экономического состояния, как семьи, так и государства в целом.

Источники и литература.

1. Булгаков С.Н. Христианство и социализм [Электронное издание] // Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/823/792/1219/002_Bulgakov_111-131.pdf. (проверено: 27.02.1013).
2. Кузнецов С. В. Традиции русского земледелия: практика и религиозно-нравственные воззрения. М.: «Индрик», 1995. 436 с.
3. Милов Л. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
4. Петриков А. Сельское общество и аграрная реформа // Вопросы экономики. 1993. №10. С. 83-89
5. Скульская Л.В., Широкова Т.К. О проблеме сравнительной эффективности производства в отдельных секторах сельского хозяйства // Проблемы прогнозирования. 2012. №4. С. 65-80.
6. Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1993. №2. С. 1-28
7. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1089. 494 с.

ИНОСТРАНЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В XIX ВЕКЕ НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ ИНЖЕНЕРОВ УПТОНОВ

МАЛИНОВСКАЯ Е. С.

Филиал МГУ им. Ломоносова в г. Севастополе

Случаи привлечения на службу иноземцев в России известны с давних времен. Особенно выросшее в XVIII в., с началом государственных и экономических реформ Петра I, их присутствие в стране в конце XVIII – начале XIX вв. значительно расширилось и коснулось различных сфер жизни общества. Деятельность иностранных специалистов в России и их статус регулировались особыми законодательными актами.

Жизнь иностранцев на русской службе в первой половине XIX в. можно проследить на примере британца на русской службе, военного инженера, талантливого строителя и архитектора, Джона (Ивана Ивановича) Уптона.

Несмотря на интересные строительные проекты с участием Дж. Уптона в Великобритании и ряде городов юга России, большой вклад его в развитие Севастополя, работ, всецело посвященных его деятельности, так и не было создано.

Краткие биографические данные о Джоне Уптоне приводятся в энциклопедическом словаре «Николаевцы», опубликованном в 1999 году, при этом, основной акцент делается на его строительную деятельность в Николаеве [11, с. 330].

Хотя строительный талант Дж. Уптона наиболее ярко проявился в Севастополе, в энциклопедическом справочнике «Севастополь», подготовленном Национальным музеем героической обороны и освобождения Севастополя, статья о Джоне Уптоне отсутствует. Его имя упоминается лишь в связи с отдельными объектами, возведенными по его проектам в городе (Графская Пристань, Морская Библиотека) [16, с. 247-248, 514].

Немало материалов о строительных проектах в России, в которых принимал участие Уптон, было опубликовано как в дореволюционной, советской, так и в современной историографии [3, с. 26; 7, с. 102-104; 6, с. 148; 17, с. 214-215; 20, с. 598].

Но, пожалуй, первой, кто попытался целостно рассмотреть биографию Дж. Уптона, стала библиограф Севастопольской Морской библиотеки В.А. Назинцева. На основании архивных документов, хранящихся в фондах РГА ВМФ и ГАСК, автор рассмотрела страницы жизни Д. Уптона и его потомков, продолживших семейную традицию. К сожалению, она не коснулась английского периода деятельности Дж. Уптона [10].

Восполнить эти пробелы помогают британские периодические издания середины XIX века. Так, на страницах “The Gentleman's magazine” в январе 1855 г. была опубликована статья о полковнике Дж. Уптоне. Журнал, посвященный участникам Крымской войны и осады Севастополя, решил поместить сведения и об англичанине на русской службе, которому приписывалось строительство оборонительных сооружений Севастопольской крепости. В статье содержатся любопытные сведения об участии Дж. Уптона в английских строительных проектах, а также о финансовых махинациях, связанных с его именем, и послуживших поводом к бегству из Англии. Несомненно, данная информация нуждается в дополнительном изучении. К сожалению, провинциальная английская периодика, на которую ссылались авторы статьи в «Джентельменз Мегезин», до недавнего времени была нам недоступна. В настоящее время возможности для этого предоставлены в электронном Архиве британских газет – новом проекте Британской национальной библиотеки. Предварительный поиск позволил выявить ряд публикаций в провинциальных газетах «Hertford Mercury and Reformer» и «Northampton Mercury» за 1826-1854 гг., касающихся инженера Джона Уптона [21].

Колоритное описание семейства военного инженера «Гюптона» оставил в записках о путешествии в Крым, совершенном в 1837 году, Анатолий Демидов [5, с. 546].

Краткое упоминание об одном из сыновей инженера Дж. Уптона содержится в дневниках Изабеллы Дюберли, жены английского офицера Генри Дюберли, участника Крымской войны, воевавшего в рядах бригады Легкой Кавалерии под Севастополем. Пользовавшаяся большой популярностью в войсках и имеющая широкий круг знакомых, в том числе и среди командного состава армии, она всегда была в гуще событий, собирая сведения самого разного характера из первых уст.

Среди новых источников о жизни и деятельности Джона Уптона в Крыму, следует указать ряд дел, хранящихся в ГА АРК. [1; 12; 13; 14; 15]. Они позволяют уточнить ход изыскательских работ по строительству севастопольских сухих доков, а также отдельные моменты биографии Уптона и членов его семьи.

Джон Уптон родился в маленьком английском городке Питворт в графстве Сассекс. Точная дата его рождения не известна. Английские исследователи полагают, что это был 1774 г.; николаевский краевед Ю.С. Крючков указывает 1800 год [11, с. 330]. Наиболее верной мы находим дату, предложенную В.А. Назинцевой, которая по данным формулярного списка Д. Уптона на 1850 г. установила, что он родился около 1775 года [10, с. 31].

Его отец, Джон Уптон-старший, служил землемером у третьего графа Эгremонтского в поместье Питворт Хаус. Джордж Вайндхем был заинтересован в развитии транспортной системы графства, спонсировал строительство дорог и усовершенствование водных артерий. Вероятно, основные технические и инженерные навыки молодой Уптон приобрел, учась у своего отца, а также участвуя в работах, финансируемых графом Вайндхемом.

В 1815 г. Дж. Уптон начинает работу над остановленным проектом строительства Глостерского канала и перерабатывает его. Ранее канал должен был быть присоединен к реке Север в Беркли; по новому проекту канал присоединялся к реке Шарпнесс. План Уптона сочли более удачным и, в конечном счете, он был принят. Это его первая известная самостоятельная работа как инженера.

Бурное развитие английской капиталистической промышленности требовало совершенствования путей сообщения. К 1819 г. Дж. Уптон становится землемером на участке строящейся дороги Лондон-Холихед от Стоуни-Стретфорда до Данчерча, проживая в небольшом городке Девентри графства Нортхемптоншир. Постройка дороги Лондон-Холихед началась в 1815 году. Целью было – наладить транспортное сообщение между Лондоном и Дублином, связать между собой Великобританию и Ирландию. Создателем проекта был Томас Телфорд, известный английский гражданский инженер и архитектор. Наиболее сложным участком дороги стал путь от Шресбери до Уэльса, именно здесь и работал Джон Уптон. Телфорд высоко оценил инженерный талант Уптона, подтверждение чему мы находим на страницах “The Gentleman's magazine” [18, p. 88-89].

В 1818 г. Дж. Уптон был отстранен от работы над проектом Глостерского канала из-за закупки для строительства неподходящих материалов. Позже, восемь лет спустя, происходит еще одно скандальное событие, связанное с его именем. Во время ревизии средств, затраченных на постройку дороги в Данчерч в начале 1826 г., было выявлено, что Уптоном совершено мошенничество на колоссальную по тем временам сумму более 1000 (в некоторых источниках 2000) фунтов. Обвиненный в мошенничестве, Дж. Уптон должен был явиться в Нортхемптоншир для судебного разбирательства. Он избежал ареста, поскольку за него был внесен залог. Суд состоялся в июле 1826 года. Первое заседание не принесло результатов, однако адвокат Джона, на основании собранных им сведений, дал понять клиенту, что вследствие вынесения результатов не в его пользу тот будет повешен. На следующий день Джон Уптон, под предлогом утренней прогулки, бежал в Лондон, где ему удалось попасть на прием к русскому консулу. Не секрет, что в задачи сотрудников консульств входила вербовка квалифицированных специалистов для работы в России. Заручившись рекомендательными письмами, Дж. Уптон отправился к новому месту службы.

О начале деятельности Джона Уптона в России известно немного. В 1826 г. он поступил на русскую службу инженером корпуса путей сообщения и находился в распоряжении вице-адмирала А.С. Грейга в Николаеве.

Николаевский краевед Ю.С. Крючков, на основании архивных документов, хранящихся в ГАНО, пишет о том, что Д. Уптон был выписан А.С. Грейгом в Николаев на смежную инженерию и архитектуру А. Рокура [11, с. 330].

В 1827-1833 гг. Дж. Уптон служил инженером строительного отделения Черноморского флота в Николаеве и Севастополе. В 1829 г. он разработал проект эллинга для строительства кораблей в Николаевском адмиралтействе. В 1831 г. проектирует мост через Бугский лиман из Николаева в Одессу.

В Одессе он буквально спас проект строительства Приморской (Потёмкинской) лестницы, спроектированной известным одесским архитектором Францем Боффо. В 1837 г. Уптон разработал конструкцию в виде гигантского, сложенного из местного известняка клина, установленного на деревянных сваях, вбитых в основание склона. Сквозные поперечные галереи образовали на боковых стенках лестницы легкие аркады. Все это остановило разрушение лестницы оползнем. Ему же принадлежит и проект Сабанеевского моста в Одессе.

В работе Ю.С. Крюčkова, посвященной деятельности французского инженера на русской службе А. Рокура, говорится, что именно ему принадлежал первоначальный проект строительства сухих доков для Севастополя, состоящий из девяти камер. План этот, не утвержденный в Петербурге, переработал и воплотил в жизнь Джон Уптон [8].

В 1827 г., по предложению А.С. Грейга, Дж. Уптон спроектировал севастопольский водовод, функционировавший до недавнего времени. В 1829 г. разработал проект эллинга в Николаевском адмиралтействе для постройки кораблей. В следующем, 1830 г., он командирован в Севастополь для постройки сухих доков по своему уже утвержденному проекту.

Надо отметить, что проект Дж. Уптона, в отличие от проекта А. Рокура, оказался, на наш взгляд, более удачным с учетом рельефа местности и потребностей Черноморского флота, не нуждавшегося на тот момент в девятикамерных доках. Более того, даже для проекта Дж. Уптона, насчитывающего всего пять камер, воды из Черной речки не хватало. Нехватку пресной воды пришлось компенсировать закачиванием в доки с помощью насосов морской воды. К слову сказать, флоту практически не пришлось воспользоваться этими доками. Едва построенные, они были взорваны союзными войсками после захвата Севастополя в 1856 году. Восстанавливать их не стали, поскольку для судов нового класса, появившихся к тому времени на вооружении флота, они были непригодны.

В период с 1833 по 1849 гг. Дж. Уптон успешно продвигается по службе. После производства в звание инженер-майора, он в ноябре 1837 г. становится подполковником, а к декабрю 1844 г. достигает чина полковника. С 22 ноября 1839 г., сверх обязанностей строителя севастопольских сухих доков, Дж. Уптон являлся главным производителем работ по возведению в Севастополе Нового (Лазаревского) адмиралтейства и членом Комитета по его строительству. С 16 ноября 1846 г. по 13 августа 1847 г. исполнял обязанности председателя Комитета сухих доков.

За годы военной службы Дж. Уптон был награжден орденом Св. Станислава II степени в 1842 г. и орденом Св. Анны II степени в 1847 году [10, с. 31].

По данным В.А. Назинцевой, согласно формулярному списку Дж. Уптона на 1850 г., подданство Российской империи он получил в ноябре 1849 года. Церемония приведения его к присяге на верность России проходила в Севастополе в Комитете по возведению сухих доков, членом которого Дж. Уптон являлся с 1837 года. Указом Правительствующего Сената от 15 мая 1851 г. Дж. Уптон был утвержден в дворянстве и внесен во 2-ю часть Дворянской Родословной книги [10, с. 31]. Однако архивные документы, хранящиеся в ГА АРК в фонде Таврического дворянского депутатского собрания, сообщают, что дата принятия им присяги – не 7 ноября 1849 г., а, как написано в копии присяжного листа на подданство России, 12 октября 1849 года. Более того, принятие присяги его сыновьями проходило позже в Таврическом губернском правлении в Симферополе 26 июня 1850 г. [14, л. 8-9].

За неимением метрических свидетельств, дети его причислены к дворянству вместе с отцом не были, но уже 10 октября 1850 г. Дж. Уптон направил в Таврическое дворянское собрание копии метрик своих сыновей, присланные по его просьбе из Англии. Неожидан-

ные сложности возникли с их переводом на русский язык. В симферопольской гимназии, в то время единственной в Крыму, преподавателя английского языка не нашлось. Сделанный же лектором Джемсом Гревсом перевод долго не позволял засвидетельствовать Правлению Ришельевского лицея попечитель Одесского учебного округа. В конце концов, верность перевода удостоверял Великобританский Генеральный Консул в Одессе, и указом Департамента Герольдии Правительствующего Сената от 26 мая 1852 года № 4838 три сына Д. Уптона были причислены к дворянам Таврической губернии.

В 1850 г. к присяге были приведены только трое из его сыновей: Иван, Вильям и Томас. Четвертый сын Самуил, служивший в это время архитектором при дирекции Кавказских Минеральных вод, к присяге приведен не был. Он принял её позднее, и 11 февраля 1858 г. был также внесен в число дворян Таврической губернии [1, л. 195].

Метрические свидетельства позволяют уточнить даты рождения сыновей Д. Уптона: Джон (31.03.1808-?), Вильям (10.03.1811-?), Самуил (19.08.1813-...12.1879), Томас (27.10.1814-?) [14, л. 63, 64, 97].

История семьи Джона Уптона по-своему интересна. В своих записках русский меценат и промышленник Анатолий Демидов, посетивший Севастополь в 1837 г., оставил воспоминания о знакомстве с Джоном Уптоном: «... нас представили г-ну Гюптону, искусному инженеру, который придумал и привел в исполнение большую часть важных построек, существующих теперь в гавани. Он принял нас весьма радушно, в собственной квартире, где мы наслаждались зрелищем истинно счастливой семейной жизни. У г-на Гюптона восемь человек детей. Умные и трудолюбивые сыновья его, не смотря на свою молодость, уже помогают отцу в огромных предприятиях, которые он приводит в исполнение...» [5, с. 23-24].

В формулярном списке за 1850 г. указывается, что Дж. Уптон женат на «дворянке Марии, Васильевой дочери». Сыновья их: Иван – 41 года, Вильям – 38 лет, Самуил – 37 лет, Томас – 36 лет. Дочери: Сусанна – 35 лет и Эмма – 23 лет. Самому Джону на этот момент было 65 лет. Семья владела в Севастополе двухэтажным каменным домом. Важным является и то, что на первой странице формулярного списка рукою писаря была сделана приписка, гласящая, что Дж. Уптон умер на службе 26 ноября 1851 года.

Данная запись является чрезвычайно значимой, поскольку и по сей день сохраняется миф о том, что полковник Дж. Уптон накануне Крымской войны, не желая воевать против своих соотечественников, вернулся в Англию. Отголоски этих слухов содержатся на страницах мемуаров некоторых участников обороны Севастополя.

Из дневниковых записей английской путешественницы Изабеллы Дюберли известно, что во время Крымской войны, 4 декабря 1854 г., среди взятых в плен англичанами жителей Балаклавы оказался «мистер Уптон, сын инженера, спроектировавшего форты Севастополя». Автор не указывает, кто из 4-х сыновей Дж. Уптона попал в плен. Вероятно, это был Вильям. Причиной взятия его в плен послужило то, что он обладал подробными сведениями об оборонительной системе Севастополя и был хорошо знаком с крымской топографией. Сохранился «План доков, казарм, флотских магазинов и др. сооружений в Севастополе, спроектированных и построенных инженер-полковником Д. Уптоном», снятый с оригинального плана (Рис. 1). Он был выполнен помощником строителя Вильямом Уптоном специально для работы Эдварда Нолана «Иллюстрированная история войны с Россией», изданного в Англии вскоре после Крымской войны [20, р. 662].

О дальнейшей судьбе Вильяма Уптона до недавнего времени ничего не было известно, однако в канадском военно-историческом журнале “Esprit de Corps” в 2007 г. появилась посвященная ему статья Марка Джодоина. Основываясь на подробных 22-томных дневниках Вильяма Уптона, сохранившихся у его потомков, автор пишет, что Вильям по окончании Крымской войны покинул Севастополь и приехал в Лондон. Из-за невозможности найти там работу, он уже зимой 1857 г. перебирается в Монреаль (Канада), затем переезжает в Оттаву, где и поселяется окончательно. На сумму в 500 фунтов, выплаченную ему в Англии в качестве компенсации за потерянное в Севастополе имущество, что на самом деле не составило и 10 процентов от суммы реальных убытков, Вильям приобрел усадьбу и ферму близ Оттавы на берегу небольшого канала Ридау, построенного так-

же английскими инженерами. Ныне ферма Вильяма Уптона находится в собственности международного аэропорта Оттавы. Неподалеку сохранилась и его могила.

Помимо биографии Вильяма, автор обращается и к истории этой семьи. Так, говоря о причинах бегства Джона Уптона из Англии, он выдвигает предположение о заговоре против него и ставит под сомнение реальное участие его в финансовых махинациях. Сложно представить, что землемер, отвечающий за небольшой участок строящейся дороги, мог незаметно совершить кражу огромной суммы в 1000 фунтов [19]. Учитывая, с какой честностью Джон Уптон работал в России, с трудом верится, что на родине он был мошенником и вором. Едва ли человек в 41 год мог кардинально изменить свои привычки, а суммы, с которыми он имел дело в России, были куда более внушительными. На одно только строительство сухих доков было затрачено 1,5 миллиона английских фунтов, а на постройку Адмиралтейства – более 100 миллионов рублей [9, с. 25].

Если обратиться к истории других детей Джона Уптона, то о старшем сыне Иване Уптоне, к сожалению, ничего не известно. По-видимому, он остался после Крымской войны в России. В фондах ГААРК было обнаружено дело «По прошению французскоподданного Боше о взыскании с английскоподданного Ивана Уптона 1744 руб. 6 коп.», датированное февралём-апрелем 1857 года [15, л. 1-5]. Согласно документам, дворянин Томас Уптон по доверенности своего брата Ивана Уптона продал принадлежащее ему имение в урочище Магарач немецкому колонисту Люстигу. Для беспрепятственного совершения этой сделки Т. Уптон оплатил долг брата французам Боше.

Томас Уптон, вероятнее всего, также остался в России. Последнее упоминание о нем относится к ноябрю 1871 г., когда он вступал в права наследования имущества, оставшегося после смерти его отца. Из определения Симферопольского окружного суда следует, что инженер-полковнику Ивану Уптону принадлежал дом, находящийся в 1-й части города Севастополя на Новой улице, близ Мичманского бульвара (современный Мичманский спуск). Здание было разрушено в Крымскую войну и до 1870-х годов лежало в руинах. Кроме Томаса Уптона никто прав на наследство не предъявлял, и он был утвержден в правах наследства [13, л. 2-3].

Еще один сын, Самуил Уптон, рано проявил себя как талантливый инженер и архитектор, сумел сделать блестящую карьеру на русской службе, став академиком архитектуры. В 1839 г. он назначается первым городским архитектором Севастополя [4, с. 766]. В том же году комитет директоров Севастопольской Морской Офицерской библиотеки пригласил его быть строителем её здания. Его же отец, подполковник Джон Уптон, являлся лишь членом строительной комиссии, а не непосредственным строителем библиотеки, как принято считать [2, с. 9]. С 1842 по 1845 гг. Самуил Иванович был гражданским архитектором Нового Адмиралтейства в Севастополе. Он принимал участие в строительстве Воронцовского дворца в Алушке, а в ноябре 1845 г. по предложению М.С. Воронцова становится главным архитектором Кавказских Минеральных Вод. Вся его дальнейшая жизнь была связана с Кавказом, где он создал множество строений, многие из которых и по сей день являются визитными карточками курортных городов Северного Кавказа. В Пятигорске сохранился дом Самуила Уптона, построенный в готическом стиле, поклонником которого он являлся и нередко использовал в своих проектах. К концу жизни он переезжает во Владикавказ, где в 1874 г. выходит в отставку. Спустя пять лет, в декабре 1879 г., он скончался и был похоронен на городском кладбище Владикавказа.

Его сын, Дмитрий Самуилович Уптон, продолжив семейную традицию, стал военным строителем и архитектором. Родившийся и выросший в Пятигорске, он получил образование в Николаевской Инженерной Академии. Участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., за что был награжден орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом. В 1880 г. был переведен в корпус инженеров Морской строительной части, а пять лет спустя командирован в Севастопольский порт, где продолжил дело своего деда, участвуя в строительстве доков. Дальнейшую службу проходил в Севастополе, где в 1901 году вышел в отставку. Дмитрий Самуилович, увы, не оставил потомков. На старом Севастопольском городском кладбище сохранился памятник ему над семейным склепом Уптонов (Рис. 2). Там же покоится его мать Мария Иосифовна Уптон. Известно, что у Дмитрия Уп-

тона была сестра, Елизавета Самуиловна, в 1888 г. проживавшая в Севастополе. Сведений о её судьбе нет.

О дочерях Джона Уптона данных не имеется. Упомянутая при принятии Уптоном подданства в 1849 г. дочь Сюзанна, в формулярном списке за 1850 г. уже не указывается. В 1849 г. ей было 33 года, возможно, она сумела выйти замуж, либо скончалась. Ничего не известно и об Эмме Уптон.

Судьба Джона Уптона, посвятившего около 25 лет своей жизни служению на благо России, является ярким примером адаптации иностранца на русской службе. Связав свою жизнь с Российским государством, он стал основателем династии архитекторов и инженеров. Созданное Джоном Уптоном и его потомками отчасти было утрачено, но многое сохраняется по сей день, вызывая восхищение и уважение потомков.

Источники и литература.

1. Алфавитный список дворян Таврической губернии // ГААРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6849. Л. 195.
2. Афанасьев Д.М. Севастопольская морская офицерская библиотека // МС. 1885, № 5. С. 9.
3. Вахарловский Г.А., Малкин М.Ф. Севастопольские доки эпохи парусного флота // Судостроение. 1983, № 6.
4. Городские поселения в Российской империи. Т. 4. СПб., 1864. 805 с.
5. Демидов А. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. М., 1853. 546 с.
6. Исторические улицы и памятники Севастополя: уч. пособ. / Сост. В.В. Крестьянников. Симферополь: Таврия, 1996. 148 с.
7. Кораблёв, Сиряков. Крым с Севастополем, Балаклавой и другими его городами / Издание Кораблёва и Сирякова. СПб., 1855. 191 с.
8. Крючков Ю.С. Этот строптивый инженер Рокур. [Электронное издание]. Режим доступа: <http://www.sadko.mk.ua/uground/rokur/index.shtml>. (проверено: 04.08.2012).
9. Лазарев М.П. Документы. Т. III. М.: Воениздат, 1961. 577 с.
10. Назинцева В.А. Уптоны: военные строители и архитекторы // X Таврические научные чтения, г. Симферополь, 29 мая 2009 г. Сборник научных статей. Часть 2. Симферополь, 2009. С. 29-34
11. Николаевцы. Энциклопедический словарь. – Николаев, 1999. 375 с.
12. Об оказании содействия г. инженер-подполковнику Уптону при розыскании им порфира, нужного для работ при построении в г. Севастополе нового Адмиралтейства // ГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 11352. 1 л.
13. По прошению дворянина Томаса Уптона о признании его в правах наследства к имуществу, оставшемуся после смерти отца его инженер-полковника Ивана Уптона // ГААРК. Ф. 376. Оп. 5. Д. 281. 3 л.
14. По прошению полковника и кавалера Ивана Иванова Уптона о внесении его с семейством в дворянскую родословную книгу // ГА АРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6129. 153 л.
15. По прошению французскоподданного Боше о взыскании с английскоподданного Ивана Уптона 1744 руб. 6 коп. // ГА АРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 22486.
16. Севастополь: Энциклопедический справочник / Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя. 2е изд., доп. и испр. Симферополь, 2008. 1120 с.
17. Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников. 2-е изд. Одесса, 1874. 45 с.
18. Colonel Upton // The Gentleman's magazine and historical review. Vol. XLIII (197). London, 1855. P. 88-89.
19. Jodoin Mark. The Rideau warriors: William Upton // Esprit de Corps. Feb, 2007. Ottawa, 2007 // [Электронное издание]. Режим доступа: http://findarticles.com/p/articles/mi_6972/is_2_14/ai_n28430252/?tag=content;coll (проверено: 04.08.2012).
20. Nolan E. H. (Edward Henry). The illustrated history of the war against Russia. L., 1857. P. 662.
21. The British Newspaper Archive [Электронное издание] // Режим доступа: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (проверено: 04.08.2012).

Список сокращений

ГА АРК –	Государственный архив в Автономной Республике Крым
ГАГС –	Государственный архив города Севастополя
ГАНО –	Государственный Архив Николаевской Области
ГАСК –	Государственный архив Ставропольского края
МС –	Морской сборник
РГА ВМФ –	Российский государственный архив Военно-Морского Флота

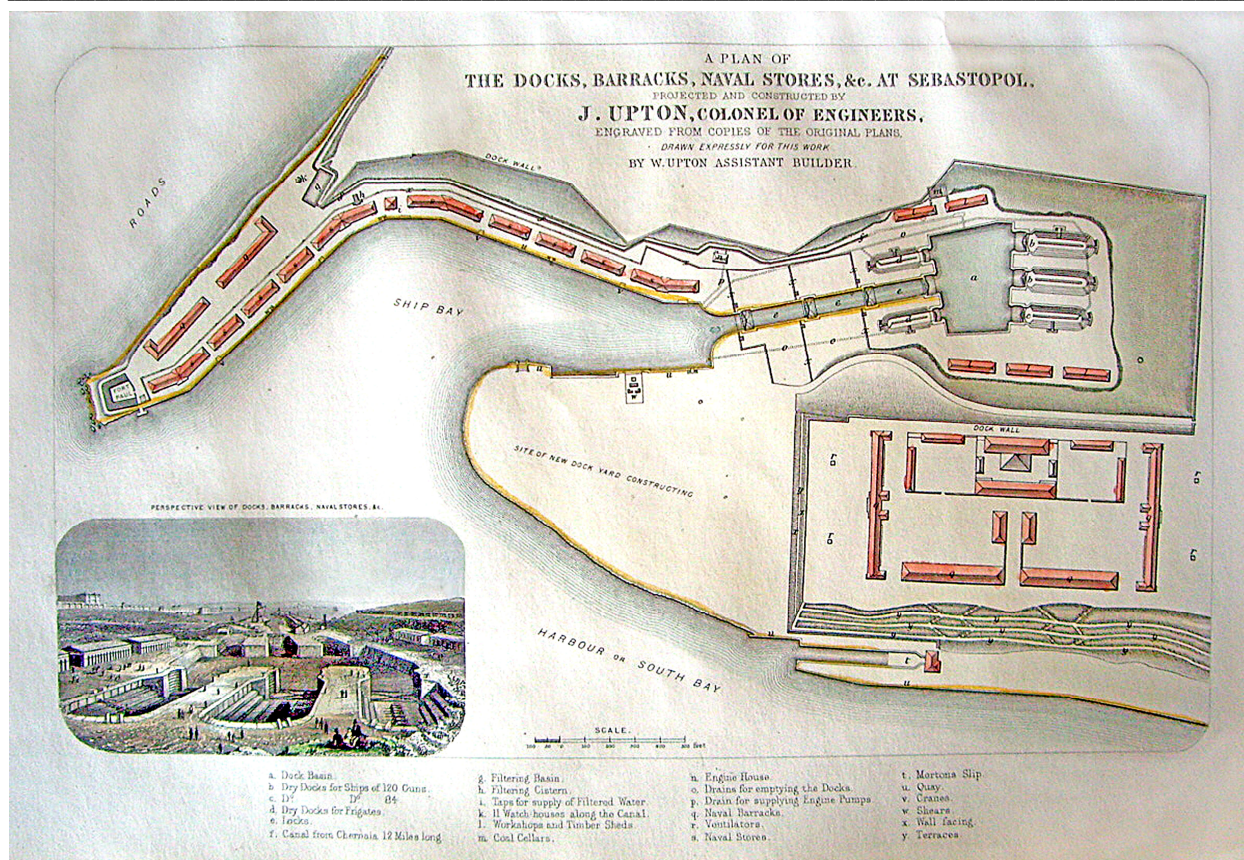

Рис. 1. План доков, казарм, флотских магазинов и др. сооружений в Севастополе, спроектированных и построенных инженер-полковником Д. Уптоном, снятый с оригинального плана помощником строителя Вильямом Уптоном

Рис. 2. Памятник над склепом Уптонов
на севастопольском старом городском кладбище. Фото 2012 г.

ОПРЫШКОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УКРАИНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

МИЛЕНКО А.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

После провозглашения Украины независимым государством в 1991 г., появилась потребность переосмысления ее прошлого, в том числе и героического. Одним из главных событий в истории Украины стала борьба украинского народа за свои права и свободу.

Важной страницей в истории борьбы украинского народа за социальные права является опрышковское движение, которое вспыхнуло на Прикарпатье во второй половине XVII века и продолжалось до XVIII века. Опрышковское движение – действительно уникальное явление в истории украинцев, борьба опрышков против социального и национального гнета ярко отразилась в памяти народа. Создано множество песен, легенд об опрышках, в которых особенно ярко изображена личность Олексы Довбуша.

Слово «опрышек» происходит от латинского *opressor* – истребитель, нарушитель и означает «нарушитель покоя, борец против богачей». Впервые оно появилось в официальных документах первой половины XVI века. Опрышковство – как писал Иван Франко – *«було з давен-давна нерозлучним товаришем хлопської неволі. Поневолений, битий, кривджений підданій, не можучи знайти ніде полеглий ані справедливості, тікав у ліси, в гори, приставав до купи таких самих одчайдушів, і хоч чув над собою в кожній хвили загрозу смерті, все-таки рад був хоч під тою загрозою прожити вільно, а надто ще мститися на своїх кривдниках»* [7, с. 594].

Магнаты и шляхта усиливали феодальное угнетение крестьян Восточной Галичины, Северной Буковины и Закарпатья. Крестьяне не оставались пассивными и оказывали сопротивление эксплуататорам. Антифеодальная борьба проявлялась в различных формах – жалобах, побегах, отказах отрабатывать барщину и платить подати, захвате пахотных земель, лесов, имущества, инвентаря и скота, поджогах, физических расправах с угнетателями и вооруженных выступлениях.

Крестьяне, наивно веря в справедливость феодального государства, не переставали подавать жалобы на своих угнетателей. А феодалы, в свою очередь, стремились противостоять подаче жалоб в правительственные учреждения и добивались решения дел в свою пользу.

Особенно жестоко эксплуатировали «державцы» – арендаторы феодальных имений. Например, жалоба крестьян местечка Кулачковцы (Восточная Галичина) ярко отражает их беспощадную эксплуатацию и бесправие: *«Мы испытываем большую обиду от нашего пана державца, – писали они в 1731 году, – даже прадеды не терпели того, что теперь мы терпим. Горштыни (дополнительные работы) за различных панов и наши предки не отрабатывали, запашек и оброк не делали. Караула такого тяжелого (чтобы с волями на караул идти) не выполняли, а теперь из-за этого люди в ничто превратились. Панских полей на землях, которые принадлежат городу, не было, а теперь многие люди потеряли землю из-за этих полей. Дорожную повинность целый день должны выполнять, а перед этим обрабатывали дорожную повинность, только к мельнице»* [4, стр. 97].

Крестьяне требовали лишь частичного улучшения их положения, но и эти требования не удовлетворялись.

В судебных учреждениях работали чиновники-шляхтичи, которые были на стороне феодалов и истолковывали законы в пользу арендаторов и панов. Иногда польско-шляхетское правительство, опасаясь крестьянских бунтов, прибегало к расследованию жалоб специальными комиссиями из местной администрации. Но эти комиссии всегда выставляли крестьян бунтовщиками против власти.

Крестьяне осознавали, что бесполезно искать справедливости в судах или у местной администрации: *«Ворота справедливости нам закрыты, к ним даже стучаться нельзя,*

сама подача жалоб считается теперь бунтом. Господа и судьи свояки панов. Поэтому, свой своему ничего не сделает» [1, с. 269].

Жестоким было и национально-религиозное угнетение. В судах и других учреждениях пользовались польским или латинским языком, непонятными для большинства простых людей. С благословения Ватикана, принудительно окатоличивали местное украинское население. В пользу церкви, которая владела огромными землями, сдавалась десятина – десятая часть прибыли крестьянина.

Эксплуатация крестьян в панских имениях не имела границ. Иван Франко писал: *«Панищина для холопа значила ненастанну кривду, «темноту, здичення і втрату почуття людської гідності. Бодай таки порядки нікому и не снилися!»* [8, с. 55].

Крестьяне приступили к решительным действиям, к самой распространенной форме протеста – побегам из имений. Нередко случалось, что беглые крестьяне не находили себе нового места и оставались бездомными батраками на всю жизнь. Часть окончательно разорившихся крестьян направлялись в города и пополняли ряды городской бедноты. Так, в начале XVIII века беглые крестьяне селились в Бучаче, Городенке, Коронце, надеясь хотя бы временно избежать там барщины и других феодальных повинностей.

Было два основных района, куда направлялись беглые крестьяне с западноукраинских земель: Правобережная Украина (Подолье, Брацлавщина, Южная Киевщина) и Запорожье, где были слободы и незаселенные земли, и труднодоступные места (Карпатские горы, Прикарпатье, Закарпатье и Буковина). Кроме того, они переходили на Левобережье и Слобожанщину, искали лучшей доли на слободах в Венгрии и Молдавии. В районах поселения беглых постоянно вспыхивали восстания, действовали отряды гайдамаков, опришков, левенцев, дейнеков, гайдуков и других народных мстителей.

Чувствуя себя относительно свободно, беглые крестьяне поселялись на слободах и оставались там до тех пор, пока феодалы не начинали обременять их повинностями. Тогда они снова переходили на новые места. Шляхта постоянно пыталась ограничить льготный срок на слободах и ввести феодальные повинности, поэтому, слобожане становились активными участниками крестьянских антифеодальных движений.

Крестьяне отказывались выполнять феодальные повинности. Такая форма сопротивления было очень распространенной. Владелец Городенка Русского воеводства 17 апреля 1725 г. жаловался властям на крепостных крестьян за то, что они хотят его погубить. Крестьяне многих сел отказывались выполнять барщину и повинности. Кроме того, галицкое крестьянство отказалось платить подати. Феодалы применяли насилие, вызывая на помощь войска.

Доведенные до полного обнищания, крестьяне захватывали имущество, скот, землю, леса, жгли постройки и хлеб феодалов. Терпя от малоземелья и безземелья, они часто самовольно пахали панские поля и там сеяли зерно для своих нужд. Так, в 1743 году крестьяне с Оркльцы вблизи Сиятина на Коломыйщине захватили панские поля, пастбища и сенокосы. Эту форму антифеодальной борьбы польско-шляхецкая администрация приравнивала к восстанию. Нередко крестьяне прибегали к физической расправе с угнетателями.

Значительное влияние на крестьянское движение в Восточной Галичине оказали народные восстания, полыхавшие на Правобережье и в Закарпатье в первом десятилетии XVIII века, а также движение гайдамаков в 30-40 гг. XVIII в. Галицкая шляхта создавала вооруженные отряды ополченцев, чтобы держать крестьян в повиновении и подавлять их многочисленные выступления против феодалов. На помощь им нередко прибывали правительственные войска.

В ноябре 1717 года произошло восстание крепостных крестьян с. Мшанцев Тереховлянского повета Русского воеводства, доведенных до отчаяния притеснениями и тяжелой барщиной. Местные власти и только с помощью вооруженной силы подавили это выступление трудящихся. Крестьянское восстание против феодального гнета вспыхнуло в Долинском старостве (1740 г.). Восставшие разгромили карательные отряды королевского войска, разбили в лесу укрепленный лагерь и долгое время оказывали сопротивление местной администрации. Долинское восстание нашло широкий отклик в Прикарпатье. В следующем году восстали крестьяне Тростянецкого имения. Крестьяне с. Обертина раз-

громили имение своего феодала в июле 1742 г. Значительное крестьянское вооруженное выступление произошло зимой 1749 в с. Космач. На подавление крестьянских восстаний польское правительство бросило войска и шляхетское ополчение. Антифеодальная борьба крестьянства вылилась в опрышковское движение.

В Прикарпатье и Закарпатье в первой половине XVIII века опрышковское движение достигло наивысшего развития. Это объяснялось общим подъемом антифеодальной борьбы крестьянства, заметным влиянием восстаний казаков, а также гайдамаков на Правобережье, а курувцов в Закарпатье. Главной движущей силой выступало безземельное и малоземельное крестьянство, городская беднота. Движение опрышков на украинских землях носило антифеодальный и освободительный характер [4, с. 92].

Ополчение галицкой шляхты, которое находилось под Сандомиром, в 1702 году было вынуждено было отказаться от похода против повстанцев на Правобережье и вернуться в Восточную Галичину для защиты имения от нападения опрышков. Опрышковский отряд в Восточной Галичине, Закарпатье и Северной Буковине возглавлял предводитель народных мстителей Иван Пискаливый [3, с. 139]. Его отряд совершил несколько удачных походов против феодалов и разгромил их имения. На Покутье в Коломинском повете шляхетскому ополчению в 1703 г. удалось нанести опрышкам поражение.

В 1703 году в Восточную Галичину прибыл отряд опрышков во главе с Иваном Пинтей, принимавший участие в освободительной войне народа Венгрии. К этому отряду присоединился Иван Пискливый. Объединенный отряд долгое время вел борьбу против феодалов в Коломыйском повете. Значительным успехом опрышков явился разгром в 1704 г. ряда шляхетских имений и дворов, принадлежавших феодалам-угнетателям в Косове. На Закарпатье действовал опрышковский отряд под предводительством Ивана Шуга.

Во втором десятилетии XVIII в. в Восточной Галичине, Северной Буковине и Закарпатье вели борьбу отряды народных мстителей-опрышков во главе с Василием Солонинкой, Иваном Панчишиным, Иваном Лютым и др. Они громили шляхетские имения, дворы купцов и ростовщиков, держали в постоянном напряжении польско-шляхетскую администрацию, которая неоднократно посылала против них многочисленные карательные отряды. Однако подавить движение опрышков, пользовавшихся поддержкой народа, им не удавалось.

Карпатское опрышковство оставалось важнейшей составной частью антифеодальной борьбы крестьян на западноукраинских землях. В начале 30-х годов движение опрышков в Прикарпатье усилилось и польские магнаты для борьбы с ними собирали шляхетское ополчение, а так же просили великого коронного гетмана прислать на помощь войска [2, с. 274].

Усиление освободительного движения на Правобережной Украине и походы гайдамацких отрядов на Галичину в 1734 году под предводительством Верлана способствовали активизации опрышковского движения. В Прикарпатье восставшие крестьяне и опрышки повсеместно нападали на имения феодалов.

В связи с таким напряженным положением, шляхта Галицкой земли в мае 1734 года на сеймике приняла постановление «по делу своеволия опрышков и подданных», причем подданные для феодалов представляли большую опасность, выступая против них, убивая панов и уничтожая их имения. В Делятинском старостве (Восточная Галичина) действовал отряд опрышков во главе с Петром Сабатом. Однако шляхте удалось схватить Сабата и заключить его в Станиславскую крепость. Но ему удалось бежать из тюрьмы и, с отрядом опрышков, продолжать антифеодальную борьбу, пользуясь поддержкой крестьян. Предводитель опрышков Григорий Дранка из Делятина в 1727 году начал борьбу против феодалов, его отряд напал на имения феодалов в Прикарпатье. Вместе с ним действовали и другие отряды.

Обеспокоенная нарастанием опрышковского движения шляхта снова собралась 5 июня 1734 года под Галичем в ополчение и выступила на борьбу против опрышков и восставших крестьян [3, с. 142].

Движение опрышков нарастало с каждым годом все больше и больше, несмотря на карательные меры феодалов. Прикарпатские опрышки, вместе с закарпатскими и молдавскими побратимами, внезапно появлялись в различных местностях, разоряли панские

усадеб, убивали ненавистных шляхтичей, арендаторов и ростовщиков. Шляхта Коломыйского повета не смогла своими силами расправиться с опрышками и попросила на помощь регулярное войско. Она опасалась, чтобы опрышковское движение на Коломыйщине не переросло во всеобщее освободительное восстание.

Движение опрышков на западноукраинских землях достигло наивысшего развития под руководством Олексы Довбуша.

Родился Олекса в 1700 году в селе Печенежин, недалеко от Коломыи в семье бедного крестьянина Василия Довбуша. У его отца не было собственного жилья, поэтому, они были вынуждены жить в каморке богатого односельчанина Гаврила Твердюка. Олекса с малых лет пас овец, а его брат Иван, как и отец, нанимались.

Первый период деятельности Олексы Довбуша охватывает 1738-1743 гг. Со своим отрядом он начал борьбу против шляхты Коломыйского повета, громил усадьбы шляхтичей в Печенежине, Черных Ославах, Лючках, Товмачике, Вербеже, Микуличине и других селах Покутья. За грабеж и издевательства над работными людьми народные мстители казнили арендатора Свироской солеварни [3, с. 163].

Сначала Олекса действовал совместно с братом Иваном, который потом перебрался в Западное Прикарпатье, где создал свой отряд опрышков. Олекса избрал опорную гору Стог в Карпатах и развернул антифеодальную борьбу в Галичском Покутье, Северной Буковине и Закарпатье. В 1742 году опрышки отряда Довбуша казнили украинского богача М. Дедушко, известного своим жестоким обращением с крестьянами, и уничтожили его усадьбу в с. Довгополье. Арендаторы, боясь мести опрышков, отказывались брать в аренду шляхтецкие имения и жить в горных селениях.

Расправляясь со шляхтой и арендаторами за угнетение крестьян и раздавая последним захваченное у шляхтичей имущество, Довбуш завоевал авторитет среди народа.

Коронный гетман Иосиф Потомцкий вынужден был в универсале признать значимость народного героя: *«Широко известна в целом Покутском и Подногорном крае злость и дерзость хлопа Довбуша, который уже три года с ватагой собранных опрышков нападает на шляхту»* [3, с. 169].

Шляхта стремилась обесславить личность Олексы Довбуша перед народом, называя его «страшным разбойником», «драконом в Запрутских горах». В действительности же грозный мститель был добрым, гуманным и справедливым человеком. Так, в 1741 году, во время нападения на имение шляхтича Крапиского в с. Голосове, вожак опрышков, не застав дома пана и узнав, что его жена родила ребенка (будущего польского поэта Ф. Карпиского), не стал чинить погром, и даже подарил повивальной бабке на память деньги. В 1742 году Довбуш запретил расстреливать смоляков, отряд которых окружили опрышки, не желая оставлять их детей сиротами.

Длительная успешная борьба опрышков со шляхтой объясняется хорошей организацией и его тесными связями с крестьянами, поддерживавшими мстителей и оказавшими им сильную помощь. Коронный гетман признавал, что уничтожить отряд Довбуша трудно, так как он *«с опрышками своими в разных селах имеет убежище и приют»* [3, с. 219]. Довбуш принимал в отряд беглых крестьян, также из Венгрии и Молдавии.

Сила отряда Олексы Довбуша состояла не в его численности, а в боевом духе опрышков, умелом руководстве, партизанской тактике борьбы – неожиданности, молниеносности нападения и отхода, смелости и героизме народных мстителей, в поддержке их крестьянами. В горных условиях и вблизи границ с Молдавией и Венгрией опрышки оказались неуязвимыми для шляхты. Внезапно появляясь в различных местах, малочисленный отряд Довбуша создавал впечатление большой силы. В глазах народа герой и его товарищи стали легендарными. Шляхта Русского воеводства создала постоянные карательные отряды смоляков, набранных из местной шляхты. В период наибольшей активности опрышков, коронный гетман оправил в Прикарпатье 2500 человек королевского войска. Иван Потоцкий устраивал жестокие карательные экспедиции против опрышков, за что получал благодарность от местной знати.

Иногда панам удавалось отследить место пребывания отряда Довбуша, даже нанести значительный ущерб, но сам вожак был неуловимым. Благодаря помощи народа, мужест-

ву и хитрости он постоянно избегал погони, надежно прятался, успешно маневрировал, переводя своих людей через венгерские границы.

На издевательство шляхетский войск над крестьянами и убийства опрышков, Олекса Довбуш отвечал новыми ударами по врагам. К 1744-1745 гг. относится наиболее активная деятельность народного мстителя. Он совершил поход на Подолию, опрышки в мае 1744 г. в Борщеве казнили угнетателя крестьян шляхтича Золоторецкого, который истязал своих крепостных, принимал участие в карательных акциях против опрышков. Довбуш заявил ему: *«Не за деньгами сюда пришел, а по твою душу, чтоб ты больше людей не мучил»* [5, с. 381].

Из Подолии отряд Олексы Довбуша возвратился в Закарпатье и остановился в горах вблизи Ясиня. Летом 1744 г. отряд пополнился новыми мстителями и активизировал свою деятельность. Опрышки разгромили гарнизон крепости Богородчаны, расправились с ненавистными феодалами, уничтожили документы, которые фиксировали феодальные повинности крепостных. В сентябре-октябре отряд Довбуша перешел на западные земли Галичины и громил феодалов в районе Перегинского, Лолина, Будницы, Дрогобыча, Турки, Корчина и других городов и сел. Успешные действия отряда в 1744 г. способствовали подъему антифеодальной борьбы крестьянства, которое отказывалось выполнять феодальные повинности, платить налоги и бежало из родных сел.

Весной 1745 г. Довбуш вернулся на Черногору, откуда начал осуществлять походы против феодалов в Криворивню, Ростоки, Шумляны, Стратин, Юнашков, Рогатин и Надворную. Шляхта укрывалась в крепостях, против опрышков выступали карательные войска. Летом 1745 г. Олекса Довбуш вместе с Василием Орфенюком, Иваном Бойчуком и другими опрышками находился в Ясине, собирая новые силы для продолжения восстания. Беспощадно расправляясь с опрышками, шляхта обещала вознаграждение тому, кто уничтожит Довбуша.

Олеске Довбушу стало известно, что житель с. Космача Стефан Давинчук хочет его убить, и Довбуш решил наказать вражеского прислужника. Но вечером 23 августа 1745 года в Космаче произошла трагедия – Давинчук в своем доме смертельно ранил вожака опрышков. На глазах крестьян, собравшихся утром 24 августа, Олекса Довбуш умер. Тело Довбуша шляхта вначале демонстративно возила по селам, а затем выставила в Коломыйской ратуше. Коронный гетман приказал разрубить его тело на части и на страх крестьянам развести по городам и селам Покутье.

Владелица имений на Покутье (в том числе и Космача) Яблоновская в награду за убийство Довбуша освободила Давинчука от феодальных повинностей.

Полякам удалось убить народного мстителя Олексу Довбуша, но антифеодальную борьбу продолжали его сторонники: Василий Стефанюк, Василий Баюрак, Иван Бойчук, и др. Василий Баюрак в течение 10 лет возглавлял опрышковское движение на западноукраинских землях (1745-1754 гг.). Центром его деятельности оставалось с. Довгополе в Северной Буковине, откуда отряд опрышков совершал набеги на имения феодалов в Коломынском повете (Косов, Рожнев, Яблонов и др. города и села). Как и раньше опрышки беспощадно расправлялись с панами.

Галицкая шляхта организовала против опрышков карательный отряд смолянок, а также подразделение шляхетских войск. Несколько лет опрышки во главе с Баюраком вели неравную борьбу с карателями. Избегая преследователей, отряд Баюрака из Северной Буковины переместился в Галийкое Покутье, но в с. Ясине удалось схватить предводителя отряда. С 20 по 24 апреля 1754 года проходил судебный процесс над Баюраком в Станиславской крепости. Его подвергли страшным пыткам и приговорили к смертной казни.

Упомянутый выше будущий польский поэт Ф. Карпинский, очевидец этой казни писал в своих мемуарах, что перед смертью Баюрак попросил горную свирель, на которой в последний раз исполнил печальные верховинские думы. После казни палачи изрубили тело на части и развешали на копья.

Опрышковское движение является яркой страницей в истории Украины. Несмотря на то, что движение было подавлено, а его вожаки жестоко убиты, опрышки доказали, что украинский народ способен бороться за свои национальные и социальные права. Борьба

опрышков способствовала защите крестьян от угнетения шляхтой и арендаторами, ослабляла позиции польской власти на западноукраинских землях. В глазах народа опрышки и их предводители (особенно Олекса Довбуш) оставались героями, подвиги которых прославляли в песнях, легендах и сказках. Украинский народ воспел Олексу Довбуша как справедливого и мужественного борца за социальное и национальное освобождение [6, стр. 17].

Источники и литература.

1. Історія селянства Української РСР. Т. 2: Від Великого Жовтня до наших днів. К.: Наукова думка, 1967. 536 с.
2. Бойко І. Д. Селянство України в др. пол. XVI- пер. пол. XVII ст. К.: Вид-во АН УРСР, 1963. 348 с.
3. Грабовецький В.В. Олекса Довбуш. – Львів: Світ, 1994. 272 с.
4. Грабовецький В.В. Селянський рух на Прикарпатті (XVII-XVIII ст.). К.: Видавництво АН УРСР, 1962. 210 с.
5. Історичні пісні. К., 1961. С. 455
6. Тезиси о 300-летиі воссоединения Украины с Россией (1654-1954 гг.)" Одобрені ЦК КПСС. М.: Політ-издат, 1954. 29 с.
7. Франко І.Я. Избранные произведения. К., 1960, 647 с.
8. Шухевич В. Гуцульщина. Т.5. С. 170.

ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ МЕДИЦИНА АНГЛИЙСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

ОЛЕНЧЕНКО С.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Крымская война обнажила медицинские проблемы, существующие у всех стран – участниц, в том числе и в английских вооруженных силах. Кампания 1854-1855 годов наглядно показала, что система обеспечения армии была в сыром, зачаточном состоянии. Как следствие, санитарные потери от болезней на порядок превышали боевые потери.

После объявления Англией и Францией войны, Николай I и его ближайшее окружение рассматривали вариант десанта союзников в Крым. Это и произошло 1 сентября 1854 года, когда англо-французская эскадра вошла в бухту Евпатории.

«Всего в Крыму высадилось 62000 – 64000 человек, из них французов 27000 – 29000, англичан 28000, турок 7290» [8, с. 130].

Госпитали англичан были размещены вблизи столицы Порты. Также некоторые госпитали были основаны в столичном районе Скутари. А именно, Общий госпиталь и Барачный. Они могли вмещать в себя до 6000 человек. Барачный госпиталь считался самым крупным. В эти лазареты поступали раненые в Альминском сражении. В самом же Крыму отмечался недостаток медиков и госпитальных средств. Эти сведения подтверждает статья в газете «Fremdenblatt», в которой было отмечено, что *«недостаток врачей весьма чувствителен»* [6, с. 206]. Англичане столкнулись с проблемой того, что к прибытию первых раненых помещения в госпиталях были еще не готовы и, поэтому, около трети *«раненых не могли поместиться»* [7, с. 227].

Нерешенным был и вопрос транспортировки пострадавших в Порту. *«В продолжение 36 часов раненые лежали на поле без врачебной помощи и двое суток не имели помощи»* [5, с. 438]. Носилок для перемещения больных не было, поэтому, несли английских раненых на плечах. *«Вы не можете представить себе страданий людей, которым только что были сделаны операции отнятия членов и которых несли на плечах на протяжении шести миль, а потом клали на берег, где им приходилось лежать час или более, в ожидании лодки... Множество умерло единственно от недостатка внимания»* [5, с. 461].

Сложившаяся ситуация отразила недостаточный уровень подготовленности медицинского обеспечения войск и показала необходимость в реорганизации данной сферы английским командованием.

Были приняты меры, и к Инкерманскому сражению в госпиталях на Босфоре был достигнут порядок. Количество госпиталей в Порте было увеличено до четырех.

Также решалась проблема нехватки медицинского персонала. В газете «The Times» было помещено обращение к английской общественности с просьбой оказать помощь госпиталям. Как результат, 4 ноября в Скутари были отправлены 39 сестер милосердия, в числе которых была и Флоренс Найтингейл. Позже число сестер увеличилось до 84.

«В походных условиях, под Севастополем, лечение больных и раненых союзной армии проходило в полковых лазаретах и походных госпиталях» [8, с. 172]. Лазаретные отделения служили и перевязочными пунктами. Госпитали, как правило, размещались в землянках, бараках, шалашах и палатках. Союзники заняли выгодное местоположение в Камышовой и Балаклавской бухтах. Выбор данной территории был обусловлен возможностью беспрепятственного сообщения с Константинополем, в котором располагались основные госпитали.

По прибытии в крымские госпитали союзников, сестры милосердия были шокированы увиденным. Ф. Найтингейл писала: *«Взору сестер предстала жуткая картина: госпиталь был переполнен, заваливленные раненые и больные лежали в коридорах на соломе*

среди нечистот, по полу бегали крысы, не хватало самого необходимого – лекарств, белья, продовольствия и топлива» [10, с. 135].

Английский хирург Сер Томас Лонгмор писал о различиях между английской и французской армиями: *«Английская часть Союзных войск во время первой зимы была более подвержена заболеваниям, чем французская. А во время второй зимы, была более выносливая, нежели французы»* [12, с. 4]. Это было связано с тем, что в первую зиму 1854 года одежда англичан не соответствовала погодным условиям. У них была слабая санитарная база и отсутствовало стабильное питание. Сведения об этом можно найти у корреспондентов английской газеты: *«Зимнюю одежду еще не привезли. Топливо можно достать с большим трудом. Подбирают каждую щепку – порошки ящики из-под амуниции и гранат»* [6, с. 318].

Подтверждает это плачевное состояние и информация в газете «The Times» от 5 октября 1854 года: *«В окрестностях позиции, занимаемой армиями, всего несколько небольших частиц леса, только что достаточных для варки пищи; парусина, под которой спят солдаты, защищает их очень плохо»* [6, с. 205].

Значительное влияние на английское войско оказывали неблагоприятные погодные условия. В последних числах октября союзники были вынуждены бороться не только с русскими силами, но еще и с холодами и дождями.

Константинопольский корреспондент описывал погодные условия, в которых оказалась армия: *«Стихия, сначала благоприятствовавшая экспедиции, теперь, по-видимому, обратилась против союзников. День за днем, в течение последних двух недель, ветер, дождь, густые туманы, холодные ливни не прекращались, и здоровье солдат сильно от этого пострадало»* [6, с. 303].

Не привыкшие к крымскому климату англичане сильно мерзли. Боден в труде «Крымская война» писал: *«Англичане тяжело страдают от холода, к которому весьма чувствительны. После холодных ночей они отправляли более 500 больных в Балаклавский госпиталь»* [2, с. 256].

В рядах солдат свирепствовали холера, тиф и дизентерия. Кроме этого, нередким явлениям было обморожение частей тела. В госпиталях Константинополя писали: *«... позавчера принято 800 англичан с отмороженными частями тела. Англичане напиваются и умирают в снегу. В госпиталях здесь 10000 английских солдат, из них умирает до 40 человек в день»* [8, с. 173].

Недостаточный уровень подготовленности английских войск отмечали и сами французы. Боден писал: *«Англичане терпят больше нас, они не привезли с собою палаток, как наши войска»* [2, с. 205].

Как писалось выше, врачи в Константинопольских больницах упрекали англичан в пьянстве. Флоренс Найтингейл также подчеркивала этот негативный момент: *«Никто не мог представить, что на самом деле ужасы войны не раны, кровь, лихорадка, простуда и хроническая дизентерия, а опьянение, жестокость, усиленная действием алкоголя, беспорядок и безразличие. Военный и медицинский персонал в Скутари считали, что солдаты должны быть пьяны, и ничего не делается для предотвращения этого»* [10, с. 126].

Сырость и промозглость губительно действовали на здоровье англичан. Бытовало мнение, что *«холодный ночной воздух распространяет между войсками злокачественные поносы»* [6, с. 205]. Но на самом деле солдаты страдали от острых кишечных инфекций. Этот факт подтверждают симптомы, описанные в газете «The Times» от 30 октября: *«Солдаты мрут как мухи от кровавого поноса, лихорадок, тифа и прочего»* [6, с. 302].

Союзные войска столкнулись еще с одной проблемой. Ненастная погода, шквалистый ветер и сильный шторм препятствовали транспортировке больных в Порту. Многие корабли не смогли осуществить высадку раненых. Пострадавшие были вынуждены оставаться на переполненных людью судах и подвергаться качке до перемены погоды. Как следствие, *«раненые, отправляемые из Севастополя в Константинополь, приходили туда в бедственном положении – покрытые червями и едва перевязанные»* [6, с. 304].

Смертность была крайне высока. *«С сентября 1854 года по сентябрь 1855 года в английской армии умерли от болезней 13150 человек, от ран – 1761. Отношение умерших от ран к умершим от болезней было 1:7»* [8, с. 173].

Солдаты были ужасно утомлены и измотаны, так как из-за постоянного мушкетного огня ночной сон прерывали тревоги. Известны случаи, когда люди дезертировали. В газете «Morning Chronicle» в статье от 12 ноября сообщалось: *«Армия наша находится в таком положении, что одни только значительные и немедленные подкрепления могут удержать ее от совершенного истощения и истребления. Состав ее не доходит и до 16 тысяч штыков»* [6, с.303].

Во время сражений действовали походные лазареты и группы в несколько человек, которые с носилками и фонарями отыскивали раненых. После окончания сражений наступала тишина, и были отчетливо слышны стечения людей в предсмертных агониях. Но ужаснее этих стонов была отчаянная борьба со смертью тех, кто умирал в конвульсиях. Служащие походных лазаретов укладывали раненых на повозки, которых приходилось по 2 на каждую дивизию. Также, как подручные средства для переноски, использовались одеяла. Почти все раненые переносились из полевых лазаретов в Балаклаву, а оттуда их перевозили в госпитали в Скутари.

Следует помнить, что степень ранения была разной. Наиболее тяжелые больные были нетранспортабельны, а некоторые умирали на месте. Корреспондент газеты «Herald» следующим образом описывает вид солдат после сражения: *«Ничего не может быть ужаснее вида тел, изуродованных ядрами и гранатами. Один бедняга из 95-го полка поражен был двумя 24-х-фунтовыми ядрами в голову и в корпус. После того над ним лопнула еще граната и разорвала его в куски. Только по остаткам платья, на котором уцелело несколько пуговиц с полковым номером, вы могли бы определить, что эта обезображенная окровавленная масса была некогда разумным существом»* [6, с. 224].

Тела англичан были изувечены – у одних были оторваны головы по самую шею, у других ноги, руки; третьи были поражены в грудь или живот. Неоднократно описываются случаи, когда после сражений англичане помогали раненым русским. Им приносилась вода, ранцы под голову, их накрывали одеялами, чтобы прикрыть их от сырого ночного воздуха.

Тяжелое положение войск стало известно английскому обществу. После серии отчетов о скандальных условиях в армии, санитарная и гигиеническая ситуация была значительно улучшена. К лету 1855 года медицинская часть была приведена в образцовый порядок. *«Большая часть солдат и все больные помещались в просторных деревянных бараках или домиках, привезенных из Англии. Назначенные для больных дома были снабжены печами и устройствами для вентиляции»* [8, с. 174].

В Крыму было построено 4 военно-временных госпиталя: один в Инкермане, два в Балаклаве и один – в монастыре Святого Георгия на мысе Фиолент. Все эти меры положительно сказались на здоровье англичан. *«С сентября 1855 по апрель 1856 года от болезней умер только 681 человек»* [12, с. 8]. Немалую роль в улучшении жизни солдат сыграли сестры милосердия. Главенствующая роль была отведена Флоренс Найтингейл. Она сумела доказать, что раненые нуждаются в постоянном уходе и медицинском осмотре. Проводя в жизнь принципы санитарии, Ф. Найтингейл сумела снизить смертность с 49% до 6%. Позднее, после возвращения на родину, Флоренс написала книгу о своем методе ухода. Ее работа была названа «Записки об уходе». Весь секрет ее метода заключался в том, что *«прием лекарств – дело второстепенное; главное же – правильная гигиеническая обстановка и умелый, разумный уход за больным»* [11].

Флоренс Найтингейл считала, что дело сестер милосердия – спасти больных не только физически, но и духовно: помогать наладить переписку с родными, организовывать читальни. В письме родным она пишет: *«Мы организовали читальню для выздоравливающих, и она довольно посещаемая. Мужчинам очень нравится читать, а также они с удовольствием пересылают письма и деньги своим матерям и женам. Но, к сожалению, мне приходится делать это тайно»* [10, с. 127].

По инициативе сестер милосердия были созданы солдатские бани и военно-полевые кухни. Благодаря этим мероприятиям госпитали стали *«отличаться особою чистотою»* [4, с. 45].

Всего за период Крымской войны в английских войсках погибло от ран и болезней 19072 человека, то есть около пятой части посланных английским правительством на Восток войск.

Крымская война стала тяжелым испытанием для британской армии, несмотря на ее высокий уровень культурного, экономического и технического развития.

На снабжение армии, в первую очередь, поступало современное вооружение. Вопросы бытового, продовольственного снабжения и медицинского обеспечения раненых и больных в армиях XIX века были сведены к минимуму.

К важнейшим недостаткам можно отнести непродуманность снабжения армий продуктами питания, водой, медикаментами и обмундированием, соответствующих сезонным климатическим условиям. Сказывалась на медицинском обеспечении армий удаленность от метрополий и зависимость от погодных условий.

Штатная структура медицинской службы союзной армии не соответствовала планируемым боевым действиям, ввиду отсутствия на тот момент науки об организации и тактике армейской медицинской службы. Как следствие, не было стройной системы лечебно-эвакуационных мероприятий, сортировки раненых и больных, а также принципа изоляции инфекционных больных.

Источники и литература.

1. Берг Н. Записки об осаде Севастополя: В 2т. М.: Типография Каткова и Ко, 1858. Т. 1. 264 с.
2. Боден. Крымская война. Париж: Vi Vienne, 1858. 412 с.
3. Бодан. О французских госпиталях, о крымском тифе и другие болезни французской армии во время Крымской войны // Военно-медицинский журнал. 1858. С. 217-267
4. Затлер Ф.К. О госпиталях в военное время. СПб.:Типография товарищества "Общественная польза", 1861. 519 с.
5. Материал для истории Крымской войны и обороны Севастополя: В 5 т. СПб.: Тип. департамента уделов, 1871. Т.2. 496 с.
6. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: В 5 т. СПб.: Тип. департамента уделов, 1872. Т. 4. 355 с.
7. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: В 5 т. СПб.: Тип. департамента уделов, 1874. Т. 5. 437 с.
8. Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853-1856гг. М.: Модест Колеров, 2010. 318 с.
9. Сборник известий, относящихся до настоящей войны. СПб.: Типография Эдуарда Веймера, 1856. 667с.
10. Florence Nightingale. Letters from the Crimea. Manchester University Press, 1997. 326 с.
11. Florence Nightingale. Notes of nursing [Электронное издание] // Режим доступа: <http://nursingplanet.com/Nightingale>. (проверено: 21.03.13).
12. Longmore T. The sanitary contrasts of the British and French armies during the Crimean war. London, 1883. 32 p.

ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ В ГОДЫ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

ШАМСУДИНОВА В.Ш.

Филиал МГУ в г. Севастополе

*В том далеке, исчезнувшем навечно,
Война в дома вползала как змея...
Увы, как много крови человеческой
Впитала эта серая земля!*

В.В.Лапин

Вторая мировая война привела к гибели огромного количества художественных и исторических памятников на территории оккупированных стран, и в частности, Советского Союза. Из всех европейских стран Советский Союз оказался в числе наиболее пострадавших в этом отношении: разрушены 430 музеев из 991, 44 библиотеки, разграблены дома-музеи, уничтожены бесценные архитектурные памятники, огромное количество культурных сокровищ вывезено в Германию или просто раскрадено.

На начало 1941 г. в Крымской АССР функционировало 25 музеев, из которых в Севастополе находились следующие: Херсонесский историко-археологический музей, Панорама обороны Севастополя 1854-1855 гг., Севастопольская картинная галерея, музей фауны и флоры Черного моря, музей Революции [1; 9 л. 52].

22 июня 1941 г. мирная жизнь Херсонесского музея была прервана нападением фашистской Германии. И уже на третий день войны во двор музея упала 500-килограммовая бомба [14], которая сильно повредила музейные помещения. Как написал в своем отчете научный сотрудник музея С.Ф. Стржелецкий, это была единственная бомба, упавшая в Херсонес до сентября 1941 года: в последний день немецкого штурма Севастополя несколько снарядов сильно повредили не только музейные здания, но и собор Св. Владимира [3, л. 35].

Сотрудники музея с первых дней войны понимали, что необходимо было срочно принять меры по охране памятников, зданий и эвакуации фондов и архива. Самые ценные и важные экспонаты стали готовить к эвакуации и упаковывать в ящики. Когда не хватало ящиков, использовали извлеченные из подвалов старые монастырские сундуки, окованные железом [5, л. 5]. Их ремонтировали и упаковывали в них вещи из фондов. Работать было крайне опасно, ведь фашисты считали территорию Херсонеса важным военным объектом и нещадно ее бомбили с первых же дней войны. Но большинство сотрудников музея, говоря словами Гарсиа Лорки, «не расплескали душу в смертной чаше», оставались верны Херсонесу и бескорыстно, самоотверженно, подчас до последнего дыхания, трудились во имя спасения древнего города.

Основных экспонатов, вместо указанных по разнарядке об эвакуации трех тонн, набралось восемь. В 108 ящиках. Их них: научный архив (отчеты о раскопках, рукописи научных работ и т.п.) – 3 ящика, фотоархив (более 7 тысяч единиц хранения) – 20 ящиков, библиотека (3579 книг) – 34 ящика, экспонаты Херсонеса из экспозиции и фондов (1298 предметов) – 51 ящик.

Следует отметить, что, несмотря на непрекращающиеся бомбежки и работы по эвакуации экспонатов, музей не прекращал работу. В основном, велась просветительная работа с военнослужащими частей, расположенных вблизи Херсонеса. Сотрудники музея организовали 3 выставки: «Били, бьем и будем бить», «Героическое прошлое русского народа» и выставка с осколками снарядов, мин, образцами и частями парашютов, сбрасываемых вражескими бомбардировщиками [5, л. 7]. Не прекращались в это военное лето экскурсии по городищу Херсонеса, помогавшие бойцам оценить значение культурных ценностей Родины, которую они защищали.

Директором музея в то время был Иван Данилович Максименко. Хотя в июле он был призван на политработу в штаб армии (как бывший чекист и комиссар бригады в гражданскую войну) и формально не имел отношения к музею, он почти ежедневно навещался в Херсонес и, по существу, продолжал им руководить. Во время его отсутствия обязанности директора исполнял Р.Б. Ахмеров.

К началу войны штат музея состоял из 43 человек, 4 из них в первые же дни войны записались добровольцами в ряды Красной Армии: научные сотрудники – В.П. Лисин, С.Ф. Стржелецкий, экскурсовод М.С. Рыбальченко, реставратор С.М. Литвак. Но для С.Ф. Стржелецкого судьба приготовила иное испытание, ведь именно ему было поручено сопровождать музейные ценности в г. Свердловск.

Станислав Францевич Стржелецкий родился 26 сентября 1910 г. в Севастополе. Интерес и любовь к археологии проявился у него в раннем возрасте: в 1926 г. он принимал участие в работах археологических экспедиций АН СССР и Херсонесского музея на Эски-Кермене и Мангуп-Кале под руководством научных сотрудников Государственной Академии Истории материальной культуры.

С 1938 г. Стржелецкий работал старшим научным сотрудником Государственного Херсонесского музея. Работая в музее археологом-архитектором, он проводил раскопки и исследования в Херсонесе, на Гераклеяском полуострове, в Инкермане. Результатом этих раскопок впоследствии стала кандидатская диссертация «Клеры Херсонеса Таврического», защищенная в 1960 г. Станислав Францевич был прекрасным организатором, энергичным человеком. В полной мере все эти качества проявились в деле спасения музейных ценностей во время Великой Отечественной войны.

Сопровождающим и хранителем музейных ценностей сначала был назначен Р.Б. Ахмеров. Но он отказался по состоянию здоровья, опасаясь, что не сможет выполнить задание по доставке памятников и имущества Херсонеса в Свердловск. Тогда сопровождающим груз был назначен С.Ф. Стржелецкий. 14 сентября 1941 года ему выдали командировочное удостоверение с указанием, что он является ответственным хранителем исторических памятников и других научных материалов, эвакуируемых из г. Севастополя в г. Свердловск, и ему поручается Наркомпросом Крымской АССР сопровождать в пути следования древние исторические памятники как весьма ценный и уникальный научный груз.

Как мы помним, до назначения хранителем музейных ценностей, С.Ф.Стржелецкий собирался идти добровольцем в ряды Красной Армии или присоединиться к партизанскому отряду. Наталья Павловна Стржелецкая, невестка С.Ф. Стржелецкого и его единственная оставшаяся в Севастополе родственница, во время интервью предположила, что *«если бы Станислав Францевич остался и попал в партизанский отряд, мы бы, наверное, о нем сейчас не говорили»*¹. Она аргументировала это тем, что все партизаны, которых знал С.Ф. Стржелецкий и с которыми должен был быть в одном отряде, погибли во время войны.

К сентябрю 1941 года эвакуация из Севастополя была возможна только морем. Целых четыре дня музею пришлось ждать своей очереди на эвакуацию, так как кораблей не хватало, а ситуация в городе с каждым днем осложнялась. Ускорить процесс помог И.Д. Максименко. Он добился через штаб фронта, чтобы 18 сентября 1941 года музейное имущество погрузили на теплоход «Волга». Грузили ночью, в страшной спешке. Денег С.Ф. Стржелецкому выдали всего дней на 10-15, по словам Натальи Павловны Стржелецкой, *«никто и не думал, что все так затянется <...>, это же конец августа – начало сентября, вы не понимаете, какая была эйфория, все думали: “Ну, еще неделя, максимум две и все закончится”, - также полагал и Станислав Францевич»*. До Поти добирались три дня. Пока шли до кавказских берегов, Станислав Францевич с помощью судового плотника подремонтировал разбитые при погрузке монашеские сундуки, накрепко обмотал их веревкой.

После прибытия в Поти, херсонесские ценности были направлены в Тбилиси, затем - в Баку и Красноводск. И только глубокой осенью 1941 г. они прибыли к месту назначения в город Свердловск. Грузы находились в пути 105 дней. С.Ф. Стржелецкий в путевом

¹ Здесь и далее цитаты из интервью с Н.П. Стржелецкой приводятся по расшифровке аутентичной аудиозаписи этого интервью – В.Ш.

дневнике подробно описал все невзгоды этого путешествия, во время которого пришлось испытать голод и неоднократные бомбежки. Далее приведены основные этапы путешествия, составленные на основе путевого дневника и отчетов С.Ф. Стржелецкого [3; 4, л. 21].

Поти встретил проливным дождем, а ящики были брошены прямо на пристани. Отчаянные попытки Стржелецкого достать вагон окончились неудачей: порт был забит эвакуированным имуществом, людьми, которых надо было вывозить на восток. Спасение пришло неожиданно. Стржелецкому помог заместитель директора севастопольского завода, который сопровождал на «Волге» станки и оборудование завода. Он отдал С.Ф. Стржелецкому один «заводской вагон». Но возникли проблемы с железнодорожным начальством. Тогда С.Ф. Стржелецкому пришлось обратиться в Академию Наук Грузии, с помощью которой были улажены все проблемы (в том числе и денежные: Академией Наук ГССР были оплачены железнодорожные расходы Херсонесского музея в сумме 4500 рублей [4, л. 3]).

10 октября вагон наконец-то прицепили к эшелону, отправляющемуся в Баку. В Баку привычные хлопоты о выгрузке, следовании дальше. Привычные просьбы и уговоры: пришлось идти к уполномоченному ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по эвакуации Петру Николаевичу Валуеву, и он устроил С.Ф. Стржелецкого с его «монашескими сундуками» на пароход, следовавший в Красноводск. Отплыли 20 ноября. Шел дождь со снегом. В Красноводске некому и некуда было выгружать ящики. Они мокли под дождем и снегом на палубе опустевшего парохода. И портовые работники требовали от угрюмого, заросшего бородой «гражданина в очках» немедленно их убрать *«хоть в море...»*. Помог местный сотрудник НКВД. Ящики с парохода сняли, на машине подбросили на станцию, затолкали в вагон. Станислав Францевич писал в своих путевых заметках: *«Морозы до -38! Единственное мое спасение как можно быстрее ехать...»*. Но теперь ехали действительно быстро, и 26 декабря 1941 года, после ста дней пути, прибыли в пункт назначения – Свердловск [4, л. 15]. Здесь тоже не обошлось без трудностей, сложностей и хлопот. Опять-таки помогли хорошие люди. Директор Свердловского краеведческого музея Антонина Петровна Курбатова на первых порах приютила херсонесские ящики. К этому времени уже пришел ответ на один из запросов из Наркомпроса РСФСР о судьбе Херсонесского музея, и заведующий областным отделом народного образования Н.Ф. Хлесткий оказал содействие музею.

Он помог С.Ф.Стржелецкому получить единовременное пособие, теплую комнату, обувь и зачислил его в штат сотрудников краеведческого музея. Также Н.Ф. Хлесткий добился для музея отдельного помещения (бывшее фотоателье), что в городе, принявшем массу эвакуированных предприятий и учреждений, было неслыханной роскошью (г. Свердловск, улица К. Либкнехта, 49, Херсонесский музей) [4, л. 5, 51; 12 с. 64].

29 декабря 1941 года директор филиала Государственного Эрмитажа профессор Владимир Францевич Левинсон-Лессинг и зам. директора Эрмитажа Матье приняли на хранение 52 ящика с наиболее ценными экспонатами [4, л. 12]. А доцент Свердловского педагогического института, Евгений Георгиевич Суров, в свободное от работы время, взялся изучить состояние привезенных предметов и материалов. *«Он, – как отмечал Стржелецкий, – привлек к делу сохранности ценностей и своих студентов. Я его с полным правом могу считать херсонесским сотрудником, так много он сделал для музея»*. 29 января 1942 года приказом народного комиссара просвещения РСФСР В.П. Потемкина С.Ф. Стржелецкому была объявлена благодарность *«за исключительно добросовестное выполнение служебных обязанностей и проявленную им инициативу, энергию и настойчивость при эвакуации музейных ценностей»*. Его имя занесли в книгу Почета работников Наркомпроса. А 29 июля 1942 года он был даже награжден премией в 1000 р. [4, л. 62].

С.Ф. Стржелецкий вывез в Свердловск восемь тонн херсонесских экспонатов. Несмотря на это, значительная часть музейных ценностей все-таки оставалась в Херсонесе. Именно поэтому, проводя мероприятия по эвакуации фондов и архива, одновременно принимались меры по охране экспонатов, которые оставались в музее: толстым слоем земли засыпали мозаики, под хранение экспонатов оборудовали две большие античные цистерны.

После эвакуации фондов в Свердловск, большинство работников музея также эвакуировались в тыл или присоединились к ополчению. Хранителем фондов, архивов и зданий Херсонеса назначили Николая Зиновьевича Федорова, который проработал в музее более 40 лет. Из научных работников в музее остался только А.К. Тахтай.

Александр Кузьмич Тахтай родился 23 октября 1890 г. в г. Ромнах Полтавской губернии. После окончания реального училища работал библиотекарем. Любовь к книгам, к античной истории и знание классических языков облегчили ему поступление в 1911 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета. Затем он перевелся в Петербургский археологический институт. После его окончания А.К. Тахтай работал переписчиком Полтавского губернского земского управления и исполнял обязанности внештатного практиканта природно-исторического музея.

Во время Первой мировой войны служил в армии, а после Октябрьской революции был призван в Красную Армию. Демобилизовавшись в 1918-1919 гг., читал курсы общеобразовательных и музыкальных лекций. В апреле-мае 1920 г., окончив курсы библиотечных работников, направлен заведующим Мыкильской сельской библиотекой Полтавского уезда. С апреля 1921 г. работает в Полтавском губернском комитете охраны памятников искусства, старины и природы инструктором, а затем – временно исполняющим обязанности председателя комитета до сокращения этой должности в 1922 г. [10, с. 8-9].

После этого А.К. Тахтай работал на разных должностях в Полтаве, принимал участие в археологических разведках и раскопках на Полтавщине. С октября 1925 г. он был переведен в археологический отдел Полтавского музея инструктором по охране культурных ценностей и до лета 1929 г. исполнял обязанности хранителя музейного собрания. 1929 год, год «великого перелома», стал для А.К. Тахтая тоже переломным [10, с. 11]. Он был обвинен в антисоветской агитации, арестован, но за недостаточностью доказательств освобожден 26 июля 1930 г. О возвращении в музей не могло быть и речи, и А.К. Тахтай уехал на строительство Днепрогэса, где по ходатайству директора Полтавского музея М.Я. Рудинского стал сотрудником Днепрогэсской археологической экспедиции Наркомата образования УССР и работал под руководством Д.И. Яворницкого. Осенью 1930 г. А.К. Тахтай был назначен заведующим отделом археологии Херсонского краеведческого музея. В 1931-1932 гг. активно занимался археологическим изучением Херсонщины. 20 марта 1934 г., по надуманному обвинению, А.К. Тахтай вновь арестован, но 4 июня 1934 г. производство его дела было прекращено. После освобождения краткий отрезок времени А.К. Тахтай работал в Цурюпинском музее.

Особенно плодотворно и широко музейная и исследовательская деятельность А.К. Тахтая развернулась в Херсонесском историко-археологическом музее, куда он перешел работать в 1935 году заведующим отделом феодализма. Здесь А.К. Тахтай подготовил экспозицию отдела феодализма и путеводитель по залам средневекового отдела. Но в 1936 году у А.К. Тахтая вновь возникли проблемы с властями: 30 июля 1936 г. в севастопольской газете «Маяк коммуны» была напечатана статья, обличающая А.К. Тахтая в немарксистском подходе к трактовке данных археологического материала. В ответ на это исследователь подвергся «проработке», «учел» критику, и в подготовленный путеводитель включил цитаты из «Истории ВКП (б)» [10, с. 27].

А.К. Тахтай занимался не только экспозицией средневекового отдела. Не оставив своей увлеченности памятниками первобытной культуры, он исследовал раннетаврское поселение близ Балаклавы, занимался раскопками на северном берегу Севастопольской бухты, в 1937 г. исследовал небольшой участок некрополя к северо-востоку от башни XVII (Зенона). С 1939 по первую половину 1941 гг. А.К. Тахтай изучал культурные напластования Херсонеса и его некрополя, работал со студентами-практикантами из различных вузов страны. В 1940 г. в печати появился ряд его научных статей.

Когда готовилась эвакуация экспонатов, И.Д. Максименко, предложил А.К. Тахтая выехать в эвакуацию, но тот, ссылаясь на болезнь жены и преклонный возраст, отказался. Тогда он сказал И.Д. Максименко фразу, которая описывает его дальнейшую судьбу: «В каждом аду должен быть свой Цербер, и я останусь таким цербером у этих святых камней» [10, с. 31].

После своего отъезда, И.Д. Максименко из Свердловска регулярно посылал А.К. Тахтаю письма, в которых спрашивался о состоянии дел в Херсонесе, и предлагал незамедлительную помощь: *«По всем вопросам, связанными с жизнью Херсонеса – его сохранности, состояния городища, памятников, фондов и проч., в этом роде необходимо ставить в известность немедленно, чтобы я мог предпринять соответственные мероприятия в НКП РСФСР, откомандировать к вам С.Ф. Стржелецкого или даже в случае необходимости приехать самому»* [4, л. 3].

Во время обороны Севастополя на территории Херсонеса находились две прожекторные установки 61 зенитно-артиллерийского полка, но боевых действий не велось. Несмотря на обстрелы и бомбежку, А.К. Тахтай и Н.З. Федоров регулярно осматривали раскопы и фиксировали находки на территории городища. Кроме того, они закопали в землю, чтобы уберечь от расхищения и вражеских снарядов, множество музейных ценностей. А.К. Тахтай в течение всей обороны читал лекции в госпиталях, исследовал склеп с материалами позднеантичного периода.

Но Севастополь был взят. Впоследствии А.К. Тахтай в докладной записке писал: *«5-го июля 1942 года моя жена... была выброшена немцами из нашей быв. квартиры в Севастополе в 2 часа, получив разрешение взять с собой самое необходимое. Моя избранная библиотечка, неопубликованные рукописи, в частности отчеты о «военно-археологических» раскопках в Херсонесе времени осады, наиболее ценные находки этого времени, <...> остались на квартире и исчезли бесследно. 6-го июля в Херсонес прибыла «комиссия археологов» крымского айнзацштаба и наложила свои «конфискационные» листки на музейные корпуса и собор. Ключ от средневекового отдела был вручен командиру в/ч, занявшей Херсонес, адъютантом которого был Ламздорф (сын быв. русского министра иностранных дел), очищавший мою квартиру для себя, большой любитель древностей, коллекционер ...»* [2, л. 61].

Как говорится, дальше хуже. Николая Зиновьевича Федорова, как и многих других оставшихся севастопольцев, убили, а А.К. Тахтай был заключен фашистами в концлагерь.

А.К. Тахтая вскоре выпустили, чтобы работал в открытом немцами и для немцев Херсонесском музее. Он был назначен немецким военным командованием профессором-смотрителем Херсонесского музея, ведь фашистам нужны были настоящие знатоки Херсонеса, а специалиста такого уровня, каким являлся А.К. Тахтай, им найти не удалось. Гитлеровцы хотели вывезти в Германию ценнейшие экспонаты, и среди них – плиту с грифоном II века до нашей эры и мраморную капитель колонны IV века до нашей эры с изображением аканфа. Даже ящики приготовили с пышной готической надписью: «Покорителю Крыма фельдмаршалу барону фон Манштейну».

А.К. Тахтай всячески способствовал сохранению музейных ценностей и, в частности, предотвратил вывоз плиты с грифоном, всячески оттягивая срок ее отправления. Он проводил для немецких солдат и офицеров экскурсии по городищу, что, как и его знание немецкого языка, помогло сохранить памятники от разграбления [16]. Как написал А.К. Тахтай: *«...Экспозиция музея существовала и существует в усеченном и, так сказать «кунсткамеризованном» виде. При немцах музей работал, как и все прочие Крымские, на особых началах /запретная зона/... 27.VI.1944 г. А. Тахтай»* [6, л. 54-63].

Кроме того, А.К. Тахтай укрыв в земле мозаичный пол греческой бани II века до нашей эры – выдающийся памятник искусства античного мира, и не открыл этого места фашистам. В мире сохранилось только 4 подобных произведений искусства. В октябре 1943 г. в Северо-Восточном районе городища, в 30 м от апсиды «базилики Крузе», А.К. Тахтай раскопал часовню, которую датировал XII-XIII вв.

После освобождения Севастополя 9 мая 1944 г., работа Херсонесского музея начала постепенно восстанавливаться: сотрудники наводили порядок на городище, где все еще валялась сожженная немецкая техника, подсчитывали ущерб, ремонтировали поврежденные снарядами музейные здания.

Сразу после окончания войны, все экспонаты были возвращены в Херсонес, а С.Ф. Стржелецкий был назначен на должность заместителя директора Херсонесского музея. Станислав Францевич более 30 лет проработал в Херсонесском музее. Это был талантливый

вый археолог, равнодушный, активный человек, увлекавший своей энергией и любовью к археологии молодых сотрудников.

Что касается А.К. Тахтая, то многие его заслуги были оценены по достоинству, но, к сожалению, как впоследствии выяснилось, что оценили их не все. Ольга Бергольц, побывавшая в Севастополе в 1944 году через четыре месяца после освобождения, на всю страну сообщила: «Под ежеминутной угрозой ареста, лагеря, смерти Тахтай берег и хранил музей. Почти чудом удалось Александру Кузьмичу спасти драгоценные мраморы...» [7, с. 27]. А в 1948 году В. Шевченко выпустил о А.К. Тахтае небольшую книгу «Сокровища исчезнувших городов» [21]. За А.К. Тахтаем даже закрепилось прозвище «спаситель Херсонеса» [11].

Органы государственной безопасности также не беспокоили А.К. Тахтая в связи с его активной деятельностью в оккупированном Севастополе. Он работал, приводил в порядок материалы, накопленные за годы войны, и готовился начать работу над кандидатской диссертацией на тему: «Культурно-этническая общность Крыма и Нижнего Поднепровья в доскифскую эпоху» [10, с. 46-47].

Но ситуация в стране менялась. В конце 40-х гг. она во многом определялась «борьбой с безродным космополитизмом»: по сути, в рамках этой программы лица, не удовлетворенные чьей-то славой, пользовались ситуацией. Так случилось и в Херсонесском музее. Ведь слава «спасителя Херсонеса» принадлежала только А.К. Тахтayu, а о других музейных работниках никто не вспоминал. Доказательством этого является тот факт, что об эпопее перевозки музейных ценностей в г. Свердловск общественность узнала только через 20 лет после этих событий.

Кроме того, некоторые музейные работники, в частности С.Ф. Стржелецкий, вообще считали А.К. Тахтая предателем. По свидетельству Натальи Павловны Стржелецкой, Станислав Францевич полагал, что *«нельзя было проводить раскопки Херсонеса»*. Фактически, Станислав Францевич посчитал действия А.К. Тахтая неправомерными, и эту точку зрения поддерживали многие члены музея. Да и приписывание славы только А.К. Тахтayu *«того же Стржелецкого могло задеть, ведь все-таки в душе он был патриотом, коммунистом если хотите...»*.

В связи с этим, в январе 1949 г. С.Ф. Стржелецкий написал статью «Под крылом безответственных товарищей из Лениздата», в которой обвинил В. Шевченко, автора «Сокровищ исчезнувших городов», в неправдивом освещении эвакуации Херсонесского музея и ошибочном приписывании А.К. Тахтayu славы спасителя Херсонеса во время оккупации.

В мае 1949 года А.К. Тахтай уволен с работы, а почти все коллеги высказали мнение о «недостойном его поведении в годы войны». 27 августа 1949 г. его арестовали [20, с. 203]. После недолгого следствия и суда, на котором свидетелями обвинения выступили И.Д. Максименко и С.Ф. Стржелецкий, 11 ноября 1949 года судебная коллегия по уголовным делам Крымского суда осудила А.К. Тахтая на 25 лет исправительно-трудовых работ по страшным статьям 58-3 и 58-10 УК РСФСР (измена Родине) *«с последующим поражением прав»* [10, с. 47-51]. А ведь тогда Александру Кузьмичу уже было 65 лет.

Заключение А.К. Тахтай отбывал в Угличском лагере.

По мнению автора, обвинения С.Ф. Стржелецкого и поддержавших его сотрудников музея против А.К. Тахтая, не отвечали сложившейся во время войны обстановке. Ведь Николай Зиновьевич Федоров был убит немцами и, соответственно, откажись А.К. Тахтай стать профессором-смотрителем Херсонесского музея при фашистах, его могла ожидать та же участь. Находящиеся в оккупации советские люди работали на немцев не потому, что им этого хотелось, а потому, что у них не было выбора. Да и не известно, что бы было с музеем и его экспонатами, откажись А.К. Тахтай руководить музеем. Наверное, ни С.Ф. Стржелецкий, ни И.Д. Максименко не могли понять А.К. Тахтая потому, что во время войны они не были в оккупации и, скорее всего, не понимали тех условий, в которые был поставлен А.К. Тахтай. А он, по сути, постоянно находился под дулом фашистского пистолета.

29 октября 1955 г. А.К. Тахтай был амнистирован, а с весны 1956 г. начал работать археологом в Донецком краеведческом музее и заниматься изучением археологических памятников Донецкого края. Читал лекции в Донецком университете. Скончался он 25

июля 1963 г. и похоронен в г. Донецке, вдали от любимого Херсонеса, которому отдал лучшие годы своей жизни. Долгое время об А.К. Тахтае вспоминали только как о предателе, и лишь в последнее время, после открытия архивов, общественность может анализировать произошедшее и делать на основании этого выводы.

Именно в Херсонесе А.К. Тахтай смог полностью оценить обаяние античной культуры и памятников. Здесь наиболее ярко проявился его научный и организаторский талант ученого. И именно в Херсонесе его обвинили в предательстве Родины.

Как писал об А.К. Тахтае 30 ноября 1965 г. П.Н. Шульц в письме Е.Н. Жеребцову: *«Я уважал, любил и ценил покойного и до сих пор уверен, что он человек чистой совести. Потуги изобразить Александра Кузьмича чуть ли не предателем мне кажутся искусственными и грязными. С его обликом это не вяжется»* [22].

Таким образом, на долю музеев Севастополя в годы войны выпали суровые испытания. Урон, причиненный историко-культурному наследию, мог бы быть значительнее, если бы не мужество, самоотверженность музейных работников и простых горожан, которые оберегали бесценные сокровища от нацистов, оберегали, как могли в сложившихся обстоятельствах.

Источники и литература.

1. Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. - 2004. № 6–7. С. 171–179.
2. Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический» (далее – Архив НЗХТ. Д. № 881 .
3. Архив НЗХТ. Д. № 460.
4. Архив НЗХТ. Д. № 478.
5. Архив НЗХТ. Д. № 3642/1.
6. Архив НЗХТ. Докладная № 881.
7. Берггольц О. Дневные звезды. Говорит Ленинград. Статьи. Л.: Худож. лит., 1985. 256 с.
8. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГА АРК). Ф. Р-4165, оп. 2, д.10.
9. ГА АРК. Ф. Р. 219, оп. 1, д. 1835.
10. Граб В.И, Супруненко А.Б. Археолог Александр Тахтай. Полтава 1991, 79 с.
11. Дианова Т.В., Красовская Н.В. Херсонесский музей глазами посетителей // Археология. 2009. № 1.
12. Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи. Симферополь: 2009, 491 с.
13. Книги отзывов ГХМ с 1945 по 1952 г. // Архив НЗХТ. Д. № 627.
14. Пересунько Ю. Забытый гул погибших городов// Вокруг света. 1978. № 1(2628).
15. Постановление ЦК ВКП (б) и Совета Народных комиссаров СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» 27 июня 1941 [Электронный ресурс] // "Известия ЦК КПСС". 1990. № 6. Документы июня 1941. Режим доступа: <http://zhistory.org.ua/izkps641.htm>
16. Романчук А.И. Херсонесский заповедник в годы Великой Отечественной войны и истории Урала [Электронный ресурс] // Режим доступа: hist.usu.ru/dais/articles/5/Romanchuk.doc
17. Севастопольский аквариум-музей [Электронный ресурс] // Сайт Севастопольского аквариума-музея. Режим доступа: <http://www.sevaquarium.com/aquarium/museum.html>
18. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 828 с.
19. Тахтай А.К. Два клада античных херсонесских монет 1944 года // Херсонесский сборник. 1948. Вып 4. С. 113-125.
20. Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920-1940-х гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.ihst.ru/projects/sohist/papers/archeology/1998/3/191-206.pdf
21. Шевченко В. Сокровища исчезнувших городов. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1948. 76 с.
22. Шульц П.Н. А.К.Тахтай (некролог) // Советская археология. 1964. № 4.

ДЕТСКИЕ ДОМА СЕВАСТОПОЛЯ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА**ЮРЧЕНКО В.С.****Филиал МГУ в городе Севастополе**

Тематика функционирования детских учреждений не находит широкого освещения в литературе. Кратко она затронута в работе Е.Б. Алтабаевой «Марш энтузиастов: «Севастополь в 1920-1930-е годы»». Автор приводит, в основном, выдержки из статей севастопольской газеты «Маяк Коммуны» и воспоминания очевидцев. Архивные материалы в книге были использованы недостаточно. Поэтому, в настоящей статье уделено внимание именно этой категории источников. Был привлечен фонд Севастопольского районного исполкома Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов за 1922-1930 годы. Информация извлекалась, в основном, из общих отчетов местных органов власти за год. Там представлены количественные сведения о воспитанниках детских домов, их происхождении, уровне образования и болезнях. Положение детучреждений Отдела народного образования (далее – ОНО) более полно можно проследить в материалах специальных комиссий. В статье были использованы их отчеты за 1927-28 годы. Они дают подробную характеристику детским домам и колониям. Таким образом, удается показать, чего добились советские органы к концу десятилетия в этом направлении.

Среди многочисленных проблем, с которыми столкнулся Крым после тягот революции и гражданской войны в 1917-1920 годы, выделяется невиданный масштаб беспризорности. Из-за быстро распространявшегося голода, немало народа стремилось попасть на теплый Крымский полуостров. Здесь многие надеялись переждать холодные и голодные времена. Однако крымское правительство и власти районов не были готовы к такому повороту событий. Приходилось решать проблемы устройства этих людей. В первую очередь, это касалось беспризорных детей. Ведь содержание детских домов ложилось на плечи местного бюджета. Частично помогали благотворительные организации. Но эта помощь не была системной. Поэтому, полагаться только на нее не приходилось. Надо было разрабатывать более долговременную тактику, т.к. конечной целью являлись разгрузка детдомов и устройство сирот. Этому и посвятили часть своей деятельности местные власти в 20-е годы прошлого века [11, л. 4].

Севастополь в те годы был пролетарским и, вместе с тем, военным городом. Он привлекал особое внимание бездомных. К тому же здесь, после военных потрясений, осталось большое количество сирот и полусирот. Голод ударил особенно жестоко по рассматриваемой территории. Ведь район Севастополя был малоземельным. Он числился как потребительский, не как производящий. В связи с этим, проблема обустройства детских очагов и домов, была в Севастополе особенно актуальной в те годы. В годовых отчетах 1920-х Севастопольский Горсовет уделял самое пристальное внимание положению беспризорных.

Детдома в Севастополе до 1922 года, по сути, исполняли роль мест кормежки детей, и не более того. Это было вызвано голодным периодом. После частичного преодоления последствий голода и гражданской войны, была поставлена задача их превращения в т.н. дома-коммуны. Они должны были воспитать новое поколение граждан советской страны. Для этого следовало позаботиться о соответствующем преподавательском составе [2, л. 23].

Все детдома Севастополя (кроме Дома ребенка) находились в ведении Отдела Народного Образования. В 1923-24 годах сеть детучреждений ОНО состояла из: детдома Реформаторий, д/д по Садовой улице, на Карла Маркса, в Голландии, Еврейского и Татарского детских домов. Чуть позже из них были сформированы Детгородок и общежитие подростков (которое заменило Реформаторий) [9, л. 262]. К концу 20-х гг. к сети принадлежали детприемник, Севастопольский д/д № 1, Сельскохозяйственная колония, Дом малолетних правонарушителей, Областной дом трудового воспитания для девочек, д/д № 2,

Детская колония [12, л. 6]. Также сюда можно добавить Дом ребенка, где главным образом содержались дети до 4 лет [7, л. 24].

Детдома в те годы страдали от крайней уплотненности и переполненности. Чем больше выпускалось воспитанников за пределы стен детдома, тем больше приходило на их место. Горсовет пытался решать эту проблему несколькими путями. Во-первых, ежегодно проводились различные Комиссии ОНО по обследованию детдомов. Там выявляли переростков (воспитанников старше 16 лет) и людей, которые не имели никакого отношения к учреждению [4, л. 5]. Но последние, при этом, получали соответствующее питание и находились на бюджете ОНО. А финансовое положение Отдела Народного Образования в тот период было более чем плачевным. Например, за 1923-24 годы доход его составил 6 000 р., а расход 54 445 р. [5, л. 41]. Во-вторых, на совещаниях разного уровня говорилось о необходимости открытия новых детдомов. Однако средств на их создание в начале 20-х годов не хватало. Поэтому, постановления оставались лишь на бумаге [8, л. 12]. Кроме того, в отчетах постоянно упоминаются бесхозяйственность в эксплуатации зданий, неправильное ведение дел и несоответствие персонала поставленным задачам [4, л. 5].

В 20-е годы детдома были, в первую очередь, подвержены эпидемиям. В середине десятилетия это была инфекция стригущего лишая. Тогда за год ею заразилось 411 детей. Чтобы решить проблему, часть детских учреждений была передана на время под опеку Отдела Здравоохранения. Поэтому, еще в октябре 1923 г., был поставлен вопрос о выделении для больных специального детского дома. Тогда среди заразных насчитывалось всего 20 человек. В октябре в Симферополь был отправлен местный врач-дерматолог. Там он освоил медикаментозный метод лечения профессора Соболева. Когда же он вернулся в Севастополь, чтобы его опробовать, уже заболело 150 детей. Хотя это могло быть связано не с увеличением масштаба эпидемии по сравнению с прошлыми годами, а с улучшением диагностики.

Как показали результаты, метод Соболева работал. Однако, он был дорогостоящим и кропотливым, предполагал 2 месяца карантина. Поэтому город стремился исходатайствовать себе специальный рентгеновский аппарат. Ведь такой способ лечения был бы гораздо эффективнее. Но и к концу эпидемии прошения не возымели действия. Больные стригущим лишаем были изолированы в 2, а потом в 3 детдома. Им присвоили названия Трихофитийных. Один находился по улице Восставших, 2; второй – на Садовой улице; и третий – на Пролетарской улице. Кроме того, этим же целям служили верхние помещения Коммуны Карла Маркса. Там можно было надежно изолировать больных детей.

Однако, наладить нормальную работу этих учреждений оказалось трудным делом. Катастрофически не хватало спирта, не было перевязочного материала, кастрюль и примусов для кипячения, пинцетов для эпиляции (правда, последние в очень ограниченном количестве сделали по специальным образцам мастера Морзавода, но они постоянно ломались). Стригущая машинка также часто была в неисправности. Из-за такого антисанитарного ведения дел на головах у детей появлялись экземы и фолликулы. Более того, летом дети болели дерматитом, т.к. солнце пагубно действовало на головы, покрытые ртутно-йодистым раствором. Но, несмотря на тяжелую ситуацию, около 78% удалось-таки вылечить (при довольно большом количестве рецидивов). Выздоровевших детей помещали под наблюдение в карантин (их было 2 – для дошкольного и школьного возрастов). Когда дети полностью выздоравливали, их нередко направляли в Балаклавский детдом, т.к. начались летние каникулы. Некоторых возвращали родственникам, часть отправляли на родину на север поездом, где их ждали родители.

Среди остальных болезней, поражавших детей, можно выделить грипп, именовавшийся тогда инфлюэнцей, коклюш, ангину, малярию, ветряную оспу, чесотку, скарлатину и т.д. Но в середине 20-х годов эти заболевания не имели характера широкомасштабных эпидемий среди детей [7, л. 6, 8, 24-25, 28, 54, 80, 176, 182, 185, 222, 255, 258].

В 1922 году в детдомах было зарегистрировано 1130 детей. А по улицам бродило по самым скромным подсчетам, около 250 несовершеннолетних беспризорников. И всех их следовало изолировать от улицы, т.к. они доставляли немалое беспокойство местному населению. В детучреждениях беспризорные требовали особого внимания. Их нужно бы-

ло постоянно занимать делом, создавать мастерские. В отчетах упоминалось, что некоторые из них скитались в свое время за границей и могли создать опасную для власти обстановку среди беспризорных [2, л. 23-24].

В 1923 году численность детей в учреждениях ОНО составила 1197 человек на 182 представителя персонала. За 3 года органы власти Севастополя смогли кое-как отремонтировать только один детдом [14, л. 7]. В 1924 году, после разрешения проблем с голодом, количество детей в детских домах была доведено до 408 человек.

Если говорить о национальной принадлежности детей, то 68% из них составляли русские, остальные были представителями национальных меньшинств. 95% детей оказались круглыми сиротами, а оставшиеся 5% – полусиротами. Большей частью воспитанники были выходцами из рабочей среды или детьми из бедных крестьянских и батрацких семей [9, л. 262]. Беспризорные дети также были большей частью русскими. В основном, это были подростки 11-16 лет. Из них лишь 21 человек были коренными жителями Крыма. Остальные 48 приехали сюда из разных уголков страны. Процент круглых сирот был таким же, как и в случае с детдомами.

К ночлежному дому прибилося только 13 детей, остальные продолжали бродить по улицам Севастополя. Многие стали попрошайничать (30 детей). 4 человека были уличены в воровстве [11, л. 43]. Причем, советская власть однозначно выступала против паразитического способа существования. Поэтому, ориентация на открытие новых мастерских все более крепла среди органов местного самоуправления [3, л. 7].

Положение в детдомах, несмотря на горячие доклады на пленумах и президиумах горсовета, было далеким от благоустроенности. В 1923 году Строительный п/о Коммунхоза был занят ремонтом детучреждений, но к существенным результатам это не привело [1, л. 2]. Для выявления ситуации в детдомах, как было сказано выше, посылали специальные комиссии ОНО. Общими недостатками для всех детдомов Севастополя в 20-е годы были бесхозяйственность, антисанитарное состояние, нахождение в детучреждениях совершенно посторонних лиц и некомпетентность педагогического персонала. Например, в детдоме Реформаторий не было стекол в окнах, развалены печи, помещения не отапливались (хотя в те годы проблему отопления помогал решать Уполбът). Дисциплина также хромала, воспитательная работа среди детей проводилась слабо.

В детдоме по Садовой улице 13 большая часть воспитанников болела стригущим лишаем. Завдомом и кастелянша, по определению комиссии, были безынициативными людьми. Обед приходилось готовить в прачечной, т.к. кухня отсутствовала. В д/д им. Карла Маркса удалось поставить хозяйственную сторону на должный уровень, но при этом наблюдалась халатность воспитателей. Д/д в Голландии испытывал острую нехватку белья (в октябре 1923 детям было выдано по 3 комплекта на 156 человек, но зимой они уже были практически раздеты).

Тем не менее, ОНО в докладах заявило, что главные проблемы Комиссия решила, соответствующие распоряжения по этому поводу были даны. Работа детучреждений якобы перешла на плановый характер. Несколько по-иному оценивалась ситуация в детских домах национальных меньшинств. Например, в татарском детдоме, в первую очередь, обращали внимание на персонал, а не на хозяйственные трудности. По мнению местных властей, штат д/д страдал *«нездоровым национальным уклоном»* [5, л. 41]. В целом, как показали отчеты последующих лет, в 20-е гг. пока только очертился основной круг проблем детских учреждений.

Кратко охарактеризую состояние дел в Доме ребенка. Он находился в ведении Отдела здравоохранения и не имел прямого отношения к борьбе с беспризорностью. Именно сюда первоначально попадали грудные и маленькие дети. Среди его недостатков отмечу тесное помещение. Особенно уплотнен был нижний этаж, где находились груднички. Смертности среди негрудничков почти не было. А вот для новорожденных она составляла от 11 до 50%. Умирили почти всегда подкидыши (от нескольких недель до нескольких месяцев). Причин было несколько: они поступали в дом очень истощенными (умирали, как правило, в первые дни). Кроме того, Дом располагал малым числом кормилиц (4-7 на 20-25 человек) [7, л. 24, 78, 181, 185, 222, 258].

Комиссии конца 20-х годов составляли описание состояния дел в детучреждениях по ряду параметров. Среди них – обстановка помещений, траты на содержание детей, режим дня, дисциплина, качество персонала и наличие самоорганизации.

В 1926-27 годах в Детском городке состояло 164 человека, в Трудовой колонии – 42, а в Первой сельхоз колонии – 62 ребенка [10, л. 28]. Дом малолетних правонарушителей содержал 40 человек, детский приемник – 150. Проблему с устройством детей пытались решить через патронат (так удалось устроить 33 человека) или вернуть родственникам. Таких было также 33. В целом проблема с количеством беспризорных и детдомами не была решена и к концу 20-х гг. При этом, средств на постройку новых заведений не было. Поэтому, во второй половине 20-х гг. активно искали пути их разгрузки. Для устройства детей много говорилось об открытии как можно большего числа мастерских, необходимых для рынка. Не раз власти просили Центр запретить въезд на полуостров. Тогда бы, по их мнению, проблемы с сиротами удалось решить гораздо быстрее.

К концу 20-х годов так и не была налажена соответствующая система, отсутствовали нормальные помещения и т.д. Землетрясение 1927 года существенно ухудшило ситуацию.

24% воспитанников не были охвачены школой. Среди беспризорных числилось много больных детей, около 147, вследствие неправильного питания. Общество пыталась помогать, но средства были потрачены без должного эффекта. В 1928 году в Севастопольском приемнике для беспризорных находилось 50 человек, в д/д № 1 нормального типа – 150, в Детской колонии – 60, в изоляторе для правонарушителей – 30, в Доме для девочек-переростков – 20. Всего же воспитанников было зафиксировано 310 человек.

Севастопольский приемник начал свою работу 1 октября 1927 года. Он занимался изоляцией детей от улицы, их предварительной обработкой для дальнейшего распределения по детдомам. Сначала он занимал помещение по улице Энгельса, 33. Но землетрясение разрушило это здание. Поэтому он был переведен на улицу Карантинную, 40. Однако, помещения там не отличались вместительностью. Не было мастерских, о которых так упорно говорилось на сессиях горсовета. Приемник владел лишь небольшой переплетной мастерской, которая могла трудоустроить 6-7 человек. Но 12 детей были устроены на местную фабрику игрушек.

Штат для такого количества беспризорных был небольшим: заведующий, воспитательница, учительница и прачка. Зимой добавлялся еще инструктор переплетного дела. Средства приемник получал от ДТК. Но их было крайне мало: всего по 7 р. 50 коп. в месяц. Таким же образом дело обстояло с обмундированием и мебелью. Большинство детей были лишены обуви и верхнего платья. За полгода работы, через приемник прошли 193 ребенка. Это были, в основном, подростки в возрасте 12-13 лет. В итоге большую часть воспитанников удалось отправить к родственникам. Часть была определена в нормальные д/д и в сельхозколонии. Определенный процент детей оказался в изоляторе. Кроме того, бывших беспризорных устраивали в Красной армии, на Морзаводе, в мастерских Военпорта, магазинах ЦРК и Водокате.

Однако немалое количество подростков сбежало на улицу. Причины побега крылись в плохом снабжении и отсутствии увлекающей деятельности. На занятия в детприемнике им отводилось 4 часа, на клубно-кружковую работу – 2, на сон – 9 часов. Остальное время дети принадлежали сами себе. Школьное обучение для приемника велось по программам школы малограмотных и ликбеза. Пионеров среди беспризорников не появилось, не говоря уже о комсомольской организации. Самоорганизация была представлена Советом приемника из 8 человек. Кроме того, были разнообразные комиссии (вроде хозяйственной, культурно-просветительской, санитарной, приемочно-конфликтной). Местная власть поддерживала самоорганизацию в детдомах. Казалось, именно она сможет наладить дисциплину, если к таковой не может привести персонал д/д.

Севастопольский детдом № 1 нормального типа располагался на улице Одесской, 6. Он был реорганизован из Детгородка в октябре 1927 года. Главным образом воспитанниками были дети дошкольного (39) и школьного возрастов (93). Подростков от 16-18 лет было крайне мало – 16 человек. Целью учреждения было образование воспитанников на уровне школы I ступени. Однако этим намерениям мешала опять же хозяйственная часть.

Помещения оставались полутемными после землетрясения, только 50% было пригодно для жизни. Ремонт здания требовал 8000-9000 рублей.

У детей дошкольного возраста из обстановки были только кровати. На территории д/д функционировали 3 мастерские – трикотажная, швейная и сапожная. Работа в них была поставлена нормально, однако, помещения могли вместить лишь 50 человек. Они давали исключительно практическое обучение без углубления в теорию. Штат д/д доходил до 18 человек: заведующий, завхоз, 2 воспитателя, 4 надзирателя, 3 няни, 2 кухарки, 2 прачки, счетовод и 3 инструкторов. Персонал по своим характеристикам отвечал необходимым требованиям. Однако на 1928/29 годы его предполагалось увеличить: добавить кастаньяншу, медработника, инструктора физкультуры, учителей пения и музыки. Питание одного ребенка в месяц обходилось в 9 руб., обмундирование – в 20 руб. При этом почти не было средств на хозяйственные расходы и медикаменты. В идеале необходимо было тратить по 12 руб. на питание и по 30 руб. на обмундирование. 35 из 54 подростков старше 12 лет работали в мастерских. В сапожной трудилось 16 человек, в трикотажной числилось 22, в швейной – 12.

Таким образом, частично обмундированием дом мог обеспечивать себя сам. Некоторые дети были приписаны к производству. 72 воспитанника выбыло: 8 сбежало; родным было отдано 15 детей. Остальных браспределили в Военпорт, Морзавод, ЦРК, Нарпит и т.д. Режим дошкольников состоял из приема пищи (3 часа), игр и занятий – 4 часа, отдыха (1,5 часа), 2 часов прогулки, 1,5 часов самообслуживания и 12 часов на сон. Для детей школьного возраста распорядок был несколько иной: 2 часа на питание, 5 часов занятий, 2 часа самообслуживания, 4 часа клубной работы и подготовки уроков, 2 развлечений часа и 9-ти часовой сон. Школьное обучение не было налажено в этом д/д. Во-первых, из-за недостатка одежды дети часто не посещали школу. Во-вторых, школа страдала от малого количества учебных пособий. Зато в д/д состояло 45 пионеров и 2 комсомольца (но отсутствие пионервожатого на время приостановило работу организации). Самоуправление опять же было представлено комиссиями: хозяйственной, санитарной, контрольной и учетной. В самом начале самоорганизация была хорошей. Но после того, как многие «переростки» съехали на частные квартиры, движение перестало быть столь активным [12, л. 4, 6-8].

Сельскохозяйственная колония открыла свою деятельность 1 марта 1927 года. При ее создании власти задавались целью подготовить воспитанников к общественно-полезной деятельности, привить общеобразовательные навыки и обучить сельскому хозяйству. Среди негативных сторон снова можно назвать бесхозяйственность. Помещение было плохим: например, полы были цементными, а баня находилась в жилом доме.

Как и все учреждения такого рода, колония испытывала нехватку мебели. На ее территории для обработки предлагалось 15 га виноградников (до 3000 ведер в год), 1400 плодовых деревьев, 2,5 га огородов, 52 улья и 11 коров. Виноделие и виноградарство располагало достаточным количеством орудий. Огородничество имело кустарный характер, т.к. оранжерея была разрушена. Сад изобиловал старыми деревьями, а нужны были новые насаждения. Пчеловодство к концу 20-х годов прибило не приносило. Летом доход давала только молочная ферма. Землеустройство не было проведено. При этом колония нуждалась в выделении 300 га для выпаса скота и посевных трав.

Кроме того, колония испытывала трудности финансового характера. Основной персонал оплачивался из местного бюджета: заведующий, завхоз, 3 воспитателя, кухарка, прачка и сторож. С помощью специальных средств были наняты виноградарь, огородник, скотник, доярка, пчеловод и счетовод. Всего 14 человек. Более того, во время сельскохозяйственных работ колония нанимала до 20 сезонных рабочих ежегодно. С октября 1927 по апрель 1928 гг. колонии было выделено 6440 р. 41 коп. местных средств, 2 000 р. от ДТК, и специальных средств на сельское хозяйство 579 р. 19 коп. – всего 18 430 р. 60 коп. [12, л. 10] Но это не помогало. В общем, хозяйство имело долг в 12000 р. на начальном этапе. Оборотный капитал составлял 1700 ведер молодого вина и 11 нерентабельных коров. Территория была запущенной. Чтобы поднять все это, колония нуждалась в кредите в 16000 р. не менее чем на 3 года. Из них 10000 р. должно было пойти на погашение долгов,

а 6000 р. на усиление молочной фермы до 30 голов и покупку фуража для них. В результате, хозяйство могло бы стать прибыльным и не жить в долг в дальнейшем [13, л. 11].

Однако дело осложняло следующее обстоятельство. Тяги к сельскому хозяйству воспитанники почти не проявляли. Дисциплина детей очень сильно хромала. Многие совершали побеги из-за желания жить в городе. Некоторые воспитанники представляли категорию т.н. «гастролеров» и временно пребывали в Крыму. В колонии были распространены игры в карты. Комиссия после обследования пришла к выводу, что *«тунеядство, воровство, хулиганство и азарт – вот отличительные черты большинства детей колонии»*. Дети били стекла, ломали водопроводные краны и трубы, издевались над персоналом. За комнатами (уборка лежала на воспитанниках) они следили плохо, особенно – вновь прибывшие дети. Из-за хищений приходилось держать керосин в помещении с продуктами. После ремонта предполагалось выделить отдельную комнату.

С поступлением новых подростков, стала пропадать еда из кладовой. Воспитанники кормили своих беспризорных друзей, что расположились неподалеку. В результате землетрясения 11 сентября 1927 года были разрушены печи. Поэтому отапливалось только помещение персонала, что вызывало немало нареканий со стороны воспитанников [13, л. 1, 4-10]. У детей и администрации накопилось немало взаимных претензий. К апрелю 1928 года 6 воспитанников было отправлено на родину, 5 устроено в части Красной армии, 4 определено на производство (3 на Морзавод и 1 в Военпорт); 5 детей попало за проступки в Дом малолетних правонарушителей, 20 попросту сбежало.

Расписание колонии делилось на зимнее и летнее. Зимой дети тратили на сон 11 часов, на пищу 3 часа, на школьные занятия 4 часа, на клубную работу 2 часа, на отдых – 3 часа и час на работу по хозяйству. Летом время уделялось, в основном, сельскому хозяйству: около 6 часов в день. Сон в летний период занимал 10 часов, питание 3 часа, клуб 3 часа и отдых 2 часа [12, л. 10]. Питались воспитанники 3 раза в день. Завтрак состоял из 1 блюда, обед – из 2, ужин – из 1-го. Сверх того, они получали 2 раза в день чай с хлебом. Пагубное влияние на обучение воспитанников оказывала большая текучесть педагогических кадров [13, л. 10]. Вскоре прекратилось и самоуправление. При этом все же 33 ребенка состояло в пионерах и был 1 комсомолец. Но пионерская работа велась довольно слабо.

Дом малолетних правонарушителей (10-16 лет) был учрежден в Севастополе 1 октября 1926 года. Из названия можно понять, что он занимался изоляцией провинившихся детей и их дальнейшим перевоспитанием. Учреждение находилось на одной из городских окраин. Дом владел небольшим помещением в 2 этажа, которое могло вместить до 30 человек детей. Внизу находилась канцелярия с 2-мя небольшими проходными комнатами. В них разместились школьные классы. Также на первом этаже находился изолятор с решеткой в 2 кв. саж. Во дворе дома выделялись флигель с кухней, столовой, колесно-столярной мастерской и сарайчик-кузница. Двор был маленький, забор обнесен колючей проволокой. На первом этаже дома установили решетки на окнах.

Организация хозяйства здесь также оставляла желать лучшего. Постельное белье и обмундирование нередко были грязными и их не доставало. Классы были снабжены только 2 столами со скамьями. В изоляторе в окне не было стекол и рам – только железная решетка. Колесно-столярная мастерская предназначалась для 6 человек. Она располагала самым примитивным оборудованием. В кузнице можно было обучать до 4 человек одновременно. Учебных и наглядных пособий не хватало. Мастерская больше работала на заказы, чем концентрировалась на учебе. Персонал состоял из заведующего, 2 воспитателей, 3 руководителей, кухарки, прачки-уборщицы, 3 сторожей, счетовода-делопроизводителя и доктора. С 1 ноября 1927 года дом был переведен на местный бюджет. Он получал ассигнования из общей сметы для д/д № 1 и сельхозколонии. Его бедственное финансовое положение вынудило искать заказы для мастерской на содержание персонала. На это должно было уходить по 500 р. в месяц. Кроме того, дети зимой часто были раздетыми и босыми. За 1,5 года на обмундирование предполагалось ассигновать 300 р., а отпущено было всего 170 р. Также обстояло дело с инвентарем и учебными пособиями: вместо положенных 55 р. дом вообще ничего не получил.

Из-за такой необеспеченности дети бежали. Причем время года никак не влияло на количество побегов. Бывало, что один и тот же воспитанник бежал из дома до 8 раз через каждые 4 дня. В целом, около 70% детей сбегало из Дома правонарушителей. До 4% отдавалось в д/д, 2% были переданы в сельхозколонию, 1% ОНО забрало на виноградники. Более того, к воспитанникам применяли побои заведующий, кузнец, счетовод и др. Это стало еще одной причиной побегов. В изолятор детей отправляли и в зимнее время. А там не было печки, пол был сырым. Когда туда пришла комиссия, то руководство дома, как сообщали дети, специально выдало хлеб и чай в изолятор. Обычно туда выдавали пищу лишь раз в сутки. К 1928 году заведение приобрело закрытый тип, что уменьшило процент побегов. Но это еще более ухудшило положение. Дети жаловались комиссии на то, что их стали избивать больше (за любую провинность), иногда обливали холодной водой в карцере. Там их держали до тех пор, пока не заживут синяки, дабы воспитанники не могли пожаловаться. Такое обращение приводило к частым болезням подростков. В итоге один, некто Славченко, бежал зимой в одних штанах и рубашке. Если в мастерской дети зарабатывали некоторую сумму, то бывали случаи, когда их штрафовали за что-нибудь и отбирали заработок. Воспитанники жаловались, в том числе, на недостаток обуви, и на то, что новеньким давали только рваную одежду.

Областной дом трудового воспитания для девочек ставил задачу привить привычку к труду и умение работать. Он открылся 9 февраля 1928 года. Помещение было отведено небольшое. Фактически, кроме спальни, можно назвать еще столовую. Она служила классной комнатой, швейной мастерской, клубной и Ленуголком. Мастерская не была оборудована и насчитывала всего 4 машинки. Отсутствовали столы, табуреты, шкаф, манекены и т.д. Но швейная все же начала работать и получала некоторые заказы. Среди них, например, заказ от Правления ЦРК на пошив спецодежды (тужурки, фартуки, полотенца). Руководили работой инструкторы. Персонал составляли заведующий, воспитательница, кухарка и прачка. На дом средства отпускал Наркомпрос Крыма. С 15 января по 1 июня заведение получило 7150 руб. (на инвентарь, медикаменты, питание и др.). На питание, как и везде, выделяли меньше необходимого – 10 руб. (хотя надо было 12 р. в месяц). В год на обмундирование воспитанница получала 20 р. А для нормальной жизни нужно было выделить не менее 50 руб. У девочек не было ни одного пальто на зиму. При этом перевод денег из Симферополя нередко задерживался на 2-3 недели. Весной среди девочек особенно частыми были побеги.

Режим дня был следующий: в 6 часов – подъем, 6:30-7:30 – уборка, в 7:30 воспитанницы получали чай. В 8 утра начинались занятия в мастерской, в 2 часа дня их ждал обед. С 14:00 до 16:00 девочки выходили на прогулку во дворе (летом – купание в море). С 4-6 вечера они занимались на уроках. С 18:00 до 19:30 предполагалось вести клубные занятия, беседы и рисование. В 19:30 вновь подавали чай. С 8-9 вечера воспитанницам предлагались игры (лото и т.д.). В швейную мастерскую ходили все девочки, а в школу – только 13 человек. Читать научились все, но страдала орфография. Некоторые из них могли четко излагать свои мысли. Хуже всего давалась арифметика. Никто в д/д ее не любил, поэтому, очень долго решались лишь простые задачи в 2-3 действия. Однако некие достижения все же были. Счет до 100 освоили все воспитанницы, а сложение и вычитание – в пределах 10. И это были значительные результаты, учитывая плохую дисциплину девочек. На занятиях они проявляли упрямство и нежелание трудиться. В швейной мастерской господствовала неблагоприятная обстановка. Это могло объясняться тем, что воспитанницы, по словам Комиссии, не привыкли к труду. Оказывала негативное влияние и скученность проживания. Самоуправление состояло из детского совета из 6 человек, санитарной комиссии из двух девочек, и хозяйственной из трех [12, л. 10-15].

В 1928 году планировалось открытие д/д № 2 на 90 человек. Для этого специально выделили помещение бывшей школы им. Короленко на Карантине. Территория привлекала наличием обширного двора, сада и вместительных комнат для будущих мастерских. Власти хотели избежать прошлых ошибок и оборудовать детский дом всем необходимым прежде, чем туда заселяться будущие воспитанники.

После обследований Комиссия пришла к выводу, что нельзя в одном доме совмещать разновозрастных детей. Старшие часто очень пагубно влияли на младшее поколение. Также комиссия посчитала, что Севастополю, как припортовому городу, должны выделить кредит на открытие новых детских учреждений. При этом для их организации следовало исходить из конкретных целей и задач. Для этого необходимо было подыскать соответствующие помещения, отремонтировать их, оборудовать мебелью и хозяйственным инвентарем. Крайне важной считалась организация мастерских или их расширение. К этому можно добавить желательность роста ассигнований – до 12 р. в месяц на питание. Также следовало позаботиться о надлежащем обмундировании детей, правильном распределении рабочего дня, улучшении санитарного состояния, распространении гигиенических знаний. Более того, Комиссия рекомендовала обратить внимание на персонал и прекратить текучесть кадров. Для этого надо было увеличить заработные ставки работников. Вместе с тем, существенным этапом была самоорганизация воспитанников детских домов. Она позволяла с детства вовлекать их в общественную жизнь. Переростков лучше всего, по мнению местных органов, было отправлять к кустарям, на производство, в армию или на флот, к родным, в профтехникумы. И, естественно, особенно важная статья – своевременный отпуск средств на нормальное функционирование детучреждений [12, л. 17-18].

Таким образом, решение проблемы устройства беспризорных и нормальное функционирование детских домов практически не двигалось с места. В эти годы советская власть экспериментировала с детскими учреждениями различных типов. Появилась, например, вышеописанная Сельскохозяйственная колония. Но успешно реализовать эти задумки так и не удалось. Очень многие решения и постановления местных органов оставались на бумаге. Это было связано с плохой материальной базой. Постепенно ассигнования увеличивались, однако и запросы тоже росли. Кроме того, не был подготовлен соответствующий персонал.

В 1929 году Горсовет решил создать постоянные комиссии Охматмлада (Охрана материнства и младенчества): школьную и санитарно-профилактическую. Им поручалось пристальное наблюдение за всеми детскими и школьными учреждениями для своевременного решения проблем [15, л. 61].

Источники и литература.

1. Государственный архив города Севастополя (далее – ГАГС), ф. р-420, оп. 1, д. 2.
2. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 36.
3. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 37.
4. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 46.
5. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 48.
6. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 57.
7. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 59.
8. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 194.
9. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 195.
10. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 448.
11. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 451.
12. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 906.
13. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 945.
14. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 94.
15. ГАГС, ф. р-420, оп. 1, д. 413.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛХАИРОВ

Энвер Гафарович

Преподаватель ПТУ с. Калиновка Джанкойского района Республики Крым.

БАРАНОВ

Андрей Владимирович

Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

ВДОВИЧЕНКО

Евгений Владимирович

Преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Херсонского государственного аграрного университета

ГОРЕЛОВ

Вячеслав Николаевич

Кандидат физико-математических наук, докторант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

КРЕСТЬЯННИКОВ

Валерий Васильевич

Исследователь, в 1998-2009 годах – директор Государственного архива г. Севастополя

КУЗЬМИНА

Анна Васильевна

Преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе

МАЛИНОВСКАЯ

Ольга Ивановна

Методист КУ «Севастопольский городской национально-культурный центр»

НОВИКОВ

Антон Алексеевич

Старший преподаватель кафедры геоэкологии и природопользования Филиала МГУ в городе Севастополе, заместитель декана факультета естественных наук Филиала МГУ в г. Севастополе

ПАСТУШЕНКО

Григорий Григорьевич

Научный сотрудник Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя

ПЕТРОВА

Элеонора Борисовна

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

СТАВИЦКИЙ

Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе

ТЕРЕЩУК

Наталья Михайловна

Заведующая архивом Севастопольского городского Совета депутатов

ТКАЧЕНКО

Николай Сергеевич

Ученый секретарь научно-исследовательской лаборатории «Крым во II Мировой войне 1939-1945 гг.» (г. Феодосия, Республика Крым)

* * *

ГУКАСЯН

Лилит Рубеновна

Студентка III курса Севастопольского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (научн. руководитель – кандидат философских наук, доцент **Арутюнян Лариса Владимировна**)

ДЬЯЧЕНКО

Анастасия Сергеевна

Студентка II курса Севастопольского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (научн. руководитель – кандидат философских наук, доцент **Арутюнян Лариса Владимировна**)

ИВАНОВ

Никита Дмитриевич

Студент I курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – старший преподаватель отделения устойчивого развития территорий **Евгущенко Анжела Мартуниевна**)

КОВАЛЕВ

Алексей Павлович

Студент III курса Севастопольского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (научн. руководитель – кандидат философских наук, доцент **Арутюнян Лариса Владимировна**)

КАТАМАДЗЕ

НАДЕЖДА ШАКРОВНА

Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения отечественной истории Исторического факультета МГУ **Наумова Галина Романовна**)

МАЛИНОВСКАЯ

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Студентка IV курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – ст. преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Лейбенсон Виталий Генрихович**)

МИЛЕНКО

АЛЕКСАНДРА АЛЬБЕРТОВНА

Студентка II курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Ставицкий Андрей Владимирович**)

ОЛЕНЧЕНКО

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА

Студентка III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – ст. преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Лейбенсон Виталий Генрихович**)

ШАМСУТДИНОВА

Виктория Шамильевна

Студентка I курса отделения «Экономика» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Крапивенцев Максим Юрьевич**)

ЮРЧЕНКО

ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА

Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научн. руководитель – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе **Филимонов Сергей Борисович**)

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья» на X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» в 2012 году / под общей редакцией С.Ю. Сапрыкина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

А.В. СТАВИЦКИЙ, В.В. ХАПАЕВ

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 10.04.14 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 28,5 п.л., уч. изд. л. 17,66
Распространяется через сеть Интернет**

